ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№1* | *2018*

Заснежило

Дымы. Соседи

Вероника Резинкина

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№1 | 2018*

В номере

Д*и*Н краеведение

Виктор Аференко

3 Маковское. Четыре поворота судьбы

Д*и*Н встреча

Виталий Молчанов

22 Город роз

Д*и*Н memoria

Ирина Юдина

24 Музей — семья, судьба, дорога

Д*и*Н диалог

Юрий Беликов, Татьяна Петрова

35 Гора для Божьей иволги

Д*и*Н память

Михаил Аверков

40 Поймавший свой ветер

Семён Ермаков

42 Тонко, тонко, почти паутинно…

Олег Епишкин

46 Чукотский обертон

мосты над облаками

Марина Саввиных

49 О Сахалине — с любовью

Анна Сафонова

54 Чёрная речка

Ирина Левитес

58 Тиритомба, песню пой…

Елена Шевич

63 Секреты экономии

Яков Томилко

68 Арбуз

Николай Тарасов

76 Из эпохи абажуров

Владимир Семенчик

78 Стали пчёлы летать торопливей…

рыбье царство

67 Дарья Герасимова

75 София Максимычева, Михаил Свищёв

85 Любовь Колесник, Анатолий Ермолов

104 Алина Марк

107 Дана Курская, Иван Денисенко

Д*и*Н юбилей

По страницам «ДиН» №1 1993

Владлен Белкин

67 Тайну жизни разгадать

Марина Кудимова

142 В преддверии

Д*и*Н пародия

Евгений Минин

79 Нас любят не за то

123 Не позволяй любви несчастной!

186 Потайная жизнь поэта

Д*и*Н дебют

Михаил Новожилов

80 Четыре цвета жизни

Д*и*Н стихи

Михаил Синельников
83 О, эта память с грубой прямотою!

Анатолий Третьяков
86 Последняя метель

Олег Мошников
89 И любовью я буду оправдан…

Николай Ерёмин
91 Явление

Изяслав Винтерман
149 День сотвори, сотвори ночь!

Елена Безрукова
151 Жизнь дошла до конца коридора

Мария Теплякова
153 Латынь моя латунная

Николай Вдовин
156 Путь пилигримов

Д*и*Н публицистика

Николай Переяслов
93 Судьба Раскольникова

Александр Ломтев
100 Шарф Шульгина

Лилия Газизова
105 Анастасия Ивановна Цветаева и «Юность»

Библиотека современного рассказа

Василий Киляков
108 Божья шишечка

Зинаида Кузнецова
113 Клубника со сливками

Ирина Манаева
124 Одиноким предоставляется кот

Екатерина Блынская
130 Немного о Светлом

Татьяна Скрундзь
143 Царствие белых лошадей

Д*и*Н проза

Сергей Паршуткин
158 Ручей Лающей собаки

Д*и*Н ревю

Анна Гедымин
178 Нечаянная проза

Ян Бруштейн
180 Плацкартная книга

Елена Литинская
184 Экстрасенсорика любви

Клуб читателей

Ольга Ефимова
179 Спаси нас, улыбка…

Александр Евсюков
181 Хороший, плохой, злой?

Ирина Шульгина
183 Жизнь—такая странная штука

Д*и*Н детям

Елена Намаконова
185 Поиграем в людей!

Синяя тетрадь

187 Прекрасное далёко

192 Д*и*Н авторы

Виктор Аференко

Маковское. Четыре поворота судьбы

Глава из книги «Богатырский уезд»

Село Маковское Енисейского района — одно из особых мест Сибири и всей России. Зачато оно было как Намацкий (Кемьский, Маковский) острог в конце августа 1618 года и полторы сотни лет играло наряду с Енисейском судьбоносную, неповторимую роль в нашей истории: такую же, как в XV–XVIII веках Великий Устюг на перекрёстных путях Северной Руси (от Белого моря до Москвы, от Новгорода до Урала); как Тобольск — столица Сибири в течение двухсот лет — главный форпост на путях в Зауралье.

А в мировом масштабе Маковское сродни городу Библиосу на оконечности Аравийского полуострова, Гибралтару, греческим городам-колониям в Малой Азии и на островах Эгейского моря.

Вторая же ипостась таёжного поселения заключается в том, что оно не исчезло до сих пор, является артефактом истории, повторив в своей судьбе её плавное течение, изгибы, подъёмы и «спуски».

Впервые о Маковском я узнал после второго класса.

В июне 1944 года к нам в Атаманово уже на третий сезон приехала из Красноярска Анна Семёновна Кочнева — материна крёстная. В возрасте 16 лет она в 1905 году присутствовала при крещении нашей матери в Пророко-Ильинской церкви в селе Кекур Нахвальской волости (ныне Сухобузимский район). Мы её звали «хрёсной». На два месяца она становилась членом нашей семьи. Помогала своей крестнице: полола, домовничала, пряла, починяла. Ходила в сосновый бор, добывала сосновую смолу, готовила из неё жвачку (в простонародье серу) в виде палочек, увозила в город продавать. Приносила в мешке муравьиные копны, обкладывала ноги, лечила застарелый ревматизм.

В тот раз при встрече мать приготовила своё фирменное блюдо — верещагу: в большой сковороде поджарила до розового налёта ломтики свиного солёного сала и залила его смесью молока, яиц и муки, поставила в горячую русскую печь — омлет поднялся аппетитной шубой. Мы — три брата, девяти, семи и четырёх лет, — лежали на полатях, глядели жадно вниз, мать незаметно показывала нам кулак, мол, как не стыдно, не из голодного края (то была одна из её многочисленных поговорок и присказок, после называемых нами

«чалдонизмами»). Пришла соседка, как чуяла, крепкая в кости, громкоголосая Наталья Бабичиха. По ходу беседы она начала говорить что-то осуждающее сельсовет. «Хрёсна» прервала её: «Что возмущаешься, Наташа, на „Маковку“ захотела!»

Наша мать, родившая 10 детей, была ярким представителем народной педагогики, прекрасным воспитателем; с нами не сюсюкала и отвечала на все вопросы, потому любознательность стала одной из черт наших характеров. Я спросил её однажды:

> «А что это за Маковка?» — «Это глухое место в тайге, куда ссылали кулаков. Ну, сослали бы брата Анны Семёновны Степана Кочнева, его люди в Кекуре не любили. А старики-то и дети при чём? А уж хрёсинька пострадала совсем зазря, с 15 лет нянькой жила в городе у купцов, приехала домой и её загребли».

Я посмотрел на карту Красноярского края. Нашёл Маковское на севере в верховьях реки Таз; подумал: сослали далеко, условия суровые.

Летом 1951 года записал рассказ Анны Семёновны Кочневой об её трудной жизни, о пребывании с конца декабря 1929 по июль 1930 года в Маковском. Оказалось, что это село расположено в верховьях реки Кеть в ста километрах от Енисейска.

Начав в 1957 году заниматься краеведением, я более 50 лет посвятил исследованию истории красноярских династий, истории родного села и Сухобузимского района. И, конечно, не мог «пройти» мимо Маковского, ибо история этого

села уникальна, подобной в мире нет: через него 130 лет шёл практически единственный (!) путь в Красноярск, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток; оно стало местом ссылки нескольких тысяч крестьян Прикрасноярья в начальный период коллективизации; в нём жили 14–15 поколений чалдонов-енисейцев, потомков служилых, казаков, пашенных крестьян; земледельцы, охотники, рыбаки, лесники.

Время казацкое

(1618–1750)

Газета «Красноярский рабочий» к 385-летию со дня основания Маковского посвятила ему две страницы номера от 21 августа 2003 года под заголовком «Босиком по росе» (автор Л. Кытманова). Кстати, Кытмановы — знаменитые в прошлом деятели Красноярска и Енисейска. В газете помещены прекрасные фотографии села (вид сверху), его жителей — истинных таёжников-сибиряков. Материал предваряет преамбула, выделенная тёмным:

> «385 лет назад казаки пробирались по глухой тайге к Енисею, увидели прекрасное место: высокий холм, маленькая речка, полная рыбы и одиноко стоящая сосна на берегу. «Острог должен стоять здесь, — решили люди, — и имя ему Маковский. Так и возникло одно из поселений нашей бескрайней Сибири».

С точки зрения создания интереса у читателей газеты — нормально, опора на общие знания мифов о казаках и о вольной Сибири. На самом деле не «одно из поселений бескрайней Сибири», а поселение с необычной биографией, с особой ролью в истории не только Енисейского района, но всего региона и даже всей Сибири, просто другого такого не было нигде от Урала до Тихого океана. Можно подумать, что казаки «пробирались по глухой тайге» сами по себе, «место угожее» искали и нашли его.

Нет! В конце августа 1618 года на то место пришли не только казаки, а целый отряд (около 100 человек) служилых (кроме казаков, дети боярские, стрельцы, кустари) под началом сына боярского из Пелыма Петра Албычева и стрелецкого сотника Черкаса Рукина. Пришли по указу царя Михаила Фёдоровича Романова с конкретной целью — построить не просто острог на Среднем Енисее, а форпост для продвижения из него далее по Великой Степи: в Восточную Сибирь, в Забайкалье, на Амур, в Чукотку, на Камчатку.

Не по таёжным дебрям шли: по рекам Иртышу, Оби, Кети — совсем не малой реки с общей длиной более полутора тысяч (!) вёрст. Это она в верховьях, ближе к истоку, не так широка.

15 больших лодок-дощаников с грузами, с запасами на 2 года перемещали против течения: и вёслами гребли, и шестами толкались, и паруса ставили, и по-бурлацки, идучи по берегам, тянули, а под конец толкали дощаники сзади в корму. Как писали они в челобитной:

> «А мы, государь, холопи твои, бредучи в холодной воде, перемёрзли и перецинжали».

И место остановки уже было известно от служивых из Кетского острога, основанного в 1604 году и от дружественных остяков: здесь самый короткий путь по волоку в реку Кемь, впадающую в Енисей. Несмотря на малую воду в Кеми, всё же думали тащить лодки через волок, чтобы к зиме выйти на Енисей. Но остяки предупредили: тунгусы (эвенки) с правобережья собрали приличные силы и намерены напасть на отряд.

П. Албычев и Ч. Рукин «со товарищи» принимают оказавшееся верным решение: быстро, не теряя ни дня, строить острожные стены и внутри них избы и амбары. Едва закончили возведение острога, как его осадил большой отряд эвенков. Воеводы отправили вниз по Кети группу служилых в Кетский острог к воеводе его Челищеву с просьбой оказать помощь. Но уже стало холодно, Кеть обмелела, и до ледостава вряд ли бы помощь пришла вовремя. Эвенки простояли, как пишут, шесть дней и ушли за Енисей в свои владения, поняли, что запасов у русских много и они «огненным боем» один по одному выбьют осаждавших. Экспедиция провела зиму в Маковском остроге, весной по большой воде спустилась по Кеми и начала строить будущий форпост Енисейск.

В самом конце 1619 года (а новый год начинался до реформы Петра I, до 1700 г.) с 1 сентября в Маковское прибыла следующая экспедиция. И шли они более ста лет ежегодно из Тобольска и в Тобольск с грузами и с людьми. В Маковском, как пишут историки, на берегу Кети стояло до сотни судов: стругов, дощаников, лодок поменьше и обласков (так назывались юркие, остяцкие, выдолбленные из одного ствола толстого дерева челны). Служилые ремонтировали их, смолили, некоторые разбирали на отдельные доски, из которых делали заборы и покрывали дворы. Посёлок вскоре выплеснулся из острожных стен, бояться при таком многолюдстве некого. В больших амбарах и на складах хранились многие тонны хлебных, соляных и других запасов для Красноярского острога; для годовальщиков, для экспедиций из Енисейска во все стороны света. Хранились металл, топоры, железные изделия, провиант, то есть порох, фитили, кремний для стрельбы. Хранилась пушнина (как её именовали — рухлядь) и ещё много чего для нормальной жизни. Были созданы условия для отдыха, питания, ночлега сотен проезжавших людей разных сословий, статусов и званий. Читаем в Интернете на сайте Красноярского края:

«В 1618 г. на высоком правом берегу реки Кети был основан Маковский острог. В первой половине XVII в. здесь была построена Покровская церковь. До середины XVIII в. острог был важным транспортным узлом не только Енисейской губернии, но и всей Восточной Сибири. Знаменито село было также Маковским волоком — сюда, в точку, расположенную в 70 км западнее Енисейска, через 12-километровый волок между рекой Кетью (бассейн Оби) и рекой Кас (приток реки Енисей на уровне города Енисейска) заходили суда с продовольствием и прочими припасами. Из Маковского товары на волокушах доставляли в Енисейск, откуда шло снабжение других сибирских поселений: Красноярского, Абаканского, Саянского, Мотыгинского, Тасеевского и даже Якутского острогов, этим же путём вывозили пушнину.

Первыми жителями в Маковском остроге были служилые люди, промышленники и торговцы, вскоре появляются „государевы пашенные крестьяне", а за ними селятся ремесленники и „гулящие", то есть люди свободных профессий. Первым маковским крестьянином был Василий Михайлов, высланный в 1645 г. из Москвы.

По Маковскому волоку зимой 1662 г. везли в ссылку протопопа Аввакума Петрова. В 1675 г. с посольством в Китай здесь ехал учёный Николай Спафарий-Милеску. В 1734 г. волоком проезжал первый исследователь Сибири Герард Фридрих Миллер».

К сожалению, авторы этой интернет-статьи не избежали неточностей, в частности, Маковский волок находился между рекой Кетью и Кемью, а не «Кетью и Касом».

В 2013 году в г. Тюмени вышла прекрасная книга «Маковская сторона» (краеведческо-родословное исследование в двух частях). Автор её Виктор Максимов. В книге В. С. Максимов[1] изложил версию, что Маковский волок — весь сухопутный путь по тайге от Маковского до Енисейска. Все грузы, якобы, перемещались туда и обратно на телегах, возках, санях, волокушах или вьючно. Конечно же, в данном вопросе Виктор Сергеевич не прав. Вне сомнения, Маковский (Кемьский, Намаковский) волок существовал.

Дощаники перетаскивали по волоку в приток р. Кеми в любое время с мая по сентябрь, если позволяла вода. Тянули и по-бурлацки, и с помощью лошадей. Использовали вороты, закрепляемые на глубоко вкопанных сутунках. Грузы подвозили на берег Кеми на лошадях. Люди же шли пешком. Далее гружёные лодки сплавляли по Кеми до Енисея. Путь через тайгу до Енисейска летом использовали редко (распутица, разбитые дороги, гнус), основные обозы шли в предзимье после выпадения первого снега. При любом варианте трудностей хватало!

Есть три версии, почему острог назвали Маковским.

Версия первая

Острог был построен у волока рядом с улусом князца Намака и сначала назывался Намакским. При частом упоминании его в разговорной речи и в документах название сначала укоротили «Макский» и в конце концов переделали в Маковское — более звучное для русских. Версия неприемлемая, потому что на севере у р. Турухан примерно в те же годы начала XVII века возникло ещё одно поселение Маковское, ныне исчезнувшее.

Кстати, удивляет такой факт. Откроем «Енисейский энциклопедический словарь» (ЕЭС. Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998). На развороте (с. 732–733) представлены его авторы — академики, доктора и кандидаты наук, крупные руководители. А сколько они допустили фактических ошибок! Только по волостям, которые вошли в 1924 году в Сухобузимский район, насчитал их несколько десятков. Читаем на странице 370: «Маковское, пресное озеро на левобережье Енисея в приполярном районе Красноярского края, имеет рыбопромысловое значение. Из озера вытекает р. Маковская (бассейн р. Турухана). Пл. зеркала 163 км^2».

Удивительно! Учёные мужи не забыли небольшое озеро и приток Турухана, но для них как бы не существовало уникального Маковского острога, через который 130 лет проходили практически все россияне, осваивающие бассейны Енисея, Лены, Амура и других рек; Дальний Восток и оконечность Азиатского материка; не проезжали в Китай дипломатические миссии, российские и зарубежные. Не было печально известной «Маковки», куда в 1929–1930 годах сослали сотни крестьянских семей из поселений от Саян до Казачинска.

Версия вторая

В остроге сразу же, в августе 1618 года была срублена церквушка, какой-то умелец соорудил на ней Маковку — типичный атрибут православных храмов — и покрасил. Кеть в этих местах петляет сильно, и надстройку в форме луковицы было видно издалека, за сутки-двое до прихода дощаников.

1. Виктор Сергеевич Максимов родился в 1948 г. в селе Маковском в семье колхозников из старожилов. Детство прошло в Маковском. Окончил среднюю школу №2 в г. Енисейске, товароведческий факультет Новосибирского кооперативного института. Работал в системе кооперации г. Тюмени, награждён знаком «Отличник советской потребительской кооперации». 15 отпусков провёл в тайге в своём зимовье, охотился с лайками. Ветеран труда, пенсионер, живёт в г. Тюмени.

Служивые радовались: «Наконец-то, добрались до Маковки (Маковского)».

Такой вариант возможен. Но, думаю, ближе всего к истине версия третья — этимологическая.

Версия третья

В праязыке Евразии слог-звук («языковой кварк») мак означает «голову» («головку»), «возвышение». Отсюда название: растение мак; скалы, похожей на голову человека и видной из Красноярска — Такмак, церковной Маковки. И имена: Намак, Ермак, то есть «вожак». И понятия: максимум, макушка. Значит, оба поселения — на Кети и на Турухане — возникли на высоких, видных издалека берегах.

Путь по Кети и Маковскому волоку начал терять своё значение с 1750 года, когда началось более или менее регулярное движение по Московскому тракту.

Время крестьянское

(1750–1917)

Чтобы написать главку о 1-м казацком периоде жизни в Маковском, автор использовал широко известные документы Тобольских архивов и трудов по истории Сибири и Приенисейского региона в XVII–XVIII веках. За последующие (XIX–XXI) века информации в концентрированном виде мало, её надо собирать по крупицам.

К сожалению, не сохранились архивы волостных правлений Красноярского и Енисейского уездов. Редкое исключение — фонд р-1575 «Сухобузимское волостное правление», в котором в 3-х описях значатся около полутора тысяч (!) дел. А вот соответствующие документы Яланской волости, к которой с 1783 по 1924 год относилось с. Маковское, не сохранились. К тому же по селу Сухобузимскому дополнительная уникальная информация заключена в воспоминаниях В. И. Сурикова (в записи М. Волошина): он жил в этом волостном селе в 1854–1859 годах и после неоднократно приезжал на могилу отца.

Ценные мемуары оставил бывший писарь Сухобузимской волости П. К. Матонин. Также удалось записать воспоминания своих земляков 1872-го и более близких лет рождений; посетить все 40 поселений своего района; увидеть воочию дома и усадьбы крестьян и купцов XVIII–XIX веков; хлебозапасные общинные склады, называемые мангазинами; водяные мельницы, кузницы, гончарные станки, кросны, дощаники, набор сбруи и весь инструментарий для сельхозработ.

Такие же социально-экономические условия, традиции, уклад жизни существовали на Кети, как и в бассейне Бузима. Потому закономерен метод экстраполяции: перенос того, что было в одном месте, с учётом местных особенностей.

Первое — это социально-политическое устройство, способ хозяйствования. Долина Бузима стала заселяться на сто лет позже, чем возникли Маковское и поселения в верховьях Кети и Кеми. Но там и там, как и по всей Сибири, основу сельского бытия составляла триада: община — род — патриархальная семья. Государство за аренду земли (она считалась боговой и не являлась товаром) плату в форме десятинной пашни после оброчных податей и трудовых повинностей предъявляло в целом крестьянским общинам.

Волостной старшина посылал рапорты сельским старостам, а те лично или, собирая сходы, распределяли требования по хозяйствам.

Роль Маковской общины была особенно велика из-за наличия многих малых поселений и зимовий.

Второе — общины скреплялись родами. В подгородних волостях под Красноярском раскинули «кроны» старожильческие роды переселенцев первой волны (XVII–XVIII вв.). Тюменцевых, Еремеевых, Матониных, Черных, Черняевых, Черкашениных (Черкашиных), Злобиных, Торгашиных, Седельниковых, Ковригиных, Корольковых, Кольцовых, Барабановых, Куваршиных, Сошиных, Самойловых, Соломатовых, Степановых и десятков других. Маковские роды перечислил в своей книге В. С. Максимов — добросовестный и дотошный исследователь.

Мы с ним родились в разных местах Красноярского края: Виктор Сергеевич — в Маковском Яланской волости Енисейского уезда (района), Виктор Александрович — в с. Атаманово Сухобузимской волости (района) Красноярского уезда; один — в таёжном углу в верховьях р. Кети, другой — на берегу Енисея, в Красноярской лесостепи. Аференко составил подробные схемы трёх красноярских родов: Тюменцевых, Матониных, Еремеевых, начиная с середины XVII века по XXI (15 поколений), а Максимов установил свою родословную по линии отца и линии матери с конца XVII века (с 1680 г.) И что же? Результаты и выводы почти одинаковы, что следует расценить как научный фактор. На каждое поколение в среднем приходится 25 лет, то есть за 100 лет сменялось 4 поколения, хотя бывали очень редкие случаи, когда один человек жил целый век.

Основными родами в Маковском являлись роды Максимовых, Угрюмовых, Коротких, Стыжных, Бондаренко, Распуткиных, Барбиных, Сапожниковых. При высокой рождаемости коэффициент увеличения числа мужчин — продолжателей фамильного рода в каждом новом поколении составлял с середины XVII до середины XX века 1,2, то есть за 100 лет увеличение в 2,0 раза. Конечно, такое же соотношение и у женщин.

Так как в поселениях жили от одного до пяти родов, а в приходах десяток или два-три десятка,

то практически родственными или полуродственными (кумовство, свидетели при крещении — крёстные, поезжане во время свадеб и др.) связями были охвачены все общины. Максимов пишет:

> «Мы с сестрой Максимовой Антониной Ивановной просмотрели Метрические книги Маковской Покровской церкви за 1850–1919 годы и проанализировали, как же и с кем вступали в браки наши прадеды и прабабушки.
>
> В связи с удалённостью наших деревень от уездного и волостных центров, браки у нас в основном совершались между жителями села Маковского и деревень Лосиноборское, Ворожейка, Рыбная и Филиппова. По причине изолированности старожильческое население наших деревень практически всё породнилось между собой».

Повторюсь, что так было повсеместно, даже в пригородных, далеко не изолированных волостях. Виктор Сергеевич перечислил фамилии, имена, отчества женихов и невест в 132-х актах венчания. Пришли под венец: Максимовых — 53 человека из 250, то есть более четверти; Угрюмовых — 32, Белозёровых — 30, Коротких — 26, Барминых — 13, Пановых — 13, Сапожниковых — 11. В пяти случаях жених и невеста носили одну и ту же фамилию, то есть у них был один и тот же предок, не менее 4–5 поколений назад. Несколько подобных фактов зафиксировано и у нас в Атаманово в роду Тюменцевых.

Православная церковь стояла на страже крепких семей. Перед венчанием группа лиц во главе с тысяцким и даже сельским старостой в обязательном порядке предъявляли священнослужителям в церковь билет и делали запись в так называемой «Книге обысков».

Ключевыми являлись слова: «препятствия к супружеству между собой не имеют ни плотского, ни духовного». А это значило, что у жениха и невесты одинаковое вероисповедание, что они не являются родственниками минимум до третьего (в основном же 4–5-го колен); что до свадьбы не имели интимных связей. Второй раз венчали только в случае смерти одного из супругов.

Третьей основой после общин и родов сельских сибирских социумов была патриархальная семья. Иногда понятие «патриархальная» ассоциируют с понятиями «отсталая», «кондовая», «старорежимная».

Это абсолютно не так! Патриархальная потому, что во главе семьи стоит «патер» — старший, мудрый, владелец, хозяин. И это не только у русских, а у всех народов Евразийского и Американского континентов. Русские сибирские семьи были большими, минимум 5 человек.

К примеру, в Сухобузимской волости в с. Подсопки в 1769 году в 32-х крестьянских семьях числилось 316 человек (по 9,87 в среднем на семью); в д. Высотиной в 1819 году на 13 семей приходилось 163 едока (по 12,5 на семью в среднем).

Даже в 1920 году, на 16 августа, в Сухобузимской волости в 1873-х дворах жили 10 614 человек, по 5,67 в среднем. Так же и в Маковском приходе. В. С. Максимов упоминает семьи старожилов, состоящие из 10–14 человек.

Однажды в Доме-музее В. И. Сурикова в Красноярске экскурсовод рассказывала, что «стоило вырасти старшему сыну, как ему коллективно возводили новый дом, отселяли его», и так по порядку. Неверный посыл! Большинство семей состояло из 3–4-х поколений, вместе с родителями в возрасте 50–70 лет жили по 2–4 сына с невестками и с детьми, зыбки не пустовали. И когда община убеждалась, что сыновья готовы к самостоятельной крестьянской жизни, только тогда им выделялась пашня, пай, угодья.

В семьях шла передача навыков, умений; осуществлялось воспитание на основе христианских заповедей трудом, фольклором, традициями. Огромную роль играла и природа. Общины следили, чтобы не оскудевала она вокруг, к примеру, нельзя было заготавливать черемшу, ягоды, грибы, орехи, пока они не созрели.

В каких же домах размещались столь большие трёхуровневые семьи? Где все спали, отдыхали?

По мере роста общинных богатств и числа едоков в семьях за три века (начало XVII — начало XX) чётко прослеживается три этапа в строительстве жилищ и в возведении усадеб:

1. юрты, зимовья, избушки-времянки;
2. избы из кухни и комнаты с сенями, с кладовкой, подпольем;
3. капитальные дома: составные, пятистенные, двухэтажные.

Конечно, одновременно существовали и старые избушки, и пятистенные дома, и супер-усадьбы. По их усреднённому виду и по их числу можно было судить о достатке, об уровне благосостояния большинства крестьян, о зажиточности или бедности поселения. Волею судьбы автор жил во всех трёх жилищных вариантах. В 1932 году наша семья из Кекура переехала жить в речной порт Сухобузимского района, в Атаманово, в барак, построенный на высоком яру Енисея для рабочих хлебоприёмного пункта. Завхоз Заготзерно, бывший кекурец, друг семьи В. Д. Жильцов предложил: «Переходите в избушку, что рядом стоит, она ничейная, живший в ней старик умер, нам пришлось его хоронить. Изба древняя, но подшаманишь её, материалы дадим».

В домишке том мы прожили 17 лет, в нём родились ещё четверо детей из десяти. В 1970 году в Атаманово приезжал учёный с Мезени, нашёл немало соответствий Северной Руси с Прикрасноярьем,

в частности в деревянных строениях прошлых веков. На углу нашей короткой улицы Береговой, с западной стороны увала, стоял большой дом с коньком, со ставнями с резьбой, изображающей образ солнца, похожий на дома с Вологодчины. Учёный взял спилы с этого строения и с бревна, оставшегося от нашего жилища. В Свердловске, в лаборатории ему сделали радиоуглеродный анализ, он сообщил, что возраст дерева 270 (±20) лет. Судя по толщине брёвен, лиственницы, когда их срубили, имели возраст пятьдесят лет, значит, избу ту построили чалдоны где-то в первой половине XVIII века, она была типичной сибирской избой 1-го поколения. В окладе 6×4 м. Очень узкие окна для слюды или высохшего бычьего пузыря расширили, выпилив в стенах четыре прямоугольника для рам со стёклами. Пол был выстлан из половинок толстых брёвен. Тем не менее стена к Енисею опустилась вниз, явно изогнув половицы, а нижний край окон к реке оказался низко над завалиной. Крышу на двухскатную из дранья сменили уже после войны, первичная же, односкатная, состояла тоже из брёвнышек с выдолбленными сердцевинами; в них за годы нанесло земли, появилась лишайниковая зелень.

Приличную площадь избы занимала кирпичная печь. Всем известны фотографии и кадры кинохроник сгоревших, разбомблённых сёл и деревень с остовами таких печей в Центральной России, в Белоруссии, на Украине, в Польше. И везде, и у нас в Красноярье, называли их русскими.

В. Астафьев написал проникновенную «Оду русскому огороду». Заслуживают подобной Оды и русские сибирские печи, сбитые из глины или сложенные из кирпичей. Перед входом в дома строились сени и кладовки.

По воспоминаниям В. И. Сурикова, они жили в Сухобузимском в такой же избе. По нынешним понятиям, конечно, тесно для семей из трёх поколений, из 8–10 человек.

В начале 1941 года наша семья состояла из 8 человек. Бабушка Матрёна спала на печи, перед кончиной в декабре 1942 года с неё почти не слезала. Мать с отцом занимали в комнате кровать сразу за перегородкой. Перед ними висела зыбка. Мы же дрыхали вповалку поперёк другой кровати, стоящей у стены напротив. В ноги на ночь подставляли большую скамью. Нередко старики и дети спали на полатях, а летом на сеновале.

У Суриковых же в комнате были сооружены деревянные нары. Так как отец Иван Васильевич болел чахоткой (туберкулёзом), то и Прасковья Фёдоровна ложилась вместе с детьми, и зыбка висела перед ней. Зимними вечерами, бывало, мать у Суриковых вязала, вышивала — а мастерицей с детства была отменной, и первые впечатления художественной цветовой гаммы и гармонии будущий художник получил от её изделий. Отец же читал вслух книгу дочерям Лизе и Кате. Вася засыпал раньше и, как рассказывал Н. Волошину, видел ту картину сквозь сон. Когда в Подмосковье на даче, он, также засыпая в дождливый вечер, увидел, как жена читала книгу их дочкам, то вспомнил вдруг Сухобузимское, отца, и у него сразу возник образ картины «Меншиков в Берёзове», которую Василий Иванович и задумал тогда.

С середины XIX века всё больше стало появляться пятистенных домов с окладом 9×6 м, с капитальной стеной посередине, с полатями, с русской печью, углы которой выходили и в большую кухню-столовую, и в горницу, и в спальную.

В 1857 году община из Вятской губернии основала в Нахвальской волости, которая также в 1924 году вошла в Сухобузимский район, деревню Абакшину. В ней по широкой улице длиной более километра большие умельцы-вятичи срубили десятки исключительно пятистенных домов с резьбой на наличниках и ставнях.

Некоторые дома до сих пор сохранились. Бывал я не раз в Абакшино в таком доме из кондовых брёвен в гостях у тётки нашей Серафимы Антоновны Колосницыной.

На фотографиях Маковского сверху, с вертолёта видно, что многие оставшиеся дома были пятистенными, с большими окнами, с двухскатными крышами, с палисадниками. Облетая Маковское, В. П. Астафьев, как пишут бывшие с ним свидетели, воскликнул: «Какое село загубили!» Кто и когда загубил — неясно. Если он имел в виду Советы, то абсолютно не прав, ибо в советское-то время такие дома отремонтировали, сохранили и возвели немало новых, подобных.

Не стану описывать дома, строения и усадьбы сельских купцов и богатых крестьян, их в сёлах в начале XX века в период Столыпинской реформы появилось немного — по 3–5 на каждое поселение, были ли они в Маковском — не знаю.

Прирост населения в старожильческих деревнях и сёлах Сибири в XVII–XIX веках был в основном естественным. Такое за столь продолжительный срок оказалось возможным из-за оседлой жизни в течение двух с половиной веков без крепостного права, в полунатуральном хозяйстве. Сформировалась сибирская крестьянская цивилизация (суперэтнос): в одном лице землепашцы, скотоводы, строители; каждый хозяин владел многими десятками навыков и умений. Образ жизни определял социум: община, большие роды, семьи и православная церковь.

Время советское

(1917–1991)

Почти три века в Енисейском уезде не было восстаний, не было каких-либо вооружённых стычек ни у русских, ни у местных этносов, ни между ними.

Потому что отсутствовали помещики, крепостничество, тем более рабство. Народ свободный, занятый, служили по долгу, по найму; трудились на своей земле в соответствии с вековыми традициями; угодий много — растили хлеб, скот, охотились, рыбачили, собирали дары тайги. На приисках, на речном флоте, на строительстве дорог, Обь-Енисейского канала, при возведении домов работали по договорам, по найму за приемлемую плату. Маковское не было зажиточным селом, но большинство крестьян существовали сносно. Возникает вопрос, почему же большинство свободных сибирских хлебопашцев, в окружении богатой природы, неплохо питаясь, в 1917 году приветствовали советскую власть, а в 1919 году выступили против Колчака, ратуя за возвращение советской власти? Нередко упоминают большевиков как агитаторов и даже движущую силу. Но их, например, в Сухобузимской волости на 10 000 человек было всего несколько десятков, а в Маковском — единицы.

Ответ таков: потому что сибиряки красноярцы и енисейцы жили не в какой-то изолированной «Казакии», а в великой многострадальной России, с её вековыми противоречиями, с отсталостью. Эта книга — не научный трактат, потому только перечислю кратко те противоречия и беды.

По всей Сибири появилось много поселенцев, к которым относились ссыльные (политические и осуждённые по уголовным статьям), отслужившие огромные сроки солдаты, выселенные из городов по суду деклассированные элементы (они были и есть везде, читайте «Отверженные» В. Гюго); беглые и гулящие люди. В целом они составляли 30% от всего сибирского населения. Все жили или в сельской местности (отправлялись экспедициями «на кормление в волости»). Или в пересыльных бараках, в том числе на золотых приисках, на стройках (широко известны «бараки Кнорре» в Красноярске у железнодорожного моста). 80% поселенцев составляли мужчины-холостяки в возрасте 18 лет и старше (вплоть до 50). Они не имели полных гражданских прав и никакой собственности, кроме одежды. В деревнях и в сёлах только 3% их возводились в сословие крестьян, семейные или вошедшие в семьи как примаки зятевья, причём умеющие вести хозяйство, иначе общины земли не выделяли. Если разделим валовой сбор зерна и количество скота в волостях на число «едоков»-крестьян, то получим результат удовлетворительный, но делить-то надо с учётом поселенцев, то есть добавить ещё одну треть потребителей, а это результат уже другой.

В Маковском, как пишет В. С. Максимов, поселенцев жило немного, стали крестьянами роды Бондаренко, Распуткиных, Ореховых.

Без оружия, без революционного ядра они не были солидарны и организованы. Но зарождающийся с конца XIX века капитализм в лице крупных владельцев и предпринимателей и особенно мелкая буржуазия — купцы и лавочники (несть им числа), подкупая власти, сами готовили себе «могильщиков». Денег от пушнины, золота, рыбы, от даров тайги и в казну, и особенно в загребущие руки частных хозяев поступало много. Но дороги, больницы, школы почти не строились; более 80% крестьян были неграмотны. Зато купцы в начале XX века насоздавали в Енисейской губернии аж 770 винных заводов на 500 тыс. населения всех возрастов (один завод на 650 человек, значит, на 100 взрослых мужчин). На всех дорогах, особенно у приисков, кабаки, кабаки, кабаки! Щёголевы, Юдины, Востротины, Емельяновы и сотни купцов помельче вносили деньги на общественные нужды, при этом спаивали народ.

Столыпинская реформа в Восточной Сибири привела к резкому расслоению крестьянства. Возрастающее число ссыльнопоселенцев, особенно грамотных политических, увеличивало протестный потенциал. Если исходить из современного критерия, именуемого «качеством жизни», то непонятна позиция тех, кто жалеет об ушедшей крестьянской Руси.

Да, была Великая сибирская крестьянская цивилизация, сама себя содержала, поддерживала, размножалась, защищала Отечество.

И было бюрократическое, отсталое государство в форме монархии, которое позволяло эксплуатировать и спаивать значительную часть населения (поселенцы, рабочие на приисках, крестьяне-бедняки), которое не брало на себя создание должных социальных условий.

Как бастион вплоть до лета 1919 года стоял сибирский суперэтнос, о который бились волны грандиозных событий начала века: Русско-японская война 1905 года, революция 1905–1907 годов, столыпинская реформа, приведшая к расслоению крестьянства; вторая переселенческая волна, когда население в Енисейской губернии увеличилось в 2 раза; Первая мировая война, как называли её солдаты «бессмысленная бойня», распутинщина, отречение царя, революции 1917 года, смена властей (монархическая — кадетско-эсеровская, советская — вновь эсеровская — колчаковская).

Красные сполохи

В то же время в Енисейской губернии рос и концентрировался пролетариат: на железной дороге, на золотых приисках, на речном транспорте. Пароходы (в 1918 г. их плавало 34) сжигали много угля и дров, потому команды речных судов набирались владельцами пароходов большие — 20–30 человек рабочих из числа крестьян, городских пролетариев, ссыльных. После навигации часть из них суда вымораживали, ремонтировали, красили. Большинство же до весны распускались, жили где придётся, в частности в бараках Кнорре

в Красноярске. Итальянец Е. К. Кнорре, автор проекта железнодорожного моста через Енисей, имел акции пароходных компаний, стал крупным предпринимателем. Построенные им бараки у моста на берегу Енисея сдавал в наём речному люду. Нравы зимой там царили дикие. Жители Красноярска боялись там появляться. Дурная слава тех окраин (ул. Ломоносова) сохранялась вплоть до 50-х годов прошлого века.

Речники приветствовали новую власть и поддержали её решение о национализации Енисейского флота. Газета «Красноярский рабочий» сообщала:

> «Второго марта 1918 года оглашён декрет народных комиссаров, состоялось слияние всех казённых и частных судоходных предприятий бассейна реки Енисей и учреждение одного предприятия, объявленного достоянием РСФСР под наименованием „Енисейское национальное пароходство (ЕНУ)“».

Верховным и ответственным органом является Совет пароходства. Для управления делами Совет выделил исполком «Правление ЕНУ» в составе: председатель правления тов. Старцев В. В., товарищи председателя Загуляев Л. Н., Леппик А. К. На один год от рабочих и служащих бассейна р. Енисей избраны председателем Совета Халутин А. А., товарищем председателя Цыбин Д. С. (капитан теплохода «Тобол»), секретарём Е. К. Крылов (будущий знаменитый капитан-наставник.—*В. А.*)».

Приняли национализацию как должное и с судов не ушли почти все штурманы, механики и капитаны, в числе их такие известные речники, как Элло, А. Мецайк, М. Лиханский, М. Дранишников, А. Фролишев, Р. Первухин и др. Почему? По той же самой причине, как и большая часть офицеров российской армии, воевавших на стороне советов: хотели видеть страну свою единой, могучей, процветающей и препятствие тому видели в её государственном устройстве. Навигация только началась, пароходы сделали по несколько рейсов в верховья и в низовья Енисея, как с помощью белочехов советскую власть низложили.

Все пароходные команды были переведены на военное положение и составили воинскую флотилию, которой командовал генерал Попов. Техническое руководство осуществлял сын атамановского купца Исая Голоденберга Семён, именовавший себя «Начальником плёса 1-го разряда» (он получил соответствующее образование в Томске).

Осенью 1918-го к власти пришёл Колчак, установивший по всей Сибири жёсткую военную диктатуру.

Повсеместно созданные карательные отряды беспощадно пороли пожилых крестьян, женщин, чьи сыновья и мужья дезертировали, не желая воевать против своих. Также выколачивались подати, собираемые за два года—за сезоны 1917 (их «первая» советская власть не собирала) и 1918 годов.

В Канской и в Енисейской тайге скрывались десятки партизанских отрядов и народных дружин, выступавших против колчаковщины. Одним из самых больших и активных стал отряд под командованием второго помощника механика парохода «Орёл» Филиппа Бабкина в районе Маклаковой, где он родился и вырос.

Противостояние и стычки вдоль Енисея не прекращались весь 1919 год. Вот два свидетельства тому. Из дела №23 фонда 811 ГАКК «Рапорты наблюдателей водомерных постов»:

> «Господину начальнику Енисейского участка Томского округа путей сообщения Стриловского водомерного поста февраля 12 дня 1919 г. Доношу, что 9 февраля с. г. во время сельского схода советской власти в селе Стриловском были взяты казаками судоходные старшины Григорий Фёдорович Кабалин и Гулин Даниил, которых казаки нагло на глазах народа выстегали и увезли в Каргино, где убили. Прах их предан земле. Наблюдатель Л. Ерёмин».

Пароход «Иртыш» 1 июня 1919 года в 5 часов утра миновал Атаманово, пустым корпусом спешил на помощь пароходу «Тобол», буксирующему три баржи, чтобы двойной тягой поднять их через Шиверский перекат. Над Канской тайгой после жарких дней бушевала гроза, всё небо беспрерывно перечёркивали молнии, сначала был слышен гром, но туча уносилась быстро, звуки грома перестали доходить, ещё долго окрестности озарялись вспышками в виде огненных стрел и красных сполохов, беспрерывно, один за другим, в самых разных местах. Капитан Михаил Дранишников сам стоял у штурвала рядом с лоцманом. Навстречу как-то неожиданно вырулил «Тобол», тоже шёл пустым корпусом. Затормозили. В рупор капитан «Тобола» Дмитрий Цыбин сообщил, что ночью партизанский отряд красных оккупировал караван, баржи пришлось оставить. «Иртыш» развернулся, и суда друг за другом двинулись вверх. Командир Цыбин записал в вахтенном журнале:

> «1 июня 1919 г. в 5 ч 45 мин встретил п/х „Иртыш“ ниже Атаманово, идущий на помощь мне по буксировке барж. Получив от меня сведения, что баржи захвачены красными, п/х «Иртыш» вернулся обратно» (фонд 811, дело 22).

Дранишников, глядя на далёкие отдельные сполохи, думал: не так ли по всей Сибири, где-то за Уралом на фронте гремит гроза Гражданской войны, брат убивает брата, давно к этому шло в России, копился заряд, и рвануло. А здесь на Енисее не фронт и не тыл, в разных местах сверкают сполохи войны.

Летом 1919 года отряд Филиппа Бабкина установил свою власть в районе Маклаковой, а в ноябре 1919 года с помощью его отряда советская власть была провозглашена в Енисейске.

Пронеслись сполохи Гражданской войны и над верховьями Кети. Летом и осенью 1918 года в таёжных поселениях, зимовьях и избушках скрывались красногвардейцы. В 1919 году в Яланской волости, как и во всех других появился карательный отряд под командованием Олиферова. Вылавливали уклонявшихся от службы в колчаковскй армии крестьян, били плетьми, некоторых расстреливали. Выколачивали недоимки, подати.

В частности, В. С. Максимов описал такой, рассказанный ему дедом, факт:

> «В плен захватили трёх красногвардейцев и как бы отпустили их в сопровождении карателя. Шли они по узкой тропе один за другим, и белогвардеец выстрелил из трёхлинейной винтовки в спину и убил одним выстрелом всех».

В 1980 году в журнале «Сибирские огни» была напечатана повесть Н. И. Волокитина[2] «На реке да на Кети». Эта короткая повесть была написана легко, в течение полутора месяцев, и в ней обозначилось всё то, о чём он будет писать ещё не раз — о честных, работящих, открытых людях — сплавщиках, лесозаготовителях, речниках, деревенских подростках и природе. О главной героине Ольге Типсиной Николай Иванович Волокитин рассказал проникновенно с любовью, читаешь и восторгаешься, удивляешься, какой она светлый человек, как умеет трудиться, радоваться жизни даже, казалось бы, в безысходные моменты.

> «Удивительное у тёти Оли лицо. Угловатое, скуластое, с жёсткими мужскими чертами. И кожа на нём, обожжённая солнцем и огрубевшая под студёными ветрами, до того смуглая, что кажется просмолённой. К тому же выбивающиеся из-под шапки волосы матово-белые, как перезревший цвет пырея, и усугубляют грубость и необычность черт. Но смотреть на её лицо почему-то всегда приятно. Вот она достаёт из-под фартука, откуда-то из потайного кармана длиннющую самодельную трубку, неспешно набивает её крупчатой махоркой из жестяной банки, раскуривает и, зажав трубку в зубах и попыхивая ею как дымокуром, обычно весело начинает разговор. Вот она плывёт по Кети в лодке-обласке и поёт сочинённую ею песню.
>
> На реке да на Кети, на Кети
> Ох!
> Мне ль отрады, мне ль отрады не найти?
> И-эхх!
> В обласке я птицей-чайкой полечу
> Ох!
> Я до моря, я до неба докачу
> И-ахх!
> Там я звёздочку хрустальную словлю
> Ох!
> Я по осколочкам всем счастье разделю
> И-эхх!»

Она рассказала сыну своему и другу его — будущему писателю Коле Волокитину о том, что случилось с ней в лето 1919 года.

> «Ух, как я обрадовалась, когда наши красны партизаны, силёнки поднакопив, с беляками смертный бой повели! Выпереть-то выперли, но те тоже ушами не хлопали. И тут передали нам люди ихне намеренье, что, мол, как окрепнут чуток, снова двинут на Белый яр. А у нас силёнок-то не ахти как. Чо делать? Думал, думал наш красный командир Гоша Копылов и придумал. Мол, не будем сидеть и ждать, когда они на нас нападут, надо сговориться с Митрием Масловым и самим на них напасть сразу с двух сторон. А Митрий Маслов — это командир другого отряда, что в деревне Боровой, в шестнадцати верстах от Типсина ниже стоял. А каким фертом пакет-от с планом Маслову доставить? Сухопутным не пройдёшь, болота вокруг. И тут возьми кто-то скажи: а, вы, мол, Ольгу пошлите. На обласке на ракете-то чёрт ей не брат, любого парня за пояс заткнёт. Выбрали мне обласочек походче, снарядилась я и айда. Мчусь и ничего не вижу, кроме лунной дорожки на воде. И вдруг справа, из-под берега:
> — Стой, кто плывёт!
> И тут-же, будто эхо, слева. Из-под другого берега:
> — Стой, кто плывёт!
>
> Посты, оказывается у них. Зубы стиснула, напряглась вся и только руки с весёлком мелькают. Вдруг слышу — хлоп, хлоп! Опять — хлоп, хлоп! А потом что-то по затылку — чирк! Будто плетью

2. Николай Иванович Волокитин, известный русский писатель, родился 8 мая 1937 года в селе Новиково Парабельского района Томской области. Детство и юность прошли в трудную военную и послевоенную пору в глухом Нарымском краю, в окружении дивной и суровой сибирской природы. В поселках, наполненных разноликими людьми и разными говорами. После окончания школы, в 1954 году поступил в Томский индустриальный техникум. В 1956 году, получив специальность горного техника, был направлен в Магаданскую область горным мастером на золотые прииски. Отслужив в армии, Николай Иванович долгое время жил в селе Казачинском. Работал в леспромхозе, избирался председателем районного спортивного общества, первым секретарем райкома комсомола. Заочно с отличием закончил Енисейский пединститут. Работал литературным сотрудником, заместителем редактора, а затем и редактором в районной газете. В это же время на страницах газет и журналов стали появляться его первые рассказы и очерки. Известность Волокитину принесла повесть «На реке да на Кети», опубликованная в первом номере журнала «Сибирские огни» в 1970 году, через два года изданная в Красноярском книжном издательстве. Автор 15 книг, лауреат премий журналов «Крестьянка» и «Лесная новь», заслуженный работник культуры Российской Федерации. В настоящее время он живёт в Новосибирске.

кто полоснул. В голове звон. Вроде за руки меня прямо с обласком как подбросит под облака, я и ровно уже не руками, а крыльями—мах, мах!

Говорят, утром увидели, как издалека в обласке кто-то быстро-быстро плывёт к берегу, потом выронил весло и упал. Подплыли ко мне—я на дне обласка лежу, вся голова в крови, а пакет в зубах стиснут. Вот так я летела,—тётя Оля приподнимает ушанку, откидывая второй рукой прядь белых, как снег, волос.—Вот он рубец-то от моего лёту. На всю жизнь метка осталась!»

В конце декабря 1919 года (по старому стилю) после Красноярской операции 40 000 колчаковцев под командованием В. О. Каппеля обошли Красноярск (об этих событиях смотри книгу: Аференко В. А. Эхо Гражданской войны. Красноярск: Издательство «Класс-плюс», 2012). Основные части (35 тысяч солдат и офицеров) поднялись вверх по Кану до Усть-Барги (ныне г. Зеленогорск), оттуда вышли на Транссибирскую магистраль. 5000 человек под командованием полковника Сытина двинулись вдоль Енисея до с. Ивановского Больше-Муртинской волости, перешли по льду на правый берег, на Посоленский тракт; по льду реки Тасеевой и по Ангаре добрались до Ленского волока, ушли в Забайкалье.

Солдат косил тиф, больных оставляли в поселениях, в зимовьях, выздоровевшие уходили в тайгу. Теперь уже красногвардейцы вылавливали их, в том числе даже в верховьях Кети. Приказ был не расстреливать, доставлять в Енисейск или в Красноярск, где, как сообщал в волревкомы Политотдел 5-й Красной Армии (он осуществлял власть в губернии до выборов в марте 1920 г.): «мы будем их судить революционным судом».

Начало советской власти

В январе того года в Маковском установилась советская власть, образован сначала Маковский ревком (председатель Е. А. Бармин, секретарь Н. Д. Сапожников, члены С. Ф. Максимов, Т. П. Угрюмов), в августе 1920 года выборный исполком.

Осуществлялась продразвёрстка, более десяти человек отправились в Енисейск добровольцами на фронты продолжающейся Гражданской войны.

Участником первого районного съезда Советов Енисейского района был 24-летний крестьянин-бедняк, русский, беспартийный, Максимов Иван Захарович.

В период нэпа в 1924 году в селе из промышленных предприятий имелись лавка Маковского общества потребителей и мельница сельского общества. В 1927 году в Маковском сельсовете было: населённых пунктов пять деревень с населением обоего пола 515 человек, инородцев 72. Хлебопашество, как записано в отчётном докладе сельсовета, было развито слабо ввиду суровых климатических условий, непригодная почва к урожаю. Основные занятия—пушной промысел, сбор ягод и орехов. Пахарство—подсобный промысел. Сельсовет имеет три коммунальных дома и амбар. Один дом—канцелярия сельсовета, тут же народный дом, второй—школа, третий под квартирами. Амбар занимает комитет крестьянской взаимопомощи. Имеется пожарная машина «с прибором», инструмент, который хранится в пожарном сарае...

В селе в то время действовала церковь. Фельдшерского пункта не было, медпомощь можно было получить только проехав 100 вёрст. В сельской школе первой ступени обучались 20 детей.

Разрешалась частная торговля, советской власти на местах предписывалось «ограничивать кулачество», сдай план, и тебя не тронут! Продолжались службы в церквях. Новое вторгалось в жизнь повсеместно, дерзко и ярко, приветствовалось большинством: выборы депутатов (с 1923 г. тайным голосованием), их отчёты; создание партийных и комсомольских ячеек, пионерских организаций, женсоветов, «осавиахима»; призывы—«Молодёжь во флот!», «Освоим пятый океан»; борьба с неграмотностью и многое другое.

«Маковка»

Так коротко и небрежно называли Маковское крестьяне Красноярского края, высланные в тайгу на Кеть в 1929–1930 годах. Слово это стало неким символом репрессивных акций государства.

нэп в Сибири принёс достаток. Как утверждает автор статьи в 1-м томе «Сибирской энциклопедии» (Новосибирск, 1928), 80% крестьян стали середняками. Двадцатые годы подряд все были урожайными. Но обстановка к концу 1928 года сложилась непростая. В Европе зарождался фашизм, как писал бывший эсер Чернов, эмигрировавший в США: «страны, проигравшие 1-ю Мировую войну стремились к реваншу». В том числе и против России, тем более советской.

Нужно было укреплять армию, по сути, заново создавать авиацию и флот. Требовались деньги, много свободных рабочих рук.

Стало ясно, что история не отпустила времени на внедрение ленинского кооперативного плана, рассчитанного на 30–50 лет.

И 1929 год был объявлен «Годом великого перелома», взят курс на коллективизацию. Она была осуществлена, созданы колхозы, совхозы, МТС. Можно объяснить, но, конечно, нельзя оправдать большие перегибы в начале коллективизации (1929–1934); по сути, преступный лозунг «Ликвидации кулачества как класса», ссылку крестьянских семей в полном составе (во всех сёлах в разных местах—от 10 до 20% от числа хозяйств).

Под молот репрессий попала семья Кочневых из Кекура Сухобузимского района, где родилась наша мать и где родители жили до 1932 года.

ВОСПОМИНАНИЯ КСЕНИИ АНТОНОВНЫ АФЕРЕНКО

(записи разных лет)

Старики Кочневы жили в Кекуре средне. Анна — моя крёстная — с 16 лет обитала в Красноярске, как няня и домработница у нэпманов. А вот брата её Степана обуяла страсть к богатой жизни. Ему сосватали в Атамановой Олимпиаду — дочь известного там крестьянина Тита Галактионовича Тюменцева — потомка атаманов. Родилось пятеро детей: подряд три девчонки, все на одну колодку, полненькие, славные; в 1925 году сынишка Василий, а в 1927-м ещё дочь — Феофила. Степан работал в своём хозяйстве истово. По характеру был нелюдим, неразговорчив, скуп. Его в Кекуре не любили. Я росла полусиротой, отец умер, когда мне исполнилось восемь лет. Однажды весной нам с мамой картошки не хватило. Пришла к Кочневым, они накопали её много, свиней держали. Просить всегда стыдно, отважилась, говорю: «Степан Семёнович, одолжите до осени картошки?» — «Тебе сколько?» — «Да ведро пока». — «Стоит ли лезти из-за ведра в подполье, некогда». Повернулась уходить, а Анна мигает — мол, подожди, скоро уйдёт. И на самом деле куда-то уехал. Достала она картошки, еле я унесла. Тогда дома крёстная оказалась случайно, приехала из города на день. Весной 1929 года найм домработниц горожанам запретили, и она вернулась домой, много работала, с детьми водилась. Началась коллективизация и в числе других призыв: «ликвидировать кулачество, как класс». На общем собрании в сборне обсуждали, кого раскулачить и выслать. Село большое, 200 дворов. Решили отправить в ссылку пять семей, в том числе Кочневых. Большинство кекурцев проголосовали за.

Говорят, что кулаки были хорошими хозяевами. Оно, конечно, так, но и жадность многих обуяла. И своих домашних гоняли в хвост и в гриву, девчонки, помню, даже плакали. Отцы ничего не учитывали, болеешь ты по-женски, всё одно — езжай в жару на сенокос.

В деревнях раньше устраивали помощи: хозяева приглашали человек 10–20 с серпами, обед хороший готовили, родные работали за так, чужим же платили. Кулаки скупились, и как-то получалось так, что не они, а полсела у них в должниках.

Был такой из тех, кого решили выслать. Договорится с сильными бабами, заплатит им побольше. Те прут вперёд. А он ходит сзади, подзуживает: «Что это вы, девки, на козе едете, отстаёте!»

Если бы остановились на первой волне раскулачивания, не вызвало бы то резкого протеста. А вот зачем в 1931–1935 годах продолжили ту преступную акцию? Ведь в кулаки и подкулачники попали после многие зря, даже бывшие председатели колхозов и бригадиры. Ну сослали бы жадных хозяев, таких как Степан Кочнев. А при чём тут старики, малые дети? И Анна — вечная труженица, пролетарий, за что наказана, за что страдала?

На каждую семью дали по две подводы и людей везти, и вещи. Тоже издевательство. Утром в конце декабря 1929 года подъехал возчик, начали грузиться. А напротив жила Катя Тихонова — подруга, уже троих детей родила, я — четверых. Сидим у окна, смотрим, бедняки подошли, поживиться чем-либо, хотя сельсовет запрещал что-либо брать, после — инвентарь, манатки продавали. Вдруг вбегает Дуся… сбрасывает шубу, за ней другую, пальто, кофту: «Возьмите, сохраните!» И другой раз пришла. Заплакала: «Спрячьте меня. Не поеду никуда!» Стали уговаривать: «Найдут, осудят, посадят, тебе уже 14 лет. Вообще от семьи отобьёшься. И всем худо, пожалей родных». Убедила. Вышли проводить, расцеловали всех, перекрестили на дорогу. Вещи горой на одних санях. Дети в других. Все взрослые пошли вслед пешком. И Анна — бедняга с ними.

ВОСПОМИНАНИЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ЖИЛЬЦОВА

(запись 1985 г.)

Мои предки были сосланы в Кекур из Рязанской области. Наш отец вырос уже в Сибири, удачно женился, родились мы — трое братьев и три сестры, сразу скажу, девчонки весьма красивые. Я родился в 1905 году, учился в Матонинском училище вместе с твоей матерью, закончил 5 классов. Хотел в городе дальше учиться, отец не отпустил. Он на Бузиме построил мельницу. Заказов было много, мололи крестьяне зерновые, горох, сушёную черёмуху.

Братья уехали по найму на прииски. Две сестры — в Красноярск. Фёкла вышла замуж за богатенького еврея. Увёз её в Америку и бросил там, как пелось в популярной песне «Когда б имел златые горы»:

> Завёз меня в страну чужую,
> А там другую полюбил!

Она грамотной была, письма писала, второй раз замуж вышла удачно, за предпринимателя старше её Потом связь прекратилась.

Девушки меня любили. Дружил с Аней Марчуковой из усть-канских переселенцев. Она забеременела. Обратился к отцу: «Посылай сватов!» — «Что-то ты с ума сошёл, нищету плодить, ни благословения, ни надела не дам!» Задумался я, а думать помогли её братья: встретили на улице и хорошо поддали. Женился, ушёл от отца, купили избушку. Сразу перешёл в бедняки, даже в комбед избрали.

Ты знаешь, что моя жена Анна Васильевна родила 10 детей, восьмерых до войны и двух после, когда вернулся с фронта. Девять выросли, только

Нину убила шаровая молния в 1944 году, залетела в дом. Сестра Дуся вышла замуж за сына кулака. Что ему надо было при такой красивой женщине, но изнасиловал соседскую девчонку, посадили в тюрьму. Свёкор и свекровь её умерли в то лето. Но несмотря на моё возмущение, сход решил выселить и сестру, и семью зятя — брата мужа, жили вместе. Накануне отправки он ночью тайно уехал куда-то.

Осталась Дуся одна. Мне разрешили её сопровождать. Положил под солому куль муки. Наш обоз прибыл в обед в райцентр Сухобузимское, а там все улицы забиты подводами с раскулаченными. Крики, плач. Пообедали, лошадей покормили, и обоз двинулся в Шилу, на тракт. Говорю кекурским: «Поезжайте, я догоню, что-то Карька припадает на передние ноги, видать жабреею объелся!» А сам быстро поехал в город по накатанной дороге, отвёз Дусю к сестре. В суматохе пронесло.

ВОСПОМИНАНИЯ АННЫ СЕМЁНОВНЫ КОЧНЕВОЙ

(запись 1953 г.)

Привезли нас в Шилу, ночевали в церкви. Духота, все вплотную друг к другу спят на полу. Я лежала в дальнем углу, захотела в туалет. Но пробраться невозможно, ногу негде просунуть. Пошла осторожно по телам. Утром перевязали возы на другие подводы и так ехали ещё трое суток до Енисейска. В Большой Мурте и Казачинском людей добавилось много, обоз растянулся на несколько вёрст. Добрались до Енисейска. Сказали, дальше повезут в «Маковку». Я слышала, что кто-то из предков наших бывал в ней. Ещё трое суток ехали по тайге. Две ночи провели у костров. Приехали в «Маковку». Женщин и детей разместили по домам, мужики спали в банях, зимовьях, на сеновалах, хорошо, что многие дворы крытые. Народ в Маковском — хороший, много было староверов. Помогали нам как своим.

Сразу же стали строить бараки из сырого леса, вместо моха в пазы укладывали солому. Построили довольно быстро много длинных бараков. Каждой семье — комната из общего коридора с печкой в виде железной бочки. Тесно. Я спала всегда у стены, она отсыревала. Приезжал дед — отец невестки Тит Галактионович Тюменцев, привёз куль сухарей. Наступила весна. Бараки почему-то соорудили в низине. Вокруг море талой воды. Сбили плоты и плавали на них. Мужики лес заготавливали. И увозили их работать куда-то на прииска.

Удивляюсь, почему в таких условиях мало кто болел. Даже дети. Их учили в местной школе. Я болела, можно сказать, душевно. Твёрдо решила — летом убегу. Собралась. Денег накопила, взяла в котомку сухарей. В июне, когда стало теплее, тайно вышла из поселения. Знала, что двигаться надо в сторону заката солнца.

Иду по тропе. Вдруг дорогу перегораживает охранник с ружьём: «Куда, кулачка?» «Какая я кулачка!» — рассказала ему про себя. «Пользуй меня, — говорю, — на вот сухари, но только пропусти!» — «Ну, иди, да не заблудись!» Шла до Енисея неделю, ботинки истрепались в дым. Ела прошлогодние ягоды, кедровые шишки находила. С медведем встретилась нос к носу, навалил большую кучу и ушёл. На ночлеги маленькие шалашики сооружала. Вышла севернее Енисейска, аж к Епишино. Зашла в крайний дом. Повезло, встретила славная женщина с пятерыми детьми, муж уехал в низовья на рыбалку.

Я прожила, не высовываясь, две недели. Всех обшила, обстирала, дорожки из старого тряпья изготовила. На катере добралась до Енисейска. Там села на пароход и вышла в Павловщине. До Кекура 20 км шла пешком. Не забуду тот день никогда! Солнце светит. Птицы поют. А цветов-то сколько! Медунки, незабудки, мои любимые марьины коренья, венерины башмачки, их ребятишки, помню, мудушками звали! Иду, радуюсь, как в рай попала, всё родное, знакомое. Пришла с задов в баню к Кате Тихоновой. Твоя мать, Сина, крестница, приходила, нанесла еды, квасу. «Уходи быстрее, — говорит, — слышала в совете, что, мол, Анна Кочнева вернулась, кто-то видел».

Чуть стемнело, а ночь коротка, пошла по дороге в Высотино. Вдруг слышу — скачут из Кекура всадники. Быстро легла в канаву, в кусты. Остановились, загорцевали. «Показалось тебе, никого нет!» — кричит один. По голосу узнала Сашку Звягинцева, ярого коммуниста, тоже моим крестником был. Выстрелил он два раза из пистолета наугад. И надо же, одна пуля в ногу мне попала, хорошо, что только икру задела. Стерпела. Уехали. Перетянула ранку тряпицей и пошла быстро дальше. Чуть забрезжило, когда постучалась в дом в Высотино. И повезло вновь. Хозяин добр, на полу вповалку спят семь детей. Только легла к стенке, укрылась старой хозяйской шалью, стук в дверь. Заходят двое: «Вы не видели, не проходила мимо женщина? Может у тебя где-нибудь?». — «Ищите, — говорит хозяин, — вон на полу, смотрите всё моё богатство лежит!» Ушли. Я выползла с крыльца и ползком по огороду добралась до леса. До Красноярска окольными путями дошла без приключений.

Анна Семёновна Кочнева за 13 лет где только не ночевала в Красноярске. Подрабатывала, как появлялась возможность. Милостыню иногда собирала, хотя бродяжничество было запрещено. В 1943 году открылась служба в Покровской церкви по улице Сурикова. Ещё 16 лет она при ней и обитала, прислуживала за хлеб насущный.

В 1943–1956 годах каждое лето приезжала жить к нам в Атаманово.

Из книги В. С. Максимова «Маковская сторона»

В начале 1930 года, то есть в самые лютые морозы, в Маковскую тайгу, в боры под названием «Сороки» и «Окунево» в нескольких километрах от реки, было привезено в ссылку без предъявления обвинений несколько сотен несчастных крестьян и брошено в тайге на вымирание. По неуточнённым сведениям, там хотели открыть леспромхоз. Кругом тайга, глубокие снега и ни единого клочка земли, пригодной для распашки. Как они там жили, нам даже представить невозможно. Спецпосёлки, или трудпосёлки, управлялись комендатурами трудовых поселений ОГПУ. Для надзора за спецпереселенцами был создан участок комендатуры и в Маковском, который вольготно расположился не в тайге, а в самом селе в новом просторном доме выселенного перед этим торговца-крестьянина И. Т. Максимова. Сосланные крестьяне начали строить в борах дома и бараки, срубы которых наше поколение видело в борах 30 лет спустя. Они обозначены и на топографических картах 1965–1967 годов, рядом лежали колоды для поения и кормления скота, остатки разобранного и брошенного сельхозинвентаря. То есть ехали они с надеждой возобновить крестьянствование и в ссылке. Жалобы сосланных крестьян дошли до властей, в руководстве нашёлся человек с отзывчивой и доброй душой, и в с. Маковское была направлена комиссия, которая объективно и честно оценила ситуацию, и это поселение ссыльных, известное под названием «Маковка», в начале лета того же года было распущено. Не успевших уехать ссыльных крестьян осенью отправили в Соврудник на золотые рудники.

В Атамановской НСШ в старших 5–7 классах в 1946–1949 годах историю преподавала Фаина Степановна Кочнева (ей было 2 года, когда в 1929 г. везли её в Маковское на поселение). Закончила педучилище, из-за отсутствия предметников стала преподавать историю. Получалось неплохо. Ладную, спокойную, справедливую, дети любили её. Математику преподавал вернувшийся с фронта танкист Чугунов Василий Дмитриевич. Они поженились, жили в школьном доме с матерью, вернувшейся в родное село Атаманово. В 50-е годы супруги переехали жить в Красноярск-26. Там же в ЗАТО Железногорск в посёлке Додоново жила сестра Ф. С. Кочневой Евдокия (по мужу Седельникова). Был у неё в гостях, побеседовали.

АВТОР: «Не хотел бы Вас тревожить воспоминаниями о 30-х годах, о раскулачивании родителей, о высылке семьи в Маковское. О том проклятом времени, о себе, мне многое рассказала ваша тётка Анна Семёновна. Что помнится Вам о детстве своём?»

СЕДЕЛЬНИКОВА Е. С.: «Детство как детство. У всех людей моего поколения одинаково: школа, пионерская организация, самодеятельность, игры в лапту, разрывные цепи; в клубах кино. Мы жили в Маковском всего год. Отец работать уезжал на прииски в Удерейский район. Он многое умел, и потому его взяли на постоянную работу в райцентр, в село Удерейское. Купили там дом. Все братья и сёстры учились, закончили по семь классов, получили специальности. У родителей, конечно, рана в душе от брошенного дома в Кекуре осталась. Нам же — их детям — советская власть дала многое, мы на неё не в обиде. Помню только один случай, когда по сердцу резануло. Пришла в Дом культуры в кино. Контролёр знал нас, за сестрой ухаживал — мы же были и красивые, и боевые. Поговорили с ним, пошла в зал. Слышу, его спросил рядом стоящий, приезжий парень: „Кто это?“ „Кулачка“, — ответил контролёр. После этого мы разговаривать с ним перестали. У нас — трёх старших сестёр — хорошие семьи, дети. Вася участвовал в Великой Отечественной войне. Вернулся живым. Жаль, у Фаи детей нет!»

Таковы перепады в нашей сложной истории. В 1935 году после образования Красноярского края «клеймо» «кулак» с сосланных крестьян было снято, многие из них вернулись в родные места, храбро защищали Отечество в годы Великой Отечественной войны.

Горькая и гордая судьба колхозников

Советская власть внесла и внедрила производственный и культурный модерн, новизну, во все сферы жизни во всех регионах гигантской страны. В таёжных углах, каким был Маковский куст, изменения проявились ещё заметнее.

С разрешения В. С. Максимова из его краеведческо-родословного исследования «Маковкая сторона» используем некоторые данные о колхозной жизни.

«В 1930 году в Маковском сельсовете было создано Спецпоселенческое хозяйство ОГПУ „Новый путь“. Сначала в нём числилось 427 едоков, из них работающих мужчин 123 человека, женщин 86. Жили в бараках из сухостоя размером 5 × 8 метров, бараков было 40. Посевная площадь составляла 245,5 гектара. Имелись лошади, крупный рогатый скот, свиньи, куры, кролики. Появились скотный двор, полуутеплённые хлева для скота, амбар, навес для сельхозмашин, три колодца, подвал для хранения овощей.

В 1932 году была организована летняя детская площадка, которую посещали 29 мальчиков и 31 девочка от 3 до 7 лет из семей спецпереселенцев. Дети обеспечивались питанием, работникам площадки начислялись трудодни. Хозяйство исчезло в 1947 году.

В 1933 году в Маковском с бригадами в деревнях Филипповой и Рыбной был создан колхоз „Север". В него вступили 80 семей, более 400 человек всех возрастов. Создание колхоза прошло мирно, без раскулачивания и стрельбы по активистам. Первым председателем избрали Бондаренко Дмитрия Герасимовича. В первые годы были построены скотные дворы, раскорчёвывались и вводились в оборот новые пахотные земли, к началу войны пашни было около 300 гектаров.

Позже на территории Сельсовета появились колхозы: в 1936 году „Охотник" (д. Ворожейка); в 1937 году „Промысловик" (д. Лосиноборская), «Рыбак» (д. Айдара), имени Калинина (д. Суханова).

Колхозники в сезон сельхозработ жили в бригадных «культстанах», расположенных среди полей и покосов. Работали в бригаде, как сейчас бы сказали, по скользящему графику, без общих выходных, отпускали домой по очереди один раз в 15 дней на 2 дня, чтобы отдохнуть и помыться в бане, постирать одежду.

В колхозе была своя мельница, построенная ещё в доколхозный период на р. Шайтанке недалеко от её устья. Колхоз на ней молол для своих нужд рожь, так как пшеницы сеяли очень мало. Было две пасеки.

В годы войны председателем колхоза до 1946 года был крепкий крестьянин Максимов Иван Кузьмич, которого весь народ звал просто „Кузьмич".

В колхозе была организована пекарня, всем колхозникам во время работ выдавался в счёт заработка печёный хлеб по 700–900 граммов и даже по 1килограмму в сутки, выделялось немного молочных продуктов. Была создана рыболовецкая бригада, старики добывали и лосей. Всё это шло на котловое питание колхозников.

Совсем плохо было с одеждой и обувью. Купить было негде и не на что. Колхозу на премиальный фонд район кое-что выделял, но этого было явно недостаточно. Одежду шили из мешковины и домотканого полотна, но в основном ставили заплатки на старую, ещё довоенную одежду, и она состояла в основном из множества заплаток. Обувь тоже была самодельная — чирки, также неоднократно ремонтируемые — к старым голенищам пришивались другие головки.

Кроме работы в своём колхозе, зимой отправляли колхозников по разнарядке районного руководства на лесозаготовки».

В 1930–1933 годы староверы из Маковского и других деревень на таёжных еланях создали заимки, как пишет В. С. Максимов, более двадцати усадеб.

Кроме колхозов, были созданы сельское потребительское общество (сельпо), рабочий кооператив (рабкооп), рыбное хозяйство (рыбкооп), два лесоучастка, звероферма (по выращиванию пушных зверей).

Спасибо Виктору Сергеевичу за ценную информацию по истории Маковского. Он как краевед и журналист имеет право на бесстрастное, как бы со стороны, без оценки представленной информации, право на свою точку зрения, идейную позицию.

Нужно ли было переходить от единоличных крестьянских хозяйств к государственным (совхозы) и коллективным (колхозы)?

Безусловно! Иначе бы не состоялись индустриализация и модернизация в государственном масштабе, и мы не победили бы в годы очередного нашествия многих стран Европы под гитлеровскими знамёнами; не создали бы ракетно-ядерный паритет. Даже исходя из этих объективных глобалистских позиций, выразим великую благодарность сельским труженикам.

Ныне, после смены общественного строя, после ельцинско-горбачёвских реформ, когда исчезли почти все колхозы и совхозы и страна перешла на потребление импортных сельхозпродуктов, абсолютному большинству россиян стало ясно, что решение о переходе от единоличных хозяйств к коллективным (совхозы, МТС, колхозы) было стратегически верным.

Ярые же противники такого пути весь критический арсенал обрушили на перегибы, на акцию раскулачивания и «колхозное рабство» 1942–1953 годов.

Вне сомнения, ссылка без суда и следствия крестьянских семей в полном составе, преступный лозунг «Ликвидировать кулачество как класс» были явным и большим перехлёстом.

Но и сюда затесался ложный миф: «Раскулачивали и ссылали добрых умелых хозяев завистники и лентяи». По такой логике выходит, что зажиточные крестьяне — это честные труженики, а бедняки — это лузеры, лентяи и завистники.

Неверная точка зрения, противоречащая законам политэкономии, психологии и синергетики!

Любой сибиряк мог стать земледельцем, самостоятельным хозяином, только пройдя огромную практику в семье; овладев многими десятками навыков. Того требовали законы природы, суровые условия проживания, рискованное земледелие; технология выращивания зерновых и овощных культур. Лентяи и завистники среди крестьян были редки.

Другой труднейший период 1941–1952 годов даже называют периодом «колхозного рабства», но такое положение было вынужденным.

В Сухобузимском районном архиве хранятся «Годовые отчёты колхозов зоны Миндерлинской МТС, 1935–1950 гг.». В деревне Дубровой по отчёту за 1938 год работали в колхозе «Большевик» постоянно 106 мужчин, 35 женщин и 6 подростков до 16 лет.

По отчёту же за 1942 год, работало 106 женщин, 6 мужчин и 30 подростков старше 12 лет.

Первый и особенно второй критикуемые факторы только закрепляют вывод об особой миссии колхозников, чьё имя должно звучать гордо! Они в годы войны и в восстановительный период сохранили угодья и пашни, сохранили поселения. Дали стране достаточное количество хлеба и сельхозпродуктов. Внесли приличные средства в фонд обороны и в займы. Сохранили себя и детей войны, ставших в 50–80-е годы основной созидательной силой страны.

К сожалению, послевоенная урбанизация породила очередной ложный миф, когда у части сытых горожан слово «колхозник» стало как бы ругательным, символом отсталости, примитива. Такие мифы, как раковая опухоль, проникают во все ткани здорового общественного организма. О несправедливости новых времён по отношению к сельчанам с горечью писали В. Шукшин, Н. Рубцов, В. Распутин, Ф. Абрамов и другие писатели-«деревенщики», они и горькую пили от невозможности достучаться.

Великий кинорежиссёр Довженко поставил фильм «Поэма о море» и одним из первых заставил задуматься о наших крестьянских корнях. Сюжет фильма одновременно прост и глубок: председатель совета большого села, попавшего под снос в результате создания Цимлянского водохранилища, собрал рождённых здесь, вылетевших из родного гнезда и ставших известными людей.

Фёдор Абрамов написал очерк о подобном сборе бывших сельчан в одном из колхозов Архангельской области. В докладе председатель назвал многие десятки тех, кто уехал из села и прославил его. «Вот, к примеру,—восторгался докладчик,— семья N: один сын дослужился до полковника, второй—директор завода, третий—партработник районного масштаба; одна дочь—ткачиха, другая— стюардесса!» А в зале сидела их сестра, оставшаяся в колхозе, хорошая работница, добрейшей души человек, о ней ни слова.

В. С. Максимов с любовью пишет о своих земляках, о коренных жителях Маковского; с горечью о трудностях колхозной жизни, заострив внимание на военном и на первых годах послевоенного периода. Но ведь были периоды весьма неплохие, заслуживающие доброй памяти.

В 1935 году после создания Красноярского края с крестьян было снято клеймо «кулак». Большая часть отправленных в ссылку вернулись в родные места, стали трудиться, в том числе в колхозах. В их бывших больших домах разместились библиотеки, школы, клубы, конторы колхозов, промартелей, сельпо, детские ясли, сельские советы.

Дома не возвращали, но сносное жильё предоставляли. В редких случаях, много позже, в 90-х годах потомки репрессированных сельчан отсудили владения своих родителей.

С 1935 по июль 1941 года колхозы укрепились, поднялись; росла урожайность зерновых, росло поголовье скота. В мтс, в совхозы и в колхозы поступало всё больше техники, в том числе и отечественной: колёсники, гусеничные трактора чтз, бульдозеры, автомашины зис-5 и амо, прицепные комбайны «Коммунар» и «Сталинец». Колхозники, в том числе и в Маковской округе, стали жить в среднем лучше, чем в единоличных хозяйствах. На трудодни тогда получали достаточное количество хлеба, мёда, других продуктов и денег. В. С. Максимов прав, утверждая, что трудодень как форма нормирования и учёта трудовых затрат появился не случайно, полустихийно, ведь при огромном количестве самых разных, в том числе мелких, но нужных хозяйственных дел оценить их объективно не просто. Учётчиками избирали (или назначали) умудрённых опытом пожилых людей, знающих «что почём». Виктор Сергеевич назвал только минимум необходимой годовой выработки—150 трудодней. Верхней же планки не существовало. Рекордной являлась цифра 1000 трудодней. Их редко получали самые крепкие, физически здоровые мужики.

Как волоковоз я видел адский вынужденный труд мётчиков. Зароды ставили обычно в жаркие дни. Часа четыре до обеда и столько же после обеда, когда зной становился невыносимым, они деревянными вилами поднимали вверх, всё выше и выше большие навильники (того требовала технология, иначе дожди сено прольют). Работали в накомарниках (сетка из волоса перед лицом, а на голове и по плечам остальная часть—мешковина, чтобы труха не попадала за ворот). Рубахи мокрые от пота, хоть выжимай их. То и дело мётчики шли к стоявшему в тени лагуну с водой и через трубки зонтичных растений тянули всё же нагретую воду, пропускали через себя десятки литров.

Приходилось и мне в студенчестве стоять под зародом, терпел, спортивная закалка помогала. И если нам, волоковозам, начисляли трудодень или полтора, то все понимали, что труд подавальщиков стоил 4–5 трудодней. Они обесценились в военные и в послевоенные годы.

В довоенные годы возникло звуковое кино. Продавались свободно патефоны, велосипеды, фарфоровая посуда, ткани, готовые изделия, бакалея и галантерея, хлеб.

В 1935–1941 годах в колхозах основной рабочей силой были мужчины. Абсолютное число детей учились; в 1928 году было провозглашено всеобщее начальное, а в 1940-м всеобщее семилетнее образование.

Существенные изменения в аграрном секторе начались с 1954 года при Н. С. Хрущёве, сделавшем многое для преобразования и роста сельского хозяйства, подключившего общенародное внимание к селу. Плохо, что закрепилось за ним порочащее

слово «кукурузник». Дело не только в кукурузе, а переходе от естественных трав к кормовым, пропашным культурам, к сеяным травам; к новым машинным технологиям, к уходу от сенокосов времён Ивана Грозного (коса-литовка, грабли, вилы, стога).

С 1954 года изменения в сельской местности во всех сферах произошли весьма существенные. В 60–80-е годы денег на строительство коллективные хозяйства получали столько, сколько могли освоить.

Появились новые фермы, зерно и овощехранилища, машинные дворы, гаражи; улучшились дороги. Во всех сёлах края были построены типовые коттеджи на две семьи, с прилегающими усадьбами и огородами к ним. Интернет-энциклопедия сообщает: «В 1974 г. все колхозы Маковской зоны были объединены в один укрупнённый колхоз с центральной усадьбой правления в деревне Лосиноборск. В 1982 г. правление было переведено в село Озёрное. В 1987 г. колхоз „Промысловик" был преобразован в совхоз».

Были в Маковском кусту в 60–80-е годы свои передовики, энтузиасты, герои, орденоносцы. Их имена должны зазвучать, стать известными, хотя бы в экспозиции «Маковское» в музее г. Енисейска (надеюсь, к юбилею такая появится).

Мёртвые сраму не имут

«У нас на всех одна Победа!»
(из песни)

В общенародной эпопее Отечественной войны (1941–1945) яркая и значимая страница подвигов на фронте и в тылу принадлежит маковцам — потомкам тех, кто осваивал Сибирь, таёжникам, колхозникам, лесникам, речникам, охотникам, рыбакам, работникам социальной и культурной сфер. Характер и хронология призывов в годы войны была в Маковском сельсовете такая же, как и по всей Сибири:

- в 1941 году призваны все годные по здоровью мужчины так называемого кадрового состава 1905–1923 годов рождения;
- в начале 1942 года стали фронтовиками старые солдаты 1-й Мировой и Гражданской войн 1904–1892 годов рождения (до 50 лет);
- в 1943–1945 годах ежегодно призывались юноши 1925–1927 годов рождения, причём месяц рождения не принимался во внимание, и в училищах, и в боевых частях оказывались парни, не достигшие 18 лет;
- в 1943–1945 годах стали призывать девчат и молодых женщин.

Тщательно просматриваю «Книгу памяти» Красноярского края. Всего в Енисейском районе записаны в книге погибшими 5369 человек. Среди погибших значатся Зыряновы — 50 человек, Шадрины — 36 человек, Поповы — 59, Ивановы — 28, Сидоровы — 28, Высотины — 27, а также по 10 и более воинов из известных на Среднем Енисее родов.

Выписываю по алфавиту погибших или пропавших без вести воинов-енисейцев, местом призыва которых значатся Маковское, Ворожейка, Лосиноостровское. Их оказалось 65 человек. Из них были призваны до войны (и погибли) 8 солдат, в 1941 году — 30 (1905–1922 г. р.), в 1942 году — 14, в том числе 9 возрастных (до 50 лет) мужчин — отцов больших семейств, в 1942 — 1944 годах навечно ушли с родных подворий 13 юношей в возрасте 18 лет.

Погибли в 1941 году 8 воинов, из них 5 пропали без вести; в 1942 — 20 (13), в 1943 — 11 (7); в 1944 — 9(6), в 1945 — 7.

Лично у меня вызывает протест и недоумение понятие «пропал без вести». Во-первых, слово «пропал» в русском языке имеет всё же оттенок нехороший, двусмысленный.

За погибших жёны, матери получали пособия, за без вести пропавших нет. Таково было решение, людьми не оспариваемое, была бы жива страна. И всё же удивляет, почему так много пропавших без вести в 1943–1945 годах, в годы наступления, когда штабная работа наладилась.

В. С. Максимов же в своём краеведческом-родословном исследовании приводит цифру: 88 погибших воинов, призванных Маковским сельсоветом в 1941–1945 годах. Погибли из Маковского 54 человека, из Ворожейки — 21, из Лосиноборской — 4, из Рыбной — 4; вернулись — в Маковское — 27, в Ворожейку — 6, Лосиноборское — 3.

Думается, что его данные ближе к истине, но и они не полные. Общий вывод таков: из Маковского сельсовета были призваны на фронты Великой Отечественной войны около трёхсот человек (в том числе 20–25 девушек и молодых женщин), Более ста воинов погибли.

Воевали родные братья:

- *Белозёровы* Марк Евдокимович (1898 г. р., пропал без вести 30.09.1942); Ефим (1919, погиб 24.03.1945 в Латвии); Платон (вернулся в Маковское);
- *Татаркины* Афанасий Ульянович (1921 г. р., пропал без вести в 1941 г.); близнецы 1925 г. р. Демьян, погиб в 1943 году, и Емельян, пропал без вести в 1944 году;
- *Бондаренко* Андрей Герасимович (1911 г. р., БВП, в ноябре 1941 г.); Павел (1912 г. р., погиб 21.10.1944 в Мурманской области); Тимофей (вернулся, имел орден Славы), Андрей Тимофеевич (1920 г. р., погиб 5.11.1943 на Украине); Семён (погиб 27.11.1941 в Тульской области).

Так же в семьях Максимовых, Пановых, Угрюмовых, Коротких.

Воевали отцы и сыновья:

- *Стыжных* Иван Львович (БВП, 1942 г.) и Николай Иванович (1926 г. р., БВП в 1944 г.);
- *Распуткин* Василий Фёдорович (1895 г. р., БВП в мае 1943 г.) и два сына его — Андриан Васильевич (1918 г. р., погиб в плену в Нойбранденбурге, лагерный номер 79470); и Александр (1922 г. р., погиб 03.02.1945 в Венгрии).

В книге «Маковская сторона» В. С. Максимов пишет:

> «Не возвратились с войны и принимали участие в Великой Отечественной войне и местные аборигены — кеты, проживающие в низовьях. Много погибших среди староверческого населения деревень Лосиноборское, Айдара, Суханова и многочисленных заимок».

Нельзя не обратить внимание на большое число у погибших старорусских (вероятно, из византийских святцев) имён: Илларион Ефстафьевич, Феофилакт Яковлевич, Лавр Лаврентьевич, Азер Денисович, а также имена — Евсихей, Герасим, Иона, Демид, Тарас, Кондрат, Вакула, Яков, Алимпий, Порфирий, Трофим, Фаддей, Ермил, Евлампий, Серафим.

Информация об участниках Великой Отечественной войны из Маковского куста неполная. Нет точной цифры числа всех призванных; не учтены в «Книге Памяти» все погибшие, и весьма приблизителен список оставшихся в живых, особенно это касается старообрядцев. Возможно, добавились новые сведения в связи с празднованием 70-летия Великой Победы.

Вообще видение войны в рассказах её участников, отношение к ним и память о них претерпели в послевоенные годы ряд колебаний.

С 1945 по 1954 год, кроме фильмов и нескольких книг да статей к годовщине важных сражений, было общее умолчание: ни мемориалов (хотя в честь участников Гражданской войны они имелись во многих местах); ни «боевых уголков», ни встреч с воинами, ни чествований их.

Помню, как зимой 1946 года в Атамановской школе старшеклассники (6–7 кл.) показывали пьесу на военную тему. Все атрибуты: полушубки, гимнастёрки, котелки, ордена были натуральны, заимствованы у солдат, вернувшихся с войны. Даже у немецкого офицера — персонажа пьесы — на груди висели кресты, скреплённые единой планкой поверху (кто-то снял её с врага, видать, весьма отличившегося в боях, и привёз её в Атаманово). Но почему-то не было команды создавать музейные уголки, а после появления их многое уже исчезло.

В нашем классе преподавали четыре фронтовика: учитель физкультуры Г. М. Бабиков (он после вёл уроки военного дела и сагитировал в военные училища более 20 (!) человек выпускников); учитель математики Чугунов (только раз проговорившийся, что он танкист); учитель физики М. А. Иванцов (он не снимал гимнастёрку, на которой были прикреплены значок гвардейца и несколько орденов) и преподающая историю и Конституцию СССР директор школы Л. П. Каверзина. И никто из них ни разу, ни на уроках, ни вне их, ничего не рассказывал о своём боевом пути, о каких-либо фронтовых событиях.

А рассказать было что! Много позже, через десятки лет, узнал, что Людмила Петровна, 1918 года рождения, в 311-м стрелковом полку 65-й Краснознамённой СД с 1941 по 1944 год была в звании старшины, помощником командира взвода разведки. В 1943 г. привела «языка», за что была награждена медалью «За отвагу». Несколько раз контужена.

Она, как помню, до 1950 года ходила в гимнастёрке, в юбочке в обтяжку, на голове — берет, и очень походила на поэтессу Юлию Друнину.

Не только мы побаивались её, замирая в коридоре при входе, но и наши отцы, избравшие Каверзину секретарём Атамановской территориальной парторганизации.

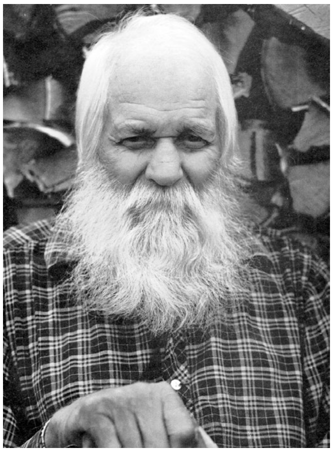
Почему она молчала, как и другие учителя-фронтовики? Не думаю, чтобы указания и запреты поступали свыше. Просто атмосфера общая была такой. Возможно, Сталин по каким-то соображениям (не хотел делиться славой, победа досталась большой ценой, о чём он знал, и др.) не давал указаний, молчал, и молчали все. Возможно, в условиях культа личности боялись на местах проявлять инициативу.

Первый раз стену умолчания «прорвало» в 1954 году, когда писатель С. Смирнов рассказывал по радио о Брестской крепости, у приёмников собирались большие группы людей. В период так называемой оттепели появились новые прекрасные фильмы о войне: «Чистое небо», «Белорусский вокзал», «Летят журавли» и др.

Началась поисковая работа в самых разных формах; появились стенды, уголки; очерки в газетах; стали проводиться встречи с фронтовиками.

К 1975 году, по указанию Л. И. Брежнева, все военкоматы отправили по месту гибели своих воинов письма (копии похоронных хранились), и к 30-летию Победы в местах боёв возникли братские захоронения; из всех отдельных могил останки перенесли в них; установили памятные плиты с надписями.

В годы перестройки и в лихие девяностые вдруг отношение к ветеранам существенно изменилось, вплоть до диких заявлений: «зачем, мол, победили, жили бы сейчас, немецкое пиво попивали». Такая дурь оказалась небезобидной. Немало ветеранов ушли после инфарктов и инсультов, а некоторые



Маковский старожил

покончили с собой, как Ю. Друнина. Это наваждение, инфлюэнция беспамятства в Маковском выразилась в небрежно-бюрократической форме, о чём пишет В. С. Максимов:

> «„*Вечная память воинам, погибшим в Великую Отечественную войну*“—эти слова кощунственно смотрятся на нынешней Стене Памяти в клубе села Маковского. В Маковском к 350-летию села около клуба была сделана Стена Памяти со списками жителей населённых пунктов Маковского сельсовета, погибших в Великую Отечественную войну. Там были вписаны фамилии почти всех погибших воинов. Сейчас по селу Маковскому список, имеющийся на стене в клубе, очень неполный, в нём имеется всего пять фамилий из почти пятидесяти, хотя по остальным деревням вполне реальный.
>
> Пришлось обращаться к министру обороны России, губернатору и прокурору Красноярского края».

Международная обстановка, заявления В. В. Путина о том, что «мы—другие», «патриотизм может стать национальной идеей» разрушили полностью «плотину» сдерживания, и хлынул по улицам городов и всех поселений страны прибой «Бессмертного полка».

Время постсоветское

(после 1991)

Разрушение производств, изменение стиля жизни от стабильности к неопределённости началось в Маковском, как и везде, с горбачёвской перестройки. С 1991 года этот процесс пошёл здесь более быстрыми темпами, чем в сёлах вокруг Красноярска. Оставим «за кадром» вопрос, почему… Версий несколько. Было 500 жителей, несколько производств, общественные организации, соцкультбыт. Осталось к началу XXI века 75 жителей. Своё отношение к тому периоду Алексей Маркович Бондаренко—известный в крае человек, родившийся и выросший в Маковском, выразил в стихотворении.

Маковское—боль моя

Захожу в дома села старейшего,
Им Сибирь родимая горда…
И. Рождественский

Вьюга воет и злится утробою,
Темень всюду, не видно ни зги.
Принакрылась деревня сугробами,
Словно саваном белым тоски.
И такая печаль безысходная,
Будто вымерли все иль ушли…
Позабыта давно жизнь колхозная—
Поразъехались все, кто смогли.
Не горит здесь экран телевизора,
Нет дорог, не сияют огни.
Нет мелодии, звука транзистора—
Трудно ждут скорбный час старики.
Почты нет, и мука на исходе,
Не придёт за больным вертолёт.
А по Маковкам древним, по взвозу
Смерть витает, хохочет и ждёт.
А когда-то звучали здесь песни
И сверкали у клуба огни.
Молодёжь, старики были вместе—
Веселились, смеялись они.
Свадьбы правили, радость делили,
В каждом доме пекли каравай.
И в душе они Бога просили,
Чтоб богатый послал урожай.
Погибает селение древнее,
Зарастают дурниной поля.
И не дай Бог, погибнет деревня—
Это значит, погибнет Земля.

Но жизнь в Маковском продолжается.

Очерк Кытмановой «Босиком по росе»
(газета «Красноярский рабочий»)

«Сегодня село Маковское празднует свой юбилей. Что изменилось с тех пор? Какие здесь обычаи? Живут ли ещё правнуки тех казаков-основателей? Обо всём этом нам очень хотелось узнать, но получить такую информацию оказалось ой как не просто. Дело в том, что добраться до села можно только зимой, когда промерзает насквозь речка Кеть. Летом же единственно доступный транспорт—вертолёт, только вот появляется он на поляне у села лишь раз в месяц, когда привозит пенсии, продукты и ГСМ. Но юбилей—дело святое, и после 30 минут полёта (100 км от Енисейска) мы оказываемся на долгожданной полянке.

Жители земли маковской встречают нас хлебом-солью, песнями и медовухой в деревянных чарках. Люди здесь вообще оказались особенные. Ну где в городе вы увидите бегущего навстречу мальчишке взрослого мужчину, кричащего, что есть мочи: „Сынку, сынку мой приехал!“ Или где вам совершенно незнакомая девчонка с длинной косой, смущённо улыбаясь, предложит горстку

смоляных орехов? А как насчёт десятка светловолосых ребятишек, бегущих босиком по крупной утренней росе?

Кстати, детей здесь очень много. Дело в том, что ещё три года назад село практически вымирало. Местное население от нечего делать стало всё чаще прикладываться к бутылке и исчезло бы окончательно. Но, услышав о столь глухом месте, в Маковское отовсюду стали приезжать староверы. В итоге за последнюю пару лет население увеличилось в два раза и составило 150 человек.

Принято считать, что староверы нелюдимы, но это оказалось неправдой. С большой охотой они отвечали на наши вопросы и делились проблемами, которых у них оказалось очень много.

В селе совсем нет работы, зарплату получают только маковский старожил-библиотекарь, врач, председатель и учителя. Ребятишкам учиться приходится в три смены, размеры школы невелики. К тому же учатся в ней только шесть лет, а потом желающих отправляют в енисейский интернат — это единственная возможность получить хоть какое-то образование.

В Маковском нет ни одного магазина, поэтому жители закупают всё необходимое на год вперёд. Да ещё зимой, когда появляется дорога, енисейские предприниматели изредка завозят продукты. Но молодёжь самой большой проблемой считает то, что заняться ей нечем».

Из очерка В. Аференко
«Мемориальный поход в Маковское»

Ещё в 2011 году в плане Енисейского отдела ЕВКО на 2012 год упоминалось о мемориальном походе в с. Маковское для установления Поклонного креста казакам-первопроходцам. По туристическим нормам это невеликое событие — 70 км в одну сторону, но вот достичь этой цели до середины июня 2013 года было не так просто.

Этой зимой на машине мы ездили в Маковское на разведку, решали с местными жителями интересующие нас вопросы, получили обещание в помощи изготовления креста на месте. Разрабатывали и распространяли агитационный листок, где подробно было сказано о походе, его целях.

16 июня 2012 года. Наступил долгожданный момент — в 9:25 из Ялани группа из шести человек выступила на запад по направлению к Маковскому. Ночёвка запланирована через 26 км на реке Рыбной (у местных это место называется Акулина). На этом участке нет ни ручьёв, ни речек. Воду можно найти только в лужах. Дорога прорезает хвойный лес, полян нет. К месту ночёвки подошли в полночь, через 14,5 часа. Шли со скоростью 3,6–4,4 км/ч, но вынуждены были часто и подолгу отдыхать. Дорога оказалась намного ужаснее, чем я предполагал: страшны были не лужи и грязь, передвижение затруднялось из-за засохших комков грязи от гусениц тракторов и танкеток, из-за чего невозможно было поставить ногу прямо. Результат — мозоли. Жара и комары добавляли неудобства. Чтобы не задыхаться в накомарниках, обливали их водой.

17 июня. Проснулись в восемь утра. Приготовили завтрак, поели. И стали залечивать раны.

Дорога лучше не стала, чтобы найти обход через лужи, приходилось идти зигзагом, некоторые обходили, заходя в лес. Из-за такой дороги, жары и сбитых ног до речки Якуньки 14 км шли восемь часов. Пройдя ещё 5 км, к 22:10 подошли к речке Антошке, где и остановились на ночёвку. 14 лет назад это было чудное место. После того как вездеходами запрудили русло, разлившись, речка заболотила огромную площадь, и мы с трудом нашли сухое место для палаток. Спать улеглись уже за полночь.

18 июня. Встали рано, в 6:45, но пока позавтракали, обработали раны на ногах, собрались идти уже в 10:30. Жара. Лес изменился, вдоль дороги лиственные деревья, от пуха осин, кажется, что выпал снег. Много следов лосей и медведей. Идём, бредём, ползём, но упорно движемся вперёд. В 20.10 остановились у какой-то лужи на ночёвку. За день прошли 12–13 км, но реально кажется, что гораздо больше.

19 июня. Проснулись от раскатов грома в 6.15. Быстро собрались — в дождь упаковываться мало приятного. Но гроза оказалась вежливой: погремела, погремела и успокоилась. Мы уже почти у цели — за 3 км до Маковского пошли сосновые боры: беломошник, брусничник, черничник. В 12:00 мы уже у церкви в Маковском.

Отнеслись к нам прекрасно. В этот же день мы побывали в местной администрации. В Маковском шесть улиц, официально числится 90 человек. Есть клуб, школа, почтальон, два продавца без магазина. Два раза в месяц прилетает вертолёт. Дизель-генератор работает с 7 утра до часа ночи с перерывом с 13:00 до 15:00. Кроме моторных лодок, используются долблёные челны, вёсельные плоскодонки.

20 июня. В этот день мы изготовили и установили 3-метровый Поклонный крест казакам-первопроходцам на указанном нам месте.

В Маковском теперь стоит поклонный крест, который освящает память неизвестных героев-первопроходцев нашего Отечества.

Жители Красноярска и Железногорска зимой 2015 года на легковом автомобиле по зимнику ездили в Маковское к старому священнику, который известен в крае как «бесогон» — изгоняет бесов, лечит от душевных болезней. И клиентура есть.

Нельзя допустить, чтобы Маковское — коллективный памятник шестнадцати поколениям россиян — исчезло!

Виталий Молчанов

Город роз

— Нам, дончанам, не нужны трёхэтажные коттеджи, мерседесы и огромные счета в банках,— уверенно поворачивая руль тяжёлыми руками шахтёра, говорил водитель Андрей,— единственная наша мечта — это мирное небо над головой. За четыре страшных года многое изменилось в сознании людей: население сплотилось, стало единым народом… Молча, внимаем словам нашего гида, встретившего нас на ростовском железнодорожном вокзале. Вопросы будут потом, пока мы только привыкаем к окружающей нас обстановке. По обе стороны шоссе раскинулись необозримые донецкие степи, так похожие на наши родные, оренбургские. Дважды выскакивали на обочину лисы и на секунду застывали, провожая взглядом несущийся на приличной скорости автомобиль. «Зверья развелось видимо-невидимо»,— поймав мой взгляд, заметил Андрей: «Охота строжайше запрещена, начнут бабахать охотнички, тут же армейские нагрянут — подумают, что украинская диверсионно-разведывательная группа работает». Настораживали тишина и столь редкое в этих краях движение на дорогах. Впереди нас ждала война.

Мы — писатели из Оренбурга Александр Филиппов, Диана Кан и я, Виталий Молчанов, едем во фронтовую столицу Донецкой Народной Республики с культурной миссией — познакомить коллег из Донбасса с современной оренбургской литературой, оказать поддержку единокровным братьям и сёстрам, своими глазами увидеть происходящее на омытой кровью донецкой земле. В багажнике серого «Шевроле» комфортно разместилась необъятных размеров дорожная сумка, под завязку набитая книгами. Быстро темнеет, мы въезжаем на территорию ДНР через таможню, расположенную рядом с Новоазовском. До оккупированного Мариуполя — всего 44 километра, до линии фронта — 25.

На улицах вечернего Донецка пустынно — прохожих почти нет, с 23:00 до 05:00 в самопровозглашённой республике действует комендантский час. Военное время диктует свои суровые законы. В центре, как сообщил нам водитель Андрей, относительно спокойно, но на окраинах города по-прежнему обстановка остаётся напряжённой — украинская сторона продолжает стрелять по мирным кварталам. Поздним вечером того же дня, расположившись в уютном номере гостиницы «Центральная», мы узнали из боевых сводок, транслируемых местным телевидением, что в результате обстрела погиб парень 1992 года рождения, сиротами остались двое малолетних детей. Приказал открыть огонь военный преступник, полковник ВСУ Владимир Кокорев…

С утра было дождливо, как будто само небо оплакивало невинно убиенного молодого жителя Города Роз. Нас уже ждали в Донецкой республиканской универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской — центре литературной жизни столицы ДНР. После небольшой пресс-конференции, состоялась наша встреча с творческой интеллигенцией Донбасса. Мы с поэтессой Дианой Кан рассказали о крупных литературных мероприятиях Оренбуржья, представили литературный журнал «Гостиный Двор» и его младшего братишку — альманах-приложение для детей «Гостиный Дворик», прочитали свои стихотворения. Прозаик Александр Филиппов познакомил собравшихся со своими книгами и также прочитал небольшой отрывок из неопубликованной повести. Потом настало время отвечать на вопросы. Благодарная аудитория долго аплодировала оренбуржцам, передавшим в дар донецкой библиотеки внушительный набор книг писателей с далёкого Южного Урала. Кроме жителей Донецка, на встречу с нами приехали люди из самых отдалённых уголков Донбасса. Кстати, несмотря на непрекращающиеся боевые действия, в ДНР активно функционируют многочисленные литературные объединения. Пусть уровень их не всегда профессиональный, но люди продолжают писать поэтические и прозаические произведения, собираться для их обсуждения, жить полной литературной жизнью. Писатели Донецка, Горловки, Ждановки и других шахтёрских городов Донбасса передали нам свои книги и рукописи. Самые лучшие работы мы обязательно опубликуем в оренбургской периодике и в литературном журнале «Гостиный Двор».

Как отметил наш гостеприимный хозяин — генеральный директор центральной библиотеки Игорь Горбатов — в ДНР за четыре долгих года войны не закрылось ни одно учреждение культуры, все работали в штатном режиме. Ярким тому подтверждением стала премьера балета «Пер Гюнт» в Оперном театре Донецка, на которой мы,

оренбуржцы, имели честь побывать. Премьера собрала полный зал, было много восторженной и одухотворённой молодёжи. Великолепная музыка Эдварда Грига и блестящая постановка хореографа Вадима Писарева сделали своё дело — был полный аншлаг! Если бы кто-нибудь вчера мне сказал, что я буду смотреть балет в воюющем Донецке — ни за что бы ему не поверил. Люди, опалённые войной, потянулись к спасительной культуре, чтобы вылечить раненые души, приобщиться к вечному и прекрасному. В театре нам сказали, что билеты на спектакли раскупаются влёт чуть ли не за две недели до начала представления. Точно такая же картина и в драматическом театре, и в театре юного зрителя. Библиотеки полны, музеи тоже посещаются замечательно. В этот же день нам посчастливилось посетить Музей Великой Отечественной войны в мемориальном комплексе «Твоим освободителям, Донбасс». Двухуровневые экспозиции музея впечатляли: зал Победы, зал военной кинохроники, общий экспозиционный и оружейный залы. Отдельное место в музее занимают экспонаты, посвящённые сегодняшним горячим дням Донбасса — страшной братоубийственной войне. Работниками музея были собраны ценные экспонаты — оружие, личные вещи, фотографии героев ДНР, отдавших свои жизни в борьбе с современным фашизмом. Перед музеем на постаменте в память о погибших дончанах — отлитый из бронзы букет роз. У подножия его — те же прекрасные цветы с распустившимися душистыми бутонами и колючими стеблями. Непокорённый Донецк — Город роз — ни прошлые фашисты, ни нынешние никогда сломить не смогут.

Мы в Макеевке — ближайшем городе-спутнике Донецка. Перед нами распахнула двери в Центральную городскую библиотеку им. М. Горького заведующая Ольга Конова. С караваем в руках на пороге полного зала нас приветствует Ирина Зосенко — поэтесса и медсестра, которая вывела и вынесла из-под обстрелов более тысячи человек. Сегодня солнечный осенний день, и здесь, в библиотеке, тоже всё складывается ярко и празднично. Звучат стихотворения и проза, Диана Кан и Александр Филиппов рассказывают о своём творчестве и творчестве оренбургских писателей, мы презентуем свои журналы и альманах, затем передаём в дар библиотеке им. М. Горького книги оренбургских литераторов. Теперь и в Макеевке есть свой оренбургский библиотечный уголок. В свою очередь, руководитель городского литобъединения им. Н. Хапланова поэт, член Международного сообщества писательских союзов (Москва) и Межрегионального Союза писателей Елизавета Хапланова поблагодарила нас за визит и поддержку, рассказала о том, чем живёт литературная Макеевка, о традициях и литературных достижениях макеевцев. На память о встрече руководитель ЛИТО вручила подборки книг. Затем прозвучали стихотворения членов макеевского литобъединения Василия Толстоуса, Александра Рака, Александра Невидомого, Ирины Зосенко и других.

«Вернувшись домой, мы обязательно расскажем о героическом народе Донбасса, о людях, которые, несмотря на фронтовые условия, тянутся к прекрасному», — говорю я и преподношу оренбургский пуховый платок заведующей Центральной библиотечной системой Макеевки Надежде Василенко.

Обратный путь показался нам более коротким. Летели из-под колёс серого «Шевроле» километры, шарахались в стороны испуганные лисы, размышлял вслух знакомый наш водитель Андрей. «Скоро вновь запустят Донецкий металлургический завод, будем плавить металл», — вещал он, уверенно поворачивая руль тяжёлыми руками шахтёра: «Донецк — город славных рабочих традиций, мы не хотим быть нахлебниками у России… Лишь бы присоединили нас к себе побыстрее…» В багажнике комфортно разместилась необъятных размеров дорожная сумка, теперь уже набитая книгами и рукописями донбасских авторов. Мы уезжали, забирая с собой в Оренбург самые светлые воспоминания о славном Городе роз, о героическом народе Донбасса, родном нам по крови. Мирного вам неба, дорогие братья и сёстры! Победы! Мы один народ, одна страна…

…В памяти всплыли строки стихотворения «Тревожный чемоданчик» поэтессы Надежды Гирявенко из донецкого литературного объединения «Прометей»:

Понятие это вошло в нашу жизнь
                    так обычно
Приказом начальства,
            статьёю газетной,
                    листовкой подъездной.
И враз чемоданчик тревожный
            стал вещью привычной.
Его содержание в городе нашем
                    любому известно.
Под номером первым —
            по списку идут документы,
Под номером «два» — вещи ценные, деньги наличкой
                        (коль было),
Под третьим — лекарства,
            их разные ингредиенты,
А дальше — бутылка воды,
        чашка, нож, свечка, спички и мыло…

Сегодня вошли в наши будни
                    тревога и горе.
Бывает, я путаю грома раскаты
                    и грохот орудий.
Такой чемоданчик
        стоит у меня в коридоре.
Когда я смотрю на него,
То молюсь: «Пусть он нужен не будет».

Ирина Юдина

Музей—семья, судьба, дорога

Вера Ивановна Тугаринова—спутница жизни А. Я. Тугаринова, заведующего Красноярским краеведческим музеем профессора Зоологического института, выдающегося орнитолога и зоогеографа. Часто авторы, создавая жизнеописания знаменитых людей, мало внимания уделяют их жёнам. Так, об Аркадии Яковлевиче Тугаринове написано немало, а о его жене Вере Ивановне нет никаких упоминаний. А ведь Вера Ивановна была спутницей мужа с 1904 по 1948 год. Сорок четыре года она рука об руку шла по жизни с Аркадием Яковлевичем, сопровождала его в труднейших экспедициях по Красноярскому краю—побывала как на севере, так и на границе с Монголией. Она была помощницей в его деятельности по устройству красноярского музея, помогала ему во всех начинаниях, создавала уют и благоприятные условия для его научной работы.

Детство

Вера Ивановна родилась в 1879 году в городе Саратове в семье датского подданного Иоганна Вюртца. Для того чтобы понять, как датчанин оказался в Саратове, нужно рассказать о семействе Залётовых.

Иван Алексеевич Залётов был старшим биржевым маклером на хлебной бирже, что приносило ему немалый доход. Однажды в местной газете появилось объявление датской фирмы, предлагавшей за 500 рублей выслать всё необходимое для асфальтовых работ и направить для организации дела своего человека. Иван Алексеевич, заняв 500 рублей, послал по предлагаемому адресу деньги, полгода терпеливо ждал, пока в один прекрасный день к нему не явился датчанин Иоганн Вюртц, вместе с которым прибыл груз для открытия производства асфальта. Иван Алексеевич и Вюртц были энергичными людьми, и не прошло и полугода, как в Саратове стало престижно асфальтировать тротуары перед частными домами, а также дворы и складские помещения. Первый тротуар появился у книжного магазина купца Вакурова и просуществовал без ремонта 60 лет. Саратовцы-старожилы помнят вмурованную в тротуар чугунную плитку с надписью «Контора производства асфальтовых работ И. А. Залётова».

Со временем асфальтовое дело Залётова разрослось настолько, что охватило весь юго-восток страны. Приехавший из Дании И. Вюртц принял православие, женился на сестре жены И. А. Залётова Елене Михайловне и поселился в доме компаньона. В 1879 году у них родилась дочь Верочка, а в 1884—сын Николай.

Из воспоминаний детства Веры Ивановны:

«Помню себя с пятилетнего возраста, я нахожусь в зале, наполненном людьми. Чувствую себя маленькой среди взрослой толпы. Мимо меня проходит священник, останавливается и говорит: „Вот я шёл сюда и нашёл косточку, возьми её себе“. Косточка оказалась шоколадкой. Присутствие священника объяснялось крестинами моего только что родившегося братика Коли. Я знаю, что мамы в зале нет, она не может присутствовать на крестинах, так как она „не чистая“. Она ещё не взяла молитвы, которая полагается после родов по православному обычаю. Мои воспоминания, может быть, относятся и к более раннему периоду моей жизни. Они относятся к празднику Рождества: ёлка в зале за закрытыми дверьми, в ожидании открытия которых нахожусь в кабинете отца перед камином, в который с отцом подбрасываем какие-то неудачно сделанные фонарики. На этом почему-то воспоминания о ёлке кончаются. Ярко освещённой её я не помню, скорее вспоминаю какой-то полумрак под большими нижними ветками. Внизу стояли какие-то подарки».

Юность. Обучение на курсах Лесгафта. Ссылка в Саратов

Счастливое детство продолжалось недолго.

В 1890 году умирает отец. Его смерть отразилась на производстве предприятий Залётова, и они перестали приносить большие доходы. В тот же год осенью умирает мать Веры и Коли и дети остаются сиротами. Возможной причиной смерти могла стать холера от вольнонаёмных рабочих, приходивших на предприятие асфальтовых работ.

Жена Залётова, Клавдия Михайловна, взяла детей себе и воспитывала как собственных, несмотря на то, что у неё уже был приёмный сын Борис. К Вере Ивановне Клавдия Михайловна относилась как к родной дочери и следила за её судьбой.

Вера подросла и в возрасте 11 лет поступила в Епархиальное училище, которое окончила в 1896 году.

После окончания (выпуска) Вера подаёт прошение в Министерство народного просвещения на должность помощницы учительницы. В ноябре 1896 года Вера Ивановна получает положительный ответ и направляется в Рокотово-Стариковскую школу, что находится в Саратовском уезде. Работает она там до 1900 года. Живя в удалении от города, Вера Ивановна всё свободное время посвящает чтению художественной литературы, изучает передовые методы обучения детей и знакомится с программой курсов Лесгафта. В том же году она направляет в Петербург прошение о поступлении на курсы и 3 октября получает положительный ответ и билет №303 слушателя курсов воспитательниц и руководительниц физического образования. Вместе со своей приятельницей по училищу Вера Ивановна едет в Петербург. Поселились они в помещении в самом здании Биологической лаборатории.

Курсы были рассчитаны на 2 года обучения. Слушательницам предстояло изучать основы анатомии и физиологии человека, гигиену, теорию телесных движений. Приобрести знания по некоторым разделам — химии, физике, математике, освоить методику проведения физических упражнений и игр. Лектором был сам Лесгафт.

Выдержка из письма одной из слушательниц курсов:

> «На лекциях всегда чувствовалась атмосфера не только лектора, излагающего научные теории, но учителя, желающего влиять на всю жизнь своих слушателей».

Программа курсов сочетала теоретические и практические занятия с равномерной умственной и физической нагрузкой. На курсах царила атмосфера взаимного уважения и доверия. Слушательницы получали хорошее общее и специальное образование. К их услугам были все кабинеты и музей биологической лаборатории.

Вера Ивановна вместе с подругой, помимо того, что слушали лекции, помогали в уходе и устройстве музея биологической лаборатории, в систематизации коллекций, в приготовлении учебных пособий. Как мы увидим дальше, эти навыки очень пригодились Вере Ивановне впоследствии.

Курсы представляли собой как бы большую семью, все члены которой были связаны между собой общностью интересов и, конечно, огромным уважением и любовью к руководителю курсов П. Ф. Лесгафту, а он относился к своим ученицам как к детям. В трудные минуты жизни ученицы обращались к нему за помощью, и он никогда не отказывал.

Знакомились слушательницы и с политической жизнью страны. В стране проходили студенческие волнения в разных городах — Киеве, Москве, Казани — как протест против полицейских мер, направленных на усмирение этих волнений.

Начиная лекции, Пётр Францевич с возмущением потрясал только что полученной газетой с сообщением об очередном «наведении порядка». «Это выходит за все рамки! — выкрикивал он. — Извольте видеть: „пришлось прибегнуть к средствам усмирения“. Это же возмутительно — стегать студентов — юношей, девушек, как собак! Уму непостижимо. Надо немедленно писать протест!»

Высказав возмущение, он начинал читать лекцию.

В 1899 году были обнародованы «Временные правила», согласно которым дозволялось исключать студентов и отдавать их в солдаты за малейшее проявление революционных настроений.

«Временные правила» вызвали волну демонстраций и антиправительственных выступлений. Особенный подъём студенческого движения наблюдался в апреле 1901 года. В Петербурге на площади перед Казанским собором состоялась демонстрация слушателей различных учебных заведений, среди которых были и постоянные члены курсов Лесгафта. Вера Ивановна и её подруга приняли участие в этой демонстрации. Один из участников демонстрации зачитывал воззвание петербургских студентов, где содержались различные требования, касающиеся прав учащейся молодёжи и условий жизни учебных заведений.

Вдруг появились казаки, которые стали разгонять студентов нагайками. Часть студентов разбежались, а часть были задержаны. Девушки скрылись в Казанском соборе. Почти целый день они провели в стенах собора и только вечером решились выйти. И тут их схватили жандармы, арестовали и посадили в Литовский замок, в камеру предварительного заключения. Литовский замок находился около Мариинского театра. Артисты театра, узнав об аресте студентов, на следующее утро принесли корзины с булочками от Филиппова для поддержания жизненных сил голодающих.

На второй день после ареста Лесгафт с добровольными помощницами из числа курсисток посетил Литовский замок. Радостными возгласами встретили арестантки своих подруг и Петра Францевича, принёсших им суп и котлеты в котлах и кастрюлях. Когда начальник тюрьмы спросил Лесгафта, к кому те пришли, он ответил: «Это же мои дети. Я не могу о них не заботиться».

Примерно через месяц слушательницы курсов были отпущены под гласный надзор полиции по распоряжению министра внутренних дел Д. С. Сепягина. Среди них оказались Вера Ивановна и её подруга. Они были сосланы в Саратов на два года под надзор полиции, так что Вера Ивановна не смогла закончить обучение на курсах.

Из письма инспектрисы курсов, 02.04.1902:

> «У нас на курсах всё идёт помаленьку, но не так весело, как в былые годы. Пётр Францевич совершенно здоров, много работает, много пишет. Не приедет он в Саратов, потому что ему не разрешили читать там лекции».

Так как, находясь под гласным надзором полиции, Вера Ивановна не могла занять пост учительницы и уехать из Саратова, она устроилась в Земскую управу статистом по обработке материалов о кустарных промыслах Саратовской губернии.

Там же она познакомилась с А. Я. Тугариновым.

По снятии двухлетнего надзора, в 1903 году, Вера Ивановна смогла устроиться в ясли в селе Северки на границе Тамбовской губернии. Живя там, она часто переписывалась с Аркадием Яковлевичем. Переписка становилась всё задушевнее.

Из письма А. Я. Тугаринова, 24.07.1903:

> «Дорогая моя деточка! Вчера я получил твоё последнее письмо от 20-го. В воскресенье был на даче с Ольским, учился снимать шкурки с птицы, которую я убил. Я, Веруся, жду не дождусь, когда ты приедешь. Почему тебе нельзя выехать тотчас же, как закроются ясли? А ещё мечтаю в будущем — уехать из России. Поживём, наберёмся духу, поучимся языкам и махнём куда-нибудь, где свободнее дышится. Хочешь? Мне Саратов положительно осточертел. Все эти знакомые земские либералы, троглодиты. Я тебе часто говорил на эти темы, ты знаешь моё мнение. Приезжай, родная, как можно скорее. Я при первом удобном случае скажу маме о нашем решении <…>. Конечно, ты верно говоришь, что она чувствует, что ты „отняла меня от неё“. Это понятное родительское чувство, с которым сумеет совладать редкая мать».

Брак. Переезд в Красноярск

Вера Ивановна возвратилась в Саратов и в июне 1904 году вступила в брак с А. Я. Тугариновым.

В это время Аркадию Яковлевичу предлагают место консерватора Красноярского краеведческого музея, и он принимает предложение. Комитет из Саратова командировал его в Петербург, где Аркадий Яковлевич в течение декабря работал в музее при Академии наук, музее Александра Третьего и других, а с января следующего года вступил в должность консерватора Красноярского музея и переехал в Красноярск, а Вера Ивановна приехала позже.

Задолго до приезда А. Я. Тугаринова музей находился в ведении городской управы и только в 1903 году был передан в ведение подотдела Российского географического общества. РГО находилось в Санкт-Петербурге, а подотделы располагались по разным городам России. Статус любого музея повышался, если он попадал под юрисдикцию РГО.

Однако, несмотря на это, у музея не было постоянного консерватора. Предшественник Аркадия Яковлевича был призван на военную службу. Без грамотного руководства музей был малопосещаемым, зависел от времён года, не имел точного учёта своих коллекций и редко их пополнял.

Семейству Тугариновых предоставили соседнюю с музеем комнату в качестве квартиры и рабочего кабинета.

Аркадий Яковлевич активно занялся обустройством музея, размещением экспонатов, каталогизацией коллекций. Вера Ивановна на первых порах занялась благоустройством квартиры. Весной Тугариновы стали знакомиться с природой Красноярского края, устраивая экскурсии по окрестностям. Они были очарованы красотой флоры и фауны Сибири, поражены обилием цветов. По склонам горы Диван росли эдельвейсы, в окрестностях Базаихи цвели жёлтые лилии, венерины башмачки, «жарки» и масса других цветов. Аркадий Яковлевич охотился и снимал шкурки с птиц, пополняя коллекцию музея. Семейство было очень дружным, у них были общие интересы, оба любили музыку и читали художественную литературу. Аркадий Яковлевич хорошо играл на всех музыкальных инструментах, но особенно любил рояль, обладал прекрасным голосом, и Вера Ивановна тоже хорошо пела.

Из воспоминаний Л. В. Нащёкиной:

> «В первое лето, как вы приехали, мы пошли на Столбы. Шли по Лалетиной, я немного побаивалась А.Я., ведь он заведующий музеем. У первого Столба, у пещерки остановились. А. Я. стал разводить костёр, а мы залезли на камешки и запели арию из „Травиаты“, А. Я. начал тоже тихонько напевать арию Альфреда. Я была поражена, так у меня не вязалось, что учёный может петь. У вас вышло очень хорошо, но вы скоро замолчали. Мне так хотелось попросить вас ещё спеть, но я, конечно, не решилась».

Аркадий Яковлевич понемногу налаживает работу музея. С 1906 года отмечается увеличение числа посетителей, и становится ясно, что музей встал на правильный путь и начал привлекать к себе внимание. В музее на оплачиваемой должности было всего двое сотрудников — директор и его помощник (Масленников М.А.). Однако Аркадий Яковлевич и Вера Ивановна сумели привлечь к работе добровольных сотрудников. Среди них — Авксеньтьев, А. П. Ермолаев, художник Каратанов, архитектор Чернышёв и гимназист Яворский. Вера Ивановна с теплотой и сердечностью относилась к молодым добровольцам. Они часто собирались в квартире Тугариновых, где Вера

Ивановна гостеприимно их принимала. Это была дружеская, товарищеская группа молодёжи, объединившаяся в единственном желании прийти на помощь Музею своим трудом. Ежевечерне рабочая комната директора представляла оживлённую картинку — один препарировал шкурки птиц, другой налаживал какую-нибудь подставку или кронштейн, третий группировал предметы коллекции или составлял их перечень.

Под оживлённый обмен мнениями, среди разговоров время проходило быстро, и лишь поздним вечером затихала жизнь в музее. В летнее время сотрудники отправлялись на экскурсии и там набирали новый материал для коллекций.

В 1907 году Аркадий Яковлевич, Вера Ивановна и художник Каратанов направились в экспедицию в Туруханский край. Аркадий Яковлевич изучал фауну этих мест, охотился и собирал материалы для пополнения зоологической коллекции. Вера Ивановна собирала растения для пополнения ботанической коллекции. Художник Каратанов делал зарисовки местности. Они плыли на барже по Енисею, по пути им встретились двое беглых политических ссыльных, вместе с ними доплыли путешественники до села Селиваниха, расположенного напротив Туруханска.

Из письма А. П. Рождественского (одного из ссыльных):

> «Два года тому назад мы с вами направлялись вместе в Туруханский край. О, конечно, на разных основаниях и с различной целью. Время это я очень хорошо помню, и, несмотря на тяжесть тогдашнего положения, мне вспоминается всё с удовольствием. Немалую, конечно, роль сыграли вы, окрашивая наше положение вашим тёплым <…> участием. Я очень хорошо помню, как мы варили на барже чай, как в деревне Селиванихе вы жарили мне и моему товарищу утку. Помню и вашу красную шапочку, в которой вы ходили. Помню очень хорошо весьма выразительную физиономию художника» (1909 год из Англии).

Александр Павлович и его товарищ провели несколько дней в экспедиционном лагере, большей частью общаясь с Верой Ивановной. Рождественский тогда не называл участникам экспедиции своего имени. Затрагивали, конечно, политическую обстановку в стране. Александр Павлович высказывал своё мнение:

> «Я лично отличаюсь среди своих товарищей и постоянно спорю о праве людей науки на почётное положение, если они, конечно, не „гасители“ вроде профессора Сазонова, Березина и других знаменитых „пуришкевичей“[1] в Государственной Думе. Но в то время у меня, возможно, было преувеличенное мнение о необыкновенной важности политики, и для меня, собственно, самого очень интересны сохранившиеся ваши воспоминания. Спасибо. А что вы смущались моим отношением говорило о том, что вы сами сознавали необходимость принять участие в общей жизни страны, но по каким-то соображениям уклонялись от этого. Лично я больше человек науки, чем политик».

Возможно, А. П. Рождественский участвовал в волнениях в Москве в 1905 году, был задержан и отправлен в ссылку. В 1907 году же бежал из ссылки с товарищем. Перед расставанием в благодарность за тёплое к себе отношение написал Вере Ивановне стихи Бальмонта. «Умер бедный цветок на груди у тебя», Луковая протока, 1907 год, 24 августа, 10 вечера.

Александр Павлович не знал имени художника, а также не имел понятия, кто такой Тугаринов — простой ли сотрудник или близкий человек Веры Ивановны, поэтому в письме из Англии он писал:

> «Поклон, не знаю, как назвать тех двух господ, которые были с Вами, один художник, а другой препарировал каких-то птичек и определял их по книге Мензбира».

Только потом, получив от Веры Ивановны письмо, он узнал, что один из участников экспедиции — муж, а другой художник Д. Каратанов.

Эта краткая встреча произвела на Рождественского неизгладимое впечатление и через два года после встречи, уже живя в Англии, он написал Вере Ивановне письмо, в котором кратко описал историю своего побега.

Из письма:

> «О себе я скажу, что, когда мы благополучно добрались на казённых подводах до Нижнего Имбацкого, мы сначала думали поселиться там, но село не понравилось. Мы отправились ниже и доехали до Сумарокова… прожили два дня и нанялись рабочими тащить илимку (вид лодки-баржи) с сохатиными кожами. Протащили её 25 вёрст по самому опасному месту, знаете „кораблик“? В следующем селе мы бросили нашего купца, купили лодку и благополучно доехали до Енисейска, оттуда на пароходе в Красноярск и скорым поездом до Сызрани к себе на Волгу. Потом я жил нелегально в Москве, кончил университет, но после бунта в Туруханском крае меня начали усиленно искать, и я уехал за границу (1909 год, ноябрь). Но эта краткая история очень богата приключениями и комическими, и трагическими. Как-нибудь напишу подробнее».

В своём письме он обращается с просьбой прислать ему фотографию, и Вера Ивановна отсылает её.

1. *Владимир Митрофанович Пуришкевич* — русский политический деятель правых консервативных взглядов, монархист, черносотенец.

Возможно, переписка продолжалась недолго, но даже эти два письма и открытка дают представление о характере Веры Ивановны. Душевность, сердечность, участие к людям — вот основные черты её характера. Она протягивает руку помощи тем, кто в этом нуждается.

После возвращения в Красноярск Аркадий Яковлевич читает лекцию о поездке в Туруханский край «За полярным кругом».

А Вера Ивановна после приезда из экспедиции устраивается на работу в качестве учительницы начальных классов в школу при Синельниковском благотворительном обществе. Потом она от какого-то географического или педагогического общества едет в 1909 году в экскурсию — Одесса, Греция, Турция, Александрия, Каир, Порт-Саид, Смирна, Константинополь.

Группа экскурсантов собралась из разных уголков России. Вера Ивановна — из Сибири, Л. Ежова — из Москвы, З. Семёнова — из Барнаула, Лукьянов, Окулич — из Москвы, Ширер — из Пскова. Часть из этих людей — учителя, часть — представители интеллигенции, а Лукьянов — студент университета.

Из письма Ежовой:

> «Сошлись люди с разных концов земли русской и так близко подошли друг к другу. А это так ценно в жизни — иногда люди живут целые годы вместе и дальше разговоров о погоде не могут шагнуть… Помните, как далеко на Востоке сошлись с разных концов земли русской разные люди, были сначала совсем чужие, а потом попригляделись и увидели, что славные есть души и зацепились эти души какими-то крючочками хоть невидимыми, но крепкими. И как-то радостно делается от сознания, что далеко, далеко в Красноярске живёт человек и хоть иногда да о тебе вспомнит. Можно не видеться годами, можно даже не писать друг другу, но сама уверенность, что где-то там, в клеточках мозга другого человека сохраняется о тебе хорошая память, эта уверенность дорого стоит».

Действительно, группа подобралась на редкость интересная. Плывя на пароходе, особенно вечерами, на палубе под бархатным южным небом собирались они и говорили об истории, поэзии, литературе. Иногда исполняли романсы. Особенно на всех произвёл впечатление Египет. И потом, переписываясь друг с другом, они называли себя египтянами. Связь с этими людьми Вера Ивановна поддерживала многие годы. Она писала им письма, открытки, интересовалась их жизнью.

Из письма Ежовой, 27.01.15:

> «Дорогая Вера Ивановна! Большое удовольствие доставили вы мне вашей открыткой. Так приятно было получить известия о старой знакомой, с которой провели много хороших минут в жизни. Невольно опять раскрылась книга воспоминаний, и как раз на странице Египет. Вспомнился пароход, палуба, на которой лежали вечером, звёздное небо над головой и бесконечные разговоры <…>».

Из письма Лукьянова Г. И.:

> «Вера Ивановна, какая вы славная. Я уже думал, что вы давно забыли своего далёкого спутника по Востоку, по Святой Земле и Египту. Благодарю за кисет и трубку, они очень оригинальные и красочные».

Может быть, я отвлекаюсь от темы моего повествования, но мне бы хотелось рассказать о спутнике Веры Ивановны по Египту — Г. И. Лукьянове. В моём личном архиве сохранилось несколько его открыток и писем.

Письмо от 05.09.1909:

> «Я принят вне конкурса на третий курс Императорского технического училища в Москве. Хотя эта дорога не согласуется с той, которую я наметил для себя, но я её принимаю <…>. Да и к тому же, чтобы осуществить на деле те планы и проекты, которые возникают у меня, мне необходима великолепная техническая подготовка, которая у меня совершенно отсутствует».

Лукьянов увлекался археологией, и, возможно, поэтому технические навыки ему были нужны. Он много путешествует, изучая историю стран, в которых бывал: Испания, Англия, Алжир, Марокко и Италия.

Письмо от 08.09.14:

> «В этом году мне захотелось посмотреть на Грецию (времён Гомера). Половину пути я сделал очень удачно. Осмотрел Микены, был в Тиринфе, прожил превосходно на маленьком островке группы Циклид — Андросе. Но неожиданно прочёл в греческой газете о всеобщей мобилизации в России, бросил путь и поспешил вернуться в Афины. Оттуда с последним русским пароходом, попав на него за несколько минут до отхода, благополучно доехал до Одессы <…> Из Одессы до Москвы добирался неделю. Вы, наверное, знаете — эти годы я был преподавателем в Императорском техническом училище. Недавно прошёл законопроект о нашей аэродинамической лаборатории, и я стал теперь лаборантом, заведующим ею».

Письмо от 30.12.14:

> «Вы не поверите, чтобы прошло много недель, а я не мог урвать минуты, чтобы ответить на Ваше письмо <…>. Я не писал Вам, что в связи

> с войной работа моя почти устроилась. Сейчас подготовляем 30 лётчиков-добровольцев, а вся теоретическая подготовка и организация занятий, лекций всецело лежит на мне. Стало быть, утром и днём работа со студентами и своя работа, а вечером лекции лётчикам, причём как секретарь курсов я должен присутствовать на них. Работа эта добровольная, но тем более относишься к ней щепетильно. Хорошо, что успехи школы теперь уже несомненны и велики. Нам (т. е. обществу воздухоплавателей, в котором я тоже много работаю) дали на веру 25 тысяч рублей, и вот это доверие, конечно, обязывает сделать больше, чем возможно. На днях будем отправлять на войну первый эшелон лётчиков — человек 5».

Из путешествий Вера Ивановна привозила сувениры и открытки тех мест, в которых она была, а также выступила с сообщением о своей поездке перед сотрудниками музея. Присутствовали Д. Каратанов, Ермолаев, Чернышёв, Смирнов, Яворский и другие. Вера Ивановна была впечатлительной, она так красочно описала Египет, что Леонид Александрович Чернышёв впоследствии решил построить здание музея в египетском стиле. Вера Ивановна рассказывала о широком Ниле, по берегам которого были расположены храмы, отражавшиеся в прозрачной воде. Л. А. Чернышёв сравнил в своём воображении Нил с Енисеем. Сибирская река широкая, полноводная, такая же величественная. И он решил построить на берегу Енисея храм — не храм мёртвым, но храм искусству.

Леонид Александрович сделал первые наброски, показал Тугаринову, тот был в восторге. Так началось проектирование, а следом и строительство городского Красноярского музея. Чернышёв никогда не был в Египте. Идея и воплощение её возникли у Чернышёва только под влиянием красочного рассказа Веры Ивановны.

Большинство сувениров, привезённых из путешествия, Вера Ивановна раздарила знакомым и друзьям. В кабинете у Аркадия Яковлевича в Ленинграде на письменном столе лежало пресс-папье в виде скарабея, а на полочках стояли керамические египетские вазочки. Зная, что Борис Смирнов коллекционировал открытки, Вера Ивановна подарила ему набор египетских открыток.

В душе Веры Ивановны Египет оставил глубокий след, и она стала разводить в своей комнате растения — циперус, или бумажную траву, — красивое комнатное влаголюбивое растение с прямыми стеблями, заканчивающимися листьями зонтикообразной формы. Более крупные формы циперусов росли по берегам Нила. Впоследствии, уезжая из Красноярска, она взяла это растение в Ленинград, и до последних дней её жизни циперус красовался на подоконниках в её комнате.

В 1910–1911 годах музей готовился к первой сибирской сельскохозяйственной выставке в Омске. Организация выставки была поручена А. Я. Тугаринову. Участие в подготовке, кроме консерватора, принимали Д. И. Каратанов, В. П. Ермолаев, А. Л. Яворский, Л. Н. Шнейдер и др. Конечно, в этот период напряжённой работы свою роль сыграла Вера Ивановна. Она сердечностью, теплотой, заботливостью связывала эту группу в тесную семью. Помогала в оформлении ботанической коллекции, наклеивала растения на паспарту. К выставке Д. И. Каратановым были сделаны яркие экспозиции, он написал большие панно «Тайга», «Тундра», «Саяны», «Степь». В мае 1911 года Аркадий Яковлевич и его помощник Яворский выехали с экспонатами в Омск. Выставка прошла великолепно. Краеведческий музей представил интересные экспонаты, рассказывающие о природе, экономике и быте Енисейской губернии.

Л. А. Чернышёв также принимал участие в работе по проектированию и оформлению экспозиции первой Западносибирской сельскохозяйственной выставки в Омске. По его проектам были возведены научный, машинный, лесной, молочный, переселенческий и другие павильоны.

Экспертная комиссия присудила Красноярскому музею высшую награду — Почётный диплом. А консерватору А. Я. Тугаринову — малую золотую медаль.

1913 год оказался особенно напряжённым для музея. Ведь в следующем году должны были отметить 25-летие Красноярского музея. К этому торжеству нужно было привести в относительный порядок всю экспозицию. С каждым годом экспонатов в коллекции прибавлялось, и в выставочный зал они уже не помещались.

Новые материалы из экспедиций выставлялись на экспозицию, а старые убирались в ящики. При музее не было подсобных помещений, поэтому пришлось с помощью особой расстановки шкафов отделить углы, где и составлялись ящики с предыдущими экспонатами.

Весь коллектив работал с энтузиазмом. Каратанов подновлял задники экспозиций, Яворский и Ермолаев приводили в порядок витрины, обновляли этикетки. Всем, конечно, руководил Аркадий Яковлевич, но всегда рядом была Вера Ивановна. Она советовала, как лучше задрапировать ту или иную часть помещения, следила за тем, чтобы вовремя подкормить уставших помощников. Аркадий Яковлевич работал над составлением доклада к юбилейному торжеству на тему «Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания». Для этого нужно было поднять все архивные материалы по истории музея, составить список поступающих коллекций по годам и в этом ему снова помогала Вера Ивановна.

В том же 1913 году встал вопрос о строительстве нового музея, проект выполнил Л. А. Чернышёв. Когда проект здания был готов, то по замыслу архитектора он должен был быть украшен фресками на египетскую тему, и Вера Ивановна обратилась к Б. Смирнову с просьбой принести египетские открытки в музей.

Из письма В. Б. Смирновой (дочери):

> «О фресках я хорошо помню, как мой отец достал из шкафчика, где у него находилась коллекция разных открыток, конверт с открытками египетских фресок, показал их мне и сказал, что унесёт их в музей, там они нужны. Помню, я пожалела и подумала: лучше бы он оставил их дома, а я рассматривала бы их».

Эскиз фресок рисовал К. Ф. Вальдман, а выполнил на стенах музея художник Боровский.

До строительства музея была выпущена открытка с проектом нового здания Красноярского музея. Составитель — архитектор Л. А. Чернышёв. Эта открытка поступила в продажу, и средства от продажи поступали на счёт музея (собственно на строительство).

В конце года на заседании Думы Аркадий Яковлевич ознакомил всех присутствующих с состоянием дел в музее и обратился с просьбой поддержать проект и привлечь к участию все слои населения. С этого момента начался сбор средств на строительство музея.

В 1914 году отмечалось 25-летие Красноярского Городского музея. Двадцать второго февраля, в 4 часа дня началось торжественное заседание в городском театре. В ложе губернатора присутствовали Преосвященнейший Никон, епископ Енисейский и Красноярский, управляющий губернией Б. В. Писаренков и другие высокопоставленные персоны.

Партер и ложи занимали почётные гости, гласные Городской Думы, члены подотдела Географического общества, их семьи, жертвователи. Все места в ложах и на балконах были заняты местными интеллигентами, людьми купеческого звания, разночинцами. На верхних ярусах сидели учащиеся учебных заведений города Красноярска.

Открыл заседание В. Ю. Григорьев, председатель отдела Географического общества, потом выступил со своей речью А. Я. Тугаринов.

Это был удивительный день — столько поздравительных телеграмм, тёплых слов, симпатий, приветствий. После этого торжества в фонд музея стали поступать пожертвования в виде коллекций, отдельных предметов и денежных взносов в пользу музея. Окрылённые надеждой, что будет построено новое здание для музея, откроется новая страница в его жизни, сотрудники завершили этот день. И конечно, «музеяне» на следующий день собрались в маленькой квартире Тугариновых. Вера Ивановна приготовила угощение, и все самые близкие — Каратанов (Митька), Яворский (Ярик), Емельянов (Пончик), Чернышёв, Смирнов — собрались вместе. Пили, ели, а потом под гитару, с которой пришёл Чернышёв, пели песни. И прекрасно звучали два голоса — Аркадия Яковлевича и Веры Ивановны.

В середине мая 1915 года сотрудники музея вместе с Верой Ивановной, М. Г. Рабустовым и В. П. Сибирцевым выехали в близкий к Монголии Урянхайский край (сегодня Тувинская автономная республика). От Минусинска на лошадях путешественники преодолели Ойский и Араданский перевалы. Спустившись по южному склону Саян к реке Ус и переехав через Тушибинский хребет, экспедиция вступила в Северный Урянхай. Это была труднейшая экспедиция, и Вера Ивановна совершила настоящий подвиг, приняв в ней участие.

В 1916 году была экспедиция в Туруханский край и на остров Диксон. Эта была уже 4-я экспедиция в те суровые места. Вера Ивановна занималась сбором растений. Там же экспедиция встретились с ссыльными, в частности, со Свердловым, его женой и детьми. Жена заведовала метеорологической станцией. Экспедиция снабдила семейство Свердловых картошкой из экспедиционных запасов.

Удивляюсь, как Вера Тугаринова, хрупкая женщина, могла терпеть тяготы длинных путешествий, сопряжённых с опасностями, с неудобствами хозяйственного быта. Сейчас современному человеку это трудно понять.

Грянула Февральская революция. Весной 1917 года Аркадий Яковлевич в очередной раз едет в экспедицию в Туруханский край. Ему вменялось в обязанность обеспечить этот край продовольствием, спасением от вымирания северных народов. Поселившись в селе Монастырском, Аркадий Яковлевич познакомился с бытом северян, записал легенды и воспоминания старожилов. Вера Ивановна познакомилась с семейством врача-педиатра, который лечил детей местных инородцев. Возможно, семейство Тугариновых пробыло в Монастырском около полугода, так как Вера Ивановна успела поработать в сельской школе-интернате в течение всей зимы. В 1918 Тугариновы вернулись в Красноярск.

Далее сведения о жизни семьи отрывочны. Известно, что в 1919 году Вера Ивановна зимой работала «садовницей» в детсаду Грудининой, в младшей группе. Дети приходили утром, и к обеду уже их разбирали по домам. В этом детском саду детей воспитывали по программе Фребеля. Это учебно-воспитательные детские сады, цель их — гармоничное развитие различных сторон человека. Поэтому детей учили начаткам грамоты, а также развивали в них творческие способности

и уделяли внимание физическому развитию. Дети учили стихотворения, учились петь. Вера Ивановна имела хороший слух и вместе с детьми разучивала детские песенки. Детей обучали музыке — одна из дочерей Грудининой была пианисткой, другая скрипачкой. Также детей учили рукоделию: плетению из рафии, изготовлению игрушек из бумаги и самоделок из подручных материалов. Особенно интересно проходил праздник Рождества. Конечно, была ёлка, а дети ставили на сцене рождественские сценки, с помощью Веры Ивановны изготовляя себе костюмы к выступлению.

Тугаринова проработала в саду недолго — снова участие в экспедициях, и в 1920 после возвращения из экспедиции Вера Ивановна попала в больницу, и ей провели операцию.

В 1921 году, весной, национализируют Юдинскую библиотеку. Часть книг, относящихся к краеведению, привозят в здание музея. Вера Ивановна работает в качестве каталогизатора, а потом эту работу поручают М. Ф. Соловьёвой. Летом того же года Вера Ивановна работает на опытной станции Крутовского[2] как садовая работница. 25 октября 21 года Вера Ивановна освобождена от своих обязанностей по окончании летних сезонных работ.

Тугаринова нигде не работала постоянно, так как сопровождала мужа во всех экспедициях. А в музее, по её мнению, «не имела возможности работать платно, так как Аркадий Яковлевич работал вначале в качестве консерватора, то есть заведовал музеем, впоследствии директором в течение многих лет и председателем Красноярского подотдела Географического общества».

1921 год был отмечен увеличением числа сотрудников музея. Так, среди поступивших на службу были военнопленные австрийцы, археолог Г. К. Мергарт и антрополог Ф. Ф. Душ, В. А. Смирнов — краевед и знаток истории Сибири, а также заместитель Аркадия Яковлевича и председатель Красноярского отделения Географического общества, этнограф А. А. Савельев, А. Н. Соболев, Е. Л. Юдина, А. В. Кудрявцев и Н. А. Козловицкая, по образованию геолог.

В её письмах читаем:

> «Я в 21 году поступила сотрудником музея Приенисейского края, где Аркадий Яковлевич был директором. Оба они с Верой Ивановной были как бы в центре всех работников музея, и не только по положению, а по душевной чуткости, с какой относились они ко всем. Время тогда было трудное, власть белых в городе только что сменилась, но Аркадий Яковлевич вызвал к себе уважение, и музею стали помогать. Вере Ивановне в то время принадлежит — говорю от души! — честь быть правой рукой Аркадия Яковлевича, потому что она знала нужды сотрудников и ценность каждого для того, чтобы сохранять музей. Ведь и тогда появлялись такие, искавшие в музее „место прописки“ приезжие, каким нельзя было доверять при Советской власти. Помню я В. И. тогда, её лёгкую фигуру, участие в глазах, постоянное присутствие на собраниях сотрудников <…>. Я пишу, как А. Я. и В. И. приютили у себя, прикрыв от остатков белых в городе, Генрику Павловну Миклашевскую, нашедшую друзей в Красноярске после расстрела её мужа семёновцами в Чите. К В. И. нельзя было относиться равнодушно, потому что сердце её отзывалось людям, нуждавшимся в участии».

Лето 1922 года Тугариновы провели в селе Есаулово. Они отправились туда на отдых, но в самом начале лета Вера Ивановна заболела малярией, и пришлось остаться до осени. После выздоровления Вера Иванвона занималась вместе с мужем исследованием окрестностей, собирала лекарственные растения.

Зима и весна 1923 года прошли в подготовке к сельскохозяйственной выставке в Москве. В результате упорной работы всех сотрудников музея, в том числе Веры Ивановны, жюри выставочного комитета постановило отметить музей дипломом первой степени, а Тугаринова и его помощника наградить серебряными медалями.

1925 год стал юбилейным для А. Я. Тугаринова — исполнилось 20 лет с начала его работы директором музея Приенисейского края. Красноярская общественность организовала чествование юбиляра, были заслушаны сообщения, и, конечно, были подарки и поздравления. Вера Ивановна приняла в подготовке торжества активное участие.

Переезд в Ленинград

В 1926 году семейство Тугариновых переезжает в Ленинград. Аркадий Яковлевич поступает в Зоологический музей Академии Наук СССР в качестве заведующего орнитологическим отделом.

Интересно, что после переезда в Ленинград жизнь Веры Ивановны очень изменилась. Она не участвовала в экспедициях, хотя Аркадий Яколвевич в них участвовал, не знала сотрудников института лично, только по отзывам мужа. Лишь во время эвакуации в 1942 году познакомилась с сотрудниками института, но тёплых отношений не возникло, как было прежде с сотрудниками Красноярского музея. Если в Красноярском музее

2. *В. М. Крутовский* — общественный деятель, публицист, один из основоположников сибирского садоводства. Ученый-помолог. Крутовский считается основоположником селекционной работы в Восточной Сибири. Крутовскому принадлежит открытие и создание полярной стелющейся формы плодовых деревьев, он вывел 16 сортов яблонь, два сорта крыжовника, в соавторстве с последователями — два сорта груши и 11 сортов слив. В 1926 году вышла в свет его книга «Как крестьянину Средней Сибири устроить плодовый сад».

её считали правой рукой Тугаринова и она была в центре всех событий, то живя в Ленинграде, Вера Ивановна отошла на задний план.

Свой досуг она заполняла посещением симфонических вечеров в филармонии, была слушателем университета литературы и искусства. Она слушала музыкальные передачи по радио, часто писала о своих пожеланиях прослушать ту или иную музыку, посылала отзывы на передачи. Много читала, особенно русскую классику — они с Аркадием Яковлевичем любили Чехова.

Вера Ивановна переписывалась с красноярцами, принимала их у себя дома. В гостях у неё бывали и «музеяне» из Красноярска, и гости из Саратова и Москвы. Сохранилась переписка В. И. Тугариновой с Г. П. Миклашевской, М. Д. Соловьёвой и А. Н. Соболевым. Интересны письма М. Д. Соловьёвой, библиотекаря музея.

> «<…> Захотелось с Вами повидаться, побеседовать и вспомнить о годах нашей совместной работы и далёкой жизни. Из старых работников музея никого не осталось, все новые люди, молодёжь. Сообщу коротенько о себе и о музее. Когда в 35-м году книгохранилище отобрали от музея и передали в ведение краевой библиотеки, я в последней проработала год и ушла в Общество изучения Красноярского края (бывшее Географическое). Но в 37-м году оно было ликвидировано, и всё имущество его вместе с библиотекой перешло в наследство музею и в том числе также и я. Таким образом круг роковой опять сомкнулся. За все эти годы пришлось всяко пожить — и хорошо, и плохо. Музей с самого начала войны в течение четырёх годов находился в консервации; всё здание было занято Наркоматом Главсевморпути. Экспонаты частично были убраны в туры, но главная часть была втиснута в тёмный центральный зал второго этажа, загрузили его чуть не до потолка. Там же расположился и весь штат музея, в количестве восьми человек (до войны было 54 человека). И вот в этом зале мы сидели четыре года, в окружении наркоматовцев, на положении квартирантов. После их отъезда в Москву — мы остались совершенно без топлива и чрезвычайно суровую зиму опять просидели уже в кухне, внизу, около железной печурки. Кроме „музеян“ тут же „толклись“ и работники краевой библиотеки. Из этого можно видеть, какая могла быть работа. Наконец за нас крепко взялись крайкомовцы, крайисполкомовцы и прочие высокие люди и общими усилиями сдвинули нас с мёртвой точки и заставили проснуться. К ноябрьским праздникам мы открылись» (19.02.1946).

> «Работа не удовлетворяет, а двинуться с места не хватает воли. Библиотека бы ещё куда ни шло, а вот канцелярщина, так положительно отшибает ко всему охоту. А самое главное, не чувствую руководства в работе, что ни делаешь, так мало кого интересует. Сидишь за столом, ну и достаточно — больше ничего не требуется. И едва ли ошибусь, если скажу, что и Общество в целом тоже сейчас мало кого интересует» (19.12.1946).

В этом же письме М. Д. Соловьёва упоминает о празднике Спиридона-Солнцеворота. Этот праздник был придуман Аркадием Яковлевичем и Верой Ивановной.

> «Поздравляю с праздником, да, хорошо было… Но стоило вам уехать, как не стало той теплоты и сердечности, никаких нитей, связывающих нас в одну тесную семью, живущую радостями и интересами общей работы. Я, во всяком случае, вспоминаю те времена с большой теплотой: они давали содержание моей однообразной жизни и поддерживали уверенность в собственных силах, и сознание в небесполезности твоего существования на свете».

После запрещения в стране празднования Рождества и Нового года «музеяне» отмечали праздник Спиридона-Солнцеворота. В музее выпускалась газета к этому дню, на бумаге было нарисовано солнце, а в его лучах фотографии сотрудников с дружескими шаржами.

Письмо М. Д. Соловьёвой от 16.02.1950:

> «Могу сообщить, что музей неплохой, есть дельные работники, работают также неплохо. В центре нас знают и даже ставят в пример. Но об энтузиазме пока умолчу, за все годы работы в музее мне столько пришлось перевидеть директоров, что и счёт потеряла, но никто из них не сумел создать актива „друзей, болельщиков за интересы Музея“ — как было это при Аркадии Яковлевиче. Музей приходят смотреть, но на дружбу никто не набивается. Может быть, это потому, что работает вся молодёжь, нет опыта. Но в отношении экспозиции, повторяю, музей несомненно стоит на правильном пути и заслуживает вполне хорошей оценки».

Проведя 20 лет в Красноярске, Вера Ивановна полюбила Сибирь, её природу, её людей. С мужем в экспедициях он прошла от Диксона до Тувы. Сибирский период стал, наверное, самым ярким в её жизни. Она сроднилась с сотрудниками музея, принимала участие во всех мероприятиях, во всех праздниках и интересных событиях, происходящих в городе.

Очень скромная, какая-то домашняя, ласковая, отзывчивая — такова была Вера Ивановна. Она любила искусство, в 1910 году посетила Италию — Рим, Венецию, Флоренцию, Неаполь, коллекционировала книги и открытки по искусству. По четвергам у фотографа Лисовского собиралась

компания, гости пели, а Аркадий Яковлевич играл на пианино.

Вдали от любимой Сибири Тугаринова поддерживала знакомство с красноярскими семействами, переехавшими в Ленинград, — Сапожниковыми, Манюшко, Благовещенскими, Юдиными.

Знакомство нашей семьи с Аркадием Яковлевичем произошло ещё в Красноярске. В 1920-х годах мой дед А. Г. Юдин заключил договор с ленинградским Зоологическим институтом на пополнение коллекций птиц. Дед пришёл к Аркадию Яковлевичу вместе с сыном Константином, который впервые увидел его. Впоследствии Константин Алексеевич окончил пединститут и поступил в аспирантуру ленинградского Зоологического института, руководителем его работ был Аркадий Яковлевич.

Началась война, и поступление в аспирантуру было отсрочено. Только после войны К. А. Юдин поступает и заканчивает её. В 1946 году Константин Алексеевич приехал в Ленинград и был принят в семействе Тугариновых — как сибиряк.

Моя мама, Л. Г. Потылицына, окончила Красноярский педагогический институт по специальности «химик». После окончания института осталась преподавать. Когда во время войны в Красноярск эвакуировали Севморпуть, то оказалось, что не хватает в составе института химиков. Людмила Гавриловна решила перейти на работу к ним. После окончания войны Арктический институт переехал в Ленинград, и мама в составе института оказалась в этом городе в конце 1945 года. Так семейство Юдиных поселилось в Ленинграде. Близких родственников у них не было, и Тугариновы приняли их как родных.

Первое посещение семейства Тугариновых произвело на меня неизгладимое впечатление. Аркадий Яковлевич и Вера Ивановна занимали комнату около 50 метров в большой коммунальной квартире. Вера Ивановна смогла создать уют в этой комнате, разделив её на зоны с помощью шкафов. Там была выделена столовая с большим буфетом, столом и широким кожаным диваном и маленьким столиком, на котором стоял самовар. Вторая зона — кабинет Аркадия Яковлевича. У стены — книжные полки до потолка, письменный стол, кресло, на окне цветы папоротника и циперуса. Спальня была тоже отгорожена шкафами. Всё было удивительно уютно и светло. На стенах в рамках — фотографии и рисунки птиц, был натюрморт, написанный самим Аркадием Яковлевичем и рисунки Д. И. Каратанова.

Всё увиденное в этой комнате на меня произвело впечатление ещё и потому, что мы жили в маленькой комнате в коммунальной квартире в полуподвальном помещении.

Запомнила я Аркадия Яковлевича — невысокого роста, седобородого. Когда я подошла к нему поздороваться, он наклонился ко мне, и я поцеловала его в щёку — щека оказалась колючей. Аркадий Яковлевич мелодично рассмеялся, удивлённый моим поступком, голос у него был очень приятный. Вера Ивановна относилась ко мне как тётя — в 1948 году мой папа был в экспедиции на Курильских островах, мама — в Арктической экспедиции. Меня же увезли к бабушке в Красноярск. Вера Ивановна переписывалась со мной, но я только что научилась писать и могла писать очень кратко. Вера Ивановна посылает мне открытку в Красноярск:

> «Милая Ирочка! Письмо твоё к 1 мая я получила, спасибо. Только это было поздравление, а не настоящее письмо, потому что ты очень мало пишешь о том, чем ты занимаешься и как проводишь время. Хорошо ли ты себя ведёшь, слушаешься ли бабушку и дедушку, помогаешь ли бабушке хозяйничать? <…> твоя тётя Вера».

Письма начинала обычно писать я, а моя бабушка продолжала их, она ведь когда-то была учительницей в школе. Летом 1948 года умирает Аркадий Яковлевич и Вера Ивановна остаётся одна. Вернувшись в сентябре в Ленинград, мы первым делом посетили её. Вместе с ней побывали на Серафимовском кладбище, где был похоронен Аркадий Яковлевич, принесли цветы, поклонились могиле.

В это время в жизни Веры Ивановны появляется А. М. Пономарёва, соседка по дому, живущая этажом ниже вместе со своей мамой и сестрой. Эта милая женщина стала для Веры Ивановны самым близким человеком. «Нюрочка», как мы её называли, была ангелом-хранителем Веры Ивановны. Она заботилась о ней, вела хозяйство, помогала справляться с жизненными проблемами. Проблемы возникли, т. к. Вера Ивановна не имела стажа работы. Она обратилась с заявлением в Президиум Академии Наук СССР возбудить ходатайство о назначении пенсии.

> «Я всю жизнь находилась на иждивении мужа, — профессора, доктора биологических наук А. Я. Тугаринова <…>. Являюсь нетрудоспособной (мой год рождения 1879), и никаких родственников, которые могли бы меня содержать, у меня нет» (19.07.1948).

Из Академии Наук пришел ответ:

> «Сообщаю, что решением Комиссии по академическим пенсиям от 24 сентября 1948 года Протокол №26 Вам назначена академическая пенсия в размере 150 рублей в месяц с августа 1948 года пожизненно».

В нашем семействе была традиция обязательно посещать Веру Ивановну в Новый год. У неё стояла маленькая ёлочка, на которой висели конфеты, золочёные орехи, на ветвях крепились свечи.

Нюрочка приготавливала угощение, мы делали подарки Вере Ивановне и Нюрочке, а Вера Ивановна однажды подарила мне фартучек, который я очень долго носила.

В 1950 году Вера Ивановна уезжает в Саратов помогать своей заболевшей родственнице и её мужу. Родственницу положили в больницу, и Вера Ивановна вела хозяйство, пока её не было. В Саратове она сходила в областной краеведческий музей, после его посещения решила передать в музей архив Аркадия Яковлевича, относящийся к Саратовскому периоду жизни её мужа. Приехав в Ленинград, занялась отбором материала, часть передала в ноябре 1950 года, другую часть — только в 1969 году — всего 114 предметов: биография, оттиски работ, письма, фотографии — с 1901 по 1905 год.

20 июля из Саратова она пишет Нюрочке письмо:

> «Нюренька, милая, не беспокойся, я жива-здорова… Я давно соскучилась по своей собственной семье в Ленинграде — это ты Нюренька и семья Юдиных… Поцелуй Люсю, Ирусеньку!»

В письмах она проявляет заботу об А. М. Пономарёвой, беспокоится о ней, просит, чтобы она не жалела денег и покупала себе ягоды на рынке и питалась полноценно. Все письма пронизаны нежностью к ней.

Мне попалось письмо Нюрочки к Вере Ивановне:

> «Мусик мой родной, дорогой! Вот и наступил день 8 июля, ровно в 12 часов приехали К. А., Люсенька и Ирочка Юдины. Мы сразу направились на Серафимовское кладбище, взяв с собой полевые цветы. У дяди Ади всё поприбирали, расставили цветочки, и потом К. А. ждал момента, чтобы снять могилу. На обратном пути ехали на трамвае… Дома угостила чаем (хотела отметить как при Вас), на столе было „колесо"… ещё колбаски немножко и масла. Люся говорит, что очень довольна, но без тети Веры… это, правда грустно, одиноко».

«Колесо»-кекс, который пекла Вера Ивановна в чудо-печке, фирменное угощение.

Никто из ленинградского института в доме Тугариновых не был, и только наше семейство посещало их дом. Вера Ивановна была в гостях и у нас, хотя мы жили в полуподвальном помещении, в маленькой комнате в 4-комнатной коммунальной квартире.

Вера Ивановна была знакома с моей бабушкой, А. П. Потылицыной. Бабушка несколько раз прилетала из Красноярска к нам в гости и встречалась с Верой Ивановной, ходила с ней на прогулки по городу, была в ЦПКиО, Ботаническом саду. Тётя Вера интересовалась красноярскими событиями, и бабушка рассказывала ей о них. Я часто посещала Тугаринову, она интересовалась моей учёбой, спрашивала о планах на будущее (я заканчивала 10 класс). Я была с ней откровеннее, чем с родителями. Она всегда внимательно выслушивала меня, не возмущалась, когда я бросила университет, ушла с первого курса, поняв, что это не моё. Потом я поступила в педагогический техникум, и она даже была рада, что я избрала профессию воспитателя детского сада, ведь она сама когда-то работала в детском саду.

Посещая Веру Ивановну, я рассказывала о выставках, концертах в филармонии, на которых была, ведь она тоже интересовалась искусством, делилась впечатлениями о фильмах, которые смотрела, книгах, которые читала.

Потом связь наша оборвалась, так как она в последние годы немного сдала и не помнила, кто я, как зовут мою маму. Только А. М. Пономарёва оставалась рядом и ухаживала за ней. Нюрочка — тот человек, который помог ей прожить до 97 лет.

Похоронили Веру Ивановну на Серафимовском кладбище рядом с могилой Аркадия Яковлевича Тугаринова.

Юрий Беликов, Татьяна Петрова

Гора для Божьей иволги

У неё глаза — царевны Софьи, сестры Петра Первого: в них красота, сила и… печаль. Впрочем, откуда я знаю, какие глаза были у царевны Софьи, покровительницы казнённых Петром стрельцов? Поделился этим образом с Татьяной, и она ответствовала:

— Раз мороз по коже у меня прошёл, значит, что-то в этом есть. Буду думать…

Татьяна «своедумная». Так о ней ещё отзывалась её бабушка. У Татьяны и жизнь, и песня, и поступки, и чаемые обстоятельства — на свой лад. Особенно — жизнь в песне. Скажем, когда произносят: «Народная певица Татьяна Петрова!», то привыкшие к оскоминным выражениям тщатся сразу поправить:

— Народная артистка?..

А вот и нет. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн однажды ей молвил: «Не зовись артисткой, зовись народной певицей. Потому что ты не артистка, ты, когда поёшь, каждый раз переживаешь».

Пермь — петровская, иноземно распахнутая, в Европу прорубленная. Просверк каких только сценических колготок здесь не узришь. За любые «бабки». В этом смысле Татьяна (хоть и Петрова) для Перми — та же царевна Софья. Пару раз народная певица объехала Пермь стороной. Выступала в Парке истории реки Чусовой у Леонарда Постникова. Вместе с «постниковской дружиной» — пермскими и московскими поэтами, художниками и музыкантами. Тогда-то я и услышал её пение вживую. И поймал себя на мысли, что, когда она поёт голосом Божьей иволги, то сопровождает каждую свою песню мысленными картинами, запечатлёнными в её памяти.

Вот стоит она сейчас на Черёмуховой горе, откуда открываются виды на облака, горизонт и текущую внизу речку, и, кажется, всем своим золотящимся на солнце лицом и светящимся взором впитывает восторг отворившегося пространства. Пытается запомнить — вплоть до спичечного коробка рыбацкого плотика на дне долины.

Оттого так удивительно живы её песни, которые вроде бы слышали мы не раз, и не единожды певали сами — «Мой костёр», «Златые горы», «Ухарь-купец», «В лунном сиянии», «Утро туманное»…

Черёмуховая гора — это колокольня моей малой родины, возведённая природой на подъезде к городу Чусовому. Татьяна потом признается:

— Буду петь — вспоминая эту Гору!..

Вездесущий зомбоящик предлагает нам кого угодно, только не Татьяну Петрову. Между тем поклонником её дара был почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй. Знаю, что её песни любил слушать писатель Валентин Распутин. А в фильме по одноимённому роману Василия Белова «Всё впереди» Татьяна сыграла одну из ролей.

Может, у нас действительно всё впереди? И у России, и у её народной певицы?

— Татьяна, когда мы с тобой впервые беседовали энное количество лет назад, помню, ты озвучила одну формулу. Это формула существования не только музыканта, но и, вообще, человека: «Жить в своём звуковом пространстве, значит, выжить». И привела пример Сербии. А что происходит со звуковым пространством России?

— Как только ты начинаешь жить в чужом звуковом пространстве, считай, что тебя уничтожили! Оттого что музыка, в отличие от слова (и это наукой доказано), имеет свойство проникать в подсознание. И зомбировать человека. Эти «умпа-умпа!», жуткие вибрации тяжёлого «металла», которые, по молодости, люди часто не замечают, так проникают в подкорку!.. А потом человек не может уже от этого отойти. Хорошо, что ты вспомнил пример Сербии. Почему она себя потеряла?

Я когда однажды туда приехала, ну, думаю, сейчас услышу славянскую музыку, но прислушалась: кругом звучат мусульманские напевы. Спрашиваю: «В чём же дело?» Отвечают: «Это же наши напевы!» То есть они уже давно живут в чужом звуковом пространстве, принимаемом за своё изначальное, единокровное.

И есть другой пример: войну-то Великую Отечественную мы выиграли потому, что были общие песни, общее Слово. Тогда так мобилизовались, что стали и песнями молиться…

Что касается нынешнего звукового пространства России, то начнём с того, что для меня есть два основополагающих правила: искусство на Руси и жизнь художника — это вера и служение. То есть вначале — храм Божий. А потом всё остальное. Вот сегодня появилась новая мода — неоязычество. Ищут силы в каких-то умерших предках,

ритуальных плясках, где девчонки поют как старухи, изображая из себя не то бабок-ёжек, не то кикимор.

А чем всегда славилась Россия? Она же вперёд устремлена! Не знаю, поддержишь ли ты мои мысли… Допустим, сколько мы помним в своём роду поколений? От силы три-четыре. А дальше мы устремлены вперёд. Ну, так мы сложены-устроены. Мы не ветхозаветны. Не знаем своих предков до седьмого колена. И даже, честно говоря, не хотим. Ту же полюбившуюся культуру испанскую или английскую, через себя пропуская, выдаём нечто новое, но по-прежнему русское, принимаемое сразу всем миром. Я—о наших писателях, поэтах, музыкантах. А что получается сейчас? Уйти в неоязычество—значит, топить Россию.

Вторая (или первая?) беда—массовая культура разрушительная, которая нас окружает. Вот едет человек в машине, хочется ему в пути как-то поддержать себя. Настраивается на радиоволну. Так он ведь ни одной русской песни там не найдёт. Ни одного внутренне русского ритма! Классики не отыщет. Давай сравним: как у них в Евросоюзе?

Предположим, в Англии покупается частный телеканал. Его владелец должен представить пакет программ на год и проспект музыкальной и словесной политики, которая обязывает включать до семидесяти процентов классических и народных образцов слова и музыки. И только тридцать процентов приходится на всяческие нововведения, попсу и прочее-прочее. Это—там, на Западе. А у нас что?..

В торговый центр заходишь—хочется быстрее выбежать! Причём иногда просишь: «Выключите!» Отвечают: «У нас—договор с этой радиостанцией, мы должны её музыку постоянно включать». А что по этому поводу говорил великий композитор наш Георгий Васильевич Свиридов? Что это настолько зомбирует человека, на подсознание действует! Молодой парень или девушка идут в наушниках, никого и ничего не слыша, словно стали заложниками, хуже того, наркоманами навязанных им звуков. Это страшенная диверсия! Клиповое мышление, дёрганье. А проект первого телеканала «Голос»!.. Я до конца не могла его смотреть. Чувствую: разрыдаюсь…

— Но «Голос», в отличие от каких-нибудь убогих «Фабрик звёзд» или вполне эпигонского «Фактора А», открыл немало сильных талантов. Однако беда, на мой взгляд, выныривает с другого бока: эти голоса преимущественно звучали на английском. Даже—в команде Пелагеи, которая считает себя исполнительницей русских народных песен. Нет, как посмотришь на Пелагею, вскакивает с кресла и ходит ходуном в такт английским хитам. Тем самым как бы подчёркивая: дескать, я тоже открыта всем ветрам! Отчего мы так не любим свой родной язык?

— Да мы-то любим, они не любят! Голоса—это дар Божий. Они были, есть и будут. Но раз так происходит, значит, свой дар Божий, который даётся Творцом (остальному можно научиться), люди употребляют не во благо Родины.

— Поющие на английском здесь могут возразить: дескать, это язык мирового употребления…

— Да ради Бога! Пой, если у тебя душа просит. Но ты спой сначала на русском—ты и на английском будешь петь по-другому. Русские песни весь мир любит за то, что в них находит своё выражение душа христианская. А душа христианская изливается в мелодии и в осмысливании слова, которое ты поёшь. Как сказал Глинка: «Мы взяли итальянскую кантилену (протяжность) и положили её на русскую речь». То есть распеваются гласные…

— Как, скажем, у Блока, в чьих стихах—полнозвучие: «Девушка пела в церковном хоре…». Здесь строчку ведут две гласных: «е» и «о».

— Ты привёл прекрасный пример и точную формулу: полнозвучие. А полнозвучие—это именно гласные. И сила Божьего слова вкладывается в них. Их надо распевать. Всем телом. Чтобы вибрация шла. Чтобы эта сила от тебя передавалась. Тайна такая. Мастера это знают. Раньше традиция пения сохранялась дома, и все пели правильно. А теперь, когда эта традиция нарушена, люди поют рвано, схематично. (Показывает на примере песни «Мой костёр в тумане светит», как обычно её поют и как надо петь. Действительно, земля и небо. Сразу пламя голоса поднимается вместе с искрами в небеса. И, напротив, при обычном пении пламя голоса стелется по земле. Моя собеседница продолжает.) — Шире русской мелодии ничего в мире нет. Это не то что бы я абсолютно ответственно заявляю—Бетховен об этом говорил! Многие великие зарубежные композиторы приводили в пример русскую мелодию как вершину гармонии. Человек-то должен быть в гармонии с природой, с душой своей. А что такое гармония? Гармония—это звук, идущий к небу. Он должен быть чистым, высоким, радостным. У России ведь и веселье своё собственное. И горе тоже—собственное. У неё всё—собственное. Её нельзя ни под какие рамки подстроить. России никакую Европу не навяжешь, никакую Азию.

— Мы с тобою разговариваем о русской музыке и русском слове в День славянской письменности. Но не странно ли: почему в славянской стране, каковой в подавляющем большинстве является Россия, этот день не складывается в дни, месяцы и годы той самой письменности и культуры? Не превращается ли русская песня в некий довесок а ля Бабкина и Кадышева?

— Нет, она в такой довесок не превращается, но просто-напросто средства массовой информации

и политика нашей страны—не на стороне национальной русской культуры. И то, на какие сговоры или мезальянсы идут народные исполнители, пытающиеся попасть в их формат, как раз подтверждает это. А я очень рада, что я неформат. Как мне кажется, то, что делаю я, это настолько индивидуально!.. Потому телевизионщики и не берут меня.

И действительно, народная песня, она заставляет плакать, смеяться, предполагает абсолютную искренность чувств, поднимает то генетическое, то духовное, что заложено в нас. А сейчас что творится? На троне—искусство в шутовском колпаке. И народ им подаётся только как лакей, как гулящий, как пьющий. А раньше, помнишь, какие были ремарки? Скажем, у Пушкина в «Борисе Годунове»?..

—«Народ безмолвствует»...

—То есть народ—это стихия! Ни в коем случае не лакей, не прислужник, не разбойник, не пьяница. Я, конечно, знаю, что «невольники» формата оправдывают себя: «Надо же как-то выживать!» Но от этого ещё тошнее становится. Например, во что превращаются выживающие за счёт естества женщины? Лучше не видеть. Если ты правильно относишься к своему голосу и душу направляешь в верную сторону, то происходят чудеса. Я никогда не думала, что после пятидесяти начну исполнять русскую оперную музыку. Есть такой проект—я пою партию девы Февронии в «Сказании о невидимом граде-Китеже» Римского-Корсакова. Это—единственная партия, в которую я вступила и принадлежу целиком и полностью. То есть голос растёт! А те, кто в эти годы пели под фонограмму, продавали Богом данный талант, они уже не поют. Ведь если у человека есть дар, то понятно, что он дан Богом. Ты должен служить этому дару, а не продавать его. Но каждый выбрал свой путь. Кто-то тяжко, трудно идёт предначертанной стезёй, а кто-то сворачивает с неё на лёгкую дорожку...

—Ты стремишься исполнять песни в «их первозданной чистоте». Во всяком случае, так обозначено на обложках твоих дисков-альбомов. Получается, что «первозданная чистота» форматом на нашем телевидении быть не может?

—Это вообще невозможно. Но и обо мне ты говоришь слишком сильно: никто не может исполнять песни «в первозданной чистоте».

—Я говорю о твоём стремлении...

Да, я стремлюсь петь в традиции русской культуры и нести слово в том смысле, который в него заложен Творцом. Нести не безучастно, а умносердечно. Если слово сказано, надо его спеть так, чтобы оно осталось в людских сердцах.

—Иными словами, «первозданная чистота» есть некий, установленный когда-то музыкальный канон? На своих концертах ты исполняешь песню на стихи Михаила Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», но так, как это исполнение слышал сам Лермонтов. То есть не в том варианте, к которому мы привыкли, а с иным распевом, очень необычным и красивым.

—И редакцию этой песни мне дал Георгий Васильевич Свиридов. Он сказал: «А чего все так этот шедевр упрощают?» И действительно, та редакция, которую мне предложил Свиридов, больше отражает суть того, о чём написал Лермонтов. Потому что вся жизнь—чересполосица, белое и чёрное. И даже музыкально в той редакции об этом заявлено. Там один куплет—минор, другой—мажор. Удивительный найден ход для подачи этого стихотворения.

—Ты родилась на Урале в посёлке Буланаш Свердловской области. Вообще, что для тебя значит Урал? Есть ли у него какая-то особая—природная и человеческая, а может быть, и мессианская энергетика?

—На Урале люди внешне очень скрытны, как бы погружены в себя. Но когда дело касается помощи, тут всё—они отдадут последнюю рубаху, ежели знают, за что и кому. Особенно—когда поверят. А мессианство... Вот я была крещена в Алапаевске, там, где совершилось злодеяние—сбросили в шахту великих княжон и князей. И получилось так, что в Москве я живу около Марфо-Мариинской обители, которую построила великая княгиня Елизавета Фёдоровна. То есть это—место моей прописки. Получается, я крестилась там, где она погибла, а у обители, основанной ею, живу. Всё моё детство через рассказы бабушки было наполнено горькой памятью об этом свершившемся в Алапаевске злодеянии. Поэтому вина Урала была мной прочувствована сызмальства. Я всегда знала, что именно на моей земле совершилось это злодеяние. И вот сейчас, когда уже прошло столько лет, я вижу уже такое искупление!

Когда училась в свердловской филармонии, был ещё Ипатьевский дом. Потом его не стало. Затем установили крест. Теперь стоит храм, в котором я уже не один год подряд, на «царские дни» меня приглашают петь при огромном стечении народа. И я вижу просветлённые, боголюбивые лица моих земляков. Для меня это такое преображение! Для меня это так важно, так необходимо—спеть духовные вещи, о которых раньше даже и подумать тяжело было. А сегодня я могу их спеть и быть понятой.

И ещё один, очень яркий момент уральского упорства: во время этих праздников идёт очень тяжёлый, даже в физическом смысле путь—после ночной литургии утром нужно пройти двенадцать километров до нынешнего монастыря на Ганиной Яме, где останки царской семьи были захоронены, идёт крестный ход с иконами. С псалмами,

с молитвами! И там — опять литургия. А потом люди возвращаются обратно. Какое покаяние! Насколько это уральцами прожито, пережито!..

— Ты выросла в семье, где всегда пели. Тебя окружали песни, сказки, поверья. Что за удивительная семья у вас была, потому что в те времена, когда ты родилась, детей, да и взрослых, по преимуществу окружало всё советское, которым часто замещали старинное, русское?

— Наверное, оттого, что всё-таки мама пела и бабушка. И оттого что, наверное, я человек счастливый — когда я пела народные песни, я просто уходила в поле… И оттого что, что у меня неважнецкий характер. Мне ещё бабушка говорила, что я очень своедумная. Я как чё задумаю, так только так — и никак иначе! Может быть, это какая-то гордыня? Но тем не менее это есть. И я очень любила петь одна. В поле, в лесу. Закричу, запою!.. И потом даже, когда я в пятнадцать лет поступила в Уральский хор, у меня ещё первый год сохранялась эта отстранённость. Я была самая маленькая в хоре — последняя. И когда все песни вместе п оют, я как отвлекусь — несколько было анекдотических случаев, когда все уже давно закончили, а я забывалась, когда пела. Но потом как-то приноровилась, стала слышать хор, музыку, началось учение, преодоление себя. Но с тех пор акапелльное пение — это, пожалуй, самое моё любимое состояние.

А к России я отношусь так: я люблю её такой, какая она есть: всякую. Раньше бы жила — любила бы Россию дореволюционную, военную, советскую, перестроечную, нынешнюю, всякую — люблю!.. Но и принимаю её всякую, какая она есть. И не осуждаю. Просто несу то понимание любви, какое есть во мне.

— На многих твоих концертах приводят слова Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна: «Не зовись артисткой, зовись народной певицей. Потому что ты не артистка, ты, когда поёшь, каждый раз переживаешь». Сыграть и пережить… На твой взгляд, это две диаметрально противоположные вещи?

— Между ними водораздел колоссальный. Потому что существует тот энергетический посыл, который человек творческий, даже на невидимом уровне, передаёт другим людям. И если ты эту энергию не передашь, то сила духа, вложенная в слово и в голос, сама по себе адресата не достигнет, и ответной, преемственной дуги не возникнет. Это — при условии, что ты не переживаешь, а просто играешь. Сегодня — одно, завтра — другое. Игра твоя, как вода, в песок канет…

— В своё время Виктор Петрович Астафьев, когда писал свой роман о Великой Отечественной «Прокляты и убиты» (а я гостил тогда у него в Овсянке), признавался, что ему опять нужно входить в то время и пространство, чтобы всё пережить заново. Но привыкшему многое пропускать через собственное сердце с каждым годом совершать эти переходы сложнее и сложнее. Так и у тебя, переживающей в песне. Не изнашивается ли хрусталик души?

— Тогда я меняю репертуар. Потому что петь одно и то же — значит, полностью себя нивелировать. Если я чувствую, что при произнесении слов песни у меня наступает пустота, я эту песню откладываю. Начинаю искать новое — то, что, по моему ощущению, в данный момент времени нужно людям и мне. Россия такая великая страна, что у нас ещё столько невспаханного и неспетого! Только бери и делай.

Вот, например, я вместе с оркестром вологодским записала диск на стихи Николая Рубцова. Работаю над диском на стихи Сергея Есенина. К сожалению, у меня нет композитора… Но я стала к этому как-то построже относиться. На празднике славянской письменности в Москве я должна была петь «Нежность» Александры Пахмутовой, но вдруг, представь себе (это в наши-то дни!), возникла некая странная цензура в лице кого-то: мол, всем известная «Нежность» («Опустела без тебя земля») — это грустная песня. Дескать, наш народ должен чепчики подбрасывать! Что тут скажешь? Я, было, расстроилась. Сама Александра Николаевна тоже очень расстроилась. Но зато Александра Николаевна подарила мне две другие, не менее замечательные песни — «Вера» и «Ванечка», которые я буду исполнять.

— Нет ли у тебя ощущения, что День славянской письменности — это скорее наша дань историческому прошлому? И если сейчас заглянуть в треснувшее зеркало событий на Украине, то мы увидим: нет единого славянского пространства. Разве можем мы назвать братьями тех, кто уничтожает свой собственный народ? Как ты думаешь: что сейчас может объединить славян и укрепить их общенациональное энергетическое поле?

— На Украине олигархи меж собой борются, а народ сталкивают друг с другом. Народ в эти жернова попал. Называют одних террористами, другие становятся бесами в чистом виде. Но бесы и отбросы есть в любой нации. Да, сегодня мы не можем говорить о едином славянском пространстве, потому что, если речь об Украине, там немало заблудших. Но, что примечательно: они ведь не говорят на языке Тараса Шевченко! Они используют языковую смесь — суржик, тарабарщину. И забыли, что язык до Киева доведёт. А они взяли этот язык и отменили. Как это можно было сделать? Русский-то народ живёт не по законам, а по поговоркам. Стало быть, отменённый язык и доведёт до Киева. Вот попомните мои слова: Киев останется русским и православным!

А те, кто хотели вызвать ненависть между русскими и украинцами, просчитались. Потому что сейчас в России на концертах стали больше петь украинских песен. И студенты мои в Гнесинке (вот неведомая сила русской души!), обучающиеся сольному народному пению, начали просить хорошие украинские песни и их исполнять, как будто подкрепляя Украину своей любовью. В этом я вижу шаг милосердия и цельности русской души. Не осуждение, а подкрепление. Значит, есть надежда, что со временем славянское пространство только окрепнет.

— Встречались ли на твоём пути исполнители, которые недооценены, отодвинуты на отшиб, и в результате человек сталкивается с трагедией невостребованности?

— Таких людей очень много. Я знала певицу Татьяну Синицыну, несколько лет назад отошедшую к Господу. Жила она в Подмосковье. И было ей где-то под шестьдесят. Она, что называется, народница в чистом виде. У неё такой голос! Природный, набатный, эпический. Просто — неземной. Это душа России. Как она исполняла русские песни, редкие… Это была такая сила волны! Вот говорят: «Музыкальное впечатление быстро проходит». Нет!

Я несколько раз слышала её живьём — на экзамене в Ипполитовке, и до сих пор, как вспоминаю, у меня мороз по коже. Такие люди рождаются, может, раз в несколько веков. Если бы у нас делали ставку на то, что влюбились в голос, получили силу его!.. Ну помоги ты человеку. У неё — одна ножка. Последствия полиомиелита. Денег не было. Вначале она как бы выходила. Сцену открывали-закрывали. Она стояла и пела. Но потом ей стало тяжело. Нужна была какая-то помощь. Для того чтобы её перевозить. Но кому это надо? Всем нужно только получить. Татьяна, конечно, не сломалась. Молитвенница. Вера помогла ей спастись и принять эту ситуацию. Но Россия лишилась этого голоса. У Синицыной есть несколько записей на радио. Мы подготовили к изданию её диск. Чтобы осталось хотя бы музыкальное приношение России.

— Получается, мы не ведаем лучшего. Мы уже весьма смутно представляем, кто такая Лидия Русланова. Мы не помним, что у песни «Мой костёр в тумане светит», оказывается, были авторы — стихи написал Яков Полонский, а музыку — замечательная женщина-композитор Вера Городовская, один из своих альбомов которой ты посвятила. Зато все знают, кто такая (или такой?) Верка Сердючка. Отчего мы так падки на подмены?

— Сами виноваты. Одна десятая часть русских пластается ради тех, которые ничего не хотят: дали им — скушали, не дали — будут брать то, что рядом: зачем тянуться к высокому? — Это было всегда: настоящее и ширпотреб. Мало того, я считаю некоторые голоса разрушительными. Повторюсь: голос — это же информация. А у некоторых — гнилая душонка. Вот он открывает рот, а она из него прямо-таки прёт! А у кого-то столько внутренних блоков (горловой звук сильный, носовой звук, плохая речь). То есть буквально мышцы работают так, что он в это время тужится, будто, извини меня, справляя свою нужду, и одновременно поёт. В таком случае, почему мы должны это слушать? Это даже чисто физически неприятно.

— Известно, что владыка Иоанн по поводу тебя предсказал: «Ты должна не тешить, а утешать людей». Почему русскому человеку, может быть, как никому другому, требуется утешение?

— Потому что русский человек живёт сердцем. И когда он видит, что вокруг несправедливость, когда понимает, что он не может помочь горю, что нет общего единения (а русский человек — это всегда собор), он, естественно, начинает искать те духовные струны, каковые хоть как-то помогут настроить его внутри на тот лад, при котором он мог бы выжить, сохранить человеческое достоинство, почувствовать великую генетическую связь со всеми поколениями. Это жизненно необходимо каждому русскому. Вот почему ему требуется утешение.

— Звание народной певицы, как я понимаю, ко многому обязывает. Думаю, когда ты поёшь в «Белом вальсе»:

И ликует мамона,
и не прячет лица,
золотятся погоны
золотого тельца

или — «Прощание славянки» с новыми словами, преломляющими нынешнюю истории России, — это, мягко говоря, не всем нравится? Скажи, в твоей творческой биографии были ли какие-то примеры, когда тебе приходилось расплачиваться за свою гражданскую стойкость?

— Однажды мне вручали орден, и генерал, который его вручал, почему-то напомнил такой эпизод: когда во времена Горбачёва выводили наши войска из Германии, мне позвонили и пригласили спеть на ступеньках рейхстага. Подобно тому, как когда-то это сделала великая Лидия Русланова. Я задала два вопроса: «По какому поводу пела Русланова?.. И по какому поводу буду петь я?..»

Меня поняли… Ну, естественно, я не поехала. Поехали другие. И потом, помнится, когда Ельцин собирал на очередной юбилей Победы всех глав государств, меня тоже пригласили спеть в Кремле. И я тоже отказалась. Потому что тогда ужасно обращались с ветеранами войны — такие были тяжёлые годы!.. И не могла я прославлять своим голосом власть, которая ничего не сделала для народа-победителя.

Михаил Аверков

Поймавший свой ветер

Памяти писателя, педагога и учёного Семёна Ермакова

1 апреля 2017 года ушёл из жизни Семён Вячеславович Ермаков — многогранный красноярский культурный деятель: философ и педагог, методист и культурный политик, писатель и поэт.

Вышло так, что его творческое наследие начало всерьёз популяризироваться и осмысливаться лишь после его ухода. С одной стороны, с ним заинтересованно общались крупнейшие эксперты в социально-гуманитарной сфере, он — негласно — участвовал в разработке основополагающих документов российского образования, несколько тысяч человек может вспомнить и вспоминает его как учителя и наставника, в том числе по проведённым им интенсивным школам. Наконец, его стихи, сказки, рассказы, отрывки из большой прозы, фильмы, снятые по его сценариям, широко расходились по социальным сетям и были прочитаны либо просмотрены немалым количеством людей. А с другой стороны — «среднему» педагогу в школе или в Центре детского творчества имя «Семён Ермаков» не говорит почти ничего; в списках рекомендованной литературы для студентов его книги и статьи не значатся или почти не значатся; на его опыт не ссылаются во всероссийских образовательных комплексах вроде «Артека», «Орлёнка», «Сириуса». И литературно-художественные произведения Семёна Ермакова, если и публиковались, то малюсеньким тиражом, в тоненьких книжках с бумажной обложкой, либо же — на объёмных литературных порталах, где найти и идентифицировать их было весьма затруднительно.

Причин такого положения дел, на самом деле, много. Начиная с природной скромности Семёна Ермакова, соседствовавшей с очень строгими требованиями к качеству своих трудов, самозапретом на публикацию «недодуманной» мысли и «недовычищенного» текста — заканчивая «несвоевременностью» его точной мысли, твёрдости тезисов, общей установки на истину, добро и красоту в эпоху всеобъемлющего постмодернизма 2000-х годов, на которые пришёлся расцвет творчества Ермакова. Но сейчас его личные скромность и перфекционизм уже не могут повлиять на распространение и популяризацию его произведений, в том числе литературных. А пресловутые «тренды» и культурные «моды» нередко разворачиваются на сто восемьдесят градусов, в том числе целенаправленно и рукотворно. Так что теперь пришло время познакомить с наследием Семёна Вячеславовича Ермакова «широкого» читателя, зрителя, ученика, родителя, просто человека, желающего объяснения и смысла.

В журнале «День и ночь» мы на сей раз представим лишь небольшую часть литературного наследия Семёна Ермакова.

…Многие товарищи и соратники Семёна Ермакова по литературному творчеству 1990-х годов удивились его эволюции в первой половине 2000-х. Он внезапно вернулся к рифмам и каноническим размерам, как будто «спустился с неба на землю» (правда, сохранив некое небесное волшебное стёклышко, глядя сквозь которое, удавалось видеть в обыденных явлениях их предельные образцы и глубочайшие смыслы). Семён Ермаков не столько рассказывает о целенаправленном *пути* человека к предельным основаниям своей жизни и деятельности, сколько показывает *проявление* этих оснований непосредственно *в жизни и делах человека*.

Иными словами, основой и опорой творчества Семёна Ермакова становится не «смысл жизни», а «смысл в жизни», в том числе способы его существования, сохранения, закрепления и развития.

Ясновидцам прозрачны тучи,
Даже ночью им солнце светит.
Кто сказал, что ты невезучий,
Что ещё не поймал свой ветер?

Таковы и сказки Семёна Ермакова, и написанные им сценарии игровых художественных фильмов, обращение к которым оказалось неожиданным даже для него самого, поскольку к кино он долгое время до этого относился только как зритель. Выяснилось, однако, что тексты, предназначенные для экранизации и представляющие собой нечто среднее между прозой и драматургией, позволяют «схватить» и выразить жизнь и её смысловой слой едва ли не в максимальной полноте. Семён Ермаков написал три законченных сценария, два из которых, «Ветер перемен» и «Крылья», были реализованы при его прямом участии как консультанта

съёмочной группы, а затем как режиссёра монтажа. Всё это, разумеется, были «любительские» фильмы, создававшиеся школьниками и студентами из выездных интенсивных школ под руководством молодых специалистов в области театра и кино. Но известную художественную ценность этих работ признавали даже маститые кинематографисты.

...Так получилось, что во второй половине 2000-х годов Семён Ермаков писал сравнительно мало — по крайней мере, мало что закончил. Он пытался, в несколько заходов, переписать сценарий «Крыльев» и создать его продолжение (в ходе этого исходный сценарий он весьма талантливо начал превращать в полноценную повесть); затем вернулся к сюжету «Ветра перемен» и тоже стал делать на его основе большое прозаическое произведение, на сей раз уже полностью реалистическое. Но большую часть его времени, внимания и сил в это время занимали социально-образовательные, социокультурные проекты, а также большие научные разработки.

Настоящий подъём литературного творчества Семёна Ермакова начался с 2011–2012 года, когда он в целом отошёл от прямой организационно-управленческой работы в образовательных и социокультурных проектах. Так получилось, что это оказался последний период его жизни... За 2011–2017 годы он написал такую массу стихов, сказок, рассказов, прозаических зарисовок и настолько «разбросал» эту массу по своим архивам и по посланиям разным людям в социальных сетях (некоторые стихи так и писались им в окошке «В Контакте» и уже потом копировались в файл на компьютере), что её сбор и систематизация до сих пор не закончены. Семён задумал цикл из четырёх повестей, каждая из которых по мере работы явственно превращалась в роман: «Ветер перемен», «Обручённые со счастьем», «Алые крылья», «Летняя школа». Все эти произведения в совокупности, согласно наиболее поздней и полной авторской концепции, должны были описать жизнь и развитие, в промежутке с 2012-го по условный 2018 год, нескольких интеллектуальных и художественно-творческих сообществ в Красноярском крае (в цикле он фигурирует под прозрачным псевдонимом «Белоярская область»). В ходе конкретных, реалистически обусловленных и обоснованных событий и приключений перед читателем должны были развернуться проблемы, жизненные коллизии, труды и дни их участников, постепенное слияние их дел и судеб с делами и судьбами региона, страны и мира, поиск и оформление позитивных сценариев для Сибири и для России.

...Когда мы разговаривали с ним в последний раз, за день до его смерти, Семён собирался ложиться в больницу и обмолвился: «Обидно время терять — столько замыслов!» Речь шла именно о литературных замыслах. Помимо новых идей и решений для «Белоярского цикла», у него родился совершенно новый замысел — фантастического романа о конце XXI века в мире, опирающемся на базовые предположения наиболее правдоподобных современных футурологических разработок и форсайт-исследований. Какими должны были быть главные характеристики этого мира и уж тем более базовая фабула романа и основные персонажи, мы не узнаем уже никогда. Разве только найдём рукописные наброски — если, конечно, они вообще были сделаны. Во всяком случае, Семён Ермаков как бы возвратился к исходной точке своего творчества, по крайней мере, своей большой прозы. И на шаг не успел замкнуть это кольцо...

Семён Ермаков не закончил слишком много своих трудов, в том числе литературных. Возможно, так было нужно — чтобы мы, читатели, сами потрудились додумать и допредставить, доуловить те смыслы, к которым подбирался Семён Ермаков. После чего уже сами бы попробовали «поймать» те образы, которые придали бы смыслам плоть и позволили им сохраниться, быть понятыми, прожитыми, развитыми. Ермаков ведь всегда радовался, когда в его текстах читатель или слушатель находил посылы, о которых он сам как автор даже не думал, — и охотно вступал в диалог, развивая подброшенную ему версию и ожидая от собеседника встречного хода. А кроме того, ему слишком близки были движение, полёт, постоянное становление, чтобы самому сознательно поставить точку и не спровоцировать нас, читателей, к их продолжению силами собственной мысли и фантазии.

Подтолкнуть нас — за счёт *его* посылов — поймать *свой* ветер.

Семён Ермаков

Тонко, тонко, почти паутинно…

Белый шиповник

Теперь, когда я достаточно стар, чтобы говорить правду — и всё ещё чувствую себя достаточно молодым, чтобы хотеть говорить правду — я расскажу о действительных причинах той дуэли, которая пресекла жизнь графа Альмавивы, вице-короля Кубы и других островов Вест-Индии.

Было время, когда меня обвиняли в хладнокровном убийстве. Говорили, что капитану флота Его Величества ничего не стоило заколоть престарелого графа по какому-то пустяковому поводу, из-за того, что однажды ветка белого шиповника стала веткой красного шиповника.

В то время и я почти так же думал. В самом деле, гнусность графа Альмавивы стала известна мне позже — всего получасом позже, но как это важно! А тогда речь шла как бы о пари, которое скучающий аристократ заключил со скучающим флотским офицером…

Фрегат «Милость Божия», которым я тогда командовал, ремонтировался после стычек с пиратами Карибского моря в порту Гаваны. Я уже тогда подозревал, что так называемые беглые испанские каторжники сбежали не без помощи господина вице-короля или хотя бы с его попустительства — уж больно странными казались их успехи, притом что наши корабли в Карибском море в то время не знали себе равных. Но, повторюсь, всё, что стало понятно, стало понятно позже.

А в то время я не столько следил за ремонтом фрегата, сколько присматривался к отношениям одного из моих лейтенантов, юного Мигеля, младшего наследника известной аристократической семьи, называть которую здесь не считаю нужным (тем более что именно эта семья, по известным причинам, помогла позже замять скандал, связанный со смертью графа Альмавивы) со старшей дочерью вице-короля. Молва позже говорила об отношениях Мигеля с женой графа, но нужно, на мой взгляд, слишком хорошее воображение, чтобы представить себе эту мегеру предметом вожделения образованного и знатного испанского юноши.

Необходимо отметить, что и сам вице-король, и его супруга, и большинство их отпрысков представляли собой тот тип испанца, за который нас до сих пор ненавидят и в Европе, и в бывших американских колониях. Полностью уверенные в своём превосходстве, тупые, малограмотные, они считали, что эта земля и всё, что находится на ней, принадлежат им исключительно по праву рождения и что не нужно даже подтверждать это право — нужно только уметь пользоваться этими благами.

Совсем другим человеком была старшая дочь графа Альмавивы, семнадцатилетняя Анна. Или граф в прежние годы был более разумен, или в те времена в Гаване было слишком мало образованных людей, только воспитателем юной графини был дон Густаво де Лос Анхелос, ссыльный аббат, первый переводчик на испанский язык Руссо и Вольтера, сторонник свободного воспитания и обучения по способностям.

К сожалению, я не застал дона Густаво в живых, но, судя по моим впечатлениям от графини Анны, воспитатель он был превосходный. О перечне её достоинств читайте Руссо; был бы я моложе лет на двадцать и не вдовцом, а юным кавалером, я сам сватался бы к этой барышне. В силу же возраста и обстоятельств я радовался тому, как донна Анна и дон Мигель, мой лейтенант, поладили друг с другом.

В дальнем плавании и на стоянках в колониях командир корабля — король, Бог и отец. Поэтому именно меня дон Мигель просил говорить с графом Альмавивой о руке его старшей дочери.

В тот день, казалось, я превзошёл красноречием самого Мирабо. Я говорил графу о том, какие выгоды ждут его оттого что его дочь войдёт в одну из наиболее известных семей Метрополии. О том, какие блага ей сулит продолжение её образования в Европе; о том, сколь известными людьми могли бы стать внуки графа, в которых достоинства отца будут сочетаться с достоинствами матери.

Граф, казалось, был глух. После того как я закончил, он сказал: «Моя дочь, дочь вице-короля, выйдет замуж за испанского выскочку, будь он хоть лейтенант, хоть адмирал всех морей, когда белый шиповник станет красным». И он сорвал цветок с куста, росшего рядом с галереей, и бросил его себе под ноги.

Мигель был рядом. Бедный мальчик всё слышал, всё чувствовал и принял своё решение. Я не мог

его остановить, не мог ему помочь, мог только узнать, что происходит.

С веткой белого шиповника он пришёл ночью под окна особняка вице-короля; с собой он привёл музыкантов, нанятых в одной из таверн Гаваны; он не взял ни пистолетов, ни шпаги, ни матросов охраны, положенных офицеру в любом колониальном городе. Анна вышла на балкон; диалог, состоявшийся между ними, никто не слышал—по крайней мере, не слышали музыканты и солдаты патруля. Юноша, держась за решётки балкона, подал ей ветку с белыми цветами; на мгновение их руки соприкоснулись—и в этот момент раздались несколько выстрелов.

Когда сидишь в засаде, есть время прицелиться. И юноша, и девушка умерли сразу; она упала на балкон, он—вниз, на руки музыкантов. Ветка шиповника, залитая кровью, повисла на балконных решётках.

Там я её и взял, когда пришёл наутро после тревожных сообщений солдат и музыкантов. Тела уже убрали; кровь смыли и с балкона, и с мостовой; только на ветку шиповника, залитую кровью, никто, видимо, не обратил внимания.

С этой веткой в руках я постучал в дверь графского особняка и потребовал аудиенции.

Граф был, казалось, сама любезность, сама вежливость, сама радость—как будто сегодня ночью не погибла его дочь. С торжественностью, достойной Его Святейшества Папы, граф объявил, что донна Анна никогда более не встретится с доном Мигелем, ни на земле, ни на небе.

Тогда я бросил ему под ноги окровавленную ветку шиповника.

«Вы нарушили своё слово»,—сказал я, собрав все душевные силы, чтобы не кричать.—«Белый шиповник стал красным, донна Анна должна соединить свою судьбу с доном Мигелем».

«Но это невозможно!»—вскричал граф—«И вы сами понимаете, почему!»

«Не понимаю и не хочу понимать»,—сказал я.—«Зато я понимаю, что должен сделать испанский дворянин, нарушивший своё слово».

Может быть, первый раз за много лет граф Альмавива сообразил, что он не только самовластный властитель в своих владениях, что как испанский дворянин он равен в правах с любым другим испанским дворянином, а выше нас—лишь король и Бог.

Граф побледнел.

На ветку шиповника упала моя перчатка.

«Испанский дворянин может доказать, что он не бесчестен, со шпагой в руках»,—сказал я. На место гнева пришло то спокойствие, с которым я командовал фрегату вступать в бой против эскадры или идти против шквала. На сей раз моими противниками были не англичане, или пираты, или стихия—я понимал, что за спиной вице-короля стоят все те, кому выгодно самовластие в колониях и для кого честное имя испанца стоит куда дешевле, чем испанское золото.

«Я пришлю секундантов»,—сказал граф, поднимая перчатку. Ветку он так и не поднял.

...Не стоит считать, что я действовал только как оскорблённый идальго. Я—офицер на королевской службе, и потому мои матросы вместе с солдатами гарнизона обшарили место убийства, нашли ружья, из которых стреляли, и проследили, куда унесли тела убитых.

Мы встретились с графом Альмавивой на следующее утро, на пустыре за портовыми складами. Было видно, что граф давно не держал шпагу в руке, но изо всех сил делал вид, что происходящее—лишь досадное недоразумение.

«Моя дочь желала странного, и она была наказана»,—сказал граф, увидев мой взгляд. Это были его последние слова.

Описывать поединок нет смысла; граф действительно держал в руке шпагу лишь на парадах.

Когда я возвращался на корабль, окружённый офицерами и матросами, нам встретилась процессия, нёсшая тела донны Анны и дона Мигеля. Следом группа конвоиров вела трёх графских слуг.

Мы похоронили убитых на городском кладбище у старинного крепостного вала, в одной могиле. Покойный граф и здесь не сдержал своего обещания: встретившиеся (верю и надеюсь) на небе, они встретились и на земле. Убийцы были наказаны по законам королевства; тот же, кто был причиной их убийства,—по законам чести.

...Я участвовал во многих сражениях. Я был одним из немногих, кто спас корабль и команду при Трафальгаре. Но дуэль с графом Альмавивой считаю главным сражением своей жизни—хотя сам поединок и не составил мне особого труда.

Испания может терпеть поражения; Испания может быть слабой. Но пока кто-то ещё выходит на поединок из-за того, что нарушено честное слово испанца,—у нации есть будущее.

И Бог мне судья. По совести, я сделал всё правильно.

День победы

Ярик ползал по ковру и ворчал: Пуф-пуф! Я тебя убил! Пуф-пуф! Гитлер капут!

Мама прислушивалась из кухни, радовалась. Праздник, соберутся к столу... Как тогда, в детстве. Хотя тогда, в детстве, собирались к столу те, для кого «Гитлер капут» было прямой реальностью. Ну и дети их, и внуки собирались.

Собраться в этот день и вспомнить было прямой обязанностью.

Потом Ярик как-то затих.

Мама, сквозь шкворчание сковородок, снова прислушалась.

Ярик достал свои карандаши и краски и снова приговаривал: Пуф-пуф! Вы плохие, вы нашего убили! Пуф-пуф! Ничего! Мы вашего убьём.

А потом вдруг тишина. Тихое сопение, ну да, большие мальчики же не плачут, только тихо сопят…

Ярик прибежал на кухню.

— Мама, почему когда нашего убивают, это плохо, а когда не нашего — хорошо? Убивать же — это всегда плохо?

Мама не нашлась, что ответить. Только обняла Ярика.

Вовремя папа пришёл, как всегда по праздникам, в парадной форме. Заранее принюхался к праздничным запахам. И Ярик кинулся к нему. С тем же вопросом.

Папа обнял Ярика не так, как мама, даже поднял и встряхнул. И прижал к новому ордену.

Ярик такого у папы не видел.

А потом они вместе прошли в детскую. Где на полу были разбросаны игрушечные солдатики и танки, а на столе была изодранная карандашами с изображениями взрывов бумага.

— Знаешь, друг мой Ярослав, — сказал папа совсем по-взрослому. — Убивать в самом деле плохо. А вот когда к тебе приходят тебя убивать, и других…

— Почему? Они что, совсем плохие?

— И они не плохие, им кто-то сказал, что мы плохие и нас надо убивать… Бывает, приходится отстреливаться. Знаешь, Ярик, это слишком страшно. Не играй пока в войну, пожалуйста!

Ярик понял заведомо не всё. Но убрал игрушки и начал рисовать, как он видел в кино, как он видел в жизни, как папа в форме и мама в лёгком платье мирно гуляют. А сам представлял, что нет никаких папиных командировок и мама не плачет по ночам.

● ● ●

От жажды умираю над ручьём…
Карл, герцог Орлеанский.

От жажды умираю над ручьём…
Франсуа Вийон, поэт воров.

Здесь странно, как будто у нас июль, а вверху — снегопад.
Здесь странно, как будто мы мимо дверей буксуем.
Здесь нет ни имён, ни табличек, где рай, а где ад,
здесь чтобы в сугробе сгореть, на костре танцуем.

Здесь страшно, как в зеркале видеть в себе врага.
Здесь страшно, как если заново вдруг родишься,
Здесь чувственность слова паркетным полом тонка,
здесь даже не знаешь, чем сам себе пригодишься.

Здесь страстно, и ярко, и жарко, здесь всё — вокруг.
Здесь страстно, и сумеречно, и безлюдно.
Здесь самое важное — вдруг сказать: ты мой друг,
но именно это здесь сделать особенно трудно.

● ● ●

Сегодня ночью умер здравый смысл.
И полная луна на небе звёздном
прошла, прошелестела за карниз
не слишком рано и не слишком поздно.
Мы рано встретились. В лесу стоял июль.
На дальнем плёсе звали нас русалки.
И старый пень, как старый мокрый куль
с чертями, шевелился из-под палки.
Теперь не то. Теперь в лесу — война.
Мы расстаёмся. Всё вокруг понятно.
И злая шелестящая луна
пустая возвращается обратно.

Дорожная песенка

Тонко, тонко, почти паутинно
жизнь продолжается…
Звонко, картинно
падает вниз и отражается

лучик рассвета. В сторону лета,
в сторону счастья планета вертится.
Песней одета, ветром умыта,
бежит дорога, бежит, не сердится.

Радостным утром, в сторону дня
бежит, сверкает, течёт, догоняет
и изменяет тебя, меня,
и обгоняет, и забывает.

А как это жизнь — и без нас останется?
станем музыкой, ветром, картиной:
в лучах рассвета дорога тянется
тонко, тонко, почти паутинно.

• • •

…Потому что на всё несделанное ответит
Только жизнь, только вечный промах, безмерный хаос,
Надувает когда-то алый, потёртый парус
Безупречный, но чуждый странник—безумный ветер.

И не нужно пугаться измены, бежать от моря,
Ожидать и страшиться награды, бояться в волнах
Угадать—прочитать—судьбу, позабыть—исполнить—
Завещание прошлой души, пережиток горя,

Потому что опять заблудиться в некруглом мире
Не удастся—бродить по жизни, стоять на месте,
Не умея понять—догадаться о новой вести,
Новом знаке—о новом ангеле, имени, пире,

Вторя миру—в согласии с морем—себе иному
Завещать начертанье души в этом новом знаке,
Завещать этот ветер, и ночь, и тропу во мраке,
Завещать, что истинный странник—идущий к дому,

Потому что нечестно часто просить о счастье,
Потому что не каждый знак означает праздник,
Потому что душа однажды, устав быть разной,
Ожидает хотя бы сомнения, но—участья.

Практическая футурология

Давайте, восстановим Вавилонскую башню
и будем говорить на всеобщем языке,
жалеть о будущем, мечтать о вчерашнем,
бежать на свидание с тюльпаном в руке.

Можно одичать или сделаться домашним,
забыть о несчастьях, как о дальнем далеке,
но можно достроить Вавилонскую башню
и заговорить на всеобщем языке.

Разумно быть безумным, неразумно быть счастливым,
полезно быть сытым и с пустой головой,
молиться на кухне на пирог с черносливом,
стирать свою карму и гордиться судьбой,

старательно строить Вавилонскую башню,
старательно болтать на всеобщем языке,
быть честным и сильным, но казаться уставшим,
и помнить о жизни как о милом пустяке.

Но знайте о тех, кто пахал свою пашню
и о том, кто умер с мечом в руке,
когда вы строите свою вавилонскую башню
и говорите на своём всеобщем языке.

• • •

Добра настала пора,
игры настала пора,
любви настала пора,
мир выше звёзд!
Смотреть на звёзды пора,
покинуть стены двора,
смотреть на воду пора,
идём на мост!
Души спасательный круг,
душеспасительный крюк
сквозь мятно-перечный луг,
и где-то между
водой, собой и судьбой
над путеводной звездой
и под рекой проливной
разлив надежды.
Мостить мосты и пути,
по ним, не глядя, брести
или спросить о пути,
о вести первой,
и дождь, и разум скрестить,
и крикнуть птице—лети!
и вновь ногами сплести
дороги меру,
дороги нервы,
дороги веру.

Олег Епишкин

Чукотский обертон

Было это в начале лета 1985 года. В те дни в небе Чукотки горело незакатное солнце, и жёлтые июньские льды, оторвавшись от берега, уплыли в море. Открылась чистая бухта, стала возможной транспортировка грузов, а значит, и работа в порту. К мысу Шмидта подошли сухогрузы и стали на рейде в полмили от берега. Меня зачислили в бригаду грузчиков, что было везеньем — грузчики хорошо зарабатывали.

В отличие о нас, сезонников, Олег считался местным, то есть постоянным жителем и работал докером на Шмидте по договору. Вскоре я узнал, что он мой земляк (из подмосковного Наро-Фоминска); мы быстро нашли общий язык и стали держаться друг друга. Работали в трюмах и на пирсах, таскали бесчисленные ящики, стропили и устанавливали контейнеры, принимали многотонное оборудование и технику — словом, делали всё, чтобы подготовить посёлок к предстоящей зимовке.

Как-то, ожидая очередной плашкоут с грузом, Олег рассказал о себе. В юности он занимался музыкой и спортом, поступил в военное училище, сдал норму кандидата в мастера спорта по плаванию, но так и не стал ни музыкантом, ни военным, ни спортсменом. Случилась драма, которая перевернула всю его судьбу, заставила переосмыслить жизнь и глубже вслушаться в ещё не опытную, но уже забродившую творчеством душу. «Среди сопок, среди скал, где ни куста, ни дерева, я за пазухой таскал томик Передреева», — неожиданно произнёс он и поведал мне, что ещё в училище начал писать стихи, которые привели к жадному, захватывающему, хотя и бессистемному изучению основ стихосложения. Постепенно поэзия превратилась в тайную страсть. Позже, на Севере, он проштудировал имеющиеся в библиотеке учебники, словари, книги по литературоведению, дневники, воспоминания любимых поэтов, многочисленные сборники стихов — всё, что могло хотя бы в какой-то мере утолить духовный голод. Потом он прочитал несколько своих стихотворений. Я узрел самобытное дарование и стал относиться к нему как к брату. На своём веку этот человек сумел испытать и волю, и неволю, и любовь, и предательство.

Однажды у себя в почтовом ящике я обнаружил школьную тетрадку, исписанную от руки. Тетрадь начиналась обращением ко мне: «Мишаня, друг, прими на память мои стишата, которые пишутся в молчаливом диалоге с тобой…»

С тех пор прошло более тридцати лет. Мы так привыкли к общению, что известие о его уходе показалось мне невозможным, я даже слышать об этом не хотел, думал, что он должен быть вечно…

Сегодня вновь и вновь перечитываю его стихи, каждый раз убеждаясь в мысли о его редчайшем даре, об удивительном обаянии его поэзии.

Михаил Грозовский

● ● ●

Я объявил войну уму
С тех пор, как умный друг
Умно́ помог мне сесть в тюрьму,
А сам умчал… на юг!

А я — в другую сторону,
Где задом наперёд
Живёт спиною к городу
Отверженный народ,

Туда, где в тундре варят щи
Из хлопьев снежных вьюг
Все бывшие товарищи
Умчавшихся на юг…

● ● ●

Оглашая эхом
Продувные льды,
Весь играя мехом,
Пел Кола Бельды:

— Борзый конь — хорошо!
И ишак — хорошо!
И верблюд — хорошо!
А олени — лучше!..

Чем олени лучше?
Спорить не берусь…
Обрусели чукчи,
Очукчела Русь!

● ● ●

Как осквернённый божий храм,
Спит заоконная разруха…
И меж оконных влажных рам,
Проснувшись, моет лапки муха
И тихо молвит:
«Не грусти,
Что перестройка подкачала…
Любая дурь всея Руси
В конце берёт своё начало…»

● ● ●

Я горько пил, родню губя,
И от бессилия и водки
Я эмигрировал в себя
И докатился до Чукотки…

И, как в наивном детском сне,
Всё ждал заботы и прощенья,
Но с каждым годом всё ясней
Живу с тревожным ощущеньем,

Как будто я не сам сюда
Уехал от родных и близких,
А волей тайного суда
Свезён без права переписки;

Как будто все мои пути
За то, что в лучшее не верю,
Ведут сюда, чтоб здесь найти
Свою последнюю потерю.

Я снаряжён, вооружён,
Живу, как в сказке.
Я в лоне моря отражён
С багром и в каске!

Лебеда

Когда в мой дом придёт беда,
Когда закончится еда—
Возьму лопату и пойду
Искать под снегом лебеду.

Не хуже горя лебеда,
А значит, горе—не беда,
А значит, будем жить и петь!
И с лебедой беду терпеть!..

● ● ●

От людей под Вереёй
Слышал я по осени:
Дескать, дачники зверьё
На дороге бросили…

Покидая Верею,
Я желал тем дачникам
Зимовать, как их зверью,
На снегу калачиком…

● ● ●

В заполярных местах—
Тусклый свет в небесах,
Да безмолвная тундра кругом…

В заполярных местах—
Материк на устах,
Как на время оставленный дом.

В заполярных местах,
Как в болезненных снах,
Свет и тьма в измереньях иных:

Здесь ночами земля
В чёрно-белых тонах,
Только море и небо—в цветных…

Литургия

Словно мыльный пузырь
В боязливом убранстве
Божье Слово плывёт
В криминальном пространстве…

Над землёй проплывает
Без тени и эха.
Видно, пущено кем-то
На волю для смеха…

● ● ●

Богатырь былинный
С плешью на затылке
Вдоль платформы длинной
Собирал бутылки.

А вослед за мужем
В разных босоножках
Шлёпала по лужам
Де́вица с лукошком…

По тернистым шпалам,
В сизой дымке тая,
И в большом, и в малом
Вечно пролетая,

За насущным хлебом
Вдоль платформы Нара
Уходила в небо
Сказочная пара.

● ● ●

Есть одно местечко—
Здесь, невдалеке—
Где горит, как свечка,
Огонёк в реке…

Заглянул я в речку,
Сочинил стишок
Для того, кто свечку
Для меня зажёг…

Чукотский обертон

По радио крутят Патрисию
С капризной фамилией Каас.
Её и худую, и лысую
Давно полюбили у нас.

Пока, как вдова безутешная,
Она завывала свой хит,
Я вспомнил просторы нездешние,
Где я заработал бронхит.

В холодном её завывании
Я слышал языческий звон,
Поющий в моём подсознании
С чукотской пургой в унисон.

Быть может, под эту же песенку
Над морем сквозь бурю и снег
Мятежно, подстать буревестнику
Летел я когда-то в Певек!

● ● ●

Соловьи в садах запели вновь
В паузах предвыборного шума…
Видно, вдохновляет их любовь,
А не Государственная Дума!..

● ● ●

Догорал двадцатый
Невесёлый век.
На снегу валялся
Чей-то человек…

Пьяница российский,
Маленький, ничей—
Возле магазина
«Тыща мелочей».

Мною не спасённый,
Сам он встать не мог,
И его казённый
Подобрал зилок.

И у той дороги
Не было конца…
Шёл я шёл и в морге—
Опознал отца…

Цветы у моря

На скалах вечной мерзлоты
Коротким летом
Цвели полярные цветы
Цветным букетом.

И ясным пламенем горя,
И грея скалы,
Их до прихода сентября
Заря ласкала.

В калейдоскопе мёртвых скал—
Живые краски,
Как в царстве вогнутых зеркал
Чукотской сказки,

Где ослепительный зенит
В душе и плоти
Успокоительно звенит
На чистой ноте,

Где нет напрасной суеты,
И путь короче
К безмолвной тайне красоты
В безлюдье ночи,

Где ясным пламенем горя
И с ветром споря,
Ласкает нежная заря
Цветы у моря…

Безлюдной ночью

Безлюдной ночью
Мусор вынес
И, не спеша, иду домой…

Вновь на дворе
Мороз и кризис
И в ясном небе ковш пустой.

Воспринимая как угрозу
Грядущий день,
Ночей не сплю…

Крепчает курс
Тепла к морозу
По курсу доллара к рублю…

Марина Саввиных

О Сахалине — с любовью

В глубине облаков и долин
Облекается мглой Сахалин,
Словно полная поздняя нива…
Сопки дышат лиловым огнём,
И мерцает и ночью, и днём
Шевелящейся сталью Анива…

1.

Какая она огромная, Россия! Всё же я человек Империи. Это, знаете ли, особый регистр духа. Малочисленному народу, даже если он осколок некогда великой нации, не выжить в одиночку, он должен обязательно прислониться к одному из мировых «центров силы». И тут уже выбор — к кому, равносилен судьбе. Вон какое сейчас колебание и брожение в мире… Европа трещит по швам. Даже «правь, Британия, морями» звучит уже как-то… уныло.

Америка, Китай, Россия, Исламский мир. Кто его «сконцентрирует» — Турция, Иран?

В России нынче возрождается и нарастает имперское настроение. Оно глубоко укоренено в народе, который помнит достоинства и издержки советского прошлого. А молодёжь — она, как и во все времена, жаждет подвигов, или, как сейчас говорят, «адреналина», поэтому имперский дух её подогревает. Нашёлся бы гуру — и хоть трава не расти. К тому идёт. Тяжёлый процесс. Москва-матушка так умудряется строить отношения с регионами, что регионы иной раз и отпасть от неё не прочь… но тут — смотри начало: «малочисленному народу» — и т. д.

Империи, правда, органически склонны к распаду. Но в случае России — это дело не теперешнее. «Время собирать камни».

На Сахалине ощущаешь и то и другое. И собирать, и разбрасывать. Но «собирать» — ощущается всё сильнее.

Маленькая делегация журнала «День и ночь» на фестивале «О России — с любовью», который проходил на Сахалине с 7 по 14 октября, — Марина Саввиных и Евгений Мамонтов. Я и Женя.

Смешная картинка с самого начала: Женя как-то умудрился забыть шапку и шарф на самом входе в аэропорт Емельяново и не вспомнить об этом до самого объявления посадки… и вот — посадка идёт, Женя носится по аэропорту в безуспешных поисках. Первый автобус к самолёту ушёл. Я уже грызу ногти в отчаянии. Второй автобус — Женя влетает среди последних опаздывающих, ничего не найдя… уфф… перевожу дыхание… грустно, но — да… потеря… смирились — сейчас поедем.

И тут в уже заурчавший автобус влетает охранник — оттуда, с самого входа — и отдаёт Жене его потерю. Честно? Те, кто были рядом и поняли, в чём дело, аплодировали! А что вы хотели? Россия!

Хабаровск. Южно-Сахалинск. Южный, как его называют местные. Первое ощущение в аэропорту — *тепло!!!* Прямо Юг какой-то. Солнце. Горы. Запах моря.

И — всюду Чехов, как у нас в Красноярске — Астафьев. Вечером — встреча в Музее книги «Остров Сахалин». Приятная «развиртуализация»: Анна Сафонова, Павел Басинский, Михаил Щукин, Геннадий Прашкевич, Елена Намаконова, Владимир Семенчик… И чудесное открытие — Мария Теплякова…

Вечером для гостей экскурсия на турбазу «Горный воздух»… чтобы мы вдохнули Сахалин полной грудью. Удивительное место! Красота. Весь Южный как на ладони.

Отбывая к Морфею в гостинице «Монерон», думаю — молодцы же организаторы, всё чётко, а если где и накладки, так мы сами виноваты — мыслим по шаблону.

2.

Таранай

8 октября, воскресенье, участники фестиваля «О России — с любовью» провели на базе отдыха «Таранай», на берегу Анивского залива. Море в двух шагах от коттеджа, где состоялось трудно определимое по жанру мероприятие… Совещание? нет. Семинар? нет. Круглый стол? просто все сидели за огромным столом в роскошном зале с коврами и креслами, пили чай и говорили о времени, себе и литературе. За разговором время пролетело быстро. Там — обед, чай на свежем воздухе… морская прогулка.

Тонкое удовольствие — брать с песка и держать на ладони тяжёленькие раковины морских моллюсков. Чайки давно выклевали самого хозяина раковины, створки забиты песком, но она всё равно — как живая: холодная, влажная, увесистая…

Море. И горы. Обе мои стихии безраздельно властвуют на Сахалине.

3.

III Межрегиональный фестиваль «О России — с любовью». Открытие

9 октября — открытие фестиваля патриотической книги и книжной ярмарки в Южно-Сахалинске. Тут же, как выяснилось, Сахалинская областная универсальная научная библиотека проводит свою плановую конференцию — съехались работники библиотек нескольких регионов. Так что словам — тесно, мыслям — просторно.

С утра погода обещала солнце и негу, но к моменту начала мероприятия дохнуло холодом и дождём. Погода, как говорится, внесла коррективы, но не настолько, чтобы испортить впечатление.

Перед открытием площадок фестиваля гостей приняла директор СОУНБ Валентина Аврамовна Малышева. М. Н. Щукин, Г. М. Прашкевич, Е. А. Мамонтов, М. Теплякова и я рассказали о времени и о себе, поделились своими соображениями о состоянии книжного дела и художественной литературы на текущий момент. Беседа получилась очень живая и, хотя и краткая, но взаимно полезная для всех участников.

Потом было трогательное возложение цветов — прямо под бронзовый локоть А. П. Чехову, который «наше всё» для сахалинцев, ибо лучше и правдивее Чехова Сахалин не воспел никто. Замечательный памятник — Чехов как живой, а теперь ещё и с нашим букетом подмышкой.

Ветер и дождь, однако, крепчали. Поэтому импровизированный концерт на крыльце СОУНБ прошёл, так сказать, «в темпе вальса». Но было хотя и холодно, но хорошо. Понравились и песни, которые пелись, и стихи, которые читались. И сила воли выступавших, которые даже не ёжились под порывами стихий.

Фестиваль открыт. Участники приступили к исполнению.

4.

Холмск

9 октября. Холмск — город-порт. На берегу пролива. Среди холмов. Дорога, по которой мы ехали из Южно-Сахалинска в Холмск, так петляла среди сопок, что вспоминался ТрансКам[1].

Но красота ни с чем не сравнимая. Только на Дальнем Востоке октябрь расцвечен такими красками — все оттенки жёлтого и красного: от яркого лимона до тёмного мёда, от нежно-розового до почти чёрного бордо… и — последняя зелень — цвета старой бронзы…

Дождь от нас не отставал. Ну что ж? Это Сахалин, детка…

Маша Теплякова и Лена Лындина приехали из Суздаля. Маша, как прежде говорили, «крепкий» литератор: пишет стихи и прозу. Хорошие. Но всё-таки хорошие стихи и прозу пишут нынче многие. А Маша — уникум. Она профессиональный звонарь. Музыкант и философ. Отсюда — всё остальное. Стихи и проза в том числе. Лена — её продюсер. Сначала сам факт меня слегка царапнул — надо же, как высоко метит человек, ежели продюсера с собой возит, но, приглядевшись, я поняла, что тут не гонор актрисы, а жизненная необходимость. Без Лены Маше действительно с объёмом задач не справиться. Вдвоём же они — сила. Мне посчастливилось слышать и Машино чтение, и её игру на гуслях, и звон колоколов под её руками. Волшебство.

А ещё с нами была Аня Сафонова. Редкий тип художника слова, не только самореализующегося, но и считающего своим долгом содействовать реализации других.

И — Владимир Владимирович Семенчик. Директор издательского дома, журналист и тонкий, ироничный поэт. Вместе с интеллигентнейшей Ольгой Альбертовной Пятницкой, сотрудником СОУНБ, — такая вот у нас в Холмске получилась дружная команда.

Районная библиотека им. Ю. Николаева располагается в прекрасно сохранившемся старинном здании с колоннами — типичный Дворец культуры середины прошлого века. Высокие потолки, лепнина… очарование «сталинского классицизма».

А публика — наша, свойская. Старики и дети. Слушали внимательно, но «разогрелись» только в дискуссии. Пришлось доказывать, что «патриотизм» — далеко не всегда биение себя кулаком в грудь, а чаще всего — пристальность к мелочам повседневности или созерцание судьбы отдельного человека. Хотя иной раз поэт может и на крик сорваться. Но это не всегда и не обязательно.

Потом — прогулка под зонтами и ужин в милейшем кафе.

Холмск. Я тебя запомню! Море и горы.

5.

Корсаков

10 октября — Корсаков. Честно говоря, из всех городков и посёлков Сахалина, в которых мы побывали, Корсаков понравился мне больше всех. Сама не знаю, почему. Те же сопки, то же море. Те же феерические краски осени. То же ощущение «машины времени», из которой неожиданно выпрыгиваешь в собственное детство. Корсаков показался очень уютным и приветливым. И даже солнышко, время от времени выплывающее из-за туч и разливающееся по всему городу теплом

1. Транскавказская магистраль.

и светом, казалось непременным атрибутом городского убранства.

Библиотека, в которой мы — я, Женя Мамонтов и В. В. Семенчик — выступали, располагается на первом этаже обычного жилого дома, и мы даже не сразу её нашли. Но публика собралась на встречу — со всей очевидностью — библиотекой давно приручённая. Поэтому общение прошло на высшем уровне. Много было вопросов, стар и млад делились своими соображениями и впечатлениями, а в самом конце — то ли увы, то ли ура — местные поэты выступили с чтением своих произведений. До сих пор не разобралась, как к этому правильно относиться. С одной стороны, невозможно же не то что критиковать этих бабушек с самодельными стихами, но даже и делать недовольное или равнодушное лицо. С другой — тут же сидят умнющие старшеклассники и зорко следят за твоей реакцией. Один такой едко хихикал за моим плечом во время выступления поэтессы-ветерана. Не знаю… я хлопала в ладоши и улыбалась как можно естественнее.

После встречи — Корсаковский историко-краеведческий музей. Странное впечатление несоответствия внешнего облика и внутреннего содержания. С улицы музей напоминает — барак? лабаз? склад какой-нибудь? но внутри… сколько вкуса и чисто музейного профессионализма! и — душа музея, его директор Анна Николаевна Бабушок. Бывают же люди! я в неё влюбилась с первого взгляда. Потому что она сама излучает любовь, культуру, интеллигентность, очаровательный юмор… здесь, наверное, впервые на Сахалине я ощутила то самое, о чём говорила Маша Теплякова, рассказывая о Калининграде — городе призраков исчезнувшей, но не выветрившейся из пор и трещин другой цивилизации. В камнях и деревьях Калининграда до сего времени проступает Кёнигсберг. Сквозь сахалинский Корсаков на жителей и гостей с надменной печалью и даже некоторым вызовом смотрит японский Оодомари. Прямо скажем, японскую культуру здесь тщательно оберегают, хранят и ценят. Ей отдают должное, хотя прекрасно понимают, что «не всё так однозначно».

Анна Николаевна показала нам город. Самое яркое впечатление осталось, пожалуй, от двух мест — потрясающего по силе воздействия памятника корейцам, не дождавшимся возвращения на родину, — на Горе Грусти. Вот что о нём сразу «отгугливается»: «После окончания войны здесь со всего Сахалина собрались корейцы, вывезенные на остров во время японского правления на Южном Сахалине. Напрасно много дней они всматривались в морскую даль, ожидая пароходов, которые могли бы вернуть их домой. Япония отказалась вывезти корейцев на Родину, мотивируя тем, что они не граждане Японии. А Республика Корея могла предоставить всего три корабля для вывоза своих соотечественников. Но три корабля не могли вместить всех. Поэтому оставшиеся корейцы каждый день приходили на эту гору и ждали парохода, но так и не дождались…

Драматическая история, происходившая на горе Слёз (Грусти), так потрясла членов делегации общества „Ханган Форум“ — союза творческой интеллигенции Республики Корея, побывавших на этом месте в 2005 году, что они выступили с инициативой поставить здесь памятник соотечественникам. Идею поддержали местные власти, выделившие земельный участок. Сбор средств на строительство мемориала происходил как в Республике Корея, так и на Сахалине. Свои пожертвования внесли не только представители островной корейской диаспоры, но и люди других национальностей — в общей сложности 419 человек. Всемирно известный скульптор-авангардист Цой Ин Су вызвался создать этот монумент. Стихи, которые высечены на постаменте, написал Ким Мун Хван, автор гимна Олимпийских игр в Сеуле 1988 года. На русский язык эти стихи перевёл сахалинец, член Союза писателей России Роман Хе… История и современность тесно переплелись в памятнике на горе Слёз (Грусти), который изображает символический корабль, разделённый на две половинки и как будто стремящийся в небо».

А второе, конечно, производственный комплекс Пригородное, где вырабатывается сжиженный газ. Как мы поняли, Корсаков в основном и держится за счёт этого предприятия и незамерзающего морского порта.

На берегу залива — на естественном возвышении — поверженный милитаристский знак Японии. Мурашки по коже, когда стоишь возле полуразрушенного постамента… перед тобой — волнующееся серебристо-стальное полотно залива, и круглые белые газовые резервуары… и корабли на горизонте… и этот воинственный знак — как предостережение и напоминание. Японцы сюда приезжают. Часто.

6.

Смирных и Победино

10 октября поздно вечером дружным коллективом загрузились в поезд и отправились из Южно-Сахалинска на север. Вокзал в Южно-Сахалинске очень хорош, я бы даже сказала, прекрасен. А поезд вообще меня сильно впечатлил своим удобством и нежной заботой обслуги: редко в поездах сплю, но тут до самого пункта назначения (посёлок Смирных) спала, как агнец. И это несмотря на то, что компания в нашем купе подобралась интересная и склонная к общению — видимо, просто устали все за предшествующий день. Поэтому так сладко спали. Прибыли в Смирных около шести утра. Разместились в районной гостинице — тоже более или менее комфортабельной. Правда,

гостиничный блок — живала я же и в таких отелях когда-то — состоял из двух номеров с общим коридорчиком и общей же туалетной комнатой, плюс ещё в душе не оказалось горячей воды. Но это такие мелочи по сравнению с уютом и теплом самой гостиницы, что, честно говоря, я только спустя время обратила на это внимание…

После короткого отдыха наша группа отправилась в путешествие по местам боевой славы. И вот тут начинается самое интересное, потому что проливает свет на особенности менталитета самих сахалинцев.

Итак. Экскурс в историю. Результатом Русско-японской войны 1904–1905 годов, как вы, конечно, помните стала оккупация Японией южной части острова Сахалин (он входил в состав Российской империи с 1875 года). 40 лет остров был разделён по 50-й параллели на северную и южную части. Свою территорию японцы назвали Карафуто — жили здесь и хозяйничали в своё удовольствие.

В результате Второй мировой войны Япония как побеждённая сторона вынуждена была отказаться от своей части острова в пользу Советского Союза. 1945 год. Август. Война вроде бы закончена ещё в мае. Должна была закончиться. Но на востоке — на Сахалине — боевые действия только начались… потому что японцы с Сахалина уходить не торопились. Остров пришлось возвращать силой. И тут возникает драматическая, если не трагическая, история Южно-Сахалинской наступательной операции августа 1945 года. История кровавая — с большими жертвами с обеих сторон. Как раз в районе посёлка Смирных шли тяжёлые бои, и земля эта до сих пор хранит в себе следы и обломки тех трагических событий. До сих пор поисковики находят останки и советских, и японских бойцов и предают их земле или хоронят по японским обычаям (с участием представителей Японии несколько раз организовывалась кремация останков японских воинов).

Николай Михайлович Дегтярёв — член регионального движения поискового движения России, много лет уже исследующий места боёв. Он и стал нашим экскурсоводом.

А позднее мы посетили и музей Южно-Сахалинской наступательной операции в Смирных.

Что поразило? бережное и уважительное отношение сахалинцев к Японии и японцам. Просто, я бы сказала, трепетное… Надеюсь, японцы это ценят. Хотя — не знаю. Японцы много хорошего оставили на острове — железную дорогу, например, по которой мы и нынче перемещались с большим комфортом. И ещё кое-что… но всё же август 45-го они не забыли. И не простили, конечно.

Но теперь здесь Россия. Японский Кэтон стал нашим Смирных (по имени командира батальона Леонида Смирных, погибшего здесь в 45-м). А другой посёлок в этом районе назван по имени сержанта Антона Буюклы… и вообще — много мест здесь названы и переименованы в честь советских героев. По праву победителя.

А Победино названо в честь победы. Победино — посёлок совсем небольшой. Библиотека-музей — центр культурной жизни. А библиотекари во главе с директором Натальей Владимировной — вроде героев-танкистов из широко популярной песни. Потому что условия, в которых они работают, приближены к фронтовым. Ни тебе воды, ни «удобств». То есть все удобства — на улице, и даже это библиотеке не принадлежит: общего пользования… не имею желания описывать это заведение — я первой туда зашла и, вернувшись, предупредила дрожавшую под мелким дождиком Лену Намаконову: «Дорогая Лена, соберите в кулак всё своё мужество, — иначе… всякое может случиться». И — да, почти не смешно.

(Сразу похвастаюсь — на следующий день утром у нас была встреча с зам. главы Смирныховского района. Не знаю, как на остальных, на меня он произвёл самое благоприятное впечатление: внимателен, прекрасно говорит и вообще — харизматическая личность, сразу видно — прирождённый лидер. Так вот — мы с Г. М. Прашкевичем среди разговоров о красотах и достижениях Смирныховского района, которые мы успели оценить, взяли и «настучали» ему о проблемах побединской библиотеки. «Как? — изумился он, — воды нет? и туалет на улице?» И обещал разобраться и привести ситуацию в приемлемое состояние. Может быть, и — да.)

А сама библиотека-музей… с какой трогательной заботой эти милые женщины относятся к односельчанам — ведь для них и правда библиотека — центр культурного общения: пока проходила наша встреча, народ всё время прибывал… Ну, привык народ приходить сюда — сам собой, это невозможно подделать. Мало того, что люди приходят, как в клуб, так ещё и несут старые вещи — свидетельства ушедших времён — вот и музей! здесь и начало века — ещё японское, и 45-й, и 50-е, и 80-е… машина времени!

Из собственных открытий — Елена Намаконова. Детский писатель высочайшей пробы! редкого, прямо-таки уникального свойства. Как она работает с детьми, Боже мой! Как с ними играет! Даже мы с Прашкевичем получили море удовольствия от участия в этой игре. Что уж говорить о собравшихся ребятишках! это был полнейший восторг!

Леночка — вообще чудо природы! я как-то привыкла во время коллективных странствий играть роль «большой мамы»: за всех отвечать, про всё хлопотать и т. д. и т. п. Но тут Лена как-то нечувствительно эту роль у меня перехватила… и была в ней блистательна!

Так что, дорогие читатели, нашла я жемчужину редкого качества для детских страничек журнала «День и ночь». Это ли не добыча?

Была ещё чрезвычайно приятная встреча в модельной библиотеке п. Смирных. Библиотека действительно очень хорошая. Есть всё необходимое, слава Богу. И очень симпатичная атмосфера. Даже расставаться было грустновато. Тем более что неожиданно объявились земляки… особенно одна землячка — из Железногорска. Как всегда бывает при таких знакомствах, — а как теперь то, это? знаете ли того, этого? Велика Россия — да везде свои.

Вечером 12 октября мы всей маленькой компанией отправились на поезде в Поронайск.

7.

Поронайск и Гастелло

В полночь между 12 и 13 октября наша библиотечно-писательская команда прибыла на поезде в Поронайск.

Поронайск расположен в том самом месте, где река Поронай впадает в залив Терпения. Топонимика Сахалина — это Песнь Песней и сладчайшее бельканто в одном фиале… где такое ещё встретишь? Венгери… Лангери… Делиль де ла Кроер… (кроме шуток!) Пильво… так и слышатся мандолины и кастаньеты. Но земля тут суровая. Не забалу́ешь!

Поронайск — город. Небольшой, но самый настоящий. Чем-то напоминающий наш Канск. Чистенький, зелёный — по максимуму возможностей цивилизованный. Мы жили в гостинице «Север» — так то вообще Европа! Здесь великолепнейший краеведческий музей. И снаружи, и внутри — Музей. Да, вот так — с большой буквы. Бесконечно преданные своему делу музейщики. Слушая рассказ экскурсовода, вновь и вновь поражаешься причудливости исторических переплетений — народов, культур, человеческих судеб. Сказок хотите? «Адреналина»? так вот он, «адреналин»! вот и сказки, и героизм, и романтика — и обычная повседневная жизнь, граничащая с прямым героизмом… Интереснейшая экспозиция по нивхам и айнам.

Русские здесь окончательно и прочно обосновались в 1869 году. А 1905-м сюда капитально загрузились японцы. И город стал называться Сисука (не смеяться! можно ещё Сикука произносить…).

К счастью, в 45-м Поронайск вернулся на своё законное место. И для города началась вполне себе ренессансная, хотя порою и трагическая история. Как и все населённые пункты на Сахалине, город тревожно покачивается между отчаянием и надеждой. Не знаю, как остальные, — я жадно ловила ноздрями эту надежду. Потому что — вот оно, море! Путь. Житница. Угроза и простор. Стоя на берегу, чувствуешь некий зуд между лопатками: вот потянет вечерний бриз — да и взлетишь вместе чайками… за горизонт, такой близкий — и такой ускользающий…

Там, где Поронай впадает в морской залив, на берегу — огромный баннер: «Цунамиопасная зона. При землетрясении беги на возвышенность». Баннер сильно смутил. Но наша спутница Лариса Борисовна только рассмеялась в ответ на мой боязливый вопрос.

Что касается посёлка Гастелло… я, когда попадаю в такие места, всегда испытываю желание хоть ненадолго зацепиться и побыть. Не потому что так хорошо… как раз — наоборот. Потому что чувствую, что могу принести пользу. Цепляет ощущение… отринутости от мира. Однако детки на встрече в библиотеке — живые и любознательные. А в глазах взрослых — такая испытующая тоска, что понимаешь, почему некоторые всерьёз считают и даже откровенно говорят: лучше бы здесь были японцы… в запальчивости, конечно, говорят. Вряд ли бы им — «русопятым» — при японцах понравилось, но уж, кажется, на всё готовы: лучше уж под японцами, чем так…

Но доберётся же молодая и крепкая Россия и до этих — будто Богом забытых мест. Трудно поверить, но я верю!

8.

До свидания, Сахалин!

14 и 15 октября гости фестиваля «О России — с любовью» провели в Южно-Сахалинске. Встречи со школьниками, итоговое мероприятие в универсальной научной библиотеке… потрясающий по силе эмоционального воздействия колокольный концерт Маши Тепляковой… и удивительное путешествие в заповедник, который считают самым таинственным местом на Сахалине.

Интернет сообщает: «Согласно преданию, у древних айнов это место было святилищем и почиталось как храм Мудрости. Находится этот сакральный объект в отрогах Сусунайского хребта и разделяет собой реки Комиссаровка и Одесситка. От Южно-Сахалинска его отделяют всего 20 км. Останец, прозванный Лягушкой за свои очертания, напоминающие сидящую амфибию, состоит из группы скал.

Три самые внушительные по размерам составляют ядро экспозиции, талантливо обустроенной природой. Их максимальная высота всего 8 м. Это всё, что уцелело после разрушения более высокого геологического образования. Выветривание и эрозии сделали своё дело. Площадь памятника сахалинской природы в форме круга с радиусом 200 м занимает 12 гектар».

В этом таинственном месте мы гуляли под дождём. По дороге нас, правда, упаковали по возможности в непромокаемое… а потом солнышко выбежало — совсем внезапно. И стало совсем тепло и хорошо…

Утром следующего дня — интервью на сахалинском радио, и — отбываем восвояси.

Спасибо, Сахалин! влюблена и счастлива!

Анна Сафонова

Чёрная речка

Танюшка волновалась — грудь отказывалась расти. Набухли два пупырышка, и вся красота. А хотелось очертаний. Как у Наташки дяди Лёшиной. Она, когда на крыше загорать раздевается, вся воинская часть улюлюкает. Солдаты в казарменных окнах гроздьями висят, головы вытягивают и прицокивают. Наташка в ответ копной рыжей тряхнёт и медленно-медленно лямки на спине поправляет. Потом на живот ляжет, а через секунду как бы невзначай перевернётся. У солдат обморок.

Хотелось изгибов, линий, форм. Танюшка хоть и ходит на хореографию, а толку никакого. Впрочем, какой может быть толк от плие и гранд батманов, от натянутых носков и летящих рук, когда совершенно нет груди? Танюшка каждый день проверяет. В магазин сетки с пустыми бутылками волочёт — проверяет. Спотыкается, зарываясь по щиколотки в наметённый песок, бутылками гремит — фу-у-у! Ещё не хватало разбить, на творог не хватит. Или на сметану. А то и на масло растительное. И талоны эти вечно из кармана торчат, не потерять бы. Танюшка в руке их с добавленной трёшкой прочнее сожмёт и ещё немножко идёт, не проверяя. Но взгляд сам собой вниз падает. Будто от взгляда чего вырасти может. Эх!

Без груди замуж не возьмут. Не возьмут и всё. Это ей по секрету девчонки из параллельного класса нашептали. А замуж позарез надо. Потому что дом без мужчины рассыпается. Батареи засорились, труба под полом лопнула, забор в двух местах завалился. Сосед собак завёл, пришлось самому поправлять, чтоб не сбежали. Тут ещё десять тонн угля привезли, на тротуар свалили, люди ходят, ворчат. Вечером вышли с мамой на пару, и давай: мама сверху сразу в углярку кидает, Танюшка снизу по полведра через дверь таскает. Уже и ночь рядышком у забора притулилась, а куча всё не убывает.

Парень с папочкой мимо пробегал, остановился. Фонарь тусклый, не видно, что за парень. А только весь в белом.

— Хозяйка, инвентарь найдёшь? — спокойно интересуется.

Мама опустила занесённую было лопату, пристально вглядываясь в белое пятно.

— А запачкаться не боишься?

— Постираем, — кашлянул в кулак.

Лопата нашлась. Парень рубаху скинул, папочку под сирень поставил, на руки поплевал…

— Погоди. Я сменное поищу, — заторопилась мама. — Отцово подойдёт. Я сейчас.

Принесла трико. Незнакомец зашёл за смородину, переоделся. Мама унести хотела, не дал. Она за лопату, он древко перехватил:

— Оставьте, я сам. Спать идите. Ваша-то вон спит на ходу, — кивнул на Танюху.

— Ну ладно, — пожала плечами мама.

Танюшка с мамой вскочили с рассветом, незнакомца уже и след простыл. Чистенький подметённый тротуар, прикрытая углярка… Даже имя не спросили, кому теперь спасибо говорить?

Через пару дней незнакомец сам заглянул, проверить, не надо ли чего? Надо. Шкаф книжный передвинуть. А то совсем на стену завалился. Передвинули.

— Сколько с нас? — небрежничает мама.

— Спасибо, я, наверное, побегу, — задержался на секунду в дверях и, правда, убежал.

— Мам, ты чего? — разозлилась Танюша. Даже ногой притопнула. Опять прошляпила! Мужчина настоящий! А вовсе не так себе парень! Только настоящие мужчины приходят незаметно и смотрят долго-долго тёплым внимательным взглядом. В глаза прямо смотрят и не боятся. Девочка локти кусала, но от рационализаторских предложений воздерживалась. Оказывается, новый папа и будущий муж — совсем не одно и то же. Да и вкусы у мамы с Танюшкой не совпадали. «Горе мне с тобой», — бормотала девочка про себя и уходила в комнату. У мамы характер. Маму не погладишь. Разгадал её незнакомец…

Придётся самой замуж выходить. Хорошо бы за Димку Алёхина. Он ей с первого класса нравится. Высокий, спокойный, почти ни с кем не водится. Зато быстрее всех читает. Да так складно! Складнее только у Сашки Шевцова получается. Но у Димки голос! Баритон. Бархатный, как цветок фиалки. Голос у него раньше всех поломался, и слушать его — заслушаешься. Так от него уютно. Танюшка потихоньку за ним в библиотеку ходить стала, в читальный зал. Выучилась после уроков формуляры заполнять, попросилась помощником библиотекаря. Чтобы знать, что он читает. А как же? Человека по книгам узнать — раз плюнуть!

Димка на переменах засядет, страничками шуршит, глаза по строчкам бегают. Танюша в формуляр запишет и следом те же книги берёт: «Дочь Монтесумы», «Всадник без головы», «Янки при дворе короля Артура», «Похождения бравого солдата Швейка», но это так, на переменке. Домой Димка занимательную ботанику берёт и Брема. Пришлось маме трёхтомник заказывать, чтоб одновременно с Димкой прочитать. А то вот ещё за энциклопедию взялись. Большую Советскую. Димка четырнадцатый том приканчивал, Танюшка кое-как с двенадцатым поспевала. Друг от друга томами отгородятся, сидят. Нет-нет, да выглянет Димка поверх своего четырнадцатого. Взглядом по Танюшке чиркнет. Голубой, пронзительный взгляд у него. Аж мурашки по спине. Таня терпит. Заливается румянцем, но глаз не отводит.

Так бы они всю энциклопедию и перечитали, да Димку в другую школу перевели. Обидела его училка по литературе. А Димка ранимый. Замкнулся. Отвечать на вопросы перестал. Не любил, когда унижают. Таня ещё раньше за ним приметила. Но это ей в нём и нравилось—достоинство, а не пацанство. Ну вот, а эта налетела, наорала, сама запуталась и распутаться уже не смогла. У Димки двойки по литературе в дневнике поплыли за устные ответы, вернее, неответы. Родители за голову схватились, от мальчика ничего не добившись, взяли и забрали. Откуда им было знать, что Танюхе без него никак?

По городу носились разукрашенные «Волги» и «Чайки», на чьих-то свадьбах играла музыка всю ночь. Неподалёку от дома ресторан «Крильон» стоял. На стене его висел телефон-автомат. Туда все бегали звонить в случае чего. Танюшка двушку выпросит вечером, типа сбегать домашку перепроверить, а сама в окна уставится, как жених невесту на руках качает. Как кутается целомудренно в её фату под настойчивые крики «Горько, горько!». Как ведёт её внимательно среди разгулявшихся гостей, чтоб не споткнулась, не уронила чего на воздушное белое платье. Счастливые! От чего люди такими счастливыми делаются? Смотрят друг на друга и наглядеться не могут. Хотя и грустных невест Танюшка тоже встречала. Сколько хочешь! Ей счастье, она—в слёзы. Это как раз понятно. Про невзаимную любовь она, сколько хочешь, рассказать может. Мама до сих пор не пристроенная, да и Димка ещё не зажил…

Понуро бредёт Танюшка обратно. Фонари вспыхивают, и длинные тонкие тени разбегаются из-под ног. Налево пойдёшь… Направо пойдёшь… Да хоть наискось, маму не переделаешь. Маме кого попало не надо. Ей в Москву хочется. За майора замуж. Ну или ещё за какого офицера.

Потому что тётя Валя из Поронайска за офицера вышла. И тётя Надя из Крабозаводска тоже давно за пограничником. У военных паёк, проезд, проценты и жилплощадь. Мама давно поменять думала дом на комнату в коммуналке. Хотя бы. Но в маленькую комнату целый дом не впихнёшь. Куда книги девать, которых две комнаты и ещё чердак? А пианино? А учебники с тетрадками? А хрусталь с сервизами? Нет, и захочешь, не впихнёшь. Комната девять метров. В доме же, как ни крути, пять комнат. И чердак с мансардой.

Танюшка маминых подруг любила. Соберутся, весело с ними. Танцы устроят, песен напоют. Вроде счастливые. Только счастье их путаное какое-то. Вот тётю Валю взять. Зачем она по всей квартире мужа саблей гоняет? Тот обижается и уходит каждый раз насовсем. Иногда даже без носков. А тётя Ида? Та, что из проката… Дома у неё муж-котик, сама вся такая киса. Улыбается, глазки строит, а чуть что—бежит к своему строителю. Тот уже никакой не котик. Просто Игорь. Живёт на другом конце города. Квартира однокомнатная. Только тёте Иде всё равно. Она там себя счастливой чувствует. Совсем другая там тётя Ида. Зачем она с «котиком» мучается? Затем, что Танюшка ничего не понимает в жизни, и не её это, в общем-то, дело. А если будешь много знать…

Пришла как-то из школы, а мама пластинку сидит, слушает и плачет. Хотела спросить, да сама заслушалась. Взяла, молча, конверт от пластинки посмотреть—«Дорога к Пушкину». Поёт Николай Караченцов. Не поёт, почти говорит, а слова, как река, внутри разливаются:

Ослепителен бал от улыбок,
колье и медалей,
только скрипка грустит,
и её утешает фагот.
И средь бала судьба
безмятежное имя Наталья,
словно голос с хоров,
заговорщицки произнесёт.
Что за дикий соблазн—
называть её робко невестой,
повторять про себя,
как молитву, ночной монолог:
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
да храни тебя Бог!
Да храни тебя Бог!
Да храни тебя Бог!..»

Танюшка потом всю пластинку вдоль и поперёк переслушала. Что-то невидимое, почти неслышимое, из других совсем песен приподняло её над землёй и понесло. То ли чёрный ворон, то ли любовь, то ли судьба… чужая судьба, незаметно ставшая своей.

— Красивые слова!—поясняла мама.

Да-да, красивые, но не слова. Другое. Совсем другое. Красивые—люди, поступки, мысли. Слова эти—душа, долг, честь… Неужели взрослые могут

так серьёзно к ним относиться? Вот этот Пушкин, который про рыбака и рыбку, вдруг пошёл на дуэль. Умер за оскорбление? Вот так вот, да? Отдать жизнь за честь жены, свою честь?..

Танюшка стремительно превращалась в Татьяну. А мама всё плакала над своею мадонной.

Мир спасёт красота—
оттого он порою чудесный,
хоть стоит, как жандарм,
век бесславный на славной Руси.
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
если можешь—спаси.
Если можешь—спаси.
Если можешь—спаси...»

Нет-нет, Таня ошарашена совсем другим. У неё в ушах другая музыка, хоть и с той же пластинки:

Чёрный ворон кружит...
Ах, зачем эти белые ночи
удлиняют опять наступившие
чёрные дни?
Жизнь одна—эта правда превыше
внезапных пророчеств,
хоть всего лишь вчера
этой правдою были они.

Но мама плачет. Мама хочет быть мадонной. Хоть тресни. Придётся опять самой соображать. Отставить в сторону красивых людей и совершить наконец хоть какой-то поступок. Таня задумалась. За окном падали снежные хлопья, обрамляя раскисшую октябрьскую жижу и рыжую, пожухлую траву. Там, за рекой, растворялись в туманной дымке пятиэтажки, прячась от её решимости. Что? Что сделать?

—Подари ей цветы,—предлагает, не задумываясь, Ритка проверенный рецепт.

Легко сказать—цветы! Летом ещё куда ни шло. А сейчас... попробуй найди, да и стоят невообразимо дорого.

—Три рубля штука,—отчеканивает грузная продавщица с синими веками, подпиливая ногти.

Три рубля!.. Один цветок дарить не интересно, минимум три—уже девять! Танюшка сникла. Но тут же начала считать. Можно обойтись без школьных завтраков. До Нового года два с половиной месяца. За октябрь деньги уже сданы. Но за два месяца—это 6 руб. 90 коп. Плюс два месяца походить в музыкалку пешком. Это ещё 3 руб. 00 коп. Итого: почти 10 рублей! И Таня начинает экономить. На всякий случай на мороженом тоже. Стоит и смотрит, как тётенька в куртке-дутыше продаёт на крыльце магазина пломбир в вафельных стаканчиках, вынимая его из деревянных ящиков. Ребятня её обступает, несмотря на навалившиеся холода, улыбки искрятся на коротком осеннем солнышке. Мамы покупают пломбир домой пакетами, бабушки деловито отсчитывают на ладони мелочь. Ой, лучше уже и не смотреть.

В музыкалку ходить далеко, Танюшка опаздывает. Но просит не говорить маме, потому что она экономит и у неё секрет. Она будет стараться. Выходить ещё раньше из дому. Просто чуть-чуть не рассчитала. Только лёд расползся по городу, девчонки на хореографии надоумили на коньках приезжать. Таня достала коньки, смазала лезвия. На обратном пути оказалось, что улицы посыпали песком. Идти пешком на коньках через весь город—невыносимо. Кое-как до остановки доползла. Ладно, разочек—садится в «Икарус». И больше никаких коньков! «О Мадонна моя! Ты мой ангел прелестный...»—напоминает дома голос с хрипотцой.

Мадонна тем временем ищет третью работу. Не находит. И садится на телефон. В руках у неё дорогие мужские часы. Командирские. Подарочные. Пытается продать. Набирает по телефонной книге номера солидных предприятий и предлагает директорам: «Часы, представительские. Нет, не „Роллекс", но около того...» Танюшка случайно увидела, когда на работу к маме из музыкалки прибежала. Она всегда сначала в щёлочку подсмотрит, одна ли, потом только заходит. Всё сжимается внутри, и она замирает снаружи, проглатывая противный сухой ком.

Деньги скопились. Таня стояла в длиннющей очереди за синюшным цыплёнком, потому что бройлеры уже кончились, и оглядывалась на прилавок возле двери. Там торговали цветами. Маленькие замученные гвоздики склонили головы почти к столу. Но и они таяли на глазах. Танюша знала: не купит сегодня—не купит никогда. За неделю до Нового года цветы пропадали насовсем. И появлялись только к Восьмому марта. Можно, конечно, и на 23 февраля поискать. Но цена нечеловеческая. На уличных бабок девочка не рассчитывала. У них в ящиках гвоздики и крупнее, и душистей, и свечкой подсвечены-обогреты, но—пять рублей штука! Сложение вычитало все порывы. Неумолимо.

Вспотев и издёргавшись, с набитой сумкой, Танюшка наконец протиснулась к цветам. В банке осталось как раз три подвяленных гвоздики бывшего революционного цвета. Да, не о таком подарке она мечтала. Ну да хоть эти!

—Забираю все!—торопится Таня.

—Завернуть?—хлопает продавщица синими веками.

—Конечно!—горячится покупатель.

Таня несётся домой, прижимая запрятанные за пазуху цветы. Прячет у себя под столом в банку. Разделывает цыплёнка, ставит бульон. Снова возвращается, оглядывает покупку. Доживут ли? Ещё неделю ежевечерне проверяет свой закут, наблюдая, как чернеют по краям и усыхают бутоны. «Ну, миленькие, ну, пожалуйста, потерпите.

Ну чуточку!» Цветы скукоживались, не обещая ничего конкретного.

Беды, словно гроза,
не спеша отойдут и воскреснут,
но уже для двоих.
И замрёт в предвкушенье толпа…
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
жизнь отдам за тебя.
Жизнь отдам за тебя.
Жизнь отдам за тебя».

«Хорошо им там, в девятнадцатом веке…»—думает Танюшка, выползая ночью в секретный угол на очередную проверку. Свернётся под столом и сидит до рассвета. А вдруг они дольше проживут, если с ними рядом посидеть… Ничего неизвестно. Бабушка давным-давно говорила, что всё живое—ласку любит. Если к живому с теплом и лаской, так не захочет, жить будет. И так ли уж хорошо в том девятнадцатом веке? Дуэли, расстрелы, бесы, сыщики, царский гнев, долги, тюрьма… Танюшка берёт ручку с тетрадкой и впервые выводит неуклюжие робкие строчки. Настолько робкие, что тут же вымарывает их насовсем. А вдруг кто увидит. Может быть, даже посмеётся. Разве можно маленьким девочкам… Что вообще можно маленьким девочкам?

Как-то она всё же отрыла альбом о Пушкине, с портретами, отыскала Наталью Николавну. Узкое фарфоровое личико, тонкая шея, нежные плечи, аккуратная грудь (будь она неладна!)… Талия перетянута шёлковым поясом, утопает вся (настоящая Мадонна) в кружевах и атласах. А Таня? А мама? Никакой тебе тайны. Никакого бала. Никаких мужчин…

Но наступает Новый год. Танюша с мамой достают белую скатерть, собирают на стол праздничный ужин, вынимают из серванта сверкающие хрустальные бокалы. Мама зажигает свечи. Потому что уже сумерки и хочется сохранить тайну. Угадать новый год издалека, по бесшумным, лёгким шагам. Электрическим светом только отпугнёшь. Вот когда зайдёт да присядет, привыкнет как следует, вот тогда можно уже и свет зажечь. Раньше никак нельзя. Что-то ещё непременно надо успеть сделать, пока он у тебя в гостях тут сидит и не идёт дальше, к другим. В другой часовой пояс, на другую сторону планеты. К другим детям и их одиноким мамам. Потому что там, где есть мама и папа, и даже бабушки с дедушками, там Новому году делать нечего. Там и так волшебства хоть отбавляй.

Мама надевает любимое коричневое платье. Пристёгивает на грудь виноградную кисточку—янтарную брошку. У Танюшки дела попроще. Розовое платье с расклешённой юбкой да конский хвост затянуть.
—Сейчас будет подарок!—Гвоздики всё же достояли. Уговорила.

Мама ахает. Ставит цветы в вазу. И даже забывает поругать. Сияя, протягивает в ответ два апельсина. Ну вот, обменялись.

Новый год потихоньку садится с ними за стол. Слушает, как они бесконечно желают друг другу всего самого хорошего. И даже счастья. Потому что Танюшка уже понимает, что оно такое, это счастье. Это когда глаза вот так светятся навстречу друг другу, а не смотрят сквозь, как обычно. Из зала им в столовую нашёптывает всё та же пластинка:

Если счастье дано,
то даётся оно ненадолго,
и счастливцам о том
до поры не положено знать.
Беззащитна любовь,
но клинок и понятие долга,
слава Богу, пока у мужчин
никому не отнять.

Снег ночной упадёт бездыханно
стеною отвесной
на заказанный путь—
по дороге не будет трясти…
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
если сможешь—
прости…»

Две мадонны потихоньку засыпают. Одна непременно вздыхает, но сладко засыпает до самого утра. Другая, та, что поменьше, ворочается. Ей снится Чёрная речка, на которой она никогда не была. Рядом с домом течёт другая. Почерневшая под нависшей с берегов белоснежной шапкой. Снится маленький кудрявый человечек. Сейчас он сделает свой выстрел и промахнётся. Но не промахнутся—в него. Капельки крови покатятся по январскому насту. И кончится жизнь. Кончится, кончится, кончится… Пусть не сразу, но позже… Как это невероятно, что жизнь может кончиться. Как мамины гвоздики. Навсегда.

Если вечна душа—
отчего же она так ранима?
Если нету души—
что же это под сердцем болит?

Ирина Левитес

Тиритомба, песню пой…

Моя мама была единственной, кого тётя Соня на входе не спросила, кто написал «Очарованного странника». Обычно она, распахнув дверь, ошарашивала новичка: как звали Гоголя? Или кто автор картины «Грачи прилетели»? Или кто такой Паганини? Получив правильный ответ, разрешала: заходи! Это было время, когда все знали, кто написал «Очарованного странника», и ходили друг к другу в гости.

Но сначала я познакомилась с Лариской. В школе бушевал очередной субботник, а я отлынивала. На законных основаниях: рисовала «Колючку» в пионерской комнате. Про лентяев, не желающих мыть полы, скоблить стены и отдирать от парт въевшиеся чернильные письмена. Мыло не помогало, приходилось приносить из дома соду и тереть мокрой тряпкой, пока сода не синела, а «Серёжа + Наташа» временно не исчезали.

Я любила рисовать стенгазету, потому что в редколлегию, кроме меня, выбрали трёх Саш: маленького, среднего и большого. Ещё я любила Сашу-большого, а он меня — нет. Но всё равно было очень весело и, несмотря на веселье, на ватмане уже появился утыканный шипами заголовок. Саша-маленький решил сделать фон новым способом: обмакнул зубную щётку в разведённую гуашь, провёл пальцем по щетинкам и мгновенно покрылся зелёными веснушками. Саша-большой под видом экстренного спасения выскочил из пионерской комнаты. Я выбежала следом, пробормотав что-то вроде «надо лентяев переписать», но его уже и след простыл. Помчалась по коридору, заглядывая в классы.

В седьмом «В», бросив вёдра и тряпки, смеялись ученики, а по партам носилась тоненькая, как стрекоза, девчонка и распевала: «Улюбви, как у пташки крылья, её нельзя никак поймать!» Увидев меня, легко слетела на пол и, подняв указательный палец, сообщила: «Каждая дамочка из общества должна иметь любовника!» Я фыркнула, но тут в класс ворвалась разъярённая директриса и, расцветая злыми алыми пятнами, завизжала: «Антонова! Ты сорвала общественное мероприятие! Завтра! В школу! С родителями!» Лариска, пожав плечами, пообещала, и директриса исчезла так же внезапно, как появилась. Я вызвалась проводить Лариску домой и сказать, что директриса накинулась совершенно несправедливо. Она лукаво блеснула синими глазищами и скомандовала: пошли!

Конечно, сначала меня спросили, как звали лошадь Вронского. Конечно, я не растерялась: Фру-Фру. И тогда меня погнали мыть руки и стали кормить.

Тётя Соня — маленькая, хрупкая, с вьющимися рыжеватыми волосами, наливала суп и слушала мои сбивчивые объяснения про сорванный субботник. Наконец не выдержала и засмеялась: да пойду уже! А я удивилась: надо же, совсем как моя мама. Она тоже не обращала внимания на учительские возмущения. Но я субботники не срывала, просто филонила потихоньку, никто и не замечал.

Беседу в школе тётя Соня нам потом изобразила в лицах. Оказывается, нашу директрису волновал не срыв мероприятия, а Ларискин моральный облик.

— Как вы допускаете, что Лариса ходит в лес с мальчиками? — тётя Соня очень точно воспроизвела директрисины интонации и вытаращенные глаза. — Я ей спокойно объяснила, что моя дочь ходит с одноклассниками на лыжах. Она мне: «Это безнравственно! Проведите профилактическую работу!» А я ей так прямо и отрезала: «Я своей дочери доверяю!»

Нам доверяли. Мы пользовались абсолютной свободой, потому что родителям в голову не приходило, что мы можем делать нечто постыдное. Нам это тоже в головы не приходило, хотя любовь витала над ними постоянно. Мы свирепо завидовали Гале, Ларискиной старшей сестре. Она училась уже в десятом классе, была недосягаемо взрослой и прекрасной. Носила белый пуховый платок, почти такой же, как у нас, но у неё он был несравненно белей и пуховей. Под её окнами вечерами пел и звенел гитарой одноклассник Гена. А мы с Лариской шатались по тёмным улицам и орали на два голоса «Клён ты мой опавший». Сначала под окнами Саши-большого, потом под окнами Кости. Но Костя хотя бы ходил с Лариской на лыжах, а Саша даже стенгазету рисовать не хотел…

Промёрзнув до дрожи, мы вваливались домой — болтать и греться. Чаще к Лариске — она жила на первом этаже, а я на пятом. Наши дома

стояли рядом, и у нас появилась многолетняя привычка смотреть друг другу в окна. Осенью и зимой темнело рано, и если горел свет — значит, дома кто-то есть. Позвонить не получалось: у нас телефона не было, в отличие от Лариски. В то время фронтовикам особых льгот не полагалось. Скорее всего, телефон дали из-за работы: тётя Соня была врачом в пограничном госпитале, и её часто вызывали, а дядя Володя — каким-то строительным начальником, не самым главным, но всё же. Ему даже четырёхкомнатную квартиру хотели дать, но на пятом этаже. Они отказались и въехали в трёхкомнатную, зато на первом. Потому что забрали из деревни парализованную бабушку, мать дяди Володи, и думали, что ей будет легче на улицу выходить, когда выздоровеет. Бабушка так и не встала, пролежала много лет в маленькой комнате. Я её почти не видела, только в полуоткрытую дверь седые волосы на подушке.

Кроме бабушкиной, были ещё две комнаты, сцепленные вагончиками. В одной жили тётя Соня, дядя Володя и книги, в другой — книги, Галя и Лариска. Я вечно утаскивала что-нибудь почитать, и мне никогда не запрещали, хотя книги были страшным дефицитом, а я — страшной неряхой. Могла вареньевых пятен наставить. Запросто. Однажды тётя Соня дала самиздатовскую книгу. Текст был отпечатан на машинке, а листочки скручивались в трубочку сами собой. Мне не понравилось. Я с трудом добралась до середины и сдалась. Но название запомнила: «Мастер и Маргарита». Прочитала через много лет, припомнив жёлтые скрученные страницы. Заодно и всего Булгакова — запоем.

Лариска очень гордилась родителями. От неё я узнала, что они воевали на фронте, а тётя Соня ещё и ленинградскую блокаду пережила. В моей голове складывались героические картины. Материала для умопостроений было предостаточно в книгах и фильмах. Сами они про войну не смотрели, выключали телевизор, махнув рукой: враньё. Об их войне я узнала гораздо позже из газетных публикаций.

Дядя Володя не любил об этом вспоминать. Если журналисты слишком приставали, отделывался официальными сведениями: на фронт ушёл добровольцем в самом начале войны (а было ему семнадцать лет, это я потом уже высчитала). Защищал Пулковские высоты, участвовал в боях за освобождение Курска, Белгорода, Харькова, Киева, принимал участие в форсировании Днепра и боях за взятие Берлина, воевал на Дальнем Востоке.

Тётя Соня для журналистов тоже имела стандартные фразы: работала медсестрой на «скорой» в блокадном Ленинграде, потом её призвали в армию. Санинструктором сопровождала воинские эшелоны на фронт, служила в полевом хирургическом госпитале Войска Польского. Победный май встретила в Берлине…

У тёти Сони я научилась никого не бояться, не выбрасывать остатки продуктов и петь про гусар и тиритомбу. Пироги у неё всегда получались разными, потому что изобретались на ходу. Если в холодильнике скучали подозрительная сметана, позавчерашний кефир и несвежий творог, к ним добавлялись яйца и мука, иногда тёртая морковка или нарезанное яблоко и — вуаля! Пожалуйте пить чай.

Однажды зимним вечером мы ввалились к Лариске вместе с клёном опавшим и заледенелым. Тётя Соня отдежурила в госпитале и колдовала над очередным пирогом.

— Тиритомба, песню пой, — напевала она, нарезая пирог щедрыми кусками.

— Что за тиритомба такая? — удивилась я. Моё детство было напичкано песнями не из радио, папа-мама имели богатый репертуар, хулиганский и не очень. Но про тиритомбу я услышала впервые.

— А вот! — и тётя Соня, наливая чай, спела:

— Выйду к морю, выйду к морю я под вечер,
Там одну красотку встречу —
С золотыми роскошными кудрями
И с улыбкой на устах.

Мы с Лариской подхватили припев:

— Тиритомба, тиритомба, тиритомба, песню пой!

Тётя Соня, дирижируя маленькими руками с сухой от беспощадного мытья кожей, насмешливо продолжила:

— Вдруг я вижу, вдруг я вижу — к ней походит
Старичок, её папаша.
Он свирепо, он свирепо палкой машет
И грозит избить меня…

С того вечера клён получил отставку. Гораздо веселее и теплее было орать и маршировать под тиритомбу и гусар, тоже подаренных тётей Соней. Мы топали и рявкали:

— Ар-ружьём на солнце сверкая!
Под звуки лихих тр-р-рубачей!
По улице пыль поднима-а-а-я,
Проходил полк гусар-усачей!

Падал снег, одевая озябшие клёны; редкие прохожие спешили в подъезды, ещё не замурованные стальными дверями; темнели витрины магазинов, ещё не превращённых в круглосуточные; неторопливо кружили продрогшие автобусы-«семёрки», ещё не обгоняемые маршрутками, а мы будили сонный город воплями:

— А там, приподняв занавесы,
Лишь пара голубеньких глаз
Смотрела. И знали повесы,
Что здесь будет немало проказ!

Нашу директрису хватила бы кондрашка, если бы она услышала. Это вам не на лыжах в лес. Это,

знаете ли, вообще полный разврат! Но она, наверное, по другим улицам ходила. Или дома сидела. Во всяком случае, гусары не нанесли урон её нежной душевной организации и чугунным моральным устоям. А тёте Соне было абсолютно наплевать на всякие там тонкости — кто что скажет, кто что подумает. И, в конце концов, что мы не сделали алгебру и не начертили деталь в двух проекциях. Нагуляемся — придём. Никуда не денемся. И уже дома допоём:

— Вот полк разведён по квартирам.
Уж полночь, всё спит тихим сном.
И не снится седым командирам,
Что творится у них под окном.

Наутро, оружьем сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль поднима-а-а-я,
Уходил полк гусар-усачей.

Вскоре появилась ещё одна слушательница тёти-Сониных песен. Галя окончила школу и уехала поступать в Хабаровск. Верный Гена рванул за ней, уговорил расписаться, и через положенный срок появилась Элечка.

Тётя Соня, выдержав натиск дяди Володи («А что я говорил? Я так и знал, что этим кончится!» — «Успокойся! Что ты мог знать?» — «Когда ты мне родила эту девчонку, я уже знал, что так будет!»), решила обойтись без академа. Запаслись бутылочками, привезли Элечку, наняли дневную няню. Вечерами и ночами справлялись сами.

По комнатам протянулись верёвки, увешанные пелёнками и подгузниками (о существовании памперсов мы в то время не подозревали). Мы с Лариской пели потише, толкая перед собой коляску по традиционному маршруту. Малышка таращила младенческие голубые глазки, удивлённо слушая:

— А там, приподняв занавесы,
Лишь пара голубеньких глаз
Искала среди уходивших
Виновника милых проказ…

Она засыпала исключительно под «Тиритомбу», подпрыгивая на ухабах южно-сахалинских улиц. Даже тогда, наивным подростком, я удивлялась: как хрупкая тётя Соня умудряется тащить на себе работу, дом, Элечку и парализованную бабушку? Несмотря на кучу проблем, у них всегда было чисто, уютно и вкусно…

А ещё у них всегда кто-то жил. Дочка макаровских приятелей, Галя-мышь, получила своё прозвище за то, что была очень тихонькой, только шуршала книжками и конспектами. Поначалу её родители боялись институтского общежития и попросили пристанища для дочки на первый семестр. Но потом как-то само собой получилось, что Галя-мышь так и осталась в доме на долгие годы. Институт окончила, на работу вышла, а потом уж сыграли свадьбу, и она переехала к мужу.

Тётя Соня уставала на работе, особенно после ночных дежурств, но всегда рассказывала что-нибудь смешное: «Утром сестра принесла сводку по больнице. Читаю: Русских — 6, Украинцев — 3, Шварцман — 1. Думаю: с каких это пор больных стали по национальности считать, и почему вместо евреев написано Шварцман? Спросила у сестры, а та расхохоталась. Оказывается, это фамилии больных и номера палат. Вот это я заработалась!»

Помню своё потрясение, когда тётя Соня оказалась в больнице в качестве пациентки. Я и не подозревала, что эта сильная волевая женщина много лет живёт с одной почкой, не жалуясь и не говоря об этом. Вторую давным-давно удалили. Она лежала, маленькая и почти бесплотная, под тонким казённым одеялом, на бледном личике проступили веснушки. Увидев мои перепуганные глаза, засмеялась: «А давай нашу тиритомбу споём…» И мы спели. А за окном роняла капель ненадёжная сахалинская весна…

С годами сил становилось всё меньше, и наступило время, когда Галя с Лариской решили нанять домработницу: страшно стало оставлять стариков одних, да и зимой по гололёду трудно выходить в магазины и на почту. Домработниц стыдливо именовали «помощницами». Приглашали тех, кому негде было жить, приезжих из ближнего зарубежья. Платили немного, зато они жили в маленькой комнате. Помощницы очень быстро становились членами семьи. Тётя Соня их опекала, старалась сама готовить, стирать, гладить и убирать («неудобно перед людьми, что я, как Салтычиха какая-то») и неизменно радовалась, когда очередная подопечная устраивала свою жизнь и уходила замуж.

Одна из них, бывшая детдомовка Надя, была уж совсем бестолковой, ничего делать не умела. Могла лишь в аптеку или магазин со списком сбегать, да дверь открыть. Но избавиться от неё ни у кого духу не хватило. Так и жила она в доме, всё роняя, теряя, разбивая и проливая слёзы умиления, когда приходили гости: «Как всё ладно, чисто как у людей». Хотя теперь открывала дверь она, тётя Соня из комнаты всё равно кричала: «Кто написал Анну Каренину?»

Как-то явились школьники. Несмотря на то, что Лермонтова у них звали Николаем Васильевичем, были впущены. Оказалось, что они пришли помогать ветеранам. Смущаясь и краснея, выразили готовность делать уборку, варить картошку и ходить в магазин. Тётя Соня немедленно накрыла на стол, напоила юных тимуровцев чаем, угостила пирогом собственного изготовления. Сытые и довольные, они пообещали прийти ещё помогать…

В начале девяностых мне повезло: отправили на учёбу в Ленинград, в институт усовершенствования врачей. Замкнутые квадратом четырёхэтажные здания общежития не отапливались. К утру вода в графине промерзала до самого дна. Спали мы не раздеваясь, накрывались шубами, а под утро, устав стучать зубами, наваливали на себя старые матрасы, удачно забытые комендантом в нашей комнате. Учились мы валеологии — науке о здоровье. Здоровье в этом жутком холоде приказало долго жить: я слегла с высокой температурой, а в аптеках — шаром покати. Спасли меня мысли о тёте Соне. «Ты взрослая, сытая тётка, — зло твердила я себе, — и расклеилась. А хрупкая голодная девочка выдержала, ещё и людей спасала». Помогло. Встала и пошла. Сначала на учёбу, но потом на это дело махнула рукой. Ленинград же! Впервые в жизни. Подумаешь — февраль дует ледяными ветрами с Невы, а под ногами месиво серого снега. Добрейший академик Петленко, куратор нашей группы, разрешил свободное посещение занятий: «Идите, деточка, в музеи. Когда вы ещё в Ленинграде побываете?» Я обнаглела и накупила самых дешёвых билетов на галёрку всех театров, — не только на вечерние спектакли, но и на дневные. Между театрами металась по музеям и вернисажам, паркам и пригородам. Ходила по стылым улицам и думала о тёте Соне. Вот сюда, на Фонтанку, добредала она со Старой Невской, ночевала у дяди, а утром шла к Мариинскому театру — там была станция «Скорой помощи», где она работала. В один приём дойти до работы не могла — слишком далеко, а сил из-за голода не было. По рабочей карточке она получала 250 граммов хлеба, вдвое больше, чем иждивенцы.

Арки, бесконечные проходные дворы, промёрзшие парадные, гулкие лестницы. Зимой ступеньки превращались в ледяные горки — жильцы носили воду вёдрами, она выплёскивалась и замерзала. По мрачным холодным улицам плелись две тоненькие девочки, запряжённые в санки, — такая вот карета «Скорой помощи». На санках что-то страшное, неживое, привязанное верёвкой. Тётя Соня про это не рассказывала. Никогда. Она вспоминала подругу Элю, с которой училась в мединституте. Они не успели сдать сессию за первый курс — началась война. Но на «скорую» медсёстрами устроились. Наврали, что окончили третий курс. В мае 42-го их вывезли по Дороге жизни в Пятигорск. Можно было продолжить учёбу, но девочки пошли в армию. Решающим был ответ на вопрос: «А кормить будут?»

Тётя Соня вспоминала: «Послали нас с Элькой бумаги в штаб отнести. А мы на обратном пути заблудились. Шли-шли, ночь наступила, ничего не видно. Что делать? Решили поспать до утра. Расстелили Элькину шинель, моей укрылись. Проснулись — машина сигналит, фарами светит. Оказывается, мы в темноте прямо посреди дороги улеглись. Смешно!»

А вот ещё: «Это уже в Германии было. Начальник госпиталя нас с Элькой определил на ночлег в один из пустых домов. Чтобы мы вымылись да выспались по-человечески. Жалел он нас, куриц безмозглых. Заходим — нет никого, хозяева сбежали, а на столе в фарфоровой супнице суп грибной, ещё тёплый. Что грибной — по запаху поняли, а есть не стали. Были случаи, когда немцы нарочно отраву в еду сыпали. Вылили мы тот суп в унитаз, достали из вещмешков хлеб да тушёнку. Поели. Смотрим — богатый дом. Всё побросали — и посуду, и ковры, и вазы. Открыли шкаф — а там! Тут мы давай наряжаться. Чулки шёлковые, платья, шляпки, горжетки. Помаду на туалетном столике нашли, губы красным намазали — и давай по диванам прыгать и визжать. Тут, конечно, патруль: кто такие? Мы и объясняли, и документы показывали — не верят. Повели в таком виде через весь город в госпиталь. Начальник посмотрел на нас, размалёванных, — дуры вы, дуры! Смешно!»

На чёрно-белых потёртых фотографиях — юная Соня в военной форме, из-под пилотки — волны вьющихся волос. Взгляд всё такой же насмешливый, как и долгие годы спустя. Нежные губы чуть изогнуты в лукавой полуулыбке. А вот она с товарищами у израненных Бранденбургских ворот…

Каждую весну победные марши лились из радиоприёмников, телевизоров, репродукторов на улицах. Мама распахивала настежь окна, впускала ветер, наполненный песнями военных лет. В нашем доме это был великий праздник. Вспоминали бабушку, которая прошла с госпиталем от Киева до Берлина, от Берлина до Маньчжурии и Кореи. Вспоминали дедушку, пропавшего на фронте без вести. Вспоминали эвакуацию — голодную, холодную, неустроенную. Моим родителям было по десять лет, когда началась война. Но им досталось тоже, с лихвой.

В этот день обязательно нужно было пройтись по улицам, увидеть парад, посидеть за праздничным столом и непременно зайти к Антоновым. С тортом, водкой и цветами. Много лет это были алые гвоздики, а потом их незаметно вытеснили голландские розы и хризантемы.

В эпоху гвоздик тётя Соня и дядя Володя шли, ещё бодрые и крепкие, в колонне ветеранов. Дядя Володя надевал штатский костюм, белую рубашку с галстуком, а на груди неприметным пунктиром держались орденские планки. На форменном кителе тёти Сони сияли ордена и медали. После парада танцевали на поляне в городском парке, пели «Катюшу», «Землянку», «Синенький скромный платочек», принимали «боевые сто грамм» и ели солдатскую кашу из походно-полевой кухни. Ветеранов было много, каши — тоже, хватало угостить всех желающих.

Когда пришло время роз и хризантем, они уже из дома не выходили, но двери в квартиру 9 мая не закрывались. Галя с Лариской накрывали стол, им помогали мужья и дети, а потом и внуки. Приходили друзья, соседи, школьники, пограничники, журналисты. Однажды с официальным визитом пришла политическая дама, представитель какой-то партии. Привела с собой газетного фотографа, чтобы он зафиксировал факт вручения букета и подарков. Только непременно наденьте ордена! Дядя Володя ничего надевать не стал, умаялся от наплыва гостей. А тётя Соня набросила на плечи звенящий наградами китель и насмешливо пропела: «Какой портрет, какой пейзаж!» Политическая дама была несколько шокирована таким легкомыслием и, попозировав перед объективом в обнимку с тётей Соней, принялась её упрашивать рассказать о боевых подвигах. Но тётя Соня, как всегда, уклонилась от героической темы: «А давайте я вам лучше свои стихи почитаю».

Она писала о войне. По большому счёту, это были и не стихи вовсе, а воспоминания. Музыка лилась сквозь её войну. Плакала скрипка в госпитале, заливался баян на привале, тосковала губная гармошка в осеннем лесу, ликовали трубы в победном марше. Дама послушала и восхитилась: «Давайте вашу книгу издадим!» Тётя Соня пожала плечами: «Какой из меня поэт? Так, для себя пишу, для детей». Но дама не унималась: «Нет-нет, обязательно издадим! С фотографиями. А насчёт оплаты даже не сомневайтесь. Профинансируем!»

Больше её у тёти Сони не видели. Только по телевизору и в газетах. А книжку всё-таки издали. Пограничники.

Там есть такие строки:

Прошло уже много лет,
Но до сих пор храню я ваш портрет.
На нём вы девушка, и вам семнадцать лет.
Гимнастёрка из хэбэ строго под ремень,
Со звездой пилотка лихо набекрень.
Стрижка под мальчишку, синие глаза—
Такой я вас запомнил навсегда.

А я запомнила навсегда мою тётю Соню—маленькую, хрупкую, насмешливую и бесконечно добрую. Слышу её негромкий глуховатый голос. Всякое бывало. Слёзы, беды, неудачи, разочарования… Тётя Соня нальёт чай, отрежет кусок пирога, непохожего на все предыдущие, улыбнётся и скажет: «А помнишь нашу тиритомбу? Давай споём…»

РЫБЬЕ ЦАРСТВО

«Рыбье царство»

…такое название дали организаторы поэтическому конкурсу, который завершился фестивалем в Москве в начале ноября 2017 года. Почему такое? Потому что, как сообщают «компетентные источники», на конкурс принимали исключительно стихи на рыбную тему: о рыбе вообще и о её радостях и грусти. Конкурс был организован и проведён при поддержке и участии Библиотеки имени А. А. Дельвига, Системы рекламной поддержки арт-проектов Privetzritel, Театра им. Александро Валенсио и Независимого московского театра Театр.doc. Редакция журнала «День и ночь» также вложила свою лепту. И вот—результат. В конкурсе приняли участие более двухсот авторов—российских и зарубежных. Жюри выбрало лучшие стихи, и в первом номере «ДиН» за 2018 год мы предлагаем их вниманию наших взыскательных читателей.

Дарья Герасимова

Москва

Осенние рыбы

Дождливою ночью,
Почуяв прохладу,
Осенние рыбы
Гуляют по саду.

Они,
Тихо-тихо,
Выходят из речки,
Шагают по травам,
Сидят на крылечке.

В садах,
Где промокли
Притихшие дачи,
Осенние рыбы
По яблоням скачут,

И песни поют
На своём языке.
И спелые яблоки
Катят к реке…

Елена Шевич

Секреты экономии

Миллионерша

Тощие разномастные луковые пучки, перевязанные линялыми резинками из старого белья, никто не покупал. Взглянув на замызганный фартук и чёрные пальцы продавщицы, покупатели отходили прочь — к аккуратным румяным старушкам с пушистой зеленью на прилавках. Собрав непроданный лук в фартук, Крапивиха шла домой, по привычке пытаясь идти быстро; старые ноги слушались плохо, кожаные тапки загребали дорожную пыль. На пятачке между почтой и магазином стояли поселковые бабы, судачили о своём. Завидев Крапивиху, замолкли, дружно уставились на неё.

— Точно вам говорю, каждый месяц деньги на книжку ложит! А сколько, Машка не говорит — это тайная вклада!

— Ну Крапивиха! Миллионерша! Ведь опять ничего не продала. А где деньги-то берёт?

Не останавливаясь, Крапивиха слегка поклонилась им:

— Здрясте.

— Здрясте, Иванна!

Одна из женщин не выдержала, подмигнула товаркам:

— Чё, Танькя-то, когда приедет?

Крапивиха не ответила, ещё больше ссутулилась и, как могла, засеменила от них, ускоряя шаг. Поселковые не любили её, и при любой возможности пытались «кусануть» в самое больное место. Она не пила с ними самогонку, не проливала пьяных слёз под «Тонкую рябину», ни про кого не сплетничала, не давала денег в долг и сама не брала, любовь называла блудом, и ещё много чего за ней числилось. Однажды единственная её дочь Татьяна приехала в отпуск к матери с внучками-близняшками, но без мужа своего Володьки. На вопрос матери, где законный супруг, ответила, что ушла от спивающегося мужа к другому и живёт с ним без росписи. И тут случилось… Крапивиха схватила в охапку внучек и заголосила на всю округу:

— Ой, вы мои сиротинушки! Ой, горе мне! Мать ваша, шалава, по рукам пошла! Как теперь людям в глаза смотреть? Срам-то какой!

Такого кандидат биологических наук, ВАКовский доцент, вынести не смогла. Наскоро покидав в сумку вещи, троица зашагала по дороге. Дело было к вечеру, последний автобус на станцию давно ушёл. Крапивиха бежала следом с криками:

— Куда детей потащила, блудница! Оставь их здесь, они тебе не нужны!

Из окон и палисадников торчали любопытные головы. Вердикт был однозначным — злая Крапивиха выгнала бедную Таньку из дому вместе с внучками на ночь глядя.

…Завернув за угол и увидев свой домишко, который как-то сочувственно, как ей показалось, двинулся ей навстречу, Крапивиха немного замедлилась, отдышалась и успокоилась.

Кладбище разрослось до таких размеров, что Татьяна уже с трудом вспоминала, кто где лежит. Постепенно оно «сползло» с горы и заняло почти весь соседний холм. Каждый раз, обнаруживая новые захоронения, она только диву давалась и ужасалась быстротечности времени и непредсказуемости жизни. Сошла на остановке «По требованию» и двинулась напрямик через гору. По веткам вверх и вниз сновали белки, таская принесённую людьми снедь, иногда камнем сверху на них падала ворона, вырывая что-то лакомое. Белки рыжими всполохами уносились прочь. От такого обилия весёлой жизненной борьбы на кладбище не было страшно, с фотографий на всё это умиротворённо смотрели знакомые с детства лица — школьные учителя, разменявшие девятый десяток и рядом её одноклассники, не дожившие до сорока. Древние старухи и мужики в самом расцвете сил — кто по собственной дурости, кто по глупости военачальников, а в основном по пьянке, лишившиеся жизни…

Огромные сосны шумели от ветра, а внизу было тихо и даже душно. Вот она, могилка. Крапивин Василий Васильевич. 1936–1943. Присела на лавочку. «Ну, здравствуй, братик мой родной, Васенька! С днём рождения тебя! Я вот гостинцев тебе принесла, от всех нас — и от Феди, и от племянниц твоих, и от наших с тобой внучат, хоть ты им и двоюродный, а всё ж дед!» В оградке было чисто выметено, трава тщательно выполота. Видимо, мать приходила рано утром. Банка с полевыми цветами лежит на боку, вода вытекла — белки нахулиганили, кто ж ещё. Татьяна, опустившись на колени, зажгла церковную свечку, разложила

поминальную еду, налила в стакан кисель. «А вот конфеты тебе и орехи, смотри какие, и машинка! Гляди, дверки открываются!» Она залилась слезами.

…Обнаружив дыру в мешке с орехами, мать сразу смекнула, чьих это рук дело. Васька лежал на лавке молча, и только вздрагивал от ударов и даже пытался криво улыбаться рыдающей от ужаса Таньке.
— Чего орёшь?—рявкнула на неё мать.—А ты не воруй, не воруй!

За полдня до этого, Вася грыз орехи, ядрышки отдавал голодной сестрёнке и смотрел радостно, как она ест.
— Вкусно?
— Угу!
— Ты ешь, ешь, я, знаешь, сколько уже съел?—и показывал руками целую гору. Через много лет поняла она, что он их вовсе не ел. Может, если бы ел, был бы чуть поздоровей, покрепче…

Шумный порыв ветра сыпанул сверху рыжими от жары иглами. Она глянула в небо: «И ты меня не забывай!» Пронеслась, пролетела жизнь… Пил, потом лечился, потом укатил неведомо куда первый её муж Володя. Разъехались вместе с мужьями дочери—одна в ближнее, другая в дальнее зарубежье. Лежит в больнице с сердечной болезнью Фёдор, совсем ослабел в последнее время. Планировали поездку к детям, а вот оно как вышло.

Перевалив вершину горы, тропка убегала вниз. Татьяна невольно остановилась—как изменился посёлок! Резко выделялись недавно отстроенные дома, крытые яркой черепицей, с красивыми насаждениями на участках, с клумбами и дорожками, обложенными кирпичом или белым камнем. У местных старожилов—чёрные, захламлённые дворы, особенно там, где живут одинокие старики,—что дома, что хозяева… Улица Центральная—магазин, почта, детский сад, за поворотом амбулатория, и через два дома—её родной дом. Серый покосившийся заборчик—за ним разросшаяся сирень. Мать не даёт обрезать—и она стала плохо цвести… Кривые чахлые грядки, на которые наступает малинник, кусты она тоже не прореживает и не обрезает, и ягод совсем мало. Соседи вёдрами продают, а матери на варенье еле хватает. И не докажешь ей ничего. Однажды коллеги-селекционеры подарили Татьяне саженцы сортовой суперсмородины. Она всё представляла, как мама обрадуется её сюрпризу, всё сама посадила по всем правилам… Мать рассвирепела. С белыми, сжатыми в нитку губами, сердито сопя, подходила к каждому саженцу и демонстративно ломала пополам. Больше ноги её в родном огороде не было.

Она вышла к дому со стороны леса, заходить в посёлок она давно уже избегала. Отвыкла в городе от деревенского простодушного любопытства, от откровенных расспросов про жизнь, не хотелось с местными ни есть, ни пить, ни разговаривать. Интересовало всех только одно—законный ли у ней муж, сколько он получает и дерётся ли с ним Володька. Единственная подруга детства Алевтина-младшая давно жила в городе, недалеко от неё. Соседний дом стоит заколоченный, в следующем хозяева сменились, дальше—амбулатория. Амбулаторию она возненавидела после смерти брата, и всё своё детство мечтала её поджечь, но не решилась, конечно. Что толку, что она рядом и фельдшер—одноногий Савельич на боевом посту, если лекарств никаких нет? Когда захворал Васька, захрипел, ничем он не смог помочь. Вези, говорит, мальца в город, в госпиталь. А на чём везти? В посёлке ни одной лошади, грузовик, что в цех пошивочный сукно привозил, поломанный стоит. Понесла мать его в город на руках, зимой, в мороз… Принесла уже мёртвого. Врач сказал—на пару часов раньше, может, и спасли бы. Пока матери не было, кто-то, может, Савельич, отводит Таньку к соседям. Алевтина-старшая кладёт на лавку подушку—ложись спать, касатка, укрывает одеялом. Кто-то из её детей суёт ей в руки кусок хлеба. Бессонную ночь в чужой избе, с чужими запахами и звуками она помнила поминутно всю жизнь. А страшные тревожные дни болезни брата, прощания с ним, похороны—словно чья-то заботливая рука занавесила тёмной тканью, стёрла из памяти. Иногда, во сне, всплывали смутные картины, обрывки воспоминаний, но она отгоняла их, хотела помнить Васю живым.

Татьяна подошла к дому, осторожно заглянула в окно кухни и сразу отпрянула, увидев, что мать сидит за столом почти напротив окна. Она, не разглядывая, наизусть знала, из чего состоит её обед—на газете нарезанный белый хлеб, варёная колбаса. В зелёной железной кружке чай с молоком. На столе фарфоровый заварник с подбитым носиком и коричневыми чайными потёками. Подперев рукой голову, понуро сидела Крапивиха за столом, вытирая концом платка мутные голубые, похожие на птичьи глаза.

…Василий с войны вернулся целый и невредимый, да совсем чужой человек. Привык там, на фронте каждый день сто граммов, а тут где возьмёшь? Работать он и до войны не любил. А как выпьет… То кричит на кого-то, то плачет, то как вскинется среди ночи чего-то в шкафу искать. Где, кричит, мой костюм выходной? Ясно, где. В войну на хлеб выменяли. А пуще всего взъелся, что сына не уберегла. «Я, может, только тем и жил, что мечтал, как сына на руки возьму… Я такое терпел! Я товарищей моих… Эх!» Стакан сломался у него в руке, кровь потекла на стол. А перед ноябрьскими праздниками, когда школьников распустили на каникулы, к ней в контору пошивочного цеха, где она мыла полы, прибежала Танька. Говорит,

папка собрал свои вещи, завернул в твой клетчатый полушалок и уехал на грузовике. Присела она с тряпкой в руке на стул и задумалась — это в каком же грузовике? Что поломанный стоял, когда Васятка болел? А теперь исправный, значит? И как давай смеяться, до колик в животе хохотала...

Изрезанную, покрытую жирными пятнами газету вытряхнула, сложила и сунула в буфет. Развязала луковые пучки, порезала лук на доске, посолила, потолкла его в миске. Подперев дверь поленом, пошла в огород. Татьяна привычным движением нащупала щеколду и вошла во двор. Мать в огороде, сидя на коленях, полола грядку. Женщина быстро вошла в дом. На кухне открыла буфет, вдохнула знакомый до боли кислый запах старого дерева и дешёвых карамелек, которые мать всегда держала в сахарнице. Сунула по привычке палец, пошурудила в сахарном песке — есть! Вынула розовую карамельку, рот наполнился слюной, но поняв, что она там единственная, положила обратно. За стопкой засаленных непромытых тарелок кошелька не было. Осторожно посмотрела в окно — не идёт ли хозяйка. Крапивиха медленно брела к нужнику в глубине огорода. Она облегчённо вздохнула, утёрла со лба пот. Открыла шкаф, сунула руку под стопку постельного белья — вот он, материн коричневый дерматиновый кошелёк с металлическими шариками-застёжками. Сильно пахло нафталином. Вынула из кармана приготовленные заранее купюры и положила в кошелёк. Вернула на место, расправила бельё, чтобы не было заметно. Спокойно вышла из дому, подпёрла поленом дверь. Аккуратно, без скрипа закрыла на калитке щеколду и зашагала к лесу.

Секреты экономии

— Многоуважаемая госпожа Кара! Позвольте вручить вам этот букет в знак нашего восхищения!

Госпожа Кара всплеснула руками, зазвенели золотые браслеты на запястьях.

— Ну зачем же так официально! Как вас зовут, милочка?

— Алина. А это Дмитрий, наш фотограф.

— Очень приятно. Добро пожаловать!

Алина, заглядывая в блокнот, продолжила без запинки:

— Разрешите поздравить вас от имени редакции журнала «Рублёвка House» с присуждением вам награды «Бриллиантовый слон» как автору самого успешного коммерческого проекта и в честь десятого юбилейного переиздания вашей книги «Экономия на каждый день», общий тираж которой превысил миллион экземпляров...— оттараторила она и перевела дух.

— Что, правда, миллион?

— Да, мне самой не верится.

Дмитрий установил освещение и достал фотоаппарат.

— Интерьеры будем снимать?

— Да, конечно.

— У вас такой красивый дом! — заворковала корреспондент. — Так всё стильно! Салфеточки какие! Дизайнерские? Итальянские?

Госпожа Кара потупила взор.

— Спасибо. А... как вас зовут, я забыла, извините!

— Алина.

— Алиночка, может, лучше здесь — за кофейным столом, у камина просто дружески побеседуем?

Алина кивнула Диме, тот начал переставлять осветительные приборы. Фотограф откашлялся:

— Камин можно затопить? И столик пустоват — если поставить турку, чашки, печеньки... то, сё — хорошие снимки будут.

— Да вы что! Я камин не зажигаю — потом дымом пахнет. А кофе очень вреден для сердца!

Алина злобно сверкнула глазами на Дмитрия и продолжила:

— У наших читателей к вам столько вопросов! Все интересуются...

— А что, рублёвские жёны тоже экономят?

— Конечно! Но у нас очень широкая читательская аудитория — буквально по всей стране.

— Вы сами-то книгу читали? Только честно.

— Нет, не читала. Но вокруг только и слышно — Кара советует то, Кара советует это... Скажите, что подвигло вас на написание книги? Личный опыт?

— Да, к сожалению. Жизнь заставила. Всё сама, всё сама — своим умом доходила. И как обмылочек приклеить к новому куску, и чистую часть памперса обрезать правильно, чтобы из него ничего не сыпалось...

— Да, да... Я вот про памперсы тоже слышала. Очень остроумно, — она оглянулась на фотографа и понизила голос, — использовать обрезки для женских надобностей. У меня ребёнок маленький, памперсы покупаем... Только я не очень поняла — как. Как обрезать-то?

Госпожа Кара поджала губы.

— В книге об этом очень подробно написано.

— И что я ещё хотела спросить. Как остаток помады вынуть из патрончика? Я его разломала, а как пользоваться — ведь руки пачкаются?

— Да об этом же целая глава в книге! Вся инструкция пошагово! — возмутилась хозяйка дома.

— Хорошо, хорошо, я прочитаю, не волнуйтесь! Как вам удалось добиться таких продаж? В чём секрет?

— Я не даю бесплатных советов. Вот такой секрет!

Алина всё пыталась сгладить неловкость.

— А ваши «почти вечные» колготки! Это же достойно Нобелевской премии! А «выжми тюбик досуха»! Гениально по простоте!

— Что вы, что вы! — госпожа Кара порозовела от удовольствия.

Распрощались, рассыпаясь во взаимных благодарностях... Фотограф выносил аппаратуру, а Алина вдруг остановилась.

— А всё-таки… Можно спросить? Вот у меня помада кончилась, а цвет до того удачный и так мне к лицу, и найти нигде не могу…

— Идите и купите книгу! — взвизгнула госпожа Кара и швырнула в неё подставку с салфетками. Алина выскочила как ошпаренная.

…Госпожа Кара, «в миру» Лариса Степановна Коровина, ползала по полу, собирая салфетки.

— Как же, дизайнерские… В одном кафе штучку, в другом парочку — вот и весь дизайн… Поживи на одну зарплату… с двумя детьми… без алиментов, да с больной матерью… всех обуй, одень, накорми… ещё не то придумаешь.

Тайфун

— А карты где?

Скрипнула дверка книжного шкафа.

— Мама, где карты?

Луч фонарика скользил по полкам.

…Когда дети были маленькими, как-то сама собой сложилась традиция играть в карты, когда выключали свет. Потому что нет лучшего способа научить детей цифрам и счёту так, чтобы они этого даже не заметили. Свет дёргали часто, и мы играли в «Пьяницу» при свечах. И дети уже большие, а мы всё играем, правда, уже в «Подкидного». После переезда колода куда-то запропастилась…

— Нету? Давайте фотографии посмотрим.

— Какой альбом доставать?

— Давай мой детский, синий.

Разложили диван, улеглись кто как — вокруг альбома.

— Мало детских фотографий у меня. Не то что у вас… Это я в младшей группе. После болезни пришла, и никто не предупредил, что будет фотограф. А как? Телефонов ни у кого не было. Все были нарядные, с бантами, а я во фланелевом тёплом платье. Зима была, холодно. Мама расстроилась. Тогда ведь редко фотографировались, целое событие было. А тут я в розовом платье, с розовым бантом. Но это не цветная фотография, а раскрашенная. Всех девочек одним цветом раскрасили. Мальчиков, не помню, каким цветом… Я потом у одной одноклассницы такую же в альбоме видела. Здесь мне лет пять уже, это моё любимое платье было — синее шерстяное, с матросским воротником. По праздникам его носила. До обеда нас фотографировали в детском саду, а в обед заставили пить рыбий жир. Он вонял противно, до ужаса. Все дети рты раскрыли и выпили. До меня очередь дошла, мне от запаха дурно стало. Думаю, умру, а пить не буду. Сжала зубы и всё. Две няньки меня держали, чтобы я не дёргалась, а воспиталка в рот ложкой тыкала. Я бодалась, бодалась, так и не стала пить, но платье любимое облили мне этой гадостью. И оно потом не отстиралось, как мама не пыталась… Переворачивай. Ага! Новый год. Мальчики-зайчики, девочки-снежинки. Найдёте, где я? Да вы что? Вот она я. А эта… Это кошмар, а не девчонка… Она, знаете, что творила? Она к нам в средней группе пришла. Ходила в красном клетчатом сарафане, и щёки у неё были огромные и красные. Она мне не нравилась, и я с ней не играла, хотя мы с ней жили в одном дворе и даже в одном доме. Как-то утром её мать подзывает меня из коридора и спрашивает — ты почему сказала, что у Алёны сарафан некрасивый? Я от неожиданности оторопела и понять не могу, в чём меня обвиняют. Как я могла ей сказать такое, если я с ней в жизни не разговаривала? Дальше — хуже. Однажды вечером меня мама из сада привела домой и начала страшно ругать. Будто бы я сказала, что у Алёны папа — дурак. Я её папу не видела ни разу и даже не знала, что он у неё есть. У меня-то не было. А самое обидное, что мама мне не верила! И это ещё не всё. В воскресенье меня пригласили к ним домой на обед. Помню, что у них в квартире было темновато. На полу лежал тёмно-красный ковёр, и на всю стену в комнате такой же. Сели обедать. Первое, второе, а потом стакан молока и стакан киселя. Мама мне сказала, что в гостях надо съесть всё, что дадут, чтобы хозяева не обиделись. Ну, я всё съела и всё выпила. Потом Алёну положили спать в деревянную кроватку с прутьями, а мне её мама велела идти домой. Я оделась, и тут она говорит — иди, помаши Алёне рукой. Я подошла к кровати. Алёна лежала на боку, лицом к стене, вернее, к ковру, и делала вид, что спит. Нельзя же уснуть за полминуты! И тут… меня затошнило, я села на корточки, и меня вырвало на их шикарный ковёр.

— Так им и надо! — хором воскликнули сыновья.

— Желудок не выдержал такого количества еды. Меня отвели домой, и её мамаша чего-то выговаривала моей… А это мы в другом детском саду, наш на ремонт закрыли. Зато мы с Пашей в одну группу ходили. Вот он, Паша, мой друг и сосед по площадке…

— Ты уже тысячу раз про него рассказывала, и что Пашу в его честь назвала, — хором завопили дети, — всё уже знаем!.. Почему ты его в «Одноклассниках» не ищешь?

— Ой, страшно! Вдруг его в живых нет? Я расстроюсь. Так он для меня всегда живой, просто далеко где-то… Мама у него артистка была, настоящая! В оперетте пела! Красавица! Однажды зимой она нас с Пашей взяла на детский дневной спектакль. Сказала, что после обеда меня из садика заберёт и что я спать не буду. Представьте только! Я в группе всем нахвасталась, пацаны сказали, что я вру. Обед проходит, тёти Тани нет. Пошла я спать ложиться со всеми вместе, ясное дело. Только легла в постель, она пришла. Я такая гордая! Зима была, мороз, новогодние каникулы были у школьников, как я сейчас понимаю. На мне был костюмчик светло-зелёный трикотажный… Помню, как ехали

на автобусе в театр, в центр города… В гримёрке тётя Таня переоделась в ситцевую пижаму в голубой горошек, заплела ярко-белые волосы в косички, очень ярко накрасилась. Кто-то отвёл нас с Павликом в ложу. Начался спектакль. Тётя Таня первой появилась на сцене—встала, потягиваясь, с кровати и, зевая, начала что-то говорить. Она играла Ленивицу—любимую мачехину дочку в сказке «Морозко». Сюжет был осовремененный—замёрзшую падчерицу спасали в лесу разные звери, дяденька-лыжник и ещё кто-то. В антракте мы с Пашей бегали по кулисам. Он меня крепко держал за руку, чтобы я не потерялась. Увидели артиста, который лыжника играл, он нам улыбнулся, что-то приветливое сказал… Хорошо было, в общем…

В этот момент в комнате внезапно загорелся свет, на кухне ожила вытяжка и забормотал телевизор.

—Так. Не уходите никуда,—старший сын вскочил с дивана, быстренько всё везде потушил и запрыгнул обратно к нам.

—Давай дальше.

ДиН юбилей

По страницам
№1 | 1993

Владлен Белкин

Тайну жизни разгадать…

Литературному журналу «День и ночь»—25 лет! В конце ноября 1993 года был подписан в печать самый первый его номер. Учредители нового литературного «толстяка»—писатель Роман Солнцев и генеральный директор Красноярского комбайнового завода Лев Логинов—мечтали создать в Красноярске журнал «не хуже московских». К воплощению мечты привлекли Союз российских писателей, Красноярский фонд выживания, редакцию газеты «Евразия» и неизменно отзывчивую на добрые начинания администрацию города Красноярска. Спустя четверть века видишь в этом какой-то особенный символизм. Состав редакции и редколлегии за прошедшие годы поредел более чем на две трети. Нет уже ни фонда выживания (!), ни газеты «Евразия», ни комбайнового завода.

Покинули грешную юдоль земную и главные учредители. А журнал—жив, и теперь нам хочется заново перелистать избранные страницы выпусков того самого—первого—года издания. Низкий поклон всем, кто был к нему причастен. Вечная память ушедшим, многая лета ныне здравствующим, благодаря которым у писателей и читателей есть «День и ночь»!

Редакция «ДиН»

● ● ●

Иду опушкой леса не спеша,
Кивну цветку, послушаю осину.
—Оттаивает скорбная душа,
И расправляю сгорбленную спину.

Я говорю: «Сезам, открой мне дверь
В твои непостижимые пределы,
Убогому и грешному поверь,
Не всё ещё во мне окаменело.

Мне далеко до мужества травы,
Свободы птиц, до таинства тумана…
Но рву я путы злобы и обмана,
В покорстве не склоняю головы.

Всё ближе час, когда во тьму земли
Сойду, как все, с улыбкою печали,
Но мысли, что меня преображали,
Давно летят в космической дали.

А под сосной, где будет прах лежать,
Пускай резец начертит на граните:
«Хотел он тайну жизни разгадать.
Сумел ли?
　　　У него теперь спросите!»

Яков Томилко

Арбуз

Чечня. Сентябрь 2010 г.

Объединённая группировка войск, Ханкала.

Приёмная руководителя вогоип[1] начиналась с огромного вестибюля, именно здесь у вошедших начинался мандраж. Высокие потолки и широкие окна в этом огромном, по местным меркам, помещении шокировали людей, порядком отвыкших от таких просторов и проживающих в небольших кубриках, где едва хватало места для кровати и тумбочки. Мало кто знал, что ждёт его впереди, хотя о своей незавидной судьбе догадывались многие. Мне было проще, фактически я не являлся подчинённым хозяина этого кабинета, но причина посещать его у меня была.

В фойе вошёл невысокий крепыш и внаглую, не замечая меня, направился в приёмную. Новенькая импортная форма, не видавшие гор берцы и разгрузка[2], не утратившая своего первоначального блеска. Шитые майорские погоны выдавали в нём человека в этих местах нового, незнакомого с местными укладами. Незнакомец был похож на героя кинобоевика и старательно подчёркивал это сходство. Натовская песчанка, ушитая и тщательно подогнанная, облегала его ладную, спортивную фигуру, стильная причёска и зеркальные очки довершали сходство.

— Майор, не торопись, тут всё по очереди,— пытаюсь остановить наглеца.

Смерив меня презрительным взглядом, он устремился в предбанник, что-то буркнул адъютанту его превосходительства и прошмыгнул в кабинет. «Ну-ну, удачи»,— мелькнула ехидная мысль. Таких тут любят. Зарождающийся шум в кабинете перешёл в громоподобный рёв — вывести генерала Савина[3] из себя сложности не представляло.

Спустя несколько минут бывший майор, пунцовый от возмущения, вылетел из кабинета. Почему бывший? Да потому что вслед за ним, держа сорванные неуставные погоны, степенно вышел Дед — так, местные острословы прозвали начальника штаба группировки генерал-майора Дёмина. Его лицо, как обычно, бесстрастно, эмоции крайне редко берут над ним верх. Лёгким кивком поздоровался со мной и величественно прошёл мимо.

Савин не заставил себя долго ждать, метеором вылетев из кабинета, он начал песочить адъютанта. Вспомнив ему все прошлые прегрешения, пообещал сгноить в какой-то Тмутаракани.

— Кого ты ко мне пустил? Я тебе что сказал?! Где разведка? Разведка где?! Я тебя спрашиваю!

Делать нечего, надо спасать парня. Показываюсь в проёме.

— Здесь я, товарищ генерал.

— Вот ты-то мне и нужен,— стремительно развернувшись, Савин вбежал в свой кабинет. Ловлю благодарный взгляд адъютанта и, подмигнув ему, иду вслед за хозяином. В кабинете нас ожидают полковник Киржинов и его заместитель — полковник Ганвин. Киржинов, как всегда, хмур, за три месяца я ни разу не видел улыбку на его лице. Хотя… чему тут радоваться.

Сморщившись как от зубной боли, Киржинов начал доклад: «За последний месяц боевики неоднократно выставляли ложные блокпосты. Наибольшая активность наблюдается в Веденском районе, где за последнюю декаду, по данным наших источников, их видели трижды. Считаю целесообразным провести в указанном районе поисковые мероприятия силами…»

Тут Киржинов замялся, несколько раз взглянул на генерала, как-будто ища у него поддержки.

— Ну что, разведка, возьмётесь? Дело ведь плёвое. В ночное время прокатитесь по гражданке до Ведено? При обнаружении противника в бой не вступать, ваша задача навести на них тяжёлых[4],— Савин с прищуром смотрит на меня, хочет, как ребёнка, развести на «слабо».

Ганвин подходит к карте: «Я предлагаю такой маршрут. Шали — Ведено — Ножай-Юрт»,— кончиком остро отточенного карандаша полковник показывает ключевые точки.

— От Ведено до Ножай-Юрта дорога ужасная, на легковушках не проедем,— пытаюсь возразить я.

— Дождей давно уже не было, накатали,— Ганвин улыбается, но как-то натянуто, в общем, что-то

1. Временная оперативная группировка органов и подразделений мвд России в Северо-Кавказском регионе.
2. Специальный жилет с нашитыми карманами и подсумками.
3. Все имена героев автором умышленно изменены.
4. Спецназ.

тут не чисто. Пробежал взглядом по высоким чинам. Они старательно прячут глаза, что ещё больше укрепляет меня в мысли: «эта авантюра может плохо закончиться». У них в подчинении десятки тысяч людей, а звёзды сошлись почему-то на моей команде.

— Нужно время для планирования мероприятия,— пытаюсь получить отсрочку для размышлений и выработки наиболее верного решения поставленных передо мной задач.

— А что тянуть-то, уже всё спланировано,—Савин, теребя в руках карандаш, старательно смотрит в окно.

— Да, с твоим непосредственным руководством данный вопрос уже согласован, на уровне начальника штаба ОГВ(С)[5] получено «добро».

«Крепко обложили»,—мелькнула мысль, но выучка взяла верх:

— Разрешите выполнять?

Выйдя из кабинета, позволил себе минутную вольность: вместо раскалённого утренним солнцем плаца, пошёл кружным маршрутом. Тайные тропы, насквозь пронизавшие рыхлое тело группировки, дарили прохладу и время для раздумий. Главное было, не заблудиться в лабиринте переходов, что в моём рассеянном состоянии было вполне возможным. Умение оказаться в нужном месте, минуя раскалённую духовку сорокаградусного пекла, ценилось местными долгожителями едва ли не превыше аналогичной способности не попадаться на глаза высокому начальству.

Как и всё хорошее, прогулка быстро закончилась, и вот я оказался перед скромным зданием отдела планирования спецмероприятий. Его руководитель, полковник Васин, поражал своими габаритами: рост около двух метров, широкоплечий, кряжистый, как будто вытесанный неведомым скульптором из каменной глыбы. Под стать размерам был и голос—природа наградила этого гиганта густым басом. Будучи в хорошем расположении духа, Пётр Семёнович говорил негромко и был способен даже убаюкать своего собеседника. Приходя же в ярость, он грохотал, как горный водопад, заставляя нервно ёжиться всех, оказавшихся неподалёку.

Заметив меня, Васин одним взглядом выпроводил из кабинета всех посторонних. «Да уж, вот это дисциплинка»,—подумал я. Оставшись со мной наедине, полковник приблизился к карте и обратной стороной карандаша, дабы, не дай бог, не оставить на ней пометку, указал наш маршрут и контрольные точки, где будут находиться группы огневого прикрытия. На первый взгляд—всё толково, обговариваем диапазоны частот и условные сигналы, уже больше для собственного успокоения. Всё уже придумано до нас, закреплено потом и кровью наших предшественников. Восемь часов до начала операции—времени более чем достаточно для подготовки. Прохлада штабных помещений снова сменяется духотой улицы.

Едва выйдя на улицу, я попал в медвежьи объятия Магомеда. С ним мы виделись уже несколько раз, обычно в приёмных высоких начальников. По неизвестной мне причине он считал, что мы знакомы более чем близко. Как и многие народы, чеченцы считают себя богом избранными, возводя свои корни к библейским временам. По их поверьям, их род восходит к Ною, в мифологии горных народов—Нух. Именно от него произошли все нохчи[6]. В течение длительного времени местные учёные разыскивают Ноев Ковчег на горах Кавказского хребта и даже периодически что-то находят. Кабардинцы и карачаевцы ставят на Эльбрус, а если вы усомнитесь в том, что библейский корабль причалил к Казбеку, то смертельно обидите всех осетин. Ещё одним не менее популярным местом является гора Арарат. Армяне свято верят, что мифический артефакт именно там.

— Докха баркала, ваша![7]—раздался рычащий голос Магомеда. Выросший в горном селе, он очень плохо говорил по-русски, я практически не понимал его. Узнав, что я немного понимаю по-чеченски, он старался говорить со мной на родном языке. Впрочем, ситуацию это не меняло, я понимал его с таким же трудом, но ему так было проще, и мне пришлось смириться.

— Маша вогийла[8], Магомед,—на правах хозяина приветствовал я нашего гостя. Затем последовал небольшой диалог, он что-то спрашивал, мне приходилось отвечать зачастую невпопад. Рядом стоявшие спецназовцы сначала удивлённо вслушивались в наш диалог, силясь хоть что-то разобрать, но, кроме имён собственных, не понимали ничего. Особое внимание нам уделял давешний наглец, стоявший в компании своих сослуживцев, одетых в такую же модную амуницию. Их интерес значительно возрос после того, как Магомед кивнул на них и, презрительно сплюнув под ноги, прорычал: «Москвичи?»

В ответ я лишь пожал плечами. Постепенно наш разговор сам по себе сошёл на «нет». На прощание Магомед похлопал меня по плечу и посоветовал не соваться в пару районов, где в последнее время была очень неспокойная обстановка. В свою очередь, я заверил его, что мои интересы лежат совсем в других краях, на этом мы и распрощались. Чеченец ушёл, а я, отступив в тень, стал размышлять о составе группы и снаряжении для

5. Объединённая группировка войск (сил) по проведению контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона.

6. Самоназвание чеченского народа.

7. Здравствуй, брат.

8. Добро пожаловать.

предстоящей операции. Из раздумий меня вывели «москвичи», очень уж их заинтересовал наш дружеский разговор с чеченцем.
— Привет,— дружески улыбаясь, наглец протягивал мне руку.— Давно здесь?
— Пару месяцев,— буркнул я, настроения для задушевной беседы не было.
— Я Павел! Это Серёга и Володя!— не унимался спецназовец.

Оглядываю спутников Павла. Сергей внушает уважение: цепкий взгляд, размеренные движения, всё говорило о том, что он прошёл неплохую школу, скорее всего, из армейских. Характерный шрам на лице после пулевого ранения, намыкался, видать, по госпиталям, пока лечилы[9] восстанавливали челюсть. Подполковничьи погоны и ни одного нагрудного знака — те, кто заработали награды кровью и потом, не особенно это афишируют. Владимир — его полная противоположность. У него, как будто шило в одном месте: постоянно на нерве, ему всё было интересно, всё куда-то рвался. Сразу видно, первоход. Вторым отличительным признаком новичка были всевозможные значки и памятные медальки, густо закрывавшие его грудь в несколько слоёв. Меня так и подмывало спросить: «Родной, ты на каком фронте воевал?»
— Первый раз на югах?— Павел с видом человека бывалого подмигивает своим спутникам.
— Нет, не первый,— разговаривать мне с ними, в общем-то, не о чем.
— Где служил?— Павел немного оживился.
— Это закрытая информация,— обрубаю попытки хлыща завести разговор.
— Товарищ майор, ловко вы с местным балякали, прямо как абориген. О чём, если не секрет?— вмешался в разговор Владимир.
— Снаряга ему ваша понравилась. Магомед спрашивал, кто вы такие и какой дорогой обратно поедете,— пользуясь тем, что мои собеседники поймали ступор, потихоньку ретируюсь.
— Гнида ты, майор,— доносится мне вслед. Голос у Сергея, как я и ожидал, низкий и немного с хрипотцой.

Настроение спорное, с одной стороны, повеселился, с другой — нахамил в общем-то неплохим ребятам. Тяжкие думы одолевали меня по составу группы, никак не мог определиться, кого с собой взять. Не торопясь направился в расположение, была у меня одна идейка, как с пользой поразмыслить о делах моих скорбных.

Обряд поедания арбуза у нас нечто сродни ритуалу. Каждую неделю я еду на местный рынок и покупаю полста килограммов, этого как раз хватает до следующей ходки. В обеденное время расположение было пустынно. Единственный, кто составил мне компанию, начальник сводного отряда спецназа из Забайкалья Петров Алексей. Настоящий полковник, из армейских. Службу начинал в ВДВ, с успехом окончил Рязанское училище, прошёл обе чеченские компании и бывал ещё много где. Причины, побудившие его перейти в СОБР, мне не известны, он не рассказывал, а я особо не расспрашивал. Придёт время, если захочет, посвятит меня в эту историю.

С хрустом нож вошёл в круглый бок пятнистого гиганта. Режу крупными ломтями, первый гостю, второй себе. Оторвавшись от арбуза, Алексей, не глядя на меня, глухо произнёс:
— Я должен тебе сказать одну вещь…
— Ну так говори.
— Если вы примете бой, мы не сможем вам помочь. Без брони[10] я своих людей не пошлю.

У меня ком встал в горле, аппетит разом пропал.
— Сколько по времени?
— Около часа.
— Ты же понимаешь, что вчетвером мы столько не продержимся?
— Понимаю, но гробить людей понапрасну не стану, у них дома семьи.
— У моих, стало быть, семей нет? Ну и что ты мне предлагаешь?
— Ты должен отказаться, приказать они тебе не имеют права, а своих послать не захотят.
— Я так не могу…
— Будь я на твоём месте, я бы так и поступил,— Петров отложил в сторону объеденную корку.
— Значит, я рискну, буду надеяться, что пронесёт.
— Не пронесёт, уже организована утечка информации, что шишка из разведслужбы сегодня будет инспектировать район предстоящей спецоперации. Если хочешь, шепну, кто всё это осуществил. О твоей поездке ещё только в газетах не напечатали, но в Интернете маршрут уже есть.

В свой кабинет я ворвался как тропический ураган. Наорал на ни в чём не повинного лейтенанта. Выпустив пар, практически силой вытолкал его взашей и уселся на своё законное место. Предстояло решить очень серьёзную дилемму. Кто поедет со мной, а кто останется в расположении. Итак, что мы имеем: два лейтенанта, едва-едва перешагнувшие двадцатилетний рубеж. Значит, эти не едут, перед глазами на мгновение возникли лица молодёжи. Вечно улыбающийся белобрысый Николай и его полная противоположность — меланхоличный Сергей — обидятся однозначно, но ничего, успеют ещё… Два капитана — с этими ситуация плачевней: оба женаты, у одного ребёнок, у второго жена на седьмом месяце, офицер ждёт замены, и со дня на день его отправят домой.

Что же, увеличим ставки. На стол передо мной ложатся три папки личных дел, хотя, что в них

9. Врачи.
10. Бронетехника.

написано, я знаю и так. Открываю для самоуспокоения. Хакас Евгений и два приморца, Александр и Виталий. Тут всё просто: три майора, все женаты, у каждого по двое детей. Господи, да как быть-то?! По всему получается, что лучший кандидат—я: ни семьи, ни Родины, ни флага… но нужен ещё хотя бы один.

Лёгкий стук в дверь прервал мои раздумья. Не дожидаясь разрешения, в кабинет вваливается вся честная компания. Все семь человек, как на подбор. Александр, как наиболее авторитетный, принимает удар на себя.

— Командир, тут, в общем, такое дело. Мы в курсе предстоящих мероприятий, ребята готовы ехать… все… никто не откажется.

«Вот дела, уже все всё знают, а как же режим секретности? И дисциплинка хромает, так они завтра за меня всё решать будут»,—пронеслось в моей голове, мелькнула даже мерзкая идейка послать всё на хрен, но так же незаметно испарилась. Нарочито медленно собираю личные дела, папки в сейф, ключ в карман. Привычка не оставлять ничего на столе вбивалась в мою голову более опытными товарищами ещё на заре моей службы.

Неторопливо подхожу, смотрю каждому в глаза, у Николая вижу лихой азарт, нет друг мой, ты хочешь ехать, но не готов. Времена залихватских набегов прошли, сейчас хладнокровие и расчёт решают больше, чем молодецкий посвист и задор. Выброс адреналина в кровь чреват весьма неприятными последствиями, скоро, Коля перегорит и его начнёт бить озноб, а это значит, что не боец.

У следующего в глазах стоит страх, это нормально. На самом деле в той или иной мере боятся все. Умение преодолеть свои опасения отличает храбреца от труса. Полное отсутствие страха—это симптомы серьёзного психологического расстройства. Иду дальше, следующий нервничает, он не откажется, но повторяет про себя как заклинание: «только не я». Мой выбор прост, спокойны и уравновешены лишь двое.

— Кто стуканул?—интересуюсь больше для проформы.

— Тут, в общем, дело такое, твой разговор с собрёнком, Петровым, что ли. Я в расположении был, слышал всё,—Александр по-прежнему идёт паровозом.

— Та-а-а-к, подслушивал, значит!

«Что с моей гортанью?»—издаваемые мною звуки самого продирают до костей.

— В общем, так получилось,—Сашка всем своим видом показывает, что полон раскаяния, но почему-то я ему не особо верю.

— А всё уже придумано до вас, я поеду один,—медленно обвожу взглядом каждого, выдерживаю паузу и добавляю.—С водителем.

Отмечаю, как загорелись глаза у Николая, он умеет управлять машиной и, следовательно, первый круг потенциального отбора прошёл, в отличие от второго лейтенанта. Что ж, надежды юношей питают.

— Водителя выбрать предстоит из вас, товарищи майоры,—отмечаю разом поникшего Николая.—Это ещё не всё. Виталий, ты не участвуешь, слишком крупный, случись что, не сможешь быстро покинуть автомобиль.

Остались двое—Евгений и Александр. Мне, по большому счёту, без разницы, кто из них, на обоих одинаково можно положиться. Выбор идентичен… Почти. За исключением небольших нюансов.

— Я вожу лучше,—Евгений спокоен, ни страха, ни радости, в данной ситуации это большой плюс. Он просто констатирует факт. Это решение меня устраивает больше всего, с учётом всех моментов это самый оптимальный вариант. Александр весьма авторитетен и вполне сможет удержать оставшихся от необдуманных поступков.

— Хорошо, так и решим, готовь транспорт, выезжаем в девятнадцать часов.

Евгений молча развернулся и ушёл, он вообще немногословен. Вслед за ним двинулись и остальные. В кабинете остался лишь Александр. Судя по слаженным действиям ушедших, подобный вариант развития событий они просчитали. Спорить со мной при подчинённых дело бесполезное, значит, Александр попытается переубедить меня тет-а-тет, дабы впоследствии иметь возможность обоим сохранить лицо.

— С твоим решением я не согласен,—с глазу на глаз мы обходимся без излишних реверансов.—Ты ведь сам говорил, что готов разделить с нами все трудности. Разделить, но не ограждать, мы ведь не дети, нам сопли вытирать не нужно.

— Я не могу подписывать вас на эту гнилую авантюру. Как мне потом в глаза вашим родным смотреть?—пытаюсь изо всех сил сохранять спокойствие.

— Ты думаешь, нам твой гроб таскать в радость?—Саня раздражён до предела.—Командир, ты должен понять одну вещь, мы смерти не ищем, но прятаться за твоей спиной не намерены. Твоё распоряжение остаться здесь мы выполним, но после твоего отъезда, как ты понимаешь, вся полнота власти будет в моих руках. Поверь, ничто не помешает нам выехать вслед за тобой.

— Отсутствие аккумулятора в автомобиле, спущенные колёса и моё указание на пункте пропуска не выпускать вас за пределы расположения помешают,—упрямство подчинённого меня раздражает, я постепенно повышаю голос.

— Остановить—нет, задержать—да,—глаза моего собеседника плутовато блеснули.

«Да уж, эти могут, пронырливые хлопцы мне достались»,—подумал я, а сам озвучил,—вас

шестеро, но поедут только четверо, в полной боевой. Договоритесь по бронированному уазику сами, раз вы такие ушлые. По составу решение целиком и полностью на тебе, моё условие лишь одно: беременный не едет.
— Он обидится,— Александр не возражает, так, больше для проформы, чтобы впоследствии сослаться на меня.
— Его проблемы, теперь слушай меня внимательно,— быстро на карте объясняю ему маршрут и порядок выдвижения между контрольными точками,— все действия только после моей команды, иначе сгною всех в кабинетах.

Расположение шумело, как растревоженный улей, ещё бы, то и дело за ворота выезжали небольшие бронегруппы и, оставляя за собой густой шлейф пыли, уезжали в неизвестном направлении. В воздухе кружили вертушки, раз за разом над казармами на минимальной высоте с рёвом проносились «крокодилы»[11]. Во всей этой суете мои передвижения остались незамеченными. Ведь в отличие от брутальных спецназовцев, увешанных снаряжением, я выглядел более чем скромно. Обычный цифровой камуфляж «от Юдашкина», старенькая потрёпанная разгрузка, в которую я поместил шесть гранат, радиостанцию и нож, в набедренной кобуре увесисто покоился «Ярыгин»[12].

Лишь один человек обратил внимание на мой неспешный отъезд. Полковник Петров, куривший у окна, негромко окликнул меня: «Едешь всё-таки?»

Киваю, на секунду замедляя шаг: «Твои уже на позиции?»

Он тоже немногословен, в знак согласия лишь слегка качнул головой, прикрыв глаза.
— Волнуешься за них?— тот же знак подтвердил мои опасения.
— Как будут действовать?— ответ на этот вопрос интересовал меня больше всего.
— Да эти арбузоеды, мать их...— полковник высказал о своих подчинённых пару витиеватых фраз, из которых в приличном обществе уместны будут только союзы,— по ситуации, в общем, не дрейфь, не сдадут тебя твои собутыльники.
— Сам-то почему здесь?— по недоброму взгляду Алексея понял неуместность своего вопроса.
— Да эти дегенераты, мать их...— Петров в очередной раз обогатил мой словарный запас.

Я уже практически скрылся в дверном проёме, когда Петров окликнул: «Постой».

В воздухе сверкнул серебряный кругляш. Ловко подхватываю и сжимаю в кулаке, уже зная, что там. Одной из неписаных традиций было занимать уходившим в рейд с условием возврата после окончания спецмероприятий либо заключать спор, что ребята вернутся живыми.
— Вернёшься, отдашь!— полковник ушёл по-английски, не прощаясь.

Ну вот и всё, сборы окончены, пора и в путь. Евгений, как всегда, расположился на привычном месте водителя. В последний раз оглядываю своё снаряжение, вроде бы ничего не забыл. Между пассажирским сиденьем и дверью укладываю свой АК-74М[13] таким образом, чтобы при экстренном покидании автомобиля он вывалился наружу вместе со мной.
— Вперёд, Евген, нас ждут красочные просторы ночной Чечни!— едва я захлопнул за собой дверь, автомобиль, взвизгнув шинами, сорвался с места. Не останавливаясь, проскакиваем Грозный и Аргун, на развилке уходим на Шали. Впереди практически пустынная дорога на Ведено. По нашим российским меркам, покрытие весьма хорошее, на скорость влияет лишь извилистость горного серпантина. Дорога идёт вдоль русла каменистой речушки и всё время поднимается вверх. Вокруг возвышаются покрытые лесом предгорья. Мы въезжаем в горную часть Чечни, вокруг, куда ни глянь, простирается зелёнка[14]. Одно за другим проезжаем многочисленные горные селения, и всюду минареты, минареты, минареты. На погостах вдоль дорог и на некоторых могилах установлены высокие шесты с флюгерами на самом верху. Так отмечают захоронения тех, кто погиб во время последней войны. Когда гибель будет отомщена, родственники снимут шест. Чем дальше от центральных районов в глушь, тем чаще встречаются подобные символы не смирившихся.

Позади остаётся Беной. Мы находимся примерно посередине между Ведено и Грозным. Бывшую резиденцию имама Шамиля мы проезжаем минут через тридцать. Следы былых войн в этом посёлке практически не заметны, добротные дома из красного кирпича прячутся за высокими заборами. По сравнению с убогими глиняными мазанками сёл Дагестана дома чеченцев выглядят как роскошные дворцы. Впереди нас ждёт самый ответственный участок пути. Что ж, Бог не выдаст, свинья не съест...

Не пронесло, вот они. Как я и ожидал, место бойки[15] выбрали наиболее романтическое. Безлюдный горный перевал в вечерних сумерках выглядел весьма зловеще. Одинокая, чёрная «приора»[16] смотрелась в этих местах весьма чужеродно. Двое местных в форме а-ля сотрудники милиции, направились к нам. Реальной возможности проверить, кто они такие, у меня нет. Ни форма, ни удостоверения, ни тем более

11. Ударный вертолёт Ми-24.
12. Пистолет Ярыгина.
13. Автомат Калашникова.
14. Покрытая лесом или густым кустарником местность.
15. Боевики.
16. Автомобиль «Лада Приора».

оружие показателем принадлежности к силовым структурам не являются.

На мгновение перед глазами встал мой предшественник. Передавая должность и инструктируя меня, он чётко дал понять: в случае конфликта с чеченскими силовиками рассчитывать на чью-либо помощь бессмысленно. В случае гибели местного: следователь, прокурор, судья и даже адвокат — все будут чеченцами. О каком правосудии может идти речь, когда они все друг другу родственники, а даже если и нет, я для них чужой, практически оккупант.

Придётся понадеяться на русский авось, ну не должно тут быть сотрудников милиции, а значит, кто не спрятался, я не виноват. Властно подняв руку, бородатый, увешанный оружием, как новогодняя ёлка, чеченец потребовал, чтобы мы остановились. Направившись к нам, он на ходу представился: «Капитан Мов…ев».

Полностью его фамилию я не разобрал, меня больше интересовал спутник капитана, юный паренёк лет девятнадцати с небольшой щетиной. Он был слишком молод для офицерского звания и тем не менее носил погоны старшего лейтенанта. Два офицера в патруле… Очень странно. Старлей пытался страховать подходившего к нам напарника, но делал это не очень грамотно, закрывая меня и Евгения от тех, кто находился в лесу, более того, подходя к нам, «капитан» становился на линии огня страхующего. Неграмотные действия подозрительных милиционеров наводили на определённые мысли.

Я сидел, вольготно развалившись на переднем пассажирском кресле, моя правая рука, лежавшая на срезе двери, свидетельствовала о том, что я безоружен. Хотя на самом деле она скрывала от наблюдателей зажатый в левой пистолет. Весь мой расчёт строился на том, что перед нападением боевики постараются убедиться, что перед ними именно тот, кто им нужен. В этих местах я недавно, особо наследить не успел, фотографии моей у них быть не может, максимум словесный портрет. Подрывать автомобиль с потенциальным языком или обстреливать его из зелёнки — мероприятия рискованные, не гарантирующие положительный результат. Кем-кем, а идиотами боевики не были, значит, будут пеленать после того, как опознают.

— Добрый вечер, — мы с бородачом обмениваемся взглядами. Радостная улыбка озаряет его лицо, он, несомненно, понял, кто я такой. Обмен взглядами затянулся, нужно отдать ему должное: трусом он не был, дураком — да. Слишком уж близко он подошёл к нашей машине, и теперь для того, чтобы развернуть свой АК-47 в мою сторону, бородачу попросту не хватало места. Сорок седьмой не зря прозвали «веслом»: его длинный деревянный приклад был не очень удобен для минимальных дистанций.

Боевик принял единственно верное из всех неправильных решений. Для выживания ему нужно было отбросить автомат в сторону и, встав на колени, завести руки за голову. Все остальные варианты развития событий приводили к краху. Дебют нашего противостояния он уже проиграл, а дальше шах и мат в два хода. Бородач шагнул назад, доворачивая корпусом ствол автомата в мою сторону. Медленно, слишком медленно. Как чёртик из табакерки в проёме окна, появилась моя рука. Бам-бам — сдвоенный выстрел, и простреленные руки боевика безвольно повисли.

Дёргаю ручку, открывая дверь, одновременно плечом распахиваю её. Сильный удар сбивает боевика с ног, выкатываюсь из автомобиля и прячусь за бородачом, как за бруствером. Ревя мотором, наша пятнашка скрывается за поворотом. Отъехав на безопасное расстояние, Евгений сообщит, что ловушка сработала и тем самым даст начало войсковой операции. Мне же остаётся только выжить в ближайшие минуты. Глубокий вдох, и запах человека, живущего в лесу, окончательно раскрывает принадлежность «капитана» и его спутников.

Опешив от моего напора, второй боевик застыл в полупозиции. Очередной сдвоенный выстрел не оставляет ему шансов на выживание. Бородач начинает громко кричать, из подлеска ему отвечают. Шорох в кустах и топот как минимум трёх-четырёх человек. Вооружённые автоматическим оружием боевики в открытом противостоянии одерживают верх при любом раскладе, остаётся либо бежать, либо сделать им какую-то подлянку. Бегать я с детства не любил, к тому же канцелярская работа в последнее время лишила меня былых физических кондиций. Играть в пятнашки придётся на местности, которую мои противники изучили вдоль и поперёк. Следовательно, рано или поздно они загонят меня либо в ущелье, либо на какое-нибудь минное поле, коих в этих местах предостаточно.

Бородача я планировал оставить в живых, хотелось расспросить его кое о чём. Рукоятью пистолета бью ему в лоб, и на какое-то время боевик теряет сознание. Подхватываю свой «калаш» и бегом к «приоре», прячусь за ней таким образом, чтобы между мной и противником был не тонкостенный салон, а литой из чугуна двигатель. Из разгрузки достаю две РГДэшки[17]. Перехватываю их и выдёргиваю кольца, теперь ждём, ловись, рыбка, большая и маленькая.

Я весь обратился в слух, для надёжности даже прикрыл глаза и затаил дыхание. Как бы тихо они не шли, делать это абсолютно бесшумно не получится ни у кого. Лёгкий шорох — один, затем второй, под ногой кого-то из бандитов хрустнул сучок. Пора. Отпускаю рычаги. Раз, два — и пара

17. Наступательная граната РГД-5.

кругляшей взмывает в воздух. Мгновение — и мощный сдвоенный взрыв. Ливень осколков вспарывает землю. Зловещая тишина мгновенно обрывается воплями раненых. Пока боевики не пришли в себя, выскакиваю из своего укрытия и, согнувшись в три погибели, устремляюсь к ним.

Бородач начал подавать признаки жизни, пробегая мимо, бью его носком армейского ботинка по простреленной конечности. Оставлять за спиной нельзя никого, теперь контроль, на опушке леса нахожу троих. Мой сюрприз разорвался в воздухе практически у них над головами. Двое наглухо, один — тяжёлый. Перед глазами встаёт плакатик, висевший у нас в кабинете: «Киллер, даже самый отстойный, не забудет про выстрел контрольный».

На всякий случай добиваю всех, осматриваю прилегающую местность, буквально в нескольких метрах нахожу лужу крови и след волочения на земле. Смещаюсь несколько в сторону, иду параллельно. Метрах в тридцати обнаруживаю ещё двоих. Один, судя по всему, в критическом состоянии и фактически доживает последние минуты. Кровь хлынула у него горлом, именно по этим булькающим звукам я их и отыскал. Второй суетливо пытается перевязать своего менее удачливого товарища. Две короткие очереди пополняют сады праведных ещё двумя постояльцами. Выхватываю рацию: «Евген, тут всё чисто, дуй назад».

Возвращаюсь на место засады, быстро избавляю бородача от снаряжения и на скорую руку перевязываю его раны. Этот соловей мне нужен живым. Едва я управился, как пятнашка, пройдя юзом, остановилась возле меня. Вместе с Женькой забрасываем боевика в багажник и с жутким рёвом срываемся с места. Смотрю на часы: прошло семь минут сорок девять секунд. Ого, а я-то думал, что никак не меньше четверти часа.

Выхожу на свою «бригаду ух», кружащую неподалёку, и сообщаю им о месте встречи. В качестве точки рандеву я выбрал весьма живописное местечко: горное ущелье, с одной стороны обрыв, с другой — голые каменистые скалы, дорога просматривается в обе стороны достаточно далеко, подобраться к нам незамеченными ни у кого не получится.

Мои товарищи ждали нас на условленном месте. Поставив машины клином, мы огородили для себя небольшой пятачок. Евгений и Алексей встали на фишку[18], просматривая дорогу каждый в своём направлении.

— Сделайте нам ширму, — коротко бросаю оставшимся. Глаза Николая удивлённо расширяются, он начинает вертеть головой по сторонам в поисках подходящих предметов. Александр, в отличие от молодого лейтенанта, более умудрён опытом, он прекрасно понял, что мне нужно. Ребята отгородили меня от окружающего мира своими широкими спинами.

— Ну здравствуй, Ризван, — всю дорогу я судорожно вспоминал, откуда мне знакома физиономия бородача, и после непродолжительных стараний я его вспомнил. Ризван Евлоев, он же Пенсионер, промышлял в послевоенном Грозном весьма неблаговидными поступками. С его розыскным делом я познакомился в далёком 2001-м.

Евлоев вздрогнул, не ожидал он услышать это имя, проклятое его матерью и близкими родственниками. Я схватил его за ворот и подтолкнул несколько раз к краю обрыва, до тех пор, пока за его спиной не замаячила бездна. Он стоял, отклонившись назад, касаясь земли лишь носками ботинок. Единственное, что не давало ему упасть, это моя рука. Дикий зверь, долгие годы бесновавшийся в нём, поджал хвост и исчез. Место волка занял трусливый шакал, готовый на всё, лишь бы выжить.

— Кто ты и что тебе нужно? — голос боевика выдавал царившие в нём чувства.

— Я Пёс, и этим всё сказано. Мне нужен один человек, скажи мне, где найти Красавчика, и я отпущу тебя.

— Ты лжёшь, Иса говорил, что вас больше нет, — Ризвана проняло, его зубы заколотили звонкое стаккато.

— Позволь нам обсудить эту проблему с ним с глазу на глаз. Или ты хочешь, чтобы твои глаза это тоже увидели? — видимо, не хочет, мертвенная бледность накатила на лицо моего собеседника. Прав был Док: полжизни ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя.

Сведённые от ужаса губы Евлоева что-то шепчут. Склоняюсь к нему и с трудом разбираю, что он мне говорит.

— Ты обещал, — с трудом добавляет он.

— Обещал — сделал, — разжимаю хватку и делаю шаг назад, — ты не мусульманин, ты муртыд[19]. Иншалла[20]. Я просто орудие в его руках.

Мои слова попали точно в цель. Глаза Ризвана расширились от ужаса. Сомнения в правильности избранного пути не раз должны были посещать его. Не ожидал он услышать такое от кафира[21]. Слова застряли в его горле, сорвавшись, он беззвучно рухнул в пропасть, посвятив последние мгновения своей никчёмной жизни общению с всевышним.

— Командир, так нельзя — самый молодой из моих спутников возмущён, — ты ведь обещал.

18. Фишка — дозор, встать на фишку — наблюдать, вести наблюдение.

19. Вероотступник. Этнический мусульманин, знающий о своих обязанностях перед господом, но не соблюдающий их.

20. Если Аллах пожелает. Всё в руках господа. Всё по воле Аллаха.

21. Иноверец.

— Я своё обещание выполнил, а в том, что с ним случилось, моей вины нет. Против законов всемирного тяготения я бессилен. И запомни, раз и навсегда, Николай, чем больше этих шакалов останется здесь, тем меньше таких, как он, будет сидеть с фугасами вдоль дорог. Не тот это человек, чтобы сожалеть о его безвременной кончине. Ты знаешь, как он получил своё прозвище? В начале двухтысячных, когда на эти земли пришёл мир, пенсионерам стали выплачивать пособия, госслужащим — зарплаты, но таких было меньшинство. Остальные выживали, как могли. Ризвану тогда только-только исполнилось шестнадцать. Повоевать он толком не успел, поэтому ничего из себя не представлял. Трусоватый и слабый от природы, он старательно маскировал эти весьма порицаемые в Чечне качества жестокостью. Каждый месяц с пятнадцатого по двадцатое старикам выдавали деньги. Это были самые страшные для них дни. Ризван и ему подобные обирали их до нитки, оставляя умирать с голоду. Тех же кто оказывал сопротивление, убивали. Каждое моё слово как будто придавливало Николая, он стал пунцовым и опустил взгляд.

— По машинам,— перехватываю Александра и, дождавшись, когда все рассядутся, негромко бросаю:
— Молодого на боевые больше не брать.

Сашка согласно кивает.

— Что делать будем командир?
— Запомни и всем скажи: вас нигде не было, ни в лесу, ни здесь! Вы по моему указанию ездили в Наурскую, туда и путь ваш сейчас лежит. Вернётесь завтра, с подробной справкой о проделанной работе.

Плюхнувшись на переднее сидение, я с усмешкой взглянул на своего водителя и, побарабанив пальцами по передней панели весёленький мотив, бодро произнёс: «Ну что, поехали сдаваться, Евген, заодно по дороге и обговорим, как это было».

После пережитого в горле пересохло, язык наждаком мазнул по губам. Неожиданно вспомнился вкус оставленного в холодильнике арбуза, до ломоты в челюстях мне захотелось впиться в его сочную мякоть.

РЫБЬЕ ЦАРСТВО

София Максимычева

Ярославль

• • •

да ну её, эту рыбалку!
смотри, как плывёт за бортом
чудесное тело русалки
с чешуйчатым сомьим хвостом.
ты видел когда-то такое?
лилейные грудь и живот,
и солнце блестит золотое,
блестит под водой, но не жжёт.
поймать бы её, молодую,
на звон колокольной блесны.
русалочий голос тоскует
по грубым ладоням шексны.
но там, где закончатся всплески,
в пределах обычной реки
по-щучьи надсадно и резко
цепляют за горло крючки.

Михаил Свищёв

Москва

• • •

Такая жизнь, то в ножички, то в салки —
в подвале щука ляжет ли под гнёт,
на оголённом проводе русалка
огнём бенгальским радостно сверкнёт,

блеснёт ли телом в полночи девица,—
так повелось во сне и наяву,
что женщине положено топиться,
а рыбе — оставаться на плаву,

а рыбакам — что в марте, что в июле
мизинцами похмельными дрожа,
макать в судьбу — дырявую кастрюлю,
любовь, как соль на кончике ножа.

Николай Тарасов

Из эпохи абажуров

• • •

Золотые гортани Италии,
Неужели навеки пропали вы?
Отсверкали, отпели и сгинули,
И под своды спускаясь могильные,
Растворились во тьме царства сонного?..
Нет! Явилась труба Эдисонова!
И порушила прежние правила:
Призвала, вострубила, восславила!
В ней когда-то вы, цинком хранимые,
Свили гнёзда свои соловьиные.
И взлетаете ввысь, осиянные,
В небеса ваши обетованные,
Наполняя нам слух чистым золотом…
Чтоб оттуда не веяло холодом.

Строчка

Хоть твою поэзию и прозу
Знают лишь на родине твоей,
Вытащить наружу,
Как занозу,
Нужно эту строчку поживей!

Просто прелесть строчка-закавыка!
Хоть и долго сладу с нею нет,
Методом нажатия и тыка
Вызволи из тьмы её—
На свет!

До неё нет никакого дела
Там, где спят Олимп
И Колизей.
Нужно, чтобы здесь она взлетела.
Может, только для твоих друзей!

Пусть она взлетит и приживётся
Лишь в твоём заштатном городке,
Где цветёт лопух,
Крапива жжётся,
Говорят на русском языке…

Бормоча о суетном и вечном,
И тебе понять пора уже:
Нужен ты стишком небезупречным
Лишь одной
Доверчивой душе.

Пилигримы

Вячеславу Недошивину

Льды у полюса Южного—не растолочь!
Как по нитке, за стаей своей
Одинокий пингвин
Ковыляет сквозь ночь,
И ему—ни тепла, ни огней.

А на севере дальнем, там—наоборот.
Незакатным, немеркнущим днём
Одинокий медведь
Белой лапой гребёт
В океане студёном своём.

Он не знает ещё, что на том берегу,
Там, куда он
Никем не гоним,
Только камень таймырский,
Да ветер над ним—
Гнёт припай в ледяную дугу.

Одинокий медведь,
Одинокий пингвин…
Юг и Север—заплыв до упора!
Между ними, возможно,
Ещё есть один—
Бабуин на ветвях Эквадора.

Кто из нас не хотел бы доплыть,
Дотерпеть
И допрыгнуть до ветки заветной?
Видно, в каждом из нас—и пингвин,
И медведь,
И ещё—бабуин огнецветный.

И зовут нас,
И манят опять острова
В тёмных водах
Безбрежных скитаний.
И опять одиноко царит голова
Среди волн в ледяном океане.

Дикий мир

И всё-таки не кончена игра!
Нас больше, чем волков и лис, намного.
Я верю, что придёт ещё пора—
И на обломках гнёзд, берлог и логов
Потомок-Заяц всем воздаст сполна!
Где стон стоял: «Спасите наши души!»—
Ещё напишут наши имена
И даже, может, нарисуют уши.

Происшествие

…и виждь, и внемли…
А. Пушкин. «Пророк»

Вдруг потерялся мой язык,
Без войн, без лихолетья.
И вместо слов—к зубам впритык—
Одни лишь междометься.

Хватился сразу: «Ёшкин кот!
Нет языка родного!
Вот это в жизни поворот:
Ни слова, ни полслова!»

Я охал, ахал и мычал,
Забыв, что знал от века…
Не спрашивал, не отвечал—
Угукал или некал.

Но, вслушиваясь в мир, постиг
Иных созданий речи.
И обнаружил праязык—
Ещё нечеловечий.

Болонка
тявкнула:
—При-вет!..
—Здо-ро-во!—скрипнул тополь.
И оказалось: белый свет
Набит словами вдоволь.

Слетел бродяга-воробей,
И, времени не тратя,
Мне прочирикал:
—Не ро-бей!
Послушай нас, при-я-тель…

И некий шар, без ног и рук,
Сквозь облака утробу
Меня коснулся:
—Милый друг!
А помолчать—по-про-буй!

Как этот лист, как тот род-ник,
Как травка мо-ло-дая…
…И ожил грешный мой язык,
За слогом слог рождая.

И я теперь спокойно сплю.
Всех прочих—по-ни-маю…
Помалкиваю да скриплю,
Чирикаю да лаю…

* * *

Бумажный червь—
Потомок древоточца
Ни сердца не имеет, ни лица,
Не зная вёсен
И не видя солнца,
Штампует формуляры без конца.

Плодит себе подобных
Зверь ползучий,
Куда ни плюнь—внизу и наверху—
Всё виртуальней жизни смысл,
Всё круче
Размах резцов, точащих смысл в труху.

Всех беззащитней перед зверем дети
И дети их детей.
Из года в год
Леса редеют,
Сатанеет ветер
И тает на планете кислород.

Из эпохи абажуров…

Бродяга я—а-бара-му,
бродяга я—а-бара-му…
Дворовая песня

Что-то там в набросках было,
Да уехало давно
И—покрыто слоем ила—
Еле видится оно.

Но оттуда лучик светит.
Из-под тех дремучих вод
Сквозь слои десятилетий
Мне сигналы подаёт.

Из эпохи абажуров,
Не торшеров, люстр и бра,—
Папа—Тоша, мама—Шура
И Андрюха—старший брат.

Дверь ещё не на цепочке,
Октябрята—кореша…
Под спектакль в радиоточке
Засыпаю, чуть дыша.

Там гремят красногвардейцы,
Пушки лупят не во сне…
Белым не на что надеяться,
Это ясно даже мне.

Я не знаю, жмуря веки,
Что—всем ворогам назло!—
Мне в кровавом этом веке
Несказанно повезло!

Под «бродягу раджкапура»
Светит мне моя семья:
Из эпохи абажуров,—
Мама, папа, брат и я.

Владимир Семенчик

Стали пчёлы летать торопливей…

● ● ●

Стала мама прозрачным облаком,
Тенью ласточкина крыла,
Ускользающим смутным обликом…
Словно вовсе и не была.

Как ты там — без всего, родная,
Где ни хлебушка, ни огня?
Где бы ты ни была — я знаю,
Молишь Господа за меня.

● ● ●

Я холост и отчаян!
В крови кипит вода.
Сцепились за плечами
победа и беда.

Одна пророчит славу.
Другая на спине
шикарную шалаву
в подарок тащит мне.

Друзья мои и братья,
ворьё и алкашня,
кого с собою брать мне?
Не выдайте меня…

«Когда луна кровава
и горек хлеб и мёд,
любимая шалава
тебя всегда поймёт.

А слава — хвост павлиний
распустит в облаках.
Твой образ нафталинный
заставит тлеть в веках».

В крови клокочет лава.
Я плачу и рычу.
Хочу любить шалаву
и славы я хочу!

Но время льёт отраву
по капле сквозь меня.

…ни славы, ни шалавы,
ни дыма, ни огня…

● ● ●

Тишина, затравленная псами,
вырвалась из тёмного двора
и, промчавшись гулкими лесами,
нищенкой присела у костра.

Мы над ней отчаянно глумились,
кружками и струнами звеня,
словно доказать себе стремились
превосходство крика и огня.

Пламени языческие трели
сладко нас дурманили и жгли,
чтоб до срока слушать мы не смели
горькое молчание земли.

● ● ●

У ласточки подмышкой
я рос семнадцать лет —
мечтатель, хвастунишка,
полупрозрачный шкет.

Я сыт был крошкой хлеба
и каплей молока.
Я спал, вспорхнув на небо,
зарывшись в облака.

Меня баюкал ветер,
меня будил прибой.
Я был как лучик светел
И счастлив сам с собой.

Но как-то словно громом
я был сражён с утра:
«Пора!
Прощайся с домом,
спускайся вниз, пора!

У ласточки подмышкой
пищит другой птенец —
мечтатель, хвастунишка,
беспечный сорванец».

• • •

Слава Богу, пока ещё лето…
По утрам и свежо, и тепло.
Но малиновка из бересклета
провожает детей на крыло.

Наливаются сладостью сливы.
И в бездумной привычке к труду
стали пчёлы летать торопливей
по медовым тропинкам в саду.

Дай мне руку, заглянем в беседку,
где под крышей, застыв в полусне,
держит лапкой ажурную сетку
паучиха с крестом на спине.

Не пугайся! Тропинкой дощатой
мы уйдём на сверкающий плёс.
Там резвятся её паучата
и над мамой хохочут до слёз.

Там уже догорают кувшинки,
кивера камышинок черны,
и летят в облака паутинки
посреди ледяной тишины.

• • •

Чудна моя жизнь в этом теле, чудна и бедова,
Не то чтобы в тягость, а крылья расправишь—тесна…
Так в детстве бывает: под вечер примеришь обнову,
А утром наденешь—уже не по росту она.

Проснуться бы заново—где-то в ином измеренье,
Где небо просторно и зыбко, земля солона,
Где каждая речка вливается в стихотворенье,
И жизнь непонятна—как тело твоё—и чудна.

• • •

Впустую проносится время, но жизнь хороша!
Уж тем хороша, что впустую истративши годы,
Однажды увидишь: не истины просит душа,
Не хлеба и злата—а только любви и свободы.

Как две этих жажды мучительных мне утолить,
Мотаясь от синей звезды к твоему изголовью?
Я ради любови не в силах свободу забыть
И ради свободы не в силах расстаться с любовью…

Евгений Минин

Нас любят не за то

Казус Иртеньева

Да, я ношу футболки потные
И сплю бывает что в пальто.
Не все ж поэты чистоплотные,
Так нас и любят не за то.
Игорь Иртеньев

Поэты—люди беззаботные,
На шмоток наплевать фасон.
В футболках летом ходим потные,
Зимою—даже без кальсон.
Нам сочинять стихи не терпится,
Писать не бросим ни за что.
А то, что пишется нелепица,
Так нас и любят не за то.

Шоковое

Хочу я написать стишок
Такой, чтобы страну
Вдруг поразил культурный шок
Во всю её длину.
Игорь Иртеньев

Ах, где мне строчку взять одну,
А лучше—пару строк,
Чтоб поразить свою страну
И вдоль, и поперёк.
Чтоб в мавзолее встал Ильич,
Оставив свой альков.
И чтоб культурный паралич
Разбил моих врагов.

Михаил Новожилов

Четыре цвета жизни

Четыре цвета жизни

Цвет детства — розовый, цвет юности — лазурный:
Младенчества заря порой сменится бурной,—
Как будто ручеёк, спешивший через лес,
До моря добежав, средь плеска волн исчез.

Но там, где глубина прибоя шум сменяет,
Строй духа нам судьба незримо изменяет,—
И если на просвет надежды в жизни нет,
То чёрным будет он — цвет наших зрелых лет…

А старости пора — как берег обретённый:
Над ласковым песком закат горит червонный;
Как отсвет тех небес, где вечный ждёт покой,
Пусть будет золотым цвет старости земной!

• • •

Как осень начинается, мой друг?
У той вон липы — прожелть средь листвы;
Две жёлтых ветки там сверкнули вдруг
Средь лета, и тепла, и синевы.

Как старость начинается, мой друг?
Когда вся жизнь предстанет вдруг иной:
Иным — друзей нерасторжимый круг,
Иными — ночи тьма и свет дневной.

Как горе начинается, мой друг?
С событий неприметных и пустых,
С неверных губ, которых тает звук,
И с истин непростительно-простых.

Как гибель начинается, мой друг?
Когда уже невмочь, как прежде, жить,
И дрожи не унять холодных рук,
И горькой жизни не распутать нить.

Но эти осень, горе, старость, смерть,—
Так будничны они в кругу земном!
Иного и не знает эта твердь,
Где жизнь и смерть проходят смутным сном;

И не замедлит времени река
И быстрый бег, и вечный тихий плеск…
Что ж, радуйся, любуйся же пока
На ранней желтизны неяркий блеск.

• • •

Кто сказал — ночь зимняя длинна?
Нет,— как миг, проносится она,
Обдавая мороком седым,
Тающим дыханьем ледяным…

Кто сказал — пора любви длинна?
Нет,— мгновенье, и пройдёт она;
Одаряя мукой и тоской,
Растворится в памяти больной…

Кто сказал — земная жизнь длинна?
Нет,— как дым, развеется она:
Был ты молод, но промчался миг —
И глядит из зеркала старик…

Кто сказал, что эта жизнь — моя?
Я — пылинка в вихре бытия;
Что имею — всё мне в долг дано,
Через миг отнимется оно.

• • •

Не бывает друзей у поэта
Ни на этой земле, ни на той,—
Только роща, что снегом одета,
Только осень с листвой золотой.

Не бывает друзей у поэта
Ни на этой земле, ни на той,—
Только горькая чёрная Лета
Его душу обнимет собой.

Не бывает друзей у поэта
Ни на той, ни на этой земле,—
Только время, что в пору рассвета
Его сердце схоронит в золе.

У поэта друзей не бывает,
Меж людьми соучастника нет;
Только муза печальная знает
Всем вопросам короткий ответ.

У поэта друзей не бывает,
Ни жены, ни детей,— никого;
Только ветер ночной завывает
Над забытой могилой его.

• • •

Зелёные леса на горизонте,
Вы желтизной украситесь в свой срок…
О, кисти рока, вас молю: не троньте
Хоть бы один трепещущий листок!

Хотя бы куст оставьте не увядшим —
Пусть зеленеет, словно вновь апрель;
Хоть лист один оставьте вы не падшим
На мёртвую, холодную панель.

Хоть жизнь одну оставьте не согбенной
Под тяжкими ударами судьбы;
Оставьте хоть одну мечту нетленной,
Пусть вы неумолимы и грубы!

Хоть бы одной надежде дайте сбыться
В сей жизни, что, как лето, коротка;
Хоть одному бы сердцу не разбиться
И не сгореть, как крыльям мотылька

На пламени свечи…
Но эти кисти
Уж окунулись в охры желтизну;
Уже поникли обречённо листья,
Припоминая давнюю весну.

И неба синева уже седеет,
Готовая погаснуть в скорбный час;
И осень, всё срывающая, зреет,
Чтоб в миг един обрушиться на нас.

И старость, всё теряющая, близко,
Как тот неотвратимый листопад;
И память, как предсмертная записка,
Уж ничего не возвратит назад.

И жизнь, сгорая в пламени заката,
Лишь покаянно молит о душе;
И сердце, что ни в чём не виновато,
Смертельной охрой тронуто уже…

• • •

Год начинается таяньем снега,
Радостным щебетом птиц, —
А завершается тьмою ночлега,
Листьями, падшими ниц.

Нет больше неба чарующей сини,
Дали волнующей нет;
Холод и скорбь одинокой пустыни,
Блёклый, безрадостный цвет…

Жизнь начинается тихой рекою,
Далью, зовущей к себе, —
А завершается горькой тоскою
По обманувшей судьбе.

Нет больше прежнего сердца волненья,
Трепета жизни живой, —
Есть лишь печальное духа смиренье,
Смерти предвестье немой…

• • •

Как в спальню детей я любил приходить!
Простым одеялом коленки укрыть,
На образ взглянуть, что светлеет в углу,
Игрушки поднять, что лежат на полу…

Какая стояла вокруг тишина
Среди безмятежного детского сна!
Вечерних молитв отзвучали стихи;
Мгновения ночи летели, легки…

Такой тишины я не слышал вовек!
Был времени слышен в том сумраке бег,
И ангел-хранитель незримо парил
Под взмахи небесных блистающих крыл…

О ангел-хранитель, где крылья твои?
Давно уже выросли дети мои,
Давно уж иконы на полках молчат,
И тихой молитвы слова не звучат.

Безумного века пришла суета…
Но где же та жизнь, что добра и чиста,
Где радостный лепет младенческих уст?
Как холоден мир, как бездушен и пуст!

И ангелы прочь улетели давно,
И пялится ночь равнодушно в окно;
И мчатся в тоске дни за днями, спеша,
В злой жизни, где Бога забыла душа…

Прости же нас, Боже, верни нам покой,
Любовью Своей нас, безумных, укрой,
Подай благодати отраду нам вновь,
В сердца возврати доброту и любовь!

И ангелов светлых нам снова пошли,
Чтоб нас сохранили средь скорбной земли,
Средь страшного века, средь сонма смертей,
Как в детстве моих сохраняли детей.

• • •

За две ночи пожелтели клёны
На преполовенье октября, —
А вчера лишь их убор зелёный
Видела холодная заря.

За две ночи клёны пожелтели,
И тому, что было, не бывать;
Лёгкие их листья облетели,
Словно отлетела благодать…

Так однажды скорбной сединою
За ночь убелится голова, —
И пойдёт душа стезёй земною,
Постигая жребий свой едва.

И познает новые тревоги,
И судьба иной укажет путь, —
Только вечны скорбные итоги,
И того, что было, не вернуть…

* * *

Как раскрытая книга, моя жизнь предо мной.
Что ж её не читаю я строку за строкой?
Что ж ищу я ответа у богов и людей
На вопрос,—что же сталось с бедной жизнью моей?!

Все ответы в той книге я найду без труда:
Отчего то́ несчастье, или эта беда;
И за что пала кара, в чём повинен был я;
И во что обратилась в мире участь моя…

Эта книга былого не закроется ввек:
В ней—все дни и минуты, весь мой горестный век;
В ней на белой бумаге—чёрных строк пестрота,—
Но ещё остаются два последних листа…

Чем листы те заполню,—гневом, гордостью злой?
Или милостью светлой, верой сердца святой?
Иль житейской отравой, погубленьем души?
Или мудрой строкою, обретённой в тиши?..

Ведь когда завершится этот искус земной,
Книгу дней моих к Богу понесут вслед за мной.
Пусть же дням этим добрый приключится конец,—
К долгой памяти чьей-то, к умягченью сердец…

* * *

Все земные дороги однажды сольются, как реки,
В ту дорогу одну, по которой уходят навеки;
Так не всё ли равно, по какой из дорог нам идти,
Если в место одно все на свете приводят пути?

Все мирские дороги сливаются в вечности море,
Где вовеки не будет несчастий, болезней и горя,
Где душа отдохнёт от земных бесконечных дорог
В той небесной Отчизне, где ждёт всепрощающий Бог.

* * *

Молчаливы деревья в парке,
Снег нетронут в лесной глуши…
Отбирает судьба подарки
У моей беззащитной души.

Что ни даст—то опять отнимет,
Чем поманит—назад возьмёт;
То с любовью меня обнимет,
То с угрозами оттолкнёт…

Я давно к её играм привычен,
Дом чужой мне—сей белый свет.
Облик жизни земной обычен:
Ничего моего в ней нет.

Я святое храню молчанье
В веренице мгновенных дней,
Чтобы вновь с дорогим прощанья
Не накликать в судьбе своей.

Не молюсь ни богам, ни бесам,
Никого ни о чём не прошу;
Я брожу заснежённым лесом
И свободой от мира дышу.

Пусть лишит и угла, и хлеба,
Всё отнимет своё сполна,—
Но останется это небо,
Кроны сосен и тишина.

Свет дневной несказанно ярок,
Лёгких дум не томит черёд…
Но и этот, последний, подарок
Жизнь когда-нибудь отберёт.

Михаил Синельников

О, эта память с грубой прямотою!

2017

Взывает гул октябрьской годовщины,
Которую забыть хотите вы,
Но трещина дошла до сердцевины,
И не сдержать вам ропщущей молвы.

О, эта память с грубой прямотою!
Она грозит, покуда не сотрут,
Накрыть блаженство ваше золотое,
Хищенья, ненормированный труд.

Бухарин

Весь пыльный, в башмаках тяжёлых,
С этюдником явился в дом,
И не пускал привратник-олух…
К вождю пробился он с трудом.

И тут, где ход речей порожист,
Любили, выделив из всех,
Лихой задор его художеств,
Его чистосердечный смех.

Он быть хотел, как все, однако,
Блуждая в съездовской гурьбе,
Дивился строчке Пастернака
И умилению Курбе.

Бурлил, вскипал горячевато,
Как вдруг смирился и поблёк.
Напрасно Каменев куда-то
Всё зазывал «на огонёк».

И сонно чувствовал оковы,
Всмотревшись в чёрное окно,
И трогал кистью колонковой
Неконченное полотно.

* * *

Посланья Тютчева и Фета
К дворянским девушкам в цвету
Остановили в час расцвета
Горячечную чистоту.

Ах, долго жили адресаты!
Воспринял тупо слабый слух,
Что в двери ломятся солдаты,
Будя прикладами старух.

У Сергия

Свою подвижник думал думу.
К нему, виденьями томясь,
Внимая лиственному шуму,
Густою дебрей ехал князь.

В тумане озеро синело,
И виделось с лесной тропы,
Как в жёлтом поле то и дело
Росли и множились снопы.

Поодаль рыбарь выбрал сети,
И в тёмный скит носили снедь,
Скрипели сосны и в подклети
Ревел пустынника медведь.

Хозяин угощал: «Отведай
Медку и ягодки лесной!».
Встал над учительной беседой
Могучей степи душный зной.

И вышел гость, и вся природа
Взыграла, сердце веселя;
Возжаждала его похода
Вся пробуждённая земля.

Хоругвь с Нерукотворным Спасом
Всплеснулась, осеняя рать,
И отрок на коньке саврасом
Собрался в битве умирать.

* * *

Мыл он часто посуду,
Одержимый водой,
Приносящей остуду,
Этот снайпер седой.

Под водой леденящей
Долго руки держал,
Ветеран настоящий,
Что в окопах лежал.

От себя ведь не скроешь,
Не упрячешь вины,
И ничем не отмоешь
Злую мерзость войны.

Житие

Вечен в образах сильных и грубых,
Что заблудшую душу спасут,
Тот народ, что сжигал себя в срубах,
Отвергая Антихристов суд.

Добиравшийся до Беловодья,
Не сдававшийся в узах Врагу,
В гиблых дебрях бросавший поводья,
Уходивший всё дальше в тайгу.

Завещал страстотерпческий гений
Ждать и ждать, не впадая во грех,
Не желать никаких послаблений,
Терпеливо идти против всех.

Лучше там, на широком Дунае,
В заповедном краю липован,
Потеряться, отчизны не зная,
И в речной превратиться туман.

Но, быть может, в безвременье канув,
Всё в незримом истлеет огне,
Ни стихов, ни великих романов
Не останется в этой стране.

Только жгучая быль Пустозёрска
И апостолов скудный улов,
Только пепла горячего горстка,
Скатный жемчуг светящихся слов.

● ● ●

Заезжим тонким королевичам
Приданым сказочным мила,
Но столь же и смиреньем девичьим,
И так румяна и бела.

Но эта даль с полями, сёлами,
С лесами, где медведь ревёт,
Являлась сарафанным полымем,
Затягивавшим в хоровод.

Во мгле над сонными долинами
Заполыхавши, как волна,
Неодолимым и малиновым,
Малявинским была сильна.

Тягучим зовом, смутным отзывом
И властью бабьего тепла,
И чем-то розановским, розовым,
Испепеляющим дотла.

Сага

Брак еврейки с прекрасным киргизом.
Где другого найдёшь жениха,
Если Польша за маревом сизым,
И желтеют листвы вороха!

Оттого, что любимый далече,
В сердце осень, Варшава в огне,
Двух кочевий нежданная встреча
Совершается в этой стране.

Два припева пустынь и подстепья,
Два истока дорожной тоски—

Средь цветущего великолепья,
Где гуляют коней косяки.

Длинноносым, лихим, востроглазым,
Разбредаясь, потомство растёт,
А империя рушится разом,
Наступает и этой черёд.

И уже не в конверте бумага,
А усилье компьютерных жил
Безотрадный привет из Чикаго
Переносит в тяньшаньский аил.

Аннотация

Всего трудней в простом быту,
В обыденности мира злого,
Являя духа нищету,
Изречь возвышенное слово.

Но этот русский романист,
Кому платили из расчёта—
Две сотни за печатный лист,
Такого вывел идиота.

И в отдаленье от икон
Пред Магдалиной с адской свитой
Возник евангельский закон,
Как будто заново открытый.

Предельно мягок и жесток,
Невинен и непроизволен,
Раздался внятный голосок,
Подобный гулу колоколен.

Так говорил его герой
Перед толпою сотворённой,
Как будто в свой приход второй
Внезапным светом озарённый.

В Угличе

Там ножичками землю режут,
Весной она влажна, тепла,
И солнце брезжащее нежит,
И возвышает купола.

Как вдруг завертится в падучей
Недолгой жизни яркий сон,
Как будто бы багровой тучей
Зелёный Углич занесён.

Уже лежит под гул набата
Дитя в кафтане золотом,
А с ним и дядьки и ребята,
И мамка с вывернутым ртом.

Ещё зачинщиков повяжут,
Палач московский будет лют,
И колокол плетьми накажут
И покалечат, и сошлют.

Но, может быть, и в годы смуты
Ещё, как царство, детвора
Кусок земли, от влаги вздутый,
Делила посреди двора.

● ● ●

Ты скажешь, век минувший страшен…
Взгляни, какой она была,
Когда орлов сбивала с башен
И плавила колокола!

Когда она колесовала,
Не уставала жечь дотла,
Потом сама во мгле подвала
Допроса с ужасом ждала.

Но отдала во мглу окопа
Свой дух остатку своему,
Когда надвинулась Европа
На Волгу чёрную в дыму.

И вся прошла, взрывая храмы,
Оставив эхо впопыхах
В ущельях гулких Гвадарамы,
В глухих меконгских тростниках.

Мир без неё и прост и плоскок,
И всё же не совсем утих
Её последний отголосок
И всё звенит, взметая стих.

РЫБЬЕ ЦАРСТВО

Любовь Колесник

Тверь

● ● ●

господи я карась зрачки у меня круглы
я уходил на дно ты вынул меня из мглы
я колебался в иле меркнущей чешуёй
и улетел за леской за ледяной шлеёй
господи я карась жабры мои красны
бой затонувших звонниц к северу от шексны
я проплывал сквозь воды глядя на облака
где оставляли люди бога без языка
тина моя рутина серый небесный снег
что же наворотил он этот твой человек
рыбья моя хребтина хрустнет такая страсть
я говорю спасибо господи я карась

Анатолий Ермолов

Москва

● ● ●

Встали удочки как тоненькие мачты
на обветренных холодных валунах.
Колокольчик замер, ждут удачи
рыбаки в засаленных штанах.

Вермут с оранжиной сладко пьётся.
Крепкий табачок уходит влёт.
Как прекрасно на земле живётся,
даже если рыба не клюёт!

Анатолий Третьяков

Последняя метель

Сара Бернар

В странах, где есть
и женьшень, и жемчуг,
Где тигры —
хозяева гор и лощин.
Мужчины в театрах
играют женщин,
В Европе женщины
играют мужчин.
Давно всё смешалось:
дивиться нам ли?
С причудами он —
театральный мир.
Сара Бернар,
а по сцене — Гамлет,
В которого мог бы
поверить Шекспир.
Герои любовники
или злодеи,
Отцы благородные
иль резонёры —
Всех оживляют
вас лицедеи —
Они и на сцене
и в жизни — актёры.
Я верю в восторги
минувшего слепо.
Талант он, конечно же,
есть Божий дар!
Из нашего,
из двадцать первого века
Я вам аплодирую,
Сара Бернар!

«Горе»

Боже мой, какое горе!
От него ушла жена.
Правда, он женился вскоре,
Так что горю грош цена.

Всё мы это проходили…
Но ведь плакался он мне!
Видно слёзы крокодильи
До сих пор у нас в цене!

Последняя метель

В ночь от сосулек март знобило,
Поскольку было днём тепло.
И в ту же ночь по окнам било
Метели мокрое крыло.

Весна в сугробах увязала.
Не прилетели и грачи.
Гудки летели от вокзала.
Не зги! Хоть караул кричи.

Сон не нарушен был метелью.
Под этот за окном шумок,
Приятно спать в своей постели,
Закрывши двери на замок.

А утром, словно по заказу,
Сияло солнце в вышине.
И про метель забыли сразу.
И все поверили весне.

Мыльные пузыри

Он оказался всех быстрей
На чердаке высоком.
Десант из мыльных пузырей
Поплыл легко вдоль окон.

Рождал простейший агрегат
Из пузырьков гирлянды.
Парнишка равен был богам:
Чердак — он с небом рядом!

Я позавидовал ему
И вверх смотрел умильно.
Хоть был он вовсе не к чему
Мне фейерверк тот мыльный…

Шары летели с высоты
В сплошном сиянье радуг.
Летели детские мечты,
Им не было преграды.

Я поседел и постарел,
И стал почти горбатым.
Как много мыльных пузырей
Сам выдувал когда-то!

Стрекоза

Как зеркало, вода слепит глаза.
Июльский полдень. Никакого клёва.
На поплавок уселась стрекоза,
Как будто мало рыбаку издёвок!

А солнце раскалилось в вышине.
Жара. В воде стоят, уснув, коровы.
Вся рыба, видно, спряталась на дне.
И долго ожидать придётся клёва.

Так загорел я! Облупился нос,
И кожа на спине моей облазит.
Вот только не хватало мне стрекоз!
Они нарочно рыболова дразнят.

Худым, облезлым от загара вновь
Хотел бы, хоть на час, я очутиться.
И мне не нужен никакой улов,
Но невозможно в детство отлучиться!

В него легко впадаю, так сказать,
Но я себе прощаю слабость эту…
На поплавке вновь вижу: стрекоза
Напоминает мне, что клёва нету.

Гаражи

Небесам ещё синеть
В полыньях меж облаками.
Но из них на землю снег
Повалил потом клоками.

Застегнули гаражи
Враз железные ворота.
Снег идёт, а не кружит—
Слишком он сырой и плотный.

В гаражах сосед, как друг—
Это автоклуб стихийный.
Здесь спецов полно вокруг:
Слесарь, сварщик и алхимик.

Если кто-то в кураже,
То соседа угощает.
Пьют, но в меру в гараже,
Участковых не смущают.

Инвалиды тут права,
Выпив рюмку, не качают.
Но «кто в лес, кто по дрова»,
Спорят и не замечают.

Нет погоды—и чёрт с ней!
Ворота прижмут плотнее!
Всё идёт он—мокрый снег,
А куда, ему виднее.

• • •

Опять укрылось солнце в тучах,
Стоят такие холода!
На лад минорный ветер жгучий
Настраивает провода.

Они и впрямь по-волчьи воют,
И святкам наступить пора.
И всё попряталось живое.
Сидит на печке детвора.

А хорошо бы съехать с горки,
Отгрызть у снежной бабы нос!
Из кухни тянет чад прогорклый,
Мешаясь с дымом папирос.

Дед входит в дом, стуча пимами,
И к печке руки приложив,
Смеётся он над пацанами,
Хоть сам от стужи еле жив.

И как защита от угрозы,
Стекло икон блестит в углу.
Что нам метели и морозы,
Когда уже зовут к столу!

Надежда

Когда остаётся надеяться
    только на чудо,
И нету дороги,
    и силы уже на исходе,
Надежда появится вдруг,
    как всегда, ни откуда
Назло неудачам
    и даже назло непогоде.
И свет обнаружится вновь
    в окончанье тоннеля,
Наладится снова дыханье,
    продолжится снова движенье.
Надежда, наверное,
    ходит в солдатской шинели?
Она—санитарка
    на поле кровавом сраженья.
И как без неё жил,
    несчастный, я прежде?
И даже живым выходить
    умудрялся из боя.
Тебе доверяюсь отныне
    всецело, Надежда,
И чтоб не случилось,
    мне будет не страшно с тобою!

Слон в посудной лавке

Оказался слон в посудной лавке.
Кто ему туда войти помог?
Сразу опустели все прилавки,
Ну а что ещё он сделать мог?

Ясно, перебита вся посуда!
Как-то всё же выгнали его.
Вымахает этакое чудо,
Как гора! Зачем и для чего?

Не хотел он бить посуду. В этом
Никого смысла нет слону.
Я бы защитил его—да, где там—
Легче доказать его вину!

Друзья

В друзья идут, кому не лень—
Легко считаться другом.
Но лишь наступит чёрный день—
Друзья шмыгнут за угол!

И ты останешься один.
Теперь живи беспечно:
И сам себе ты господин,
Ну и слуга, конечно.

Но лишь уйдёт твоя беда,
Не в долговой ты яме,
Сам не заметишь ты, когда
Вновь обрастёшь друзьями!

Они мгновенно тут как тут,
Зовут тебя: «Дружище».
Дела вдруг снова не пойдут—
Их днём с огнём не сыщешь.

Но как нам можно жить без них?
Ведь каждый друг—приятель.
Всегда проводишь с ними дни,
А кто из них предатель?

Не искушай свою судьбу,
И правду знать не пробуй.
Когда умрёшь, то кто-нибудь
Из них пойдёт за гробом.

К поэту

Нелегка судьба поэта:
Муза может улететь.
Тем полно: зима и лето,
А ещё и жизнь, и смерть.

И коварства, и измены,
Про любовь хоть век пиши!
Если хочешь, с Мельпоменой
На театре согреши.

Ну а к старости на прозу
Вдруг потянет жизнь сама.
Так что «розы» и «морозы»
Перестанешь рифмовать.

Аполлон тебя не просит
Слышать звонкой лиры глас.
Не писать ты можешь вовсе,
Раз есть пропуск на Парнас!

Во сне и наяву

Лук согнул я добротный,
Да, судьба подвела:
Почему-то в болото
Улетела стрела.
Там лягушки-царевны
Окружили меня,—
Так не могут деревья
Убежать от огня.
Что мне бедному делать?
Всюду кочки да пни…
Я не бегал от девок—
Чаще бегал я к ним.
А царевны-лягушки
Тянут вниз за полу:
«Не томи ты нам души,
Хоть одну поцелуй!»
Стало жутко и душно,
Я проснулся едва.
Вдруг услышал с подушки,
Очень нежное: «Ква!»

Олег Мошников

И любовью я буду оправдан…

Бабушкины внуки

детям кинотеатра «Сампо»…

Наш двор заводской —
«городской муравейник»:
ну как тут домами дружить понарошку?..
Три друга со мною и пятый — репейник! —
на первый сеанс успеваем в киношку.

Сегодня — мультфильмы.
А завтра — войнушка:
Заветные кадры, и новые роли…
Куда? — развернёт билетёрша-старушка.
— Мы внуки буфетчицы бабушки Оли!

Один-то похож…
Остальные — не очень.
А пятый — верзила двенадцатилетний!
Но — «бабушка Оля» — пароль, между прочим,
Весомый, весёлый, всегда — безбилетный!

Волшебно
пломбирные шарики тают…
Успели в ногах, на полу извертеться!
Притушены лампы. Портьеры взлетают…
И так — до сих пор — сладко ёкает сердце!

● ● ●

Долго-долго сын не засыпал…
Зачастила на сердце тревога.
Дом затих. Но сон не наступал.
Всё темней осенняя дорога…

Встать под утро, ожидая снег,
Первого свечения предзимья.
Ожиданью *света* отдан век
И любви, случившейся, во имя —

Отойдёт пожухлая волна,
Захрустит окалиной калина;
И ещё прозрачней — от окна —
Мягкий свет у изголовья сына.

Запустенье озаряет свет,
Темноту душевную — без края! —
Детским сном
Желанный первый снег
Непокой осенний укрывает.

Игрушки

Я над будущим тайно колдую…
Анна Ахматова

В таинственном пространстве между строф,
В смятении несказанного слова —
Есть приворот на счастье и любовь,
Когда мечта всему, всему основа:
За избранною книгою всю ночь —
Прочь города, столетия, идеи!..

Ещё дитя, вы силитесь помочь
В убранстве ёлки — и уже надели
На веточки стеклянные шары,
Матросика, бумажные медали —
На цыпочках, по правилам игры
Вы мандарин подвешенный достали…

Судьба ли позаботилась о том,
Чтоб гул войны игрушки пережили?
Их привезли в заснеженный детдом,
Осиротевшим детям подарили.
И девочка подарок сберегла,
И правнучка игрушки сохранила:
Сиреневый матросик из стекла,
Фонарика рождественская сила
И первую любовь, и первый дом,
Передают желания сторицей!..

Ахматовой распахивая том,
Гадаю на открывшейся странице
И слышу восклицанье: «Новый год!»
Сверкает ёлка. Звякает посуда.
И хрупкая, как наша вера в чудо,
Мне девочка игрушки подаёт.

● ● ●

Осенний дым, пылающие листья…
Когда б заря на время запоздала,
Сама Земля — сияющим, лучистым
Листом кленовым в небе заблистала!

Но стоит только ветру разозлиться,
Тряхнуть листвой, золой, пустым кисетом —
Не растворятся сумерки с рассветом,
Когда угаснут солнечные листья…

● ● ●

Спросишь, как я провёл это время?
Я и вправду — не всё рассказал…
Будто вечность прожил в ноябре я
Без тебя… Открывая глаза,

Видел: улиц осенних неблизость,
Беспросветную хмарь декабря,
В январе новогодним сюрпризом —
Выпал снег… Ожидая тебя,

Не зашторил окно перед вьюгой.
Помаленечку сводит с ума
Полумесяц, очерченный кругом…
Ты вернёшься — вернётся зима,

Обернётся в пуховой накидке
Вся в сверкающе белом земля! —
Ты, конечно, поймёшь по улыбке —
Всё, о чём не сказал тебе я.

И любовью я буду оправдан,
И свершится судьбы волшебство:
Открываю глаза и — ты рядом,
Ты — Желанье, Звезда, Рождество!

● ● ●

И посадский платок к лицу,
И простой васильковый узор…
И идёт Золотому кольцу,
Городам русским — чист-подзор

Медных листьев, крестов в облаках…
Эта роспись осенних дней
Будет тлеть и тускнеть в веках —
Только свет от неё сильней.

На Нерли, Верее, Оке
Русь узорным платком легла:
Золотое кольцо — на руке,
В сердце — белые купола.

● ● ●

Всё, лечу,
лечу — в Союз!
Времена пришли другие…

Я — стихами к вам вернусь,
С чемоданом
Ностальгии,
Добрых книг, прямых дорог,
Передачей тёти Вали!..

До щелчка закрыв замок,
В довоенном кинозале
На чапаевском коне
Пронесусь —
Сквозь фильм любимый!

Рядом с кедами — на дне —
Детский меч
Непобедимый.

● ● ●

Однообразную дорогу,
Рессор скрипучие весы —
Не замечаю…
Слава Богу! —
У серых суток —
Есть часы,
А там минуты…
Стрелку тронув,
Секунды милые тихи:
Мир замер…

Сын по телефону —
Читает новые стихи.

Николай Ерёмин

Явление

На Руси

Днём в охотку потрудиться,
Чтобы дома не сердиться
И под вечер—благодать!—
Горькой водочки напиться…
На ночь сладким сном забыться…
Век бы снов бы не видать!..

Утром встать, опохмелиться…
И, чтоб смерти не случиться,
На икону помолиться…
Дальше жить да поживать…
Ах, чего ещё желать?
Не желай и не проси,
Коль родился на Руси…

Медитация

—Что не делается—к лучшему…—
Здесь, где все—за одного,
Долго, у речной излучины,
Медитациям обученный,
Я не делал ничего!—
Вот и сослан был в Китай…—
Мне признался Чи-Мон-Цай…
—Там, в делах, среди забот,
Я трудился целый год,
Хоть безделье обожал…
И—вернулся… Нет,—сбежал!
Чтоб—за всех до одного—
Вновь не делать ничего,
Постигая высший смысл
Сокровенных слов и числ…
Как велит средь бытия
Медитация моя…

• • •

Давай с тобой свернём с дороги—
И сядем
В сонную траву…

Пусть руки отдохнут и ноги—
Во сне,
Как будто наяву…

Давай у речки посидим—
И друг на друга
Поглядим…

• • •

Вот и умер певец—песня спета…
Вот и умер поэт—
Нет стихов…

Над погостом—молчанье рассвета…
Светит солнце:
—А ты кто таков?

Сочини-ка стихи!
Песню спой!
Докажи, что и вправду—живой…—

И опять
В Енисейском краю
Я—для тех, кто родился,—пою…

Музыка Морриконе

Итальянец,
Музыкант в законе,
Гений композиций и скрипач,

Всю-то ночь
Играл мне Морриконе
Посреди сибирских снежных дач…

И твердил,
Заметив, что я плачу:
—Николай, пожалуйста, не плачь…

Ты ещё вернёшь себе удачу…
Успокойся,
Ты ж—поэт и врач!—

И под утро—
О, судьба моя!—
Был спокоен, как покойник, я…

Только тихо плакал
Об ином
Итальянский ветер за окном…

• • •

В России время похорон…
Колокола со всех сторон…
И в гуще тополиных крон—
Хмельное карканье ворон…

Сила слова

Я счастлив,
Что разъехались враги…
И дорогие съехались друзья…

Не зря весь год:
— О, Боже, помоги! —
За тех и за других молился я…

И, глядя в небо,
Повторяю снова:
— Нет на земле сильнее силы слова!

Замысел Творца

И вдруг —
Становится понятным,
То, что казалось необъятным:

Волшебный замысел Творца,
Где нет начала
И конца…

Лишь мы с тобою —
Ты и я —
О, Муза милая моя…

И миг,
Где хочется опять
Всё необъятное объять…

Очарование

Очарован
Облаками
И журчащею рекой,

Я держу вино
В стакане
Вдохновенною рукой…

И вопроса нет: как быть —
Или пить,
Или не пить?

Где ныряет
В облака
Солнцелунная река…

Над бездной

А помнишь,
Мы одной тропой
Шли? —

Вот он — ты…
Я — за тобой…

Как по канату —
Жуткий путь! —
Где вправо-влево не свернуть…

За мигом — миг…
За словом — дело…

Казалось,
Что легко и смело
Пройдём сквозь страх, и стыд, и мрак…

А оказалось,
Что не так…

Переводы

Я себя перевёл
На английский,
На французский,
Немецкий,
Латинский…

Но,
Когда мне сказали:
— Орёл! —
Я
Обратно себя перевёл…

Снова

Снова
В каждом стихотворении
Ты живёшь!

Но в другом измерении…

Стихотворный размер
— О-го-го! —
Не способен измерить его…

Николай Переяслов

Судьба Раскольникова

Имя затерянного в лабиринтах российской истории революционера, писателя и дипломата Фёдора Фёдоровича Раскольникова выплыло из глубин многолетнего забвения благодаря публикации статьи о его удивительной судьбе, написанной доктором исторических наук В. Д. Поликарповым и напечатанной в июньском номере общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонёк» за 1987 год. Вместе с рассказом о бурных событиях жизни этого энергичного политика и литератора в печать были вынесены в эти дни почти никому до этого не известные две его политические работы — «Как меня сделали „врагом народа“» и «Открытое письмо Сталину», показывающие, что в 1930-е годы в Советском Союзе были политические силы, способные выступать против воцаряющегося в стране режима сталинского культа и сопровождающих его жестоких репрессий. Беглая информация об этих письмах впервые была озвучена в декабре 1963 года после решения пленума Верховного суда СССР, отменившего постановление 1939 года по «делу» Раскольникова «за отсутствием в его действиях состава преступления» и восстановившего его в рядах Коммунистической партии, которой он безоговорочно отдал 30 лет своей жизни. Полностью же советским читателям основные положения «Открытого письма Сталину» впервые стали известны только из упомянутой выше статьи Поликарпова «Фёдор Раскольников», и только потом уже появилось несколько её публикаций в периодической печати.

«Сталин, — писал ему Раскольников из Франции, — вы объявили меня „вне закона“. Этим актом вы уравняли меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом.

Ваш „социализм“, при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решёткой, так же далёк от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата <…>.

Что сделали вы с конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как „прыжка в неизвестность“, угрожавшего вашей личной власти, вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями вы бесшумно уничтожали «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяином земли советской является не Верховный Совет, а вы. Вы сделали всё, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм. Вместо того чтобы пойти по линии намеченного конституцией поворота, вы подавляете растущее недовольство насилием и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом вашей личной диктатуры, вы открыли новый этап, который в историю нашей революции войдёт под именем „эпохи террора“.

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста, никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели <…>».

Письмо это породило среди читателей самые что ни есть противоречивые суждения, столкнув между собой лбами сталинистов с антисталинистами, но правда в этом письме, конечно же, имела место, потому что всё то, о чём Фёдор писал в нём, он знал на собственной шкуре. Такой яркой судьбой, как у Фёдора Раскольникова, не могли бы похвастать ни один из его революционных соратников — ни Молотов, ни Калинин, ни Каганович, ни Орджоникидзе, ни кто-либо другой из его окружения. Даже сам Сталин выглядит на фоне деятельности Раскольникова весьма бледновато. А ведь, помимо революционной, боевой и политической работы, Фёдор Фёдорович в течение нескольких лет был секретарём знаменитой газеты «Правда», заместителем председателя Кронштадтского Совета военных депутатов, замнаркома

по морским делам, командующим Каспийской и Балтийской флотилиями, членом Реввоенсовета Республики, ответственным редактором ряда литературно-политических журналов и издательств, а также активным журналистом и писателем, выпустившим несколько публицистических книг и пьес, в последние годы работавшим полпредом Советской России в Афганистане, дипломатом в Эстонии, Дании и Болгарии. Он был правой рукой Ленина и Троцкого, отлично знал Сталина, был знаком с Буниным и Горьким, Пильняком и Есениным, Молотовым и Коллонтай, а также с множеством других русских и иностранных писателей, политиков, дипломатов, военных, актёров, музыкантов, художников, поэтов…

Фёдор Фёдорович Раскольников (настоящая фамилия — Ильи́н) родился 28 января 1892 года (по новому стилю — 9 февраля) в Санкт-Петербурге, в довольно сложной семье. Мать его, Антонина Васильевна Ильина, была дочерью генерал-майора, а отец — Фёдор Александрович Петров — протодиаконом Сергиевского всей артиллерии собора. Будучи церковным служителем, протодиаконом, отец Раскольникова уже состоял до этого в браке и поэтому не имел права венчаться вторично. Поэтому Фёдор и его младший брат Александр официально считались *внебрачными детьми*, живя с клеймом «незаконнорождённых», из-за чего они начали свою жизнь с острыми чувствами обиды. Они спокойно могли бы вписаться в столичную элиту: отец был популярным в Петербурге священнослужителем, мать — генеральской дочкой. Но боясь увольнения, протодьякон Фёдор Петров навещал семью только тайком, его невенчанной супруге Антонине пришлось целыми днями работать в лавке, а сыновей отдать в городской приют.

Вот «Автобиография» Раскольникова, собственноручно написанная им в 1913 году:

«Я, Фёдор Фёдорович Ильин, родился в 1892 году, 28 января, в г. С.-Петербурге, на Большой Охте, на Мироновой улице. Я — внебрачный сын протодиакона Сергиевского всей артиллерии собора и дочери генерал-майора, продавщицы винной лавки, Антонины Васильевны Ильиной. Узами церковного брака мои родители не были соединены потому, что отец, как вдовый священнослужитель, не имел права венчаться вторично. Оба были люди весьма религиозные и все 19 лет совместной жизни прожили крайне дружно. Отец родился в 1846 году в селе Кейкино, Ямбургского уезда, Петербургской губернии, а мать является уроженкой С.-Петербурга, дата её рождения — 3 июня 1865 года. Отец скончался 12 апреля 1907 года; он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе бритвой сонную артерию. Причиною смерти послужила боязнь обыска и опасение судебного привлечения и широкой публичной огласки компрометирующего свойства вследствие подачи его прислугою жалобы в СПБ окружной суд об её изнасиловании отцом. По признанию отца и лиц, его окружавших, жалоба была неосновательна. Защитником был приглашён присяжный поверенный Николай Платонович Карабчевский и его помощник — помощник присяжного поверенного Атабеков. По мнению адвокатов, исход дела был безнадёжен для предъявительницы обвинения вследствие полного отсутствия улик и очевидцев-свидетелей. Но отец не дождался судебного разбирательства и на 62-м году порвал счёты с жизнью. По свидетельству всех знавших покойного, он обладал мягким характером и выдающимся голосом. Мать жива и в настоящее время; она служит продавщицей казённой винной лавки №148, помещающейся на Выборгской стороне, в Финском переулке, в доме №3. Оклад её содержания — 750 рублей в год; кроме того, она пользуется казённой квартирой в 3 комнаты, имея готовое освещение и отопление.

Формально я крещён по обряду православного вероисповедания, но фактически уже около 10 лет являюсь безусловным и решительным атеистом. Разумеется, никогда не говею и никогда не бываю в церкви. Что касается истории рода, то хотя и интересуюсь генеалогией своего родословного древа, но деятельностью предков никогда не кичусь, помня золотые слова Сумарокова (или Хераскова): «Кто родом хвалится — тот хвалится чужим». Предпочитаю направлять свою личную и общественную деятельность таким образом, чтобы она сама и её результаты, а не доблестные деяния родоначальников, служили предметом счастливого самоудовлетворения и упоительной гордости. Со стороны отца предки ничем не прославились, так как свыше 200 лет священнослужительствовали в Петропавловской церкви села Кейкино Ямбургского уезда Петербургской губернии. Помимо отца, мой дед Александр Фёдорович и мой дядя Николай Александрович Петровы также покончили жизнь самоубийством, как передают, из-за женщин. Предшественники отца, как рассказывают, происходят из рода дворян Тимирязевых, впоследствии получили фамилию Осторожновых и лишь в сравнительно недавнее время были переименованы в Петровых, по имени одного из святых, которым посвящён Кейкинский храм. Мой род с материнской стороны, фамилию которого я ношу, более знаменит в истории России. По женской линии наш род ведёт своё происхождение от князя Дмитрия Андреевича Галичского. В XV и XVI столетиях мои предки занимали придворные должности и служили стольниками, чашниками, постельничими и т. п. Мой прапрадед, Дмитрий Сергеевич Ильин, отличился в царствование Екатерины II, во время Чесменского сражения 1770 года, тем, что геройски потопил несколько турецких судов.

В честь его был назван минный крейсер береговой обороны Балтийского флота «Лейтенант Ильин», который в настоящее время относится к разряду судов устаревшего типа и передан в распоряжение Морского училища дальнего плавания императора Петра I. Мой прадед, Михаил Васильевич Ильин, был подполковник морской артиллерии, оставивший после себя несколько научных специальных исследований, о которых упоминается в критико-биографическом словаре русских писателей и учёных, в энциклопедическом словаре и во многих других изданиях. Скончался М.В. Ильин в 1849 году. Мой дед, отец матери, Василий Михайлович Ильин, артиллерийский генерал-майор, был преподавателем Михайловского артиллерийского училища и умер в 1885 году.

Кроме меня, у моей матери есть ещё один сын, Александр, родившийся 16 ноября 1894 года. Привлечённый по делу организации учащихся в средних учебных заведениях (т. н. «процесс витмеровцев»), он в 1912 году был исключён из VIII класса Введенской гимназии без права поступления. В настоящее время он является стипендиатом московского миллионера Николая Александровича Шахова, живёт за границей и состоит студентом Женевского университета…»

Когда Фёдор-младший заканчивал школу, его отец, обвинённый в изнасиловании служанки, наложил на себя руки. (Вспомним отмеченных в его автобиографии деда и дядю будущего героя революции, которые в своё время тоже покончили с собой из-за женщин!) От «свинцовых мерзостей жизни» подросток прятался в книги, отождествляя себя с их героями—жертвами несправедливости, мстящими потом за обиды своей судьбе и обидчикам.

В 1909 году Фёдор поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского Политехнического института, а уже в декабре 1910 года он становится членом партии РСДРП, ссылаясь на совместную работу с В.М. Молотовым в «большевистской фракции Политехнического института», где он сразу же включился в революционное движение. Вскоре он начал и свою литературную работу в легальной газете большевиков «Звезда», а затем и в газете «Правда». Свои статьи и заметки он подписывал псевдонимом «Раскольников», который и стал его фамилией после состоявшейся революции.

За свои острые статьи Фёдор был арестован и приговорён к трём годам ссылки, но мать, подняв свои «генеральские» связи, сумела оставить его в столице на лечение. А вскоре его вообще амнистировали в связи с празднованием 300-летия дома Романовых.

После окончания института Фёдор не стал работать по инженерной специальности, а продолжил свою журналистскую деятельность в газете «Правда» и журнале «Просвещение», где раньше он уже печатал свои большие и серьёзные статьи.

Брат Фёдора—Александр, тоже большевик, за свою политическую деятельность был исключён из гимназии и поэтому уехал доучиваться в Швейцарию, за что и получил псевдоним Ильин-Женевский.

Согласно партийной линии, от Первой мировой войны молодой Фёдор уклонился, поступив в школу гардемаринов. На учебном судне он отправился в Японию и провёл в плаваниях полтора года. Февральские события застали недоучившегося мичмана врасплох, как и саму царскую власть, до последнего дня уверенную, что народ ей предан. Для Фёдора, скучавшего в холодных гардемаринских классах, революция стала самым настоящим праздником.

После Февральской революции он стал заместителем Председателя Кронштадтского совета, а после июльского кризиса был арестован, посажен в «Кресты» и освобождён оттуда только 13 октября 1917 года.

Мало кто знает, что в момент октябрьского переворота в октябре 1917 года, когда судьба восстания и большевиков висела на волоске, Раскольников самовольно покинул Смольный и скрылся в неизвестном направлении. Впоследствии своё неучастие в этом историческом событии он оправдывал внезапной «инфлюэнцей». Сразу же после Октябрьской революции Раскольников оказывается снова на коне и вместе с матросом Железняковым разгоняет Учредительное собрание. Он же руководил расстрелом рабочей демонстрации в поддержку Учредительного собрания; балтийские матросы неоднократно открывали пулемётный огонь по его приказу. По разным данным, было до 2500 убитых и раненых. «Там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе»,—говорил о нём Владимир Ленин.

В дни Октябрьской революции Фёдор принимал участие в подавлении похода Краснова-Керенского на Петроград, участвовал в боях в Москве. В январе-марте 1918 года он—активный участник попытки красных захватить власть в Финляндии: вместе с П.Е. Дыбенко он участвовал в организации Красного террора в Хельсинки. Именно он придумал езду на санях по телам приговорённых—таким было его с Дыбенко любимое «развлечение».

Весной 1918 года Раскольников был назначен комиссаром Морского генерального штаба и заместителем наркомвоенмора Троцкого по морским делам. Флотских дел он практически не знал, и вся его работа на этой должности свелась к поиску «изменников» среди морских офицеров. Расстрел командующего Балтийским флотом адмирала Щастного—тоже его «заслуга» совместно

с Троцким. Аналогичная участь постигла и многих других морских офицеров.

На этой же должности он выполнял поручение Совнаркома по затоплению кораблей Черноморского флота в июне 1918 года, предотвратив их интернирование немцами. Операция была необычайно опасной для его жизни. Он был послан Лениным с чрезвычайным мандатом для выполнения задачи, против которой выступало большинство моряков и офицеров флота, которые предлагали другие варианты решения проблемы — например, перебазирование флота в нейтральные порты. Раскольников любым средствам переубеждения предпочёл насилие: несогласных с затоплением флота объявлял «врагами революции» со всеми вытекающими последствиями. Таким способом он сумел переломить настроение моряков, и русские корабли легли на дно Цемесской бухты.

С июля 1918 года Раскольников — член Реввоенсовета Восточного фронта, командовал Волжской флотилией, где он так активно искал «врагов», что флотилия едва не перешла на сторону белых, так что Ленину пришлось его оттуда срочно убрать.

В августе 1918 года Фёдор становится командующим Волжской военной флотилией. С подачи Льва Троцкого он решает обрушить красный террор на весь военно-морской флот и 20 августа 1918 года телеграфирует из Нижнего Новгорода в Москву ещё одному известному троцкисту — Антонову-Овсеенко: «Всех военных моряков, отказывающихся идти на Чехословацкий фронт, следует незамедлительно увольнять со службы и отправлять в Свияжск в распоряжение товарища Троцкого для предания суду Революционного трибунала».

Даже на фоне всех ужасов Гражданской войны кровавые расправы Троцкого над красноармейцами в 1918 году в Свияжске стоят на особом месте. Ни до, ни после этого в Красной армии не было таких жутких массовых казней. А потому приказ Раскольникова присылать провинившихся военных моряков к Троцкому в Свияжск на расправу был равносилен подписанию им смертного приговора.

10 сентября 1918 года Раскольников участвовал во взятии Казани и последующем походе Волжской флотилии по Каме для освобождения заключённых на «барже смерти». В эти дни он является активным участником Красного террора в Казани и кровавого подавления Ижевско-Воткинского восстания рабочих против голода и репрессий. Никакого отношения к органам ВЧК или к ревтрибуналам Раскольников не имел, что не мешало ему отдавать самочинные приказы о расстрелах, в том числе больших групп лиц. За это Троцкий сделал его членом Реввоенсовета Республики.

Апофеоз службы Раскольникова на Волжской флотилии получился скандальным. После падения Казани флотилия, возглавляемая Раскольниковым, не оказав никакого сопротивления белым, самовольно покинула боевые позиции и ушла в тыл. Что касается самого Раскольникова, то он, говорят, бросив на произвол свою флотилию, вообще постыдно сбежал, да так, что его долго не мог найти ни главком Вацетис, ни штаб 5-й армии в Свияжске, ни собственная жена Лариса Рейснер, отправившаяся на поиски мужа в Казань под видом жены офицера. За трусость и бегство с поля боя Раскольнику грозил расстрел. Однако его спас Троцкий, вняв просьбам своей любовницы Ларисы Рейснер, которую он к этому времени уже пристроил замуж за Раскольникова.

26 декабря того же 1918 года Раскольников был взят в плен британскими моряками во время похода советских миноносцев «Автроил» и «Спартак» на Таллин. Этот поход закончился пленением обоих кораблей со всеми их экипажами. После этого Фёдор содержался в Брикстонской тюрьме Лондона, а 27 мая 1919 года в посёлке Белоострове под Петроградом он был обменян на группу арестованных граждан Британии.

После освобождения из британского плена, 10 июня 1919 года Раскольников был назначен командующим Астрахано-Каспийской военной флотилией, а уже 31 июля 1919 года — командующим Волжско-Каспийской военной флотилией, после чего он участвовал в обороне Царицына и высадке десанта в иранском порту Энзели с целью возвращения оттуда угнанных белогвардейцами кораблей каспийского флота. За эту операцию он был награждён орденом Красного Знамени.

На посту командующего флотилией Раскольников ничем себя не проявил. Единственное, что под его началом было проведено похищение баржи с пленными красноармейцами и арестованными уголовниками у белых под Сарапулом. Этот случай, не имеющий никакого отношения к боевой деятельности флотилии, был разрекламирован на всю страну, как необычайная по смелости и дерзости операция. Чтобы увеличить эффект пиара, Раскольников сам писал статьи о себе, без всякого стеснения прославляя в них собственный героизм. На самом деле ничего подобного не было. Баржу с арестованными охраняли всего несколько старых солдат, которые без всякого сопротивления сами подали буксирные концы на пароход Раскольникова. Надо отдать должное, что, будучи, неплохим журналистом, Раскольников прекрасно понимал значение газетного слова и умело этим пользовался. Пленение баржи было возведено им и Троцким в ранг блестящей оперативной операции. И награда — второй орден Красного Знамени — не замедлила себя ждать.

С июня 1920 по март 1921 года Фёдор Фёдорович являлся командующим Балтийским флотом, о чём остались двойственные воспоминания. Во время его деятельности на флоте он и его жена,

писательница Лариса Рейснер, прототип женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, отнюдь не были такими аскетами, какими представлены большевики в благонамеренной пьесе. Как писал в своём рапорте в Петроград председатель Кронштадтского отдела трибунала Балтфлота Ассар, они жили в роскошном особняке, держали прислугу и ни в чём себе не отказывали, Матросов же Фёдор Фёдорович считал людьми второго сорта. Даже на камбуз установил своеобразную сегрегацию. Когда Раскольников со штабом на яхтах прибывали в Кронштадт, для рядовых военморов готовили суп с селёдкой или воблой. Для штаба и начальствующего состава — полный обед из трёх блюд, причём суп — с мясом. Для самого же Раскольникова и особо приближённых к нему лиц готовили настоящие деликатесы. Он сменил две трети командиров и комиссаров флота, назначив людей по принципу личной преданности, а не по профессиональным качествам. На линкоре «Петропавловск» комиссару флота Николаю Николаевичу Кузьмину моряки жаловались, что Раскольников и его окружение чаще инспектируют винные погреба, чем пороховые. Они требовали создать специальную комиссию для обследования квартир своих командиров и комиссаров, не без оснований подозревая, что там найдутся не только предметы роскоши, но и продовольственные запасы, не дошедшие до матросского котла.

При всём при том личные качества Фёдора Фёдоровича были по достоинству оценены Лениным и высшим руководством страны, и когда в 1921 году потребовалось ликвидировать контрреволюционный кронштадтский мятеж, то в помощь командарму Тухачевскому придали несколько «верных товарищей», в том числе и Раскольникова. Вместе с Дыбенко Фёдор участвовал в жестоком подавлении Кронштадтского восстания и несколько десятков смертных приговоров, вынесенных Дыбенко, он исполнил лично. Очевидцы утверждают, что Раскольников в это время очень сильно пил и то и дело цитировал Достоевского. После этого Дыбенко написал рапорт о его отозвании с флота, и Троцкому пришлось к этому рапорту прислушаться, поскольку состояние Фёдора начало внушать опасения и ему самому.

Ещё во время своей деятельности в Кронштадте Раскольников женился на знаменитой революционерке и поэтессе, «валькирии революции» — Ларисе Рейснер, бывшей ранее любовницей известного поэта Николая Гумилёва, расстрелянного в 1921 году за контрреволюционную деятельность, а также любовницей Льва Давидовича Троцкого. В 1932 году Лариса стала героиней пьесы известного писателя-драматурга Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия», которая уже на следующий год была поставлена в московском Камерном театре режиссёром А. И. Таировым и стала ярким явлением в советской драматургии 1930-х годов. А уже после войны поэт Борис Пастернак в память об ушедшей в 1926 году Ларисе Рейснер дал её имя — Лара — героине своего знаменитого романа «Доктор Живаго». А многочисленные эпизоды героической жизни Фёдора Фёдоровича Раскольникова легли в основу целого ряда советских кинофильмов и постановок — таких, как «Миссия в Кабуле», «Гибель эскадры», «Разлом» и та же самая «Оптимистическая трагедия», в которой была изображена Лариса Рейснер и, отчасти, он тоже.

Но в 1923 году, находясь вместе с Раскольниковым на дипломатической работе в Афганистане, Лариса вдруг узнала, что едва ли не главную роль в смерти её любимого поэта Гумилёва сыграл не кто-нибудь, а именно её муж, написавший на него в 1921 году из-за своей ревности расстрельный донос в ЧК, и поэтому она решительно бросила Фёдора в Кабуле и уехала назад в Россию, где быстро оформила с ним развод и начала (вероятно, в виде мести за этот его донос на Гумилёва) жить с некрасивым, женатым, но остроумным Карлом Радеком, являвшимся тогда членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел РСФСР.

В 1924 году Раскольников отзывается в СССР из Афганистана и в течение последующих шести лет — до 1930 года — работает редактором журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь», а также главным редактором издательства «Московский рабочий». Возится с беспомощными рукописями рабочих, которые он сам много правил, вытягивая их рассказы, статьи и очерки. Дал путёвку в жизнь группе комсомольских поэтов — Безыменскому, Жарову, Светлову и Михаилу Голодному. Печатал писателей из разных литературных группировок — «Перевала», «Кузницы», «Серапионовых братьев», печатал также «попутчиков», при этом тон в литературе задавали профессиональные писатели из интеллигенции, из-под пера которых выходили повести и поэмы, привлекавшие многих читателей. Не печатай их произведений — никто бы не стал читать и эти сами журналы, заполненные красными агитками.

Какое-то время Раскольников руководил издательством «Московский рабочий» и здесь старался в первую очередь издавать писателей пролеткультовского толка — Либединского, Фадеева, Фурманова или близких пролеткульту по духу таких маститых авторов, как Маяковский, Демьян Бедный, Серафимович.

Однако впоследствии ему пришлось пересмотреть свой взгляд на литературный процесс и признать, что теория пролеткульта нуждается в серьёзной корректировке.

В 1928–1930 годах он становится начальником «Главискусства», членом коллегии «Наркомпроса» и председателем «Главреперткома». Под его

непосредственным руководством были запрещены к показу пьесы Михаила Булгакова и проводилась конъюнктурная правка произведений писателей.

В 1934 году его принимает в свои члены только что созданный в СССР Союз советских писателей, который провёл в Москве свой I Съезд.

Первое время по возвращении из Кабула в Москву Фёдор Фёдорович долго страдал из-за случившегося между ним и Ларисой разрыва, но потом понемногу успокоился и сошёлся с сотрудницей литературно-художественного журнала «Прожектор» Наташей Пилацкой. Но жизнь у них почему-то не сложилась, и вскоре они разошлись, а в 1930 году Раскольников женился на молоденькой красивой студенточке с красивым именем Муза. Её-то он и увёз с собой сначала в Эстонию, а затем в Бельгию и в Болгарию, куда его направили работать полномочным представителем СССР и где они потом жили до самого их бегства в Париж, скрываясь там от требований власти срочно вернуться в Россию, где ему (а скорее всего, и ей за компанию) грозил арест и, вероятнее всего, расстрел.

Во время работы Раскольникова в Софии болгарская полиция зарегистрировала в качестве посетителей советского посольства более 100 представителей болгарской творческой интеллигенции — они неизменно составляли большинство на всех советских приёмах. В полицейском досье на советского полпреда подчёркивается, что Раскольников пользуется расположением творческой интеллигенции и журналистов как человек «по-настоящему интеллигентный и культурный».

Раскольникова осаждают просьбами дать свои произведения для издания на болгарском языке, разрешить постановку его пьесы «Робеспьер», болгарские литераторы присылают ему свои труды на рецензию.

Но всё это — только беглые штрихи к его буйной и густо насыщенной различными событиями биографии, погружение в которую впечатляет не меньше, чем некоторые авантюрно-приключенческие фильмы или книги. Он ведь и сам был довольно неплохим писателем, написавшим несколько биографических книг о революции, гражданской войне, революционных моряках и других острых темах 1920—1930-х годов. Это такие книги, как «Кронштадт и Питер в 1917 году», «Рассказы мичмана Ильина», «Афганистан и английский ультиматум», «Кронштадтцы: Из воспоминаний (1917)», «Рассказы комфлота», «Пробудившийся Китай», пьесы «Робеспьер» и «Воскресенье», а также множество других публицистических, исторических и биографических работ.

Сохранилось также много неопубликованных рукописей Раскольникова, которые посвящены литературным проблемам и таким писателям, как Достоевский, Маяковский, Эренбург, Есенин и другие, а также международным темам, и в частности, разоблачению таких фашистских диктаторов, как Муссолини, Гитлер и Пилсудский. Среди его рукописей имеется и такая любопытная работа, как «Очерки по истории цензуры XX века». В литературных архивах Фёдора Раскольникова хранятся также сделанные им вполне приличные переводы болгарских поэтов, а также до сих пор нигде ещё не печатавшиеся его собственные стихи.

Принадлежность Раскольникова к числу профессиональных авторов сомнений не вызывает, достаточно раскрыть любую из его книг или статей, и станет отчётливо видно, что перед нами — настоящий писатель. «Три миноносца, как чёрные лебеди, плывут по широкой и многоводной Каме, — поэтически начинает он свой материал „Люди в рогожах“, посвящённый рейду большевистских военных кораблей к Казани. — Острые форштевни узких миноносцев с лёгким журчащим плеском рассекают гладкую тёмно-синюю воду. В стройной кильватерной колонне головным идёт „Прыткий“, за ним „Прочный“ и, наконец, замыкает шествие „Ретивый“. Тёмная, беззвёздная осенняя ночь окутывает реку непроницаемой мглой. Изредка мелькают красноватые огни прибрежных сёл и деревень.

Тихо подрагивает стальной корпус военного корабля. В душном и грязном котельном отделении кочегары, мускулистые, как цирковые атлеты, сняв рубахи, ловко подбрасывают в открытые топки тяжёлые лопаты мелкого каменного угля. Машинисты осторожно, не спеша, выливают из длинных и узких горлышек маслёнок тёмное и густое смазочное масло на легко ныряющие быстрые поршни.

На высоком мостике головного миноносца рядом со мной, держась за рога штурвального колеса и зорко вглядываясь в ночную мглу, стоит рулевой. Старый лоцман с длинной седой бородой, достигающей пояса, в чёрном поношенном картузе и долгополом пальто похож на старообрядца-начётчика…»

А с какой любовью Фёдор Фёдорович Раскольников рисует в одной из своих книг образ Владимира Ильича Ленина! Страницы, посвящённые его приезду в Петроград, его кипучей деятельности по руководству восстанием и описание встреч с Владимиром Ильичом в Центральном Комитете партии и редакции «Правды» — пожалуй, одни из самых лучших мест в его литературном наследии.

Но самые весомые, смелые, отчаянные и в то же время вызывающие неистовые споры работы Раскольникова — это два его публицистических письма, одно из которых называется «Как меня сделали „врагом народа“», а второе — «Открытое письмо Сталину». Каждое из этих писем дышит обжигающей правдой, свидетельствуя о том, что

Раскольников уже давно видел психопатические особенности сталинского характера, власть которого держалась исключительно на растущем в государстве массовом страхе, внедряемом в людей постоянно угрожающими им огромными лагерными сроками да расстрелами. Правда, в этих невероятно смелых письмах почему-то нет ни малейшего намёка на причастность самого Раскольникова к тем невиданно жестоким репрессиям, которые щедро сеял в стране Иосиф Сталин. Ведь он тоже принимал в них не последнее участие…

В архивных недрах ВКП(б) находится досье на Фёдора Фёдоровича Раскольникова с такой характеристикой: «Неглупый человек. Достаточно отшлифован для своей дипломатической карьеры и умеет держаться в любом обществе. Он прекрасно знает, что нарушение общепринятых правил этикета, которое он себе позволит, ему простят как дипломату новой формации, а известными кругами это будет даже приветствоваться. Энергичен. Для чисто партийной работы в Советской России он не был бы годен, так как он ближе к буржуазии, чем к пролетариату. Он предан пролетариату только до тех пор, пока пролетариат связывает его с прошлым и позволяет вести ему буржуазный образ жизни».

Неоднократно вызывавшийся по требованиям власти в Москву, Фёдор Раскольников всячески затягивал своё возвращение домой, опасаясь царящих в стране репрессий, но 1 апреля 1938 года он всё-таки выехал из Софии на Родину. Но ехал почему-то так медленно, что 6 апреля 1938 года «Правда» не выдержала и опубликовала сообщение об освобождении его от обязанностей полномочного представителя СССР в Болгарии. Узнав об этом, Раскольников в Москву не поехал, так как понимал, что его возвращение закончится арестом и, скорее всего, расстрелом. Поэтому через Берлин он с женой проследовал до Брюсселя, а спустя несколько недель обосновался в Париже. Писал оттуда Сталину письма, требуя для себя открытого суда. Впоследствии он был заочно исключён из партии, а 17 июля 1939 года Верховный суд СССР объявил Раскольникова «вне закона» и лишил его советского гражданства и всех правительственных наград, что несло за собой высшую меру наказания. Проект этого приговора утвердили непосредственно Сталин и Молотов.

В качестве реакции на этот жест Москвы Раскольников публикует на страницах парижской эмигранткой газеты Милюкова «Последние новости» своё отчаянное письмо «Как меня сделали „врагом народа“», после чего работает над ещё более дерзким посланием под названием «Открытое письмо Сталину», в котором он обличает антинародную деятельность Иосифа Виссарионовича и чинимые им массовые репрессии в отношении «большевистской гвардии».

Опасаясь мести вождя, Раскольников с Музой уехали из Парижа на Лазурный берег и там постоянно перемещались из одного прибрежного городка в другой, чтобы их нигде не засекли посланники Берии. Но они их, похоже, всё-таки выследили. И 12 сентября 1939 года в Ницце при невыясненных обстоятельствах Раскольников выпал из окна частного госпиталя, в котором он прятался от начатой на него Сталиным охоты, и разбился насмерть. Согласно одной из распространившихся в газетах версий, он таким образом был убит вышедшими на его след агентами НКВД, одним из которых был муж поэтессы Марины Цветаевой — Сергей Эфрон, хорошо знавший Францию и владевший французским языком, а потому специально для этой цели направлявшийся из Москвы на Лазурный берег для поисков Раскольникова. Впоследствии по выполнении смертного приговора обидчику вождя он тоже был уничтожен организацией Лаврентия Берии.

Александр Ломтев

Шарф Шульгина

(История одной неудачи)

С первыми мартовскими днями неприметный старик со снежно-белой бородкой выходил из четырёхэтажного дома №1 по улице Фейгина на раскисшие улицы Владимира и бродил по сырому тротуару, совершенно уйдя в себя. В эти начальные весенние дни воспоминания особенно сильно волновали его душу.

Случайные прохожие сторонились, давая задумавшемуся старичку дорогу, и тут же забывали о нём. Ах, если бы они знали, что за старик повстречался сейчас на их пути! А ведь это был Василий Витальевич Шульгин — русский националист и монархист, яркий политический и общественный деятель, писатель, публицист, депутат Государственной думы трёх созывов, один из организаторов и идеологов Белого движения. Тот самый Шульгин, который в марте 1917 года принимал отречение из рук последнего императора России Николая II…

— Поехали в Смоленск! Не пожалеешь! — подбивал меня интересный человек Игорь Макаров. Историк-балканист, журналист, писатель, сагитировавший меня однажды таким же вот образом на поездку в Косово как раз в тот момент, когда Косово отделялось от Сербии и нам с трудом удалось выбраться оттуда; в девяностые Игорь слыл монархистом, но потом остыл к этому делу и увлёкся Балканами. — Поехали, там живёт брат соседа Василия Шульгина, и он обещал подарить мне его шарф.

Брат соседа… его шарф… монархист Шульгин… У меня всё это как-то не укладывалось в сознании и Игорь нетерпеливо растолковывал:

— Ну как же, Шульгин после отсидки во Владимирском централе поселился тут же во Владимире. На Фейгина, один. А в соседнем подъезде жила семья Коншиных, и младший из братьев Коншиных как-то особенно подружился с Шульгиным, видимо, он чем-то понравился старику, да и помогал ему. И Шульгин подарил ему шарф. Сейчас он живёт в Смоленске…

— А ты-то с ним как познакомился?

— Да очень просто, поехал во Владимир искать материалы о Шульгине, нашёл дом, квартиру. Но там уже какая-то посторонняя женщина жила. Сказала, что ничего про Шульгина не знает. Тут какой-то старичок вышел из подъезда и сказал, что в соседнем подъезде живут люди, которые с Шульгиным общались.

Ну я к ним пришёл, а они сидят, водку пьют… Вот и познакомились. Как раз в это время младший брат — Николай Сергеевич — приехал из Смоленска старшего навестить. Вот младшему — Николаю — Шульгин и подарил шарф. Мы поговорили, и он сказал: приезжай ко мне в Смоленск, я тебе шарф Шульгина отдам на память, у меня ещё другие его вещи есть. Я с ним недавно созванивался, он подтвердил про шарф и обещал рассказать кое-что… Поехали?

— Поедем, но только как-нибудь позже, сейчас не могу — дел очень много…

Бикфордов шнур

Россия то ли скатывалась в пропасть, то ли карабкалась к новой, лучшей жизни. Монархия висела на волоске, это понимал каждый более или менее серьёзный российский политик. И у каждого был свой рецепт спасения империи. Был он и у Шульгина.

К роковому марту семнадцатого он пришёл, имея за плечами службу в армии, работу в сельском хозяйстве и зерновой торговле; он писал приключенческий роман и публицистические статьи, участвовал в усмирении еврейских погромов и был почётным мировым судьёй и земским гласным, членом трёх Дум и сторонником Петра Столыпина, был приговорён судом к тюремному заключению сроком на три месяца, от «отсидки» которого его спасла лишь депутатская неприкосновенность. Он ушёл добровольцем на Первую мировую и был ранен в атаке под Перемышлем.

Худощавый, несколько даже интеллигентски-субтильный, он не выглядел жёстким человеком. Однако не зря думские противники прозвали его «Очковая змея», а Пуришкевич написал на него эпиграмму: «*Твой голос тих, и вид твой робок, но чёрт сидит в тебе, Шульгин. Бикфордов шнур ты тех коробок, где заключён пироксилин*».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно он отправился с лидером партии «Союз 17 октября» Гучковым в Псков, на переговоры

с Николаем II. Шульгин искренне считал выходом из ситуации конституционную монархию во главе с наследником Алексеем при регентстве брата царя — великого князя Михаила Александровича. Ни Гучков, ни Шульгин не представляли тогда, что поджигают бикфордов шнур, что Россия вот-вот взорвётся…

Второго марта Шульгин и Гучков, четыре дня немытые и небритые (как вспоминал позже сам Шульгин, «*с лицом каторжанина, выпущенного из только что сожжённых тюрем*»), явились к царю. Их вид вызвал гнев свиты, из-за чего между Шульгиным и ортодоксальными монархистами возникла вражда, длившаяся долгие годы. Графиня Брасова написала, что Шульгин «*нарочно не брился… и… надел самый грязный пиджак… когда ехал к Царю, чтобы резче подчеркнуть своё издевательство над ним*».

Однако Шульгину с Гучковым ни в чём убеждать Николая не пришлось. Решение об отречении было уже принято. Даже привезённый ими проект акта об отречении не понадобился. Император сообщил, что у него есть его собственная редакция, которую он подписал и передал представителям Думы.

Выйдя из вагона, где проходили переговоры, Гучков патетически крикнул в толпу: «*Русские люди, обнажите головы, перекреститесь, помолитесь Богу… Государь император ради спасения России снял с себя своё царское служение. Россия вступает на новый путь!*»

В акте Николай, отрекаясь за себя и за сына, написал «*…Заповедуем брату нашему править делами государства в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу…*» Брат Михаил, однако, понимая, что опереться ему совершенно не на кого, в свою очередь, тоже отречётся. Шульгин и тут примет участие.

После встречи с думцами Николай II с горечью писал в своём дневнике: «*Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!*»

Улица Фейгина, 1

В Смоленск мы тогда так и не собрались. То одно, то другое — жизнь летела колесом, дни мелькали и мелькали, унося нас из прошлого в будущее, и всё казалось — успеется.

Самое обидное то, что несколько лет спустя через Смоленск мне довелось проехать по пути в Белоруссию, но я не вспомнил ни о Шульгине, ни о его шарфе; Игорь вновь путешествовал по своим Балканам, и некому было мне напомнить…

А когда подкатила дата — 140 лет со дня рождения Василия Шульгина и мы спохватились, оказалось, что Николай Сергеевич Коншин, актёр Смоленского драматического театра скончался.

— Нужно всё-таки ехать во Владимир, вдруг кто-то что-то ещё помнит, может, старшего брата найдём, и он что-то про шарф знает, — Игорь звонил мне едва ли не через день. И мы поехали.

Первым делом отправились во Владимирский централ. Вроде бы там был неплохой музей, где мы надеялись получить какую-то информацию. Но дальше КПП тюрьмы прапорщица-контрактница нас не пустила:

— Музей закрыт!

— На ремонт?

— Нет, совсем закрыт…

Побродив вокруг обшарпанных кирпичных стен узилища, мы отправились искать улицу Фейгина.

— Никому ничего не надо! — негодуя, бурчал Макаров. — Тут такие люди сидели! И вот — закрыли музей! Кому мешал, почему, зачем скрывать информацию?! Я, кстати, был в Сербии в Дубровнике, где жил Шульгин, но и там ничего не осталось, связанного с ним, всё уничтожено…

Обычную четырёхэтажную хрущёвку мы нашли без труда. И сразу же увидели на торце здания памятную доску с белым барельефом по тёмному мрамору: «*В этом доме с 1960 по 1976 гг. жил выдающийся общественный и политический деятель Василий Витальевич Шульгин*». И чуть ниже его факсимиле.

Невольно подумалось: к семьдесят шестому мне исполнилось двадцать лет, и я уже увлекался журналистикой. Мог бы приехать сюда и… И что? О чём бы я советский «девственный» в политическом смысле паренёк стал бы говорить с этим «врагом советской власти»? Сейчас-то я знал, о чём бы его спросить…

На подъездной двери кодовый замок. Подёргали ручку — заперто. Потыкали в кнопочки — никто не ответил. Заглянули в окна (квартира Шульгина на первом этаже) — никого.

Не удалось найти и бывших соседей Шульгина. Ниточка оборвалась.

Поспрашивали прохожих. Шульгин? А кто это?..

Мы брели по владимирским, застроенным хрущёвками и сталинками улочкам, и Игорь вспоминал, о чём ему рассказывал Николай Коншин.

— Из его рассказов я понял, что Шульгин вовсе не был забыт современниками. Другое дело, что говорить, а тем более писать об этом, было нельзя. Но к «врагу советской власти» приезжали люди разного толка и настроений. Посещали его Илья Глазунов и Мстислав Растропович (говорят, Растропович стоял перед ним на коленях и целовал

его руки), Александр Солженицын и Лев Никулин — тот самый, что написал потом книгу, на основе которой сняли фильм «Операция „Трест"». Фильм этот Шульгин назвал насквозь лживым…

Особенно много желающих познакомиться с живой легендой стало после 1965 года, когда состоялась премьера документально-постановочного фильма «Перед судом истории», в котором Шульгин «играл» самого себя. Главную цель фильма снимавший его режиссёр Ф. Эрмлер формулировал так: «*Я хочу, чтобы он сказал всем: я проиграл*». Шульгин не сказал; мало того, результат получился столь двусмысленным, что, «покрутив» фильм в Москве и Ленинграде всего два или три дня, его с проката сняли. Несгибаемый монархист на экране выглядел явно сильнее своего оппонента — советского историка.

Вещие сны

Сегодня о нём известно всё. Или почти всё. Однако одна сторона его натуры, затенённая его бурной политической деятельностью, осталась как бы «за скобками».

Илья Глазунов, навещавший Шульгина после отсидки в Централе, писал, что, по его сведениям, с 1966 года до самой своей кончины Шульгин вёл дневник под названием «Мистика». Рукопись эту Николай Коншин сохранил, а позже передал художнику, который опубликовал её часть в 2002 году в журнале «Наш современник».

Шульгин действительно был своего рода мистиком, романтиком непознанного; он живо интересовался загадочными явлениями человеческой психики, собирал «антологию таинственных случаев», записывал всё необычное или странное, что происходило с ним или с его родными и знакомыми, был знаком с оккультистами Г. Гурджиевым, А. Сакко, С. Тухолкой и, говорят, до конца дней увлекался спиритизмом.

После освобождения из Владимирского централа Шульгин завёл привычку записывать содержание своих снов. Говорят, тетрадей с записями его снов скопилось несколько чемоданов.

Впрочем, странные сны приходили к Шульгину задолго до «советского периода»; вот только известно об этом немного. Да и, видимо, бурная и опасная деятельность не давала ему времени на прислушивание к снам и их расшифровку. А вот во время «отсидки» во Владимирском централе времени было более чем предостаточно, и он фиксировал в памяти всё необычное.

Скажем, рассказывая об одном из антисоветских деятелей Троицком, о котором его спросили на допросе, Шульгин писал: «*Если мне дали двадцать пять лет, то ему надо было дать сорок, а он получил двадцать. Но он умер раньше срока*». И ещё: «*Когда об этом Троицком и об очной ставке с ним шла речь, мне приснился вещий сон. Из моего рукава вылезла змея до половины, затем она сломалась*». Шульгин не мог знать, что «змея» действительно «сломалась». Троицкого, осуждённого в июле 1950 года, в сентябре этого же года расстреляли…

В ночь на пятое марта 1953 года заключённому Шульгину приснился сон: «*Пал великолепный конь, пал на задние ноги, опираясь передними о землю, которую он залил кровью*». Вначале он решил, что сон связан с годовщиной смерти Александра II и только потом узнал, что в этот день умер Сталин.

К снам Шульгин относился серьёзно, можно сказать, трепетно; анализировал их и пытался выявить зашифрованные в них послания. И не важно, касалось ли это серьёзной политики или банального быта. Он мог подробно описать сон о Ленине и Сталине, но не забывал и сна о… твороге: «*Сны, декабрь 1968. Не помню числа. Марийка несла куда-то большую тарелку с горкой чего-то белого. Это был творог, ею самой приготовленный. При жизни она иногда, когда была ещё здорова, бедняжка, любила с этим возиться.*

Во сне я увидел, что полная тарелка для неё слишком тяжела, и она творог уронит. Я успел подскочить и выхватить у неё тарелку, и ничего не рассыпалось. И она была этому рада.

Этот с виду пустяковый сон имеет свой смысл. Сейчас Дом творчества в Голицыне даёт нам слишком много творога. Этот сон предупредительный. Не объедаться творогом, это мне вредно…»

И тут же сон совсем другого рода: «*Мне поручили составить письмо-меморандум для одной державы. Я это сделал. И тогда ко мне пришёл один наглец из какой-то „разведки". Сначала хотел письмо выкрасть, а потом отнять силой. Хотя я не боксёр, но, вырвав у него письмо, которое он захватил, засунул его в карман и решил колотить его в подбородок обоими кулаками, пока он не упадёт. В это время появилась Марийка, очень встревоженная. Закричала:*
— Это твоё письмо? Ты писал?
— Я. Я написал. Но поскольку оно написано для одной державы, оно уже ей принадлежит!

Проснулся. О какой державе я имел речь? О Советской державе. Написано оно для Советов, но не по-советски, а по-моему. Другими словами, это меморандум о том, как надо выйти из теперешнего безысходного на вид положения».

А вот сон о Хрущёве: «*Где-то… может быть, в Белграде… Как будто в подворотне, но скорей всего у витрины, я увидел Никиту Сергеевичу Хрущёва, скончавшегося в прошлом году. Я его видел во сне и раньше, но те сны были невразумительны. А сегодняшний сон ясен. Не по смыслу, а потому, что он запечатлелся в моей памяти точно.*

Встретившись у витрины, мы пошли с ним рядом. Он спросил:
— Скоро выборы. Вы будете выбираться?

— Нет. Зачем? Я вот просидел все пять лет, а не сказал ни слова.
— А что же вы будете делать?
— Буду писать.
— Пишите. Но помните одно. Если вы хотите, чтобы вас напечатали, то всё дело в сионистах. Хвалите их, хвалите в каждой строчке — и всё напечатают».

Впрочем, довольно подробно о снах этого периода рассказал писатель Николай Лисовой, бывший хорошим знакомым Шульгина. Лисовой рассказывает и ещё одну странную историю, связанную со снами и с Шульгиным: «*Года через три после смерти он* (Шульгин. — *Авт.*) *приснился моей сестре С. Н. Безбоковой и сказал:*
— Передайте Николаю Николаевичу (пишущему настоящие строки (т. е. Лисовому. — *Авт.*), *что у этой книги конца нет… Что он хотел сказать?*»

Сотрудники музея «Владимирский централ» утверждают, что имеется двести тетрадей с описанием снов Шульгина и приводят в пример вещий сон, в котором императрица предсказала ему скорое освобождение…

В паутине противоречий

Странно всё-таки это — сплошные противоречия в судьбе: убеждённый, искренний монархист уговаривает императора отречься от престола, ярый националист, беззаветно любящий Россию, надеялся, что Гитлер, освободив её от коммунистов, станет другом славян, ненавидевший советскую власть, считал, что страна должна пройти этот путь до конца, как эксперимент, который очистит её.

Наверное, не случайно освобождение ему во сне предсказала именно императрица, ведь всю жизнь Шульгина не оставляли мысли об оценке своего участия в отречении Николая II. Кем он был — участником или соучастником? Очевидно, он чувствовал мистическую связь с последним русским монархом: «*С Царём и с Царицей моя жизнь будет связана до последних дней моих, хотя они где-то в ином мире, а я продолжаю жить — в этом. И эта связь не уменьшается с течением времени. Наоборот, она растёт с каждым годом. И сейчас, в 1966 году, эта связанность как будто достигла своего предела… Каждый человек в бывшей России, если подумает о последнем русском Царе Николае II, непременно припомнит и меня, Шульгина. И обратно. Если кто знакомится со мной, то неизбежно в его уме появится тень монарха, который вручил мне отречение от престола 50 лет тому назад*».

Конечно, он находил себе оправданье: «*Да, я принял отречение для того, чтобы Царя не убили, как Павла I, Петра III, Александра II… Но Николая II всё же убили! И потому, и потому я осуждён: Мне не удалось спасти Царя, Царицу, их детей и родственников. Не удалось! Точно я завёрнут в свиток из колючей проволоки, которая ранит меня при каждом к ней прикосновении*». И признавал: «*Мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века…*»

Думаю, если когда-нибудь будут собраны все мистические озарения Василия Шульгина, описания его снов и предсказаний (а он предсказывал, что СССР рано или поздно падёт), и изданы книгой, издание это не залежится на полках книжных магазинов…

«Байгуши»

Естественно, мы не могли не навестить могилу Шульгина. Сельское кладбище «Байгуши», где похоронен последний истовый монархист России, расположилось на пологом склоне в десятке километрах от Владимира, и нашли мы его без труда. А вот сама могила… Если не знать хотя бы примерно о её местоположении, можно долго плутать в поисках среди заброшенных захоронений. Забора вокруг кладбища нет, кругом мусор и запустенье, покосившиеся кресты и надгробья… Однако перед отъездом я побродил по интернету и примерно представлял себе, как искать. И вот мы у чёрного каменного креста с надписью «Василий Витальевич Шульгин. 13/1 1878 — 15/2 1976».

Сказать, что могилу никто не навещает, нельзя; искусственные цветы, икона с подложенной под ней надписью «От киевлян» в файл-пакете, подметено… И всё же общее впечатление от кладбища остаётся довольно тягостное…

На обратной стороне креста внизу, у самого основания инициалы — «Н. К.» и «И. Г.». «И. Г.» — понятно, Илья Глазунов, художник дружил с Шульгиным, а «Н. К.»?
— Это Николай Коншин, конечно, — уверенно заключил Игорь.

Постояли над могилой, помолчали. Говорят, хоронило Василия Викторовича всего человек десять. Если не считать наблюдавших из «газика», стоящего неподалёку, кагэбешников…
— Смотрите-ка, — Игорь сделал два шага в сторону и остановился у соседней могилы. — Какое символичное соседство!

На ржавой пирамидке со звездой фото красноармейца в будёновке.

Да уж, в этом соседстве, можно сказать, вся наша история за последние сто лет. Ярый монархист Василий Витальевич Шульгин и советский красноармеец Алексей Григорьевич Воробьёв — антагонисты, лютые враги, каждый хотел своей России, а упокоились рядом на одном сельском кладбище. Время если и не примирило их, то уравняло.

На обратном пути мы остановились в сосновом перелеске, что бежал вдоль трассы Владимир — Муром. Игорь достал бутылку перцовки. Разлил по стаканчикам. Помолчал, потом произнёс:

— Упокой Господи душу раба Твоего Василия Витальевича Шульгина.

Мы выпили. Потом ехали и спорили о роли личности в истории.
— Чтобы сыграть роль в истории, нужно быть личностью! — сказал вдруг Игорь. — Вот Шульгин при всех его противоречиях — личность…

Спорить было не о чем.

А как же шарф?
— Буду звонить в Смоленск, — упрямится Игорь, — а вдруг родственники в курсе! Может, он ещё найдётся, шарф. Это же не просто шарф, а шарф Шульгина! Не может он просто так взять и пропасть.
Посмотрим…

Алина Марк

Санкт-Петербург

Круги на воде

Император сетей, повелитель мормышек и блесен,
Наточи свой крючок, и проверь, как намотана леска,
Чтобы рыб посчитать — надвигается новая осень,
Оттого ли в глазах этот отсвет азартного блеска?
Или просто река отразится мерцанием зыбким —
Чешуя-чешуёй на волнах серебро заискрится…
Жаль, что рыбьим богам не понять этой лёгкой улыбки.
Впрочем, людям они не привыкли заглядывать в лица…
Как властитель удилищ, ты знаешь, какую наживку
Предложить неразумным малькам из далёкой глубинки.
Собирай убиенных тобой, отмечая нашивкой
Каждый новый десяток… Мечтаешь сойтись в поединке
С огромадной подводной и прежде не виданной тварью,
А клюют, как назло, караси да какие-то карпы —
Потому и зрачки постоянно подёрнуты хмарью.
Ты не ищешь удобств. Аскетичность рыбацкого скарба —
Лишний повод воззвать к беззаботно порхающей музе.
Разбросай многоточия мрачно светящихся капель —
Посреди пустоты тростниковых шуршащих иллюзий
Застывает бесстрастно навытяжку парочка цапель,
Провожая закат, что начищенным ярким червонцем
Тонет в серой воде. Дальше — только туман и прохлада.
Рыбы вряд ли рискнут побороться за место под солнцем.
Так как это не рай.
А всего лишь преддверие ада…

Лилия Газизова

Анастасия Ивановна Цветаева и «Юность»

Она не была маленькой сухонькой старушкой. Сестра Марины Цветаевой и автор невероятных «Воспоминаний», за чтением которых я провела в юности одни из самых счастливых и горьких часов своей жизни, была очень невысокой и худенькой женщиной.

Обращали на себя внимание абсолютно белые волосы чуть выше плеч, зачёсанные набок и благородный нос с горбинкой. Это делало её похожей на престарелого Гоголя. Мне же она казалось невероятно красивой зрелой женщиной. И я очень хорошо помню её голос: немолодой, но очень живой, глуховатый.

Я познакомилась с Анастасией Ивановной в Переделкино, куда меня направил татарский союз писателей после победы в республиканском конкурсе поэзии. Ей было девяносто шесть лет.

Наше знакомство состоялось в коридоре старого корпуса Дома творчества. Кто там бывал, знает, что он представляет собой двухэтажное здание с колоннами и балконом на втором этаже. Такой сталинский ампир. Дом творчества был открыт в 1955 году для создания условий писателям, которые, находясь там, создавали свои «бессмертные» произведения. В старом корпусе были спартанские условия: небольшая, вытянутая в длину комната, в которой были письменный стол у окна с настольной лампой, кровать и диван. И довольно высокое окно, которое выходило в сад или площадку перед Домом творчества. Ещё была раковина с водой. Остальные удобства — в конце коридора. В конце восьмидесятых открылся и новый корпус, который отличался архитектурой попроще, но зато удобства были в каждой комнате.

…Навстречу мне шли два «божьих одуванчика». Пожилые женщины поддерживали друг друга и о чём-то громко и бойко говорили. Мой спутник предложил познакомить меня с Анастасией Цветаевой.

— Сколько вам лет, — первым делом спросила Анастасия Ивановна.

— Двадцать, — ответила я.

— Это немало, — сказала она.

— Немало, — согласилась я.

Анастасия Ивановна предложила прийти к ней после ужина и почитать стихи. Я была взволнована. Нет, я была ошарашена. Мысли теснились в голове, в которой не укладывалось происходящее. Сестра Марины Цветаевой, Ася, ждёт меня в гости!

Мне было четырнадцать лет, когда папа подарил маме томик стихотворений Марины Цветаевой. Но книгой завладела я. И не расставалась с ней долгое время. Она расклеилась, оторвалась обложка, потемнели листочки, а я всё перечитывала любимые строки. Эти стихи не были похожи на то, что я читала прежде. Для меня было откровением — что можно стихами сказать обо мне то, что я и сама не до конца понимала в себе. Первые мои стихи — слепое подражание Марине Цветаевой. К счастью, этот период не затянулся. И я потихоньку выбиралась на свой путь, точнее, начинала его нащупывать. Из книги я узнала о существовании младшей сестры, которой она посвятила несколько стихотворений. Особенно мне нравились тогда строки:

Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте, в каждом взгляде,
в каждом слове. —
Две сестры.

У меня тоже есть сестра, есть стихи, посвящённые ей. И наше понимание тоже — с полувзгляда, полужеста. И однажды, как сёстры Цветаевы, мы читали в унисон одно из моих стихотворений.

…Вскоре я уже сидела на одной из двух кроватей комнаты, где жили Анастасия Ивановна Цветаева и Евгения Филипповна Кунина, её близкая подруга, с которой она селилась в Домах творчества, а также ездила в Эстонию, где проводила летние месяцы на протяжении ряда лет.

— Лилия, почитайте стихи, — сразу предложила Анастасия Ивановна. Я стала читать. Громко и безнадёжно, поскольку понимала, что стихи мои вряд ли ей понравятся. Не знаю, почему я так думала. Я прочитала шесть стихотворений и умолкла.

После очень короткой паузы Анастасия Ивановна сказала, что ей очень понравилось, хотя она не всё расслышала. Я чуть не заплакала от обиды неизвестно на кого. Она попросила читать громче. И я прочитала ещё несколько стихотворений.

Анастасия Ивановна попросила у меня стихи, чтобы передать их через Кирилла Ковальджи в «Юность». О публикации в «Юности» я мечтала

с тех пор, как начала писать стихи. Казалось, что вот выйдут стихи, и всё в моей жизни изменится. Подборка моих стихов вышла через три года после того, как Анастасия Цветаева передала их в редакцию. И знаменитой я не проснулась.

Сменилось три заведующих отделом поэзии, прежде чем я увидела свои стихи напечатанными. Натан Злотников отвечал очень мягко и непонятно на мой наивный вопрос, когда же выйдут стихи. Над его столом висел большой фотопортрет поэта. Это был близкий друг Злотникова. О самом Натане Марковиче я слышала очень разные отзывы. Но то, что он повесил портрет не Пушкина или другого классика, а малоизвестного поэта, меня подкупает.

Прошло больше года, его сменил Александр Ткаченко. Когда я пришла, он почему-то знал обо мне. И тут же прочитал подборку стихотворений, которую я принесла. И это, надо сказать, большая редкость среди редакторов — чтобы в присутствии автора прочитать стихи. Он сказал, что стихи ему понравились, и спросил, когда я бы хотела опубликоваться — прямо сейчас или позже. И здесь я сделала ошибку. Надо было сказать — немедленно. Вместо этого я пролепетала, мол, когда будет удобно редакции. Вскоре после этого в «Юности» произошёл раскол, Ткаченко возглавил «Новую Юность», а я снова пришла в редакцию к Николаю Новикову, новому заведующему отделом поэзии старой «Юности». Вскоре стихи были напечатаны. Это был 1996 год. Тираж этого номера был 24 500 экземпляров. Он показался мне мизерным. Сейчас тираж в 10 раз меньше. В одном номере со мной были опубликованы стихи Валерия Дударева, нынешнего главного редактора этого журнала.

…В тот вечер мы долго говорили. Темы касались в основном моей жизни. Она расспрашивала меня о родителях и какие у меня с ними отношения. Говорила, что с мамой надо ладить, потому что иначе такие же непростые отношения у меня будут с дочерью. И она оказалась права.

После этой встречи у нас завязалась переписка. Однажды она предложила, если я приеду в Москву, остановиться у неё. Я с радостью согласилась. Пять раз я останавливалась в этом замечательном доме на Большой Спасской, где теперь висит мемориальная доска, на которой написано: «В этом доме с 1979 по 1993 год жила и работала писатель Анастасия Цветаева».

Мы заранее списались о моём приезде. И когда я позвонила в дверь её квартиры, мне сразу же открыла хозяйка.

— Точность — вежливость королей, — это были её первые слова.

— И княжон, мысленно добавила я.

Анастасия Ивановна представила меня стоящему рядом с ней невысокому молодому человеку с чёрными волосами и синими глазами. Это был Александр Ковальджи, её помощник и сын Кирилла Владимировича Ковальджи. Все, кто связан с цветаеведением знают секретаря Цветаевой — Станислава Айдиняна, который много сделал и продолжает делать для памяти писательницы. Но помощником её последних лет был Саша Ковальджи. Он ночевал с ней, покупал продукты, гулял с ней вокруг дома, выполнял какие-то её поручения.

Когда я вошла и разделась, кажется, это была осень, мы расположились в комнате. Квартира была однокомнатная. Анастасия Ивановна вегетарианка. Я с радостью воспринимаю отсутствие мяса и колбасы, как и новый режим, при котором мы ложимся. Говорим обо всём на свете. Я расспрашиваю её о Марине Цветаевой, об их детстве — да много о чём. Однажды она вспомнила своё стихотворение, которое было написано в юности и нигде не было опубликовано. Мы с Сашей слушали её, затаив дыхание. Боюсь, что это стихотворение так и осталось в том дне…

Приезжая в Москву, я шла на Большую Спасскую, где располагался её дом — совсем рядом с Казанским вокзалом. Зная, что я люблю винегрет, Анастасия Ивановна не раз встречала меня им.

И в каждый приезд Анастасия Ивановна дарила мне книги Марины Цветаевой, которые выходили в те годы большими тиражами в самых разных городах России. В один из приездов я увидела много бумажных пачек в зале, лежащих на полу. Это были экземпляры журнала «Москва», в четырёх номерах которого был опубликован её роман «Amor». Эти четыре номера, подаренные Анастасией Ивановной, я передала в дар музею семьи Цветаевых в Александрове, вручив их директору Льву Готгельфу на открытии очередного международного Цветаевского фестиваля.

Кто бывал в этом доме, никогда его не забудет. В нём просто и гармонично. С фотографий на стенах смотрят Пастернак и Рильке, Есенин и Маяковский, Анна Герман и Софья Каган, сын Анастасии Ивановны Андрей Трухачёв, юные, в школьных платьицах, внучки Рита и Оля. И везде книги: в шкафах, на комоде, на столе, на рояле… Старый чёрный рояль, за который очень редко садятся, а он так ждёт этого. Я играла на нём и хорошо помню, как западали клавиши ре диез и си бемоль. Немного диссонансом огромные картины над роялем — ранние творения правнуков Анастасии Ивановны. И не забыть — с сильно увеличенной фотографии удивлённые и проницательные глаза Марины Цветаевой.

Осталась фотография, на которой мы сидим с Анастасией Ивановной вместе с нашими друзьями. Она говорит о чём-то своему соседу, а я, задумавшись, смотрю куда-то в сторону.

Когда я рассказала Анастасии Ивановне о том, что собрала свою первую книгу, она сразу вызвалась написать к ней предисловие. Книга вышла в 1996 году, уже после её смерти. В предисловии

говорилось много тёплых слов о моих стихах. И сейчас понимаю, что многие из них были высказаны авансом. Надеюсь, я оправдала их.

Она, конечно, много знала про жизнь. Но и постоянно удивлялась ей. Однажды возмущённо рассказывала о молодом поэте, сказавшем ей о красоте мёртвого окровавленного тела голубя. «Помилуйте,—говорила она,—какая может быть красота в смерти». Признаться, я тогда была почти согласна с этим поэтом. И считала, что смерть может быть красивой. Теперь понимаю, что смерть отвратительна. Красоты в ней нет и не может быть.

Я вспоминаю об Анастасии Ивановне с очень тёплыми и нежными чувствами. И понимаю, что мне выпало неслыханное счастье близко знать талантливого человека и писателя, связанного узами родства с великом поэтом XX века и многими удивительными людьми эпохи.

РЫБЬЕ ЦАРСТВО

Дана Курская

Москва

Меланоцет Джонсона

В кабинете пыльном Джонсон кладёт пинцет
двигает микроскоп
моет стеклянный сосуд
Этим январским утром миру подарен меланоцет
Джонсона
стоп
так отныне его зовут

Если ты вечность жадно желаешь схватить за хвост
дам я рецепт
чтобы вы с ней сплелись
открой, своей смерти этим замедлив рост,
меланоцет
именем поделись

Хищный удильщик, ты мой отныне весь
плыви, моя кроха
лампочки на усах
Каждый мечтает, как может, остаться здесь:
Палочки Коха
ленточки Мёбиуса

А когда вдруг наступит, Джонсон, и твой черёд
уходи как январь
тихо и не скорбя—
Где-то в тёмных глубинах самых глубоких вод
плавает тварь,
обессмертившая тебя.

Иван Денисенко

Санкт-Петербург

● ● ●

Лежит на природе молчанья печать—
как прежде, как раньше, как в самом начале,
и сонно чернеет рыбак на причале…
О, если бы рыбы умели кричать!

Кричать, как младенцы, являясь на свет
из тёплого космоса женской утробы,
когда пуповина повисла, как стропы,
в которых потребности более нет.

Лес тонет в тумане, как сонный альков.
Кровавым плевком расплывается зорька.
И смотрит рыбак хоть и сонно, но зорко
на красные капли своих поплавков.

Он видит сквозь зыбь водяного листа,
сквозь чёрные щепки, покрытые пеной:
подводные ангелы шагом степенным
гуляют, серебряной плотью блестя.

Он знает, как надо добычу вести,
он любит ловить этот импульс нерезкий,
бегущий, как ток, по натянутой леске
и гаснущий в грубой тяжёлой горсти.

Дымится костёр, и безжалостный чад
съедает глаза комариного войска.
И роща сквозит, как пустая авоська…
О, если бы рыбы умели кричать!

Василий Киляков

Божья шишечка

Долго наблюдал, думал: как выразить благополучный тип чиновника в наше неблагополучное время. И вот недавно, переходя Тверскую, с шумной ватагой нетрезвых друзей, вдруг увидел, вернее, почувствовал его. Итак, думаю, что если бы он взялся писать свою историю, или, как теперь модно называть «исповедь», и даже ещё несуразней «Исповедь на заданную тему» (в одном названии — весь концентрат, квинтэссенция безбожия!), — итак, если бы он писал и впрямь искренне, то написал бы примерно так…

Я пишу единственно для того, чтобы разобраться в хаосе мыслей и чувств. Сказать — сгорит язык, смолчать — сгорит душа. Верите ли, я уже давно не живу, а проживаю жизнь. Говорят, чужая душа — потёмки, но своя-то ещё темней! Пусть сгорит мой язык, но душа, если она ещё жива, — освободится от тех навязчивых предрассудков, которые мучают меня ежедневно.

Я конченый человек. Именно — конченый. Что бы я ни делал, где бы ни находился: на вокзале, в метро или ресторане, в «Холдинг-Центре», в Манеже или парикмахерской, — повсюду я терзаюсь странным и неловким чувством скуки, «никомуненужности». И это чувство мешает мне открыто смотреть в лица всех, и даже и вовсе незнакомых людей… И мне страшно. Страшно жить среди людей…

Мне повезло, я разбогател в годы «реформ» и «прихватизаций». Я хожу в модном пальто-размахае, до пят, свободного покроя, с узким воротником, в ботинках с каблучком назад — сверхмодных, в «Банк Столичный», к своему другу и банкиру «Тёте Шуре», что против памятника Пушкину, я хожу запросто. Меня пускают без очереди, как своего клиента, такой порядок.

Шура — милый, очень милый человек. Он давно имеет двойное гражданство и при всяком удобном случае уговаривает меня поступить так же. Пример заразителен, это верно. Но я терплю наперекор себе, хоть Шура время от времени делает страшные глаза и надувает щёки…

— Ты подумай, поду-умай хорошенько, — напоминает мне он, разглядывая мой «Магнум», привезённый мне из Германии на заказ за пятьдесят тысяч евро… Таки ты оглядись хорошенько. Времена уже не те… А сколько ты отдал за растаможку этой прелести? Ещё столько же? Боже ж мой, — он разводит руками: — Вертикалка, инжектор! О! Ты настоящий охотник. Я не могу так. Деньги готовы превратиться во что угодно, но только не в такую серьёзную вещь, — говорит он с одесским акцентом.

Это правда. Я люблю красивые вещи. Но в тайне — не люблю и охоты. Поверьте, это очень громко. Это не для меня. Я просто вынужден туда ездить, снимать целиком охотничий домик, привозить любовницу и кричать при них на охранника… Это нужно, так делают все. Я вынужден смотреть, как мои нетрезвые друзья гоняют по сугробам на «Ямахах», снимая это на видеоцифровик, вынужден часами стоять на нумере, куда поставит охотовед, мёрзнуть, тосковать по теплу и сигарете… вынужден. Там завязываются знакомства и поддерживаются дружбы…

Вот и Шура — терпеть не может, а бывает. Вынужден бывать. И пить не с теми, с кем хочется. Поговорив и отведав вина из его коллекции, я выхожу на Тверскую… Но когда я прохожу назад мимо недвижимо стоящей очереди, я прячу лицо и физически чувствую на себе взгляды ненависти, эти ужасные взгляды этих ужасных замёрзших людей. У меня ёкает селезёнка, и я вспоминаю испуганные глаза моего друга-банкира «подуумайте…», — словно слышу я его голос во след.

«Плебеи, люмпены, пролетарии», — шепчу я мысленно, проходя как фельдмаршал вдоль шеренги ожидающих до своего «Ниссана»… А всётаки, тяжело.

…И коммерсантам я чужд. Нечто подобное, вероятно, испытывает человек явившийся на именины в дом, где, кроме хозяина, никто его не знает. И кажется такому человеку, что он под постоянным наблюдением, что все присутствующие пристально изучают его, шепчутся за его спиной; с обострённым чувством замечает он всё: каждый жест, каждую вольно отпущенную шутку, — и всё примеривает к себе, всё принимает враждебно, во всём видит лишь подтверждение своему предубеждению против толпы… Так и я. Испытующе гляжу кругом, желая разувериться в предвзятом мнении, что якобы все смотрят на меня, и — не могу! Я ловлю взгляды проходящих мимо, выпрямляю спину, весь перегибаюсь назад, стараюсь идти чинно и медленно и оттого даже

и сам себе кажусь смешным. Но иначе не получается. И кажется мне, что во взглядах встречных я нахожу догадку того, что с таким упорством прячу от себя,—вот-вот, кажется, закричит кто-то за моей спиной на всё казино: «Смотрите, смотрите! Вон идёт карточный король! С одной стороны—король, а с другой—простая линованная рубаха!..» И раздастся смех… И тут я успокаиваю себя тем, что так развенчать—не просто. Так бывает только в сказках. Детских сказках гадких немецких сказочников, сочиняющих ради бедности и одиночества.

Одиночества…

Смех преследует меня повсюду. Кажется, что и сам смех—во плоти, что смеются именно надо мной, над чем бы при этом не смеялись и в самом деле. Встретив улыбку на губах прохожего, я уже внутренне негодую, сержусь на него, почти ненавижу… Хорошо, что с годами, после реформ и ваучеров, стали смеяться меньше, гораздо меньше. Стали бояться метро, мюзиклов и… Но смех и теперь, смех продолжает казаться мне осязаемым, вещественным. Я даже различаю его по цвету: он—жёлтый. Почему именно жёлтый? Не знаю. Может быть оттого, что людям свойственно смеяться чаще в солнечные дни? Так вот, услышав за спиной чей-то смех, я оборачиваюсь, вижу перед собой мокрые, растянутые в улыбке губы незнакомца и чувствую страх и острую тоску.

Я хмурю брови и долго ещё оглядываюсь потом, как побитая палкой собака. Почему так, отчего? Думается, вот отчего: от недоверия. Я не верю никому и никогда. Ни народу, ни слепому, ни нищему, ни этому правительству, ни своему внезапному богатству, ни газетам—этим гнусным листам, замешанным на блевотине с желчью,—не верю никому и ничему.

—А вот и я не верю,—смеялся вместе со мной Шура («Тётя Шура»—это кличка, «погоняло», которое он получил в тюрьме, отсидев ещё при «той» власти),—не верю и я. Ни-ко-му. И, помолчав, добавил:—И сам себе не верю!

—А почему—и себе? Не веришь?—не понял я одесского юмора.

—А так: однажды пукнуть хотел и… обмарался…

Видно, не один я такой. И ещё: меня точит тяжкий недуг незнания.

Я, в сущности, ничего не знаю. Помню несколько дат крупных событий из истории, несколько имён великих людей, писателей, композиторов, на которых мне, в сущности, наплевать, но всякий раз при случае я стараюсь козырнуть знанием этих имён, дат и фамилий. А если копнуть глубже, как же всё-таки происходили те или иные события? И что за причина заставила Галилео Галилея орать над костром инквизиции, «что всё-таки она вертится!», который ведь и впрямь так и не отказался даже под угрозой смерти от своих убеждений… Как это осмыслить? И почему не сиделось ему спокойно за чашкой чая с абрикосовым вареньем,—этого я не то что не знаю, но и не могу даже и помыслить, найти хоть какие-нибудь версии, объясняющие это человеколюбие, или гордыню, или антропоцентризм эпохи Гуманизма, или… а что ещё? А Микеланджело или тот же, с признаками детского паралича от рождения, великий Леонардо с его Моной Лизой, на лице которой я не вижу никакой загадочности, кроме ухмылки похотливой лисицы. Но меня смущает и это… Смущает.

—Нет, я решительно не понимаю…—говорю я экскурсоводу, в чём гениальность этой репродукции Леонардо да Винчи и кто это изображён—дочь соседа-мельника или блудница, есть ли по этому поводу хоть какие-нибудь бесспорные свидетельства?

Но вместо того чтобы объяснить что-нибудь вразумительно более или менее, экскурсовод ядовито шутит в ответ:

—Видите ли, господин, эта картина столько веков и стольким людям уже нравилась до самозабвения, что она теперь вправе сама выбирать, кому нравиться, а кому—нет…

По окончании премьеры спектакля, которых теперь пруд пруди по Москве, и ежедневно—премьеры… Кто-нибудь из моих знакомых говорит под занавес:

—Это было замечательно. Даже грубоватый реализм бутафора не повредил утончённости мысли, замыслу и—поэтике этого романтического произведения. А как вжились в образ актёры… Какая эстетика! Ведь ещё Платон в своих «Федре» и «Пире»…

—Да бросьте вы,—отвечаю я, почти шокируя собеседника своим невежеством,—согласен, что поставлено неплохо. Но Платона в этом мало. А потом, что такое «эстетика»? У Ортеги-и-Гассета это—одно, у Баумгартена—нечто совсем другое. Да и сам термин можно понимать по-разному: эстетика как воплощение прекрасного, или—как нечто общее? Как гармонию мелких деталей в целом? Баумгартен, впервые произнёсший «эстетика», вероятно, понимал под этим нечто своё… Но труд его на этот счёт и об этом предмете—так и остался незавершённым…

Такие ответы я всегда ношу за пазухой, подобно камням, чтобы побивать ими заносчивых. Много не надо, пять-шесть на случай—вполне хватает… И вот я покровительственно беру моего визави, моего ошарашенного моим интеллектом собеседника под руку, заглядываю ему в глаза и вижу: кто такой Баумгартен, он не знает. И мне кажется, что никто ничего не знает.

Открою ли я научную книгу, детектив ли—из новых и хвалёных авторов—и вижу: слова, слова, слова… Мутная вода, порою и грязноватая, стекает

со страниц,—так может написать каждый или каждый второй, если это детектив, то это или недавно скончавшийся «корифей» авантюрного романа Сидни Шелдон, только на русский лад, или, если это фантастика, то Стивен Кинг, но всегда—эпигонство, даровитая или бездарная реминисценция… И я думаю: «Скушно, господа, этак ведь и сдохнуть можно от скуки…» А учебники. Я уж не говорю, как скоро и на потребу их перекроили. Но даже и дипломированные доктора наук, языковеды и профессора, которые сегодня так и прут изо всех щелей, как гоголевская нечисть,—что же они пишут? Фразы общие, отвлечённые, вроде: «Русский язык—язык первой в мире космической державы», или вот: «консорциум», «спикер», «импичмент», «секвестр»… и всё только трескотня, за которой, в словесных вывертах, фокусах, заимств и калек скрыто всегда одно и то же: лень и незнание предмета…

Сначала мне казалось, что я ошибаюсь, что так не может быть, и что—это попросту я, по природе своей и неразвитости—мало одарён, недоучен, не сформирован, как это модно теперь говорить, «духовно». А потом пригляделся и понял, что глубокие знания и духовность вовсе ни к чему, нужно единственно: Система. Эту истину я вывел случайно. Давным-давно, в молодости, я сел играть в карты, в «девятку». Играть не умел и потому всё время проигрывал. Тогда я присмотрелся попристальней—и мне открылась система! Всё просто, нужно лишь чаще ставить ту масть, которой в руках больше. И дело сразу пошло на лад. И так везде: в искусстве, в политике, в деньгах—для того чтобы взять много, нужно лишь сделать вид, что ты готов дать, хотя бы чуть-чуть… Да, господа, Система во всём. Я понял это—и оттого я езжу на «Лексусе» последней модели.

Создание любого творца—подобно рисунку, который выкладывает малыш из цветной мозаики или камешками на песке: аксиома—к аксиоме, момент, ставший общим местом, историей—к «моменту истории», и вот—гениальное создание явлено миру, новая теорема, или—новая буржуазная революция, подобная той, что сложили по камушкам умные люди и которая, по мнениям близоруких люмпенов, «разбила эту страну вдребезги»…

И вот вывод—соединялись пролетарии, теперь соединяется капитал, а в сущности—ничего нового и тем более гениального—нет. Да что и говорить: великие умы, на мой взгляд, не более чем просто жонглируют чужими мыслями. Они играют. Ребёнок с мозаикой. Взять—и смешать. И везде один и тот же приём. При одних и тех же цветах—бесчисленное множество рисунков, множество узоров. А основа—что? Основа—гранёная пуговка, камешек, которые надо поставить на своё место. То есть просто привести в систему.

Следующая причина моей жизненной неудовлетворённости—отсутствие собственного мнения. Я ни о чём не могу судить самостоятельно. И дело тут вовсе не в той Системе, что семьдесят лет думала за нас, а просто так устроен каждый. Стоит мне услышать что-то необычное, как тут же я замечаю то, что было сказано. И запоминаю. И откладываю про запас, на всякий случай. И это чужое мнение так долго носишь с собой, так часто повторяешь из-за его, мнения, кажущейся первичности, оригинальности, что постепенно оно приобретает вкус и оттенок собственной мысли, и—глядь—как раз—кажется мне собственным. И я уверен, что никто не имеет собственных мнений и мыслей. Они существуют готовые, они носятся в воздухе, ходят по земле, ходячие, ходульные…

Бывает, выдумаешь да и расскажешь комунибудь занимательную историйку с мелкой идейкой. Проходит время, и вот уже—тот же человек рассказывает тебе твоё же, но уже от своего я: дескать, на днях со мной произошло то-то и то-то. Я слушаю, я вынужден слушать заинтересованно, даже—сочувственно, киваю, делаю то удивлённые, то озадаченные глаза и восклицаю: «Да что вы, быть не может!» А самому гадко и стыдно, и неловко за нас обоих, за всю неразвитую человеческую природу и хочется уйти.

То же—и разговоры о политике, ох уж эти разговоры о политике! И всякий раз, когда я слышу что-нибудь вроде: «…в двух первых прочтениях, мнения разделились…» или «новелла, новелла в закон о материнстве и детстве…»,—я внутренне обмираю, как при виде трупа: это политикан. И если он в партии—его не волнует ни детство, ни материнство, он просто кормится. И я всегда переживаю глубоко и думаю о нём примерно так: «Вот и я такой же, как он: глупый, смешной, надутый. И тоже—кормлюсь…» Вот мы, мелкие людишки, не знающие, чего хотим, и оттого повторяющие страницу за страницей давно пройденные истории,—замучили и себя и других. Собираем колоски со сжатых давно полей. Глупо. А потом мне пришло в голову, что у них просто плохая память. А у меня—лучше. Решил так и успокоился.

Иногда, правда, очень редко, я встречаю действительно тонких, очень интересных собеседников. И нужно бы радоваться, а во мне закипает тупая обида, что вот, гляди-ка, этот—не ровня тебе. Гораздо выше, умнее, значительнее. Тогда зависть угнетает меня так сильно, что кажется, печень болит. Но скоро первое впечатление стирается, смазывается, я смекаю так: «Этому просто повезло. Повезло нахвататься по верхам мыслей и чувств, чуточку более экстравагантных, неожиданных, чем набрался я…»—и вновь я веселею лицом, вновь общителен и здоров и, понятно, присваиваю себе

его экстравагантные мысли. Я бережно вытираю их тряпочкой, как выдвижные ящички в библиотеке, раскладываю по каталогу.

…И всё-таки нет-нет да и засвербит душа: неужели я хуже иных-прочих. Но я гоню такие мысли, убиваю их готовыми выкладками «априори» и «апостериори», словно мух хлопушкой, от которых остаются только грязные пятна на обоях. Вот, пожалуй, только некоторые из причин моих постоянных мучений. Что ещё? Мне надоела моя приросшая к коже маска артиста. Моё вечное амплуа доброхота. Я не верю в искренних людей. Если такие и есть, то они честны только в сравнении с отпетыми подлецами. Но все вокруг принимают меня за милейшего человека.

Знакомая дама говорит мне, указывая на своего шпица, ожиревшего, страдающего одышкой:

— Посмотрите, как он мил!

И я, с обрезком колбасы в руке, вынужден тоже горячо расхваливать этот комок грязной шерсти. Я сую ему колбасу, а сам думаю: «Хоть бы тявкнул, чтобы знать с какой стороны у него хвост». Шпиц путается под ногами, в благодарность обвешивает мои брюки слюной и волосами, а мне невтерпёж садануть его посильней носком начищенного ботинка.

Одеваюсь я превосходно, в «Бон-Мон»,—одевает меня жена в лучших «шопах» Москвы. Ботинки с красной полосой по каблуку, пиджаки по последней моде. Стригусь—у «тупейного художника» в салоне «Вела», а вернее, у какого-то проходимца, купившего за бесценок подвал в одном из зданий сталинской постройки в Москве и вообразившего себя интеллектуалом.

— Проходите пожалуйста,—говорят мне в фойе парикмахерской,—Вы наш клиент… Без очереди…

— Мой мастер ещё занят,—отвечаю я,—и все присутствующие смотрят на меня с уважением.

Меня раздражает всё: перерывы на обед в Манеже, охрана на Охотном ряду, даже—телохранитель, который ходит за мной по пятам и которому я вынужден платить. У меня то и дело, раздражая меня, поёт мобильник на разные голоса. Охранник, таскающий за мной телефон, чтобы я имел возможность «отсеивать» разговоры, протягивает мне эту мерцающую дорогую игрушку:

— Кто?—спрашиваю я.

— Эмилия, с Кипра.

— Не нужна…

— У Александра Ивановича совещание… Перезвоните…

Зуммер трещит опять, переходя в мягкие толчки-звоны.

— Кто?

— Бревнов…

— Меня нет.

— А что ответить?

— Отвечай что хочешь, ты научишься искать причины сам, или мне работать за тебя, тупоголового,—взрываюсь я…

И сам замечаю, что в последнее время взрываюсь всё чаще и чаще.

Знакомые женщины считают меня серьёзным и умным. Многие—завидуют моей семейной жизни. Гости покидают мой дом всегда в отличном настроении. И действительно, жена по газетам скупала антиквариат—мебель в комнатах моего «пентхауса» дорогая. Я занимаю два уровня. Одна из комнат особенно дорога мне, и не только тайными от жены воспоминаниями, а и самой обстановкой, которая особенно удалась: под утрехский бархат; обои в промежутках между картинами блестят золотом, и цветы, цветы… чудо, что за цветы. А знаете ли, как блюдётся эта чистота?

Пригласив значительных знакомых (не вечно же сидеть в казённом ресторане)—например, министра, мы, вчетвером: я, жена, домработница и охранник,—с самого утра кидаемся по комнатам как угорелые, там—пригладим, здесь—расправим, тут—растянем… А в будни в квартире содом, разруха, потому что жена экономит на постоянной домработнице и всё более склонна копить в кубышку. К концу недели—на мебели, на книжных шкафах—свеи пыли, кучеряво-курчавой, как овечья шерсть или пейсики банкира—Шуры. На кухне—шеренга пустых бутылок, а в раковине—немытая посуда. Тонкая хрустальная ваза покрыта изнутри испариной от вечно спёртого воздуха—и это при не перестающих молотить кондиционерах. На туркменском, ручной работы, ковре, который я выдаю за иранский,—такой сор, обрывки ниток, которые жена бросает там, где режет… что меня начинает выворачивать от брезгливого гнева.

Я не люблю своей жены, и часто по возвращении из поездки или отдыха, из-за границы почти с испугом думаю: «Кто эта женщина и почему она здесь?» Я хотел бы, чтобы она оставила меня в покое. Она ленива, нескладна и неопрятна при мне и величественно-самодовольна на людях. Когда она, хлопая в ладоши, убивает моль, я всякий раз вздрагиваю и браню её. Мы нередко ругаемся, но так тихо, чтобы нас, не дай бог, не услышали посторонние. Отвечая на её угрозы зловещим шёпотом, я с удивлением замечаю, что моя рука осторожно затворяет балконную дверь или форточку.

Но иногда я чувствую острую нужду начать новую жизнь, не ввязываться в дрязги, не нервничать по пустякам. Так бывает, когда я засиживаюсь до полуночи над книгой и вдруг увижу мою дорогую Юлию спящей… Я гляжу в её лицо и вспоминаю молодость. Вспоминается какой-то яркий солнечный день, цветущая сирень и какая-то широкая улица, по которой мы шли когда-то обнявшись… Тогда… Когда? Сто, двести лет назад? Бедно одетые, студенты МГУ, плечом к плечу… И в каждом окне

было по солнцу, в каждой пуговице моего мундира — по солнцу, в глазах моей возлюбленной — по солнцу… Тогда я пристально вглядываюсь в лицо её: ты ли? Та ли? И по неопределённому изгибу бровей, по мелким и милым чёрточкам, узнаю ту Юлию… Ту самую дорогую Юлию… С которой живу столько лет. В такие минуты я, ей-богу, люблю её совершенно искренне и всякий раз говорю себе: «Будь я неладен, если когда-нибудь скажу ей обидное…» И вот настаёт утро, и я, сидя на тахте и склоняясь, хрустя ревматическими суставами, тянусь, шарю ногами, ищу тапочки, трогаю пальцами рук две впадины за ушами — признак старости — и начинаю мелочно и глупо раздражаться…

…В мастерской у меня тот же непорядок, что и в комнате жены. Я пейзажист, это «хобби» — зачем обеспеченному портреты? Друзья шутят, что у меня «божья шишечка», и постоянно напоминают мне известную заповедь. Но я-то знаю, что и в искусстве главное… И в моём таланте, как червь в яблоке, сидит всё та же Система.

Бросив взгляд на пустой холст, я уже знаю: сюда нужно положить белил, туда — кадмиуму, а вот здесь — охры. И слепо исполняю. Я и не помышляю ни об идее, ни о настроении. Просто пишу: кривая вынесет. Картина сделана. И всегда находится человек, который кормится около меня, как я сам кормлюсь около моей Системы. Он называет себя моим «продюсером». Он вмиг усматривает в картине и идею, и злободневность, и какое-то направление…

— Я просто обязан написать о вас, — говорит он.

И я с непринуждённым видом поддакиваю тому, как «верно нашёл он» моё стремление выразить и т. д. и т. п., и мы оба захлёбываемся от слюнявой приязни… И всё фальшиво до тошноты, всё ужасно фальшиво. И я фальшиво нажимаю пуговицу его пиджака, как кнопку звонка, а он не переставая трясёт мою руку. И всё это наводит меня на мысль, что и многие признанные творцы вовсе не помышляли сказать своими шедеврами того, что усмотрели в них благодарные потомки…

Кстати, на картины мои спрос. Может быть, открытая мною система и в самом деле и есть… талант?

На сегодня работа окончена. Я откладываю кисть, выхожу по делам. Я иду, а сам мельком взглядываю на прохожих. Все озабочены, угрюмы, всяк в себе… Век индивидуализма. Что ж «Бог лесу — и то не сравнял»… Но опять я вздрагиваю, услышав смех… Смеются. Всё-таки смеются! Смеются, чёрт их дери! Может быть, меня разглядели, распознали? И в этом смехе мне тотчас же слышится треск холста, грохот падающего подрамника, грохот всей падающей системы, лавина, которая сметёт меня, нас…

А что как и впрямь эта Система рухнет? И что у меня останется? И что же тогда талант, как не наказание за грехи?.. Я знаю многих, которые, как мне кажется, живут не ведая.

Да, «Тётя Шура» улетел в Телль-Авив… А мне стало уже и не то чтобы скучно, а и… боязно. Я уже не кричу на охранника. А порой и украдкой прижимаюсь к нему и трогаю его оперативную кобуру подмышкой: а не забыл ли он, носит ли он с собой оружие. И тогда, немного успокоившись, кричу водителю «Лексуса»:

— В клуб «Т», Валера… Сегодня ещё… гуляем…

Зинаида Кузнецова

Клубника со сливками

1.

Светлана Георгиевна приехала в город, где она жила когда-то, всего на три-четыре дня. Подходило время ухода на пенсию, и надо было получить недостающие документы в городском архиве. К её удивлению, ей быстро, без проволочек выдали необходимые справки, и можно было уезжать. Тем более в городе уже никого не осталось из старых её друзей, а знакомые позабылись, ведь прошло более тридцати лет.

Светлана Георгиевна бродила по пустынным улицам города, вглядываясь в прохожих, надеясь встретить знакомое лицо. Но, как говорится, поздороваться было не с кем.

Чистый, ухоженный городок стал ещё красивей. Жители любили его и гордились давно установившимся порядком, чистотой и красотой. Она нигде больше не встречала такого трепетного отношения к своему городу.

Так никого и не встретив, она присела на скамейку на главной городской аллее, которую во времена её молодости называли «Аллеей любви». Да она таковой и являлась тогда. Основным населением города были молодые люди, не старше тридцати лет, поэтому аллея была излюбленным местом встреч, свиданий, объяснений в любви.

Как и раньше, она была вся в цветах. Кусты сирени, акации, черёмухи были посажены на первый взгляд беспорядочно, но, разросшись, они местами образовали совершенно замечательные, уютные, романтические уголки. Сколько клятв и признаний звучало здесь, на скамейках, сколько слёз видели эти беззаботно цветущие кусты!

Сегодня на аллее было пусто. Светлана Георгиевна вздохнула. Её сверстники, наверное, все на своих садах-огородах, а у молодёжи сейчас интересы другие.

Был конец августа. Цветы радовали своей последней красотой. Пряно пахло скошенной травой на газонах. На асфальте ворковали голуби. Девочка лет трёх-четырёх каталась на ярком пластмассовом велосипедике, распугивая их. Голуби шумно разлетались в разные стороны, потом, успокоившись, вновь начинали клевать рассыпанные кем-то крошки. Пожилой мужчина снимал девочку на видеокамеру. Вдруг малышка упала и, видимо разбив коленку, громко заплакала. Мужчина подбежал, подхватил девочку на руки и стал успокаивать. Малышка затихла и скоро уже опять играла с голубями. Она несколько раз проехала мимо Светланы Георгиевны, заинтересованно поглядывая на неё,— наверное, ей хотелось пообщаться. Светлана улыбнулась, и девочка тут же подкатила к ней.

— И как же тебя зовут?— спросила Светлана малышку.

— Лизочка,— отвечала девчушка.

— А тебя как?

— Меня зовут тётя Света.

— Нет, ты не тётя, ты бабушка.

Светлана Георгиевна грустно улыбнулась: ребёнка не обманешь…

Хотя она знала, что выглядела просто великолепно для своего возраста. Она любила за собой ухаживать, не скупилась на различные косметические средства, занималась в фитнес-клубе, ходила в бассейн. Да, собственно, чем ей ещё было заниматься— она жила одна, зарабатывала неплохо и могла позволить побаловать себя. Больше было некого…

Зашуршали колёса, на площадку для автомобилей въехал роскошный серебристый «Ауди». Хлопнула дверца. Из машины показалась молодая светловолосая женщина в белых узких брючках, голубой кофточке, в босоножках на высоких каблуках. Из-под короткой кофточки виднелась полоска загорелого плоского живота. «Какая красавица,— залюбовалась Светлана и невольно вздохнула.— Молодость!»

— Лиза,— раздался голос, и Светлана Георгиевна вздрогнула.— Лиза, хватит, нам пора.— Пожилой мужчина поднялся и направился в их сторону.

Она растерянно смотрела на него. Сердце колотилось. Этот голос! Она узнала бы его из тысячи. Но… высокий, красивый, с седым коротким ёжиком на голове мужчина был ей незнаком, она это точно знала. Судя по всему, человек, занимающий определённое место в обществе,— «новый русский», в хорошем смысле этого слова. Дорогой кремовый костюм, светлые остроносые туфли, лицо гладкое, ухоженное…

— Лиза!

Знакомый высокий голос заставил ещё сильней забиться сердце. Девчушка, оставив велосипед,

бегала за голубями и не обращала на мужчину никакого внимания. Потом, видимо, решив с ним поиграть, она спряталась за Светлану Георгиевну и, выглядывая из-за неё, лукаво смеялась. Мужчина подошёл ближе, и Светлана увидела знакомый шрам над его левой бровью, напоминавший сломанную стрелу.

— Здравствуйте,— он кивнул Светлане.— Лизонька, пойдём, мама ждёт.

— Не хочу,— закапризничала малышка.— Я ещё поиграю с гуленьками.

— Пойдём, пойдём.

Он взял её за ручку, улыбаясь, взглянул на Светлану Георгиевну:

— Не слушается совсем…

Он замолчал на полуслове, удивлённо глядя на неё.

— Э-э… Это вы… это ты? Светлана?

Она тоже испуганно и растерянно смотрела на мужчину. Неужели это он, Алексей? Ну совершенно не похож на того вихрастого рыжеволосого паренька из её прошлого. Из их прошлого…

— Это я,— наконец, едва справившись с волнением, ответила она.

— Здравствуй.

Он опустился на скамейку. Помолчали. Девчушка села на велосипед и покатила к молодой женщине, которая вопросительно смотрела на мужчину.

— Я сейчас,— махнул он рукой.

Женщина с девочкой пошли к машине.

— Вот не ожидал тебя встретить…— он искоса поглядывал на Светлану.

— И я не ожидала…

— Но всё-таки встретились,— он, видно, уже овладел собой. От растерянности не осталось и следа. Спокойный, вальяжный, уверенный в себе человек.

Светлана была как в тумане. Словно издалека доносился до неё его голос, голос, который она впервые услышала много лет назад, ранним утром, на берегу таёжного озера…

2.

Тогда девчонки из цеха уговорили её поехать в двухдневный дом отдыха, который располагался на берегу таёжного озера, формой напоминавшего гигантскую запятую. В центре озера был плавучий маленький островок, тоже в форме запятой.

Ночью Света долго не могла заснуть. На танцверанде гремела музыка, где-то рядом пели — отдыхающие отрывались на славу. В маленьком щитовом домике было душно, неприятно пахло сырой рыбой, и вообще, зря она сюда приехала, лучше бы осталась одна в общежитии, занялась бы своими делами или просто отдыхала бы…

Когда за окном посветлело, она выбралась из домика и, захватив с собой полотенце и книжку, пошла к озеру. Было свежо, солнце ещё не успело согреть остывшую за ночь землю. Холодная роса обжигала босые ноги. Света хотела искупаться, но решила подождать, пока вода немного согреется. Она устроилась на большом плоском камне и раскрыла книгу, но как-то не читалось. Кругом была первозданная тишина. Поверхность озера блестела под первыми лучами солнца и казалась зеркальной. Отражалось в воде малиновое небо, плавучий островок закрывала пелена тумана.

— Не правда ли, я чертовски мил?— нарушил тишину чей-то голос.

Светлана вздрогнула. Кто это? А-а, да-да, она, когда подходила к берегу, краем глаза заметила какого-то человека, плескавшегося в озере, но тут же про него забыла — так величественна и торжественна была вокруг природа.

— Девушка, я к вам обращаюсь,— продолжал тот.

Светлана не ответила, ей было жалко расставаться с тишиной. Она уткнулась в книжку, делая вид, что читает.

— Ну что же вы не отвечаете?— весёлый голос прозвучал уже рядом.— Ведь я же вам понравился! Вы так долго на меня смотрели!

Она насмешливо фыркнула: тоже мне красавец!

Но парень был, действительно, довольно привлекательный, высокого роста, с накачанными мышцами, которыми он явно гордился. Тёмные мокрые волосы были гладко зачёсаны. Прямой нос, карие глаза. Всё это она отметила мельком и равнодушно отвернулась, она не собиралась заводить знакомства с кем бы то ни было. Он уселся рядом с ней на камень, скосил глаза на книжку: что читаем? Она хотела возмутиться — ну что за дела, в конце концов,— но вдруг ей расхотелось возмущаться… Смешной какой…

Парень болтал без умолку, но она не отвечала. Наконец он понял, что она не намерена разговаривать, и поднялся с камня.

— Зря вы не купаетесь, водичка — прелесть! До скорого!— Разбежавшись, он прыгнул в воду, нарушив зеркальную гладь озера. Поднялся фонтан брызг, во все стороны побежали торопливые волны…

За завтраком она снова увидела его и удивилась: вместо тёмных гладких волос на голове у парня была пышная рыжеватая шевелюра. «Парик, что ли?»— подумала Светлана и рассердилась на себя: ей-то какое дело, пусть он хоть лысым окажется.

Вечером снова была неизменная дискотека. Девчонки, накрасившись и нарядившись, убежали на танцплощадку, и Светлана, оставшись одна, слегка загрустила. Она вышла на улицу и села на крылечке, прислушиваясь к звукам музыки с танцверанды. В соседнем домике скрипнула дверь, и на крыльце показалась старушка, в нарядной кофте, в туфлях на каблуках, с высоко начёсанными седыми волосами. В руках была чёрная лакированная сумочка.

Сегодня утром старушка, к немалому удивлению Светы, в прямом смысле слова, спустилась с небес—прилетела на вертолёте.

Без приглашения усевшись рядом со Светланой, она с любопытством посматривала в сторону танцующих.

—А ты чего сидишь?—Голос у неё был густым, хрипловатым.

—Я не люблю танцевать…

—Ну ты что, девка, говоришь-то,—окая, гудела старушенция.—Как это не любишь? Ты же молодая. Ну-ка, пошли!

—Нет, нет, я не хочу,—отнекивалась Света, но старушка была неумолима.

—Пошли-пошли скорее, а то скоро танцы кончатся. Не любит она!.. Вот молодёжь пошла… Я старая, а страсть как люблю танцевать! Пойдём-пойдём, нечего сидеть одной!

Светлана нехотя поднялась. Пока они шли, старушка рассказывала о себе: 66 лет, учительница из глухого таёжного посёлка, приехала ноги полечить—озеро считалось целебным.

—А не боитесь на вертолёте-то летать?

—Чёрта ли его бояться! Да у нас другого транспорта отродясь не водилось.

Они сели на лежащее толстое дерево и стали смотреть на танцующих. Среди них Светлана заметила своего недавнего знакомого. Вернее, незнакомца. Тот вертелся как юла, выделывая замысловатые коленца, подхватывал то одну, то другую женщину, рыжие волосы мелькали по всей танцплощадке. Она отвернулась. Клоун какой-то.

Старая учительница всё же станцевала разок-другой, а Светлана так и просидела, скучая, на бревне.

Ночью опять не спалось. За окошком тихо шелестел дождик, о чём-то шептались листья деревьев—Светлана любила такую погоду. Шорох дождя становился всё тише и тише, и она начала засыпать. Вдруг её разбудил какой-то непонятный звук, словно по окну царапнула ветка. Она прислушалась—никого. Сон пропал. Она лежала с открытыми глазами. За окном мелькнула какая-то тень, снова раздался этот звук, и она поняла, что кто-то пытается открыть раму. Сердце испуганно забилось. Кто это? В домике она одна, девчонки где-то ещё гуляют. Сразу на ум пришёл тот парень. Неужели это он? Окно тем временем начало поддаваться, шпингалет того и гляди выскочит. За стеклом маячили какие-то люди. Она выскочила на крыльцо. На улице стояла непроглядная темень. Капли дождя громко шлёпали по листьям, по траве, казалось, что кто-то осторожно подбирается к крыльцу и сейчас набросится на неё… Ей стало жутко. Она слышала шум в доме, наверное, они уже открыли окно и проникли внутрь. Она стояла, полураздетая, закоченевшая, не зная, что делать, куда бежать. Хоть бы девчонки скорей пришли!

Послышались голоса, смех—мимо шли какие-то люди. Она не решалась позвать их, мало ли кто там идёт. Вдруг одна фигура отделилась от толпы и направилась в её сторону.

—Что такое? Одна, в темноте,—раздался знакомый голос,—неужели меня ждёшь, царевна-несмеяна? Не ожидал!.. Ну вот он—я!

Светлана так обрадовалась, что даже не обратила внимания на насмешливый тон.

—К нам кто-то в комнату забрался,—стуча зубами, еле выговорила она.

—Я боюсь туда заходить.

—А ну-ка, пошли!—Парень, легонько отодвинув её, открыл дверь в домик. За столом и на кроватях расположились трое пьяных парней и две девицы. Они угрожающе уставились на вошедших, кто-то поднялся с бутылкой в руке.

—Джентльмены энд леди, не перепутали ли вы, случайно конечно, апартаменты?

—Ты кто такой,—зашумели гости,—пошёл отсюда, пока не получил! Не видишь—отдыхаем!

—Мужики, давайте по-хорошему. Вы залезли в чужой дом, о чём базар? Давайте отсюда, и побыстрей.

Назревала драка. Светлана испугалась—он один, а их вон сколько. Лохматый парень, размахивая бутылкой, пошёл на рыжего.

—Выйди на минутку, пока я с ними тут разберусь.

—Он оттеснил её к двери, а сам каким-то неуловимым движением прикоснулся к пьяному парню. Тот, хрюкнув, полетел на пол. Девицы завизжали. В руке другого блеснул нож, но рыжий ногой выбил его, и скоро второй нападавший, скрючившись, лежал на полу, правда, успев ударить рыжего по лицу зажатой в руке банкой пива. Третий удивлённо таращился на товарищей, в драку не вступал.

—Ну, есть ещё желающие? Нет? Тогда даю одну минуту, и чтобы я вас здесь больше не видел!

…За окошком продолжал шуршать дождик. Шумели сосны. Девчонок всё ещё не было. Из ранки над бровью рыжего сочилась кровь. Света ваткой, смоченной в водке, взятой из забытой непрошенными гостями бутылки, протирала ранку. Он морщился, но терпел.

—Ну что, самое время познакомиться,—улыбнулся парень,—Меня зовут Алексей. 23 года. Холостой.

Светлана засмеялась:

—Я сразу поняла, что холостой. Женатого бы жена не пустила… Спасибо тебе. Я так испугалась, когда они в окно полезли… А ты смелый!

—Да какая это смелость—с пацанами пьяными разобраться. Приходилось кое-чем и посерьёзнее заниматься. О вдв слышала?

—О-о,—уважительно протянула Светлана.

У них в городе десантников знали и считались с ними. Свой праздник они отмечали с размахом, и хоть иногда случались и драки, как же без них, он давно уже превратился в городской.

— Так как же тебя всё-таки зовут?
— Светлана.
— Красивое имя! Романтичное.
— Спасибо.—Она смотрела на его рассечённую бровь. Наверное, след останется. Ранка довольна большая, в виде поломанной стрелы…
— Больно?
— Пустяки, мужчину шрамы украшают…

3.

Конечно же, Светлана влюбилась. Сердце её давно ожидало любви, и вот она пришла! Счастье просто переполняло её. Она как бы вся светилась изнутри, и этот свет делал её ещё красивей. Многие, улыбаясь, оборачивались ей вслед: влюблённых узнаешь сразу. Однажды летним вечером они с Лёшей шли куда-то, и, конечно, за версту было видно, что идут влюблённые. Светлана была в своём любимом красном платье, с веткой сирени в руке. Мальчишки, попавшиеся им навстречу, вдруг заулыбались, окружили их: «Поздравляем, поздравляем! Желаем счастья!» «Спасибо! Спасибо!»—отвечали они и весело переглядывались. Наверное, мальчишкам показалось, что они жених и невеста…
— А что, Свет, может, поженимся на самом деле?

Она растерянно смотрела на него: шутит или говорит серьёзно?

Лёша познакомил её со своими родителями, с сестрой. Они жили в деревянном доме, построенном ещё в начале строительства города. К дому вела дорожка, обсаженная кустами, вверху ветки соединялись, образуя арку. Во дворе—увитая плющом беседка, качели, клумбы с цветами. Сердце замирало от страха и восторга, когда они взлетали на этих качелях чуть ли не к верхушкам тополей. Потом качели сами собой останавливались, и Света с Лёшей долго целовались, стоя на узкой доске. Расстаться было совершенно невозможно, но что поделаешь… Он шёл её провожать, а утром на остановке, в ожидании автобуса, признавался, что всю ночь не спал, думал, что утро никогда не наступит,—так хотел её снова увидеть…

Неожиданно она получила телеграмму из дома: серьёзно болен отец. Лёша очень переживал, хотел поехать с ней, но не отпустили с работы.

Все три недели, проведённые дома, Светлана очень скучала по Лёше, писала ему чуть ли не каждый день письма, в которых в юмористических тонах описывала своё житьё-бытьё. Отец пошёл на поправку, и можно было уезжать, но стало жалко родителей—они так радовались её приезду. Дни тянулись невыносимо медленно. Однажды, проснувшись, Светлана вдруг почувствовала какую-то необъяснимую тоску. Сердце как будто кто-то сжимал до боли, а потом резко отпускал. Она пыталась заняться чем-нибудь, но всё валилось из рук, ничего не хотелось делать. К вечеру тоска охватила её с новой силой, казалось, что сердце сейчас не выдержит этой тоски и лопнет… Ночью, лёжа без сна, она решила завтра же уехать. Родители обидятся, но она больше не может оставаться. Хотелось увидеть Лёшу, посмотреть в его насмешливые глаза, дотронуться, поцеловать… Всё тело болело из-за невозможности сделать это сию же минуту.

…Выйдя из вагона, она поискала глазами Алексея, но его не было. Вздохнув, она направилась к автобусу, следующему в город.

Было воскресенье, в общежитии пахло подгоревшей жареной картошкой, капустой и пивом. По коридору бродили подвыпившие парни, неизвестно как попавшие в женское общежитие,—бдительные дежурные на вахте следили за этим строго.

После душа Света пошла вниз, на вахту,—надо позвонить Лёше, что она приехала. Он, наверное, просто не знал даты её приезда, письмо не дошло. На звонок долго никто не отвечал, потом заспанный голос отца сообщил, что Алексея нет дома. Когда будет—отец не знает. Светлана положила трубку, слегка обиженная его холодным тоном, но вообще-то отец не отличался приветливым нравом. Другое дело мать—весёлая, полная, жизнерадостная дама. Со Светой они давно нашли общий язык, им всегда было о чём поговорить друг с другом. Она с нетерпением ждала вечер, выглядывала в окно, заслышав чьи-то шаги, бежала к двери—Алексея не было. Наверное, отец ничего ему не сказал. Она снова спустилась на вахту, выстояв большую очередь, позвонила. «Ой, Светочка, ты приехала? Ну как отдохнула, как родители?»—Анна Ивановна была в курсе её семейных неприятностей. «Нормально, Анна Ивановна… А… Лёша дома? Нет? А когда он придёт?.. Ну ладно, передайте, что я приехала»,—сказала Света упавшим голосом. «Конечно, конечно, Светочка…»

Всю ночь Света не сомкнула глаз.

Он не появился и на следующий день, и через два дня, и через пять… Домашние его неизменно отвечали, что Лёши нет дома. Она ничего не понимала. Где он, что случилось? В пятницу вечером она не выдержала. Она должна увидеть его, а там что будет то и будет.

Мать Лёши варила варенье. На плите в медном тазу вскипала розовая пена, Анна Ивановна снимала её ложкой и выливала на блюдечко, а ложку облизывала и снова опускала в кипящее варенье, беспрерывно его помешивая. В пластмассовом голубом тазике горкой лежала крупная спелая клубника.
— Такая клубника в этом году уродилась, просто прелесть,—радовалась хозяйка.—На-ка вот, покушай.

Она насыпала ягоды в глубокую тарелку, полила их сливками.

— Ешь, ешь,— приговаривала она, пододвигая тарелочку поближе к Светлане. Света взяла ягоду, откусила — клубника показалась горькой, словно её полили горчицей. Она с трудом проглотила кусочек и отодвинула тарелку.
— Да ты что, такая вкуснятина! — Анна Ивановна выбрала самую крупную ягодку и протянула девушке. Светлана отрицательно покачала головой. Она еле сдерживала слёзы. Анна Ивановна отправила клубнику себе в рот, с причмокиванием съела её.

Анна Ивановна беспрерывно что-то говорила, обо всём сразу, не делая пауз, но Светлана не вслушивалась, о чём она болтает. Ей очень хотелось спросить о Лёше, но она никак не могла решиться. Ей было совершенно не интересно, какой новый рецепт варенья дала соседка или что можно лечить клубникой. Она ждала, что Анна Ивановна сама скажет что-нибудь о нём, но так и не услышала от неё ничего. Наконец она засобиралась домой.
— Возьми клубнички с собой.— Анна Ивановна совала ей в руки кулёчек с ягодами.— Приходи к нам, я завтра буду из крыжовника варить. Поможешь мне, ладно?
— Хорошо,— кивнула Света. Помолчали. Наконец, справившись с волнением, она спросила о Лёше. Анна Николаевна долго молчала. Улыбка сошла с её лица, она помешивала варенье с такой силой, что, казалось, сейчас сломается ложка.
— Светочка,— Анна Ивановна, бросив ложку, тяжело опустилась на стул.— Я не знаю, он дома почти не бывает. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, как к родной…— Она ещё что-то говорила, но Света была как в тумане и не понимала, о чём идёт речь.
— Ты не расстраивайся, ещё всё наладится у вас… Мало ли что… Вот придёт, я с ним поговорю…

Света, не в силах перебороть себя, бегала к Анне Ивановне каждый день, помогала ей по хозяйству или просто сидела в комнате, глядя на фотографию Алексея в военной форме. Так и не дождавшись его, она с тяжёлым сердцем уходила к себе в общежитие и уже там давала волю слезам.

Она ругала себя, но вечером снова бежала к родителям Лёши, хотя уже понимала, что случилось непоправимое. В это не хотелось верить. Но надежда всё ещё жила в её измученном сердце.

Однажды она застала Анну Ивановну всю в хлопотах, раскрасневшуюся, с разноцветными бигуди на голове. Из кухни тянуло поджаренным мясом, вкусно пахло какой-то стряпнёй.
— Что-нибудь помочь, Анна Ивановна?
— Света,— растерялась Анна Ивановна, она старалась не смотреть на Светлану,— ты знаешь… может, в другой раз… У нас гости…
— Хорошо, извините меня…— Голос её дрожал.— Я пойду…
— Ты потом, завтра… или… через недельку приходи, ладно? — Видно было, что Анна Ивановна хочет, чтобы она поскорее ушла.
— Извините,— еле слышно прошептала Света.
— Я больше не буду приходить… Я понимаю…
— Ну что ты, что ты… Приходи. Ко мне приходи,— говорила Анна Ивановна, но сама уже открывала дверь, одновременно подавая девушке её плащ.

Дня через два подружка, еле скрывая злорадство, сообщила ей, что Алексей приводил домой свою новую пассию, знакомил с родителями. У женщины есть ребёнок, девочка лет пяти.
— Анна Ивановна, это правда, он женится? На другой? — плакала Света.
— Светочка, милая, ну что же делать, так вышло. Говорит, что полюбил…
— А как же я? Что же я буду делать? Поговорите с ним. Он вас послушается, скажите, что жить без него не могу…
— Света, ты знаешь, как я к тебе отношусь — как к родной, но… он сын мне… Ты… не ходи сюда больше… Ты ещё молодая, найдёшь себе парня, полюбишь…

С предательством Светлана встретилась впервые в жизни, и ей было очень тяжело. Снова и снова вспоминала она моменты их знакомства, их любви, вспоминала слова, которые он ей говорил, пыталась найти ответ — почему это случилось. К чувству огромной потери примешивалось чувство стыда и оскорблённого самолюбия. Ей казалось, что все знают, что её бросили, что она никому не нужна. Большую часть свободного времени она сидела у себя в комнате, никуда не выходила, разве что в столовую или в магазин за хлебом. На работу старалась ездить пораньше, чтобы не встретиться с ним. Иногда видела его, пробегавшего мимо, с всегдашней улыбкой на красивых губах, крутящего на пальце связку ключей. Ни разу он не позвонил ей, не объяснился, не оправдался — как будто ничего между ними никогда не было.

Однажды она всё-таки столкнулась с ним.
— Как жизнь? — весело спросил он и, не дожидаясь ответа, побежал, играя своими ключами…

Зима тянулась бесконечно. Светлана обычно сидела дома, в общежитии, никуда не ходила, готовилась к сессии…

Она уже свыклась с потерей, хотя сердце ещё болело при воспоминании о нём. Промелькнула невесёлая весна, наступил июнь, любимое время года. Снова цвела черёмуха, её запах будил воспоминания, но Светлана запрещала себе думать о прошлом.

Однажды ночью она проснулась от какого-то звука. Ей показалось, что кто-то стукнул в окно, но она тут же обругала себя — кто стукнет, если окно на третьем этаже? Но через некоторое время опять что-то ударило по стеклу. Она, раздвинув

шторы, посмотрела вниз. На тротуаре стоял Алексей, что-то говорил и показывал рукой, чтобы открыла окно. Что ему надо, зачем он пришёл? Помедлив, она открыла окно.

— Спустись вниз,— попросил он.

— Зачем?

— Поговорить надо.

С колотящимся сердцем она спускалась по лестнице, гадая, что ему от неё понадобилось. «Куда это ты собралась в два часа ночи?— недовольно ворчала вахтёрша, открывая входную дверь.— И ходят, и шастают, ни днём ни ночью покоя от вас нет. Вот пожалуюсь коменданту, она быстро порядок наведёт».

— Пойдём погуляем,— сказал Алексей как ни в чём не бывало. Она молчала, не в силах побороть волнение. Он что-то говорил, но она слышала только голос, не вникая в слова. Он потянул её за собой, и она помимо своей воли пошла за ним.

— А у меня, между прочим, сегодня день рождения, может, поздравишь?— Он взял её за руку.

— Ой, извини, я совсем забыла. Поздравляю.

— А поцеловать?

Светлана вспыхнула. Вот наглец!

— Обойдёшься!— Она сердито вырвала руку. Он засмеялся, обнял её за плечи и попытался поцеловать. Она упёрлась руками ему в грудь, но он держал крепко. От него слегка пахло вином и черёмухой. Рыжие волосы были густо посыпаны лепестками черёмухи. У неё захолонуло сердце.

— Перестань сейчас же!— Она вывернулась из его объятий.— Говори, что тебе нужно. Поздно уже, я спать хочу. Он засмеялся и снова притянул её к себе.

Они сидели на скамейке во дворе за общежитием. Всё вокруг было белым-бело от черёмухи.

Света молчала. Она ещё не пришла в себя от неожиданной встречи и не знала, как дальше себя вести и что делать.

Он продолжал говорить что-то, нисколько не смущаясь, как будто не было ни его измены, ни долгих месяцев разлуки.

— Ты чем завтра занимаешься? Может, на пляж сходим? Он широко зевнул.— Извини. Третью ночь не сплю. В такие ночи спать— грех… Смотри, какие звёзды! Эй, звёзды! Спускайтесь сюда! У меня сегодня день рожде-ни-я-я! Слушай, Свет, ты не хочешь подарить мне звезду? Нет? А почему? У-у, жадина! Ну ладно, не хочешь— не надо. Мне и так сегодня подарков надарили! Вот, смотри.— Он достал из кармана шариковую авторучку.

«Я тебя люблю»,— прочитала Светлана.

— Это Галчонок подарила…— Он внезапно осёкся и выхватил ручку.

«Да-да, Галчонок. Понятно. Любит она его. А чего ж не любить! Ты ведь тоже любишь…»— Света с тоской смотрела на занимающийся рассвет— ещё один пустой день впереди из череды нескончаемых пустых дней без него…

4.

Как-то вечером— она теперь работала в смену— её с новой силой охватила тоска. Не по Алексею, нет… а может, и по нему, просто она не давала себе думать о нём. От этой тоски, от сознания своей ненужности жизнь показалась Свете совершенно бессмысленной. Зачем жить, для кого? Чтобы опять кто-нибудь предал? Она представила будущее— без любви, без семьи… лучше умереть… Воображение тут же нарисовало картину похорон: искусственные цветы, скорбные лица, сырую страшную могилу… Ей стало так жалко себя, что она разрыдалась… Зачем, почему это с ней случилось? А может… мать Алексея была права— всё ещё наладится и она встретит человека и полюбит его? Нет, это невозможно! Нет!

После слёз облегчения не наступило. Теперь вместо тоски появилась какая-то пустота, как будто из неё вынули всю душу, осталась одна оболочка. Ей вдруг захотелось разбежаться и со всего размаху удариться о стену головой. Она понимала, что дошла до предела, но ничего не могла с собой поделать… Она боялась смотреть на стену, та словно притягивала её, звала: иди ко мне… тебе станет легко-легко…

И тут раздался телефонный звонок.

Она не сразу поняла, кто звонит, и отвечала на какие-то глупые вопросы, не понимая, ни что спрашивают, ни что она отвечает.

Давайте с вами встретимся,— долетал сквозь треск смешной окающий говорок.— Нет, ну вы меня, может, и не знаете, зато я вас знаю! Хотите, опишу вашу внешность? Молодая, красивая, глаза зелёные, волосы длинные, светлые… Угадал? Зовут Светлана… А меня Женя…

Она бросила трубку. Через пять минут снова звонок. И так почти всю смену. Она уже тихо ненавидела его, но что поделаешь, такое случается часто. Солдатики скучают, названивают по всем номерам— авось кто-нибудь да клюнет.

И следующую смену всё повторилось, а потом звонки уже стали привычными, уже не так раздражали её. Всё какое-то развлечение, отвлекают от тяжёлых мыслей. Но встречаться с ним она решительно отказывалась.

Наступило лето, а в Светиной жизни ничего не происходило. Она так же вечерами сидела одна в общежитии, много читала, грустила и иногда плакала. Лето она очень любила, ждала его всю долгую зиму, внутренне собравшись в комочек, и расцветала— вместе с ним. А сейчас даже лето не радовало её. Она иногда ругала себя: ну что так распускаться, подумаешь, парень бросил— не она первая, не она последняя. Но снова наступала апатия, никого не хотелось видеть. И жить не хотелось.

Этот Женя ещё! Достал уже своими звонками! Всё напрашивается в гости… Они уже встречались на нейтральной территории— он частенько

поджидал её на проходной. Поболтав с ним несколько минут, она уезжала, а он бежал к ждавшей его машине с надписью «Люди», на которой солдат возили в караул. Служить ему оставалось всего полгода, и он уже строил планы относительно своей дальнейшей жизни.

Вообще-то он был неплохой. В меру скромный, в меру нахальный — по телефону, — но ей не интересен. Ей никто не был интересен, а он особенно.

Вчера он так умолял пригласить его в гости, что она сжалилась над ним. Бедному парню ведь даже некуда пойти в чужом городе. Светлане всегда было жалко солдатиков, которых отпустили в увольнение, и они, обрадованные, начистив до блеска ботинки, нацепив многочисленные значки, стайками ходили по улицам города, ели мороженое, пили газировку из автоматов и с завистью поглядывали на гражданских сверстников, гуляющих со своими девчонками… Им, наверное, было жарко в мешковатых кителях, в солдатских ботинках, хотелось искупаться в реке, зайти в кафе… К тому же он обещал принести запись оперы «Юнона и Авось».

Женя явился ровно в одиннадцать, как договаривались. Светлана едва успела привести себя и комнату в порядок. Девчонки уехали к родителям в деревню, и она осталась одна на все выходные.

Немножко смущаясь, он поставил на стол китайский двухкассетный магнитофон, сел и робко взглянул на Свету. Она молчала. Он тоже не знал, с чего начать разговор.

— Послушаем? — Он потянулся к магнитофону. Она нетерпеливо кивнула.

Женя нажал кнопку, и сквозь треск и шум раздался рёв: «У неё такая маленькая грудь и губы алые, как маки… хр-р-т-р-ч-ч-ч-ш… уть… и любит девушку из Нагаса-аки!» Света засмеялась. Женя смутился:

— Наверно, не ту кассету взял. — Он покраснел. Вытащил кассету, долго рассматривал её, снова вставил, включил. «У неё такая маленькая г-р-р-р-удь!..» Больше на кассете ничего не было. Он выключил магнитофон. Свете стало жалко его.

— Ну что ты, пусть поёт. Хорошая песня.

— Правда? — обрадовался Женя и снова нажал кнопку.

Прошло минут пятнадцать. Магнитофон орал про маленькую девушку из Нагасаки. Женя сидел красный, он не знал, как себя вести и что говорить. Света молчала, она уже пожалела, что пригласила его.

Отдёрнув штору, она тоскливо смотрела в окно. Зачем всё это? Парень надеялся, ждал… А ей даже говорить с ним не хочется. И не о чем… Господи, какая тоска, какая бесконечная тоска…

Прошёл ещё час. Песня про девушку с маленькой грудью била по нервам. Болела голова. Женя сидел несчастный, вспотевший, он не понимал, в чём дело. Почему Света такая неприветливая и сердитая? Но уходить не хотел. Куда идти-то? Ребята из его роты ушли в кино, как договаривались, завидовали ему, что идёт на свидание. Вот так свидание!

Вечером, лёжа в постели, она вспомнила, что даже не покормила его. Вот бессовестная! Ей стало так стыдно, что захотелось сейчас же побежать, позвонить ему, извиниться… Чем он виноват, что в душе у неё пусто? Она уже привычно поплакала и заснула.

В следующее увольнение он снова пришёл к ней, уже в не в военной форме, а в спортивном костюме — раздобыл где-то или купил, готовясь к дембелю. Магнитофона на этот раз не было. Зато были три красные розы, скромно завёрнутые в газету. Света отругала его — зачем тратиться, — хотя в душе была очень рада такому вниманию. Не с бутылкой же пришёл, с розами! Они пошли в кино, потом посидели в кафе, выпили по чашке кофе, съели по две порции мороженого. На нейтральной территории Женя оказался довольно остроумным, весёлым, с ним совсем не было скучно. Забыв про смущение, он развлекал её байками из солдатской жизни, и Света помимо воли заливалась смехом.

Она уже ждала его звонков — они отвлекали её от тяжёлых мыслей, да и смена проходила быстрей. Когда его отпускали в увольнение, они ходили в кино, гуляли по «Аллее любви» или сидели у неё в комнате, если шёл дождь. Она частенько подтрунивала над ним, называла «девушкой из Нагасаки». Он не возражал. Он был согласен на всё, лишь бы Света была с ним.

В начале декабря он явился к ней в парадной форме, на плечах аксельбанты, на груди — многочисленные значки, на белом ремне самодельный кортик, на руках белые перчатки.

— Женька! Ты ли это? — Света покатилась со смеху. — Ты что, на парад собрался или… на бал-маскарад?

Женя слегка обиделся, он думал сразить её своим видом наповал. На бал-маскарад! Что она понимает! Любой уважающий себя дембель должен прийти на «гражданку» во всей красе! Она ещё не видела его дембельский альбом!.. Он так готовился к этой минуте, а она…

— Ну ладно, не обижайся, Жень. Что-то я не то говорю, прости… — Она чмокнула его в щёку: — Поздравляю.

— Света, ты поедешь со мной?

— Куда, Женя? — Они сидели на последнем ряду в тёмном зале кинотеатра. — Мне завтра на работу, не отпустят.

— При чём тут работа! Ты вообще должна уволиться, никто не имеет права тебя задерживать.

— Ты что говоришь? — Света никак не могла понять, о чём это он.

На них шикнули: не мешайте смотреть.
— Ну мы же должны съездить к моим родителям, на Украину, там и свадьбу сыграем. Знаешь, какие у нас свадьбы!
— Женя,—с лёгкой досадой сказала Света,—давай досмотрим фильм. Какая свадьба? Кто за кого выходит замуж?
— Ты за меня.
— С чего ты взял?
— Ну а как? Мы же любим друг друга…
— Жень,—Светлана легонько дотронулась до его руки,—давай поговорим об этом потом…

На них опять недовольно зашикали. Светлана поднялась и стала пробираться к выходу. Ничего не понимающий Женя следовал за ней.
— Света!
— Вот что, Женя.—Светлана смотрела ему прямо в глаза—Во-первых, я не собираюсь замуж. Во-вторых, если соберусь, то поищу кого-нибудь другого.
— А чем я не подхожу?
— Всем!—отрезала Света и, повернувшись, быстро зашагала в темноту аллеи. Возмущению её не было предела. Жениться он собрался! А её спросил? «Любим друг друга!» Кто любит-то? Она, например, не любит. И никогда никого не полюбит. Хватит, отлюбила…

Он уехал. К своему удивлению, она вдруг почувствовала какую-ту пустоту внутри. Что ни говори, а всё-таки Женька как-то скрашивал её жизнь, просто она привыкла лелеять свою обиду, свою боль и до чувств другого человека ей не было дела. Она даже расстраивалась, что он не пишет ей, не звонит. Обиделся, наверное, на всю жизнь. Ну ничего, на Украине девчата красивые, скоро утешится.

Но грустить ей пришлось недолго—через месяц Женя явился сам. Как говорится, с вещами. Она так обрадовалась, что сама себе не поверила.

Свадьбу наметили в ноябре, пока он устроится, пока заработает немножко—куда торопиться.

5.

Завод, где работали Света и Женя, приобрёл турбазу на Байкале. Народ валом повалил туда, хотя там пока, кроме старых деревянных покосившихся домиков, ничего не было. Расчистили территорию, наставили палаток, построили танцверанду, открыли кафе с видом на Байкал. Турбаза находилась на берегу мелкого и тёплого залива. Когда-то, в конце 19-го века, там произошло землетрясение и часть суши оказалась под водой вместе с деревушкой. Из воды виднелась только колокольня старинной церкви.

Света со своей подружкой Леной, расстелив пледы, загорали на берегу, ребята—Женя и Миша, муж Лены, играли в волейбол на спортивной площадке.

Был какой-то национальный праздник, и местные жители, в основном молодёжь, отмечали его по своему обычаю—всех кидали в воду прямо в одежде. Визг, хохот, брызги—веселье било ключом.

Света пыталась читать книжку, но крики детей, громкие голоса отдыхающих отвлекали, приходилось перечитывать страницу по несколько раз. Она отложила книжку и, надвинув шляпу на глаза, решила просто полежать, может, даже подремать.
— Смотри,—толкнула её Лена.

Света, скосив глаза, посмотрела в ту сторону, куда показывала подруга, и невольно засмеялась.

К берегу причалила лодка, в которой сидели два китайца или корейца—Света не очень разбиралась, для неё большой разницы не было. Оба маленькие, щупленькие, дочерна загорелые, они никак не решались покинуть лодку, которая находилась от берега метрах в двух-трёх.

Китайцы что-то кричали, обращаясь к своему одноплеменнику, стоявшему на высоком берегу. «Наверно, начальник какой-то, уж больно важный»,—подумала Света. Немотря на 35-градусную жару, он был одет в тёмный костюм, ворот рубашки туго затянут галстуком, а поверх костюма синий прорезиненный плащ. На голове—фетровая шляпа. Руки он скрестил на груди, как Наполеон перед сражением.

Ни один мускул не дрогнул на его широком лице. Он был похож на каменное изваяние. Парни продолжали взывать к нему. Наконец статуя ожила, босс стал засучивать брюки, под которыми оказались ещё и кальсоны фиолетового цвета.
— Может, это сам Мао?—вытирая выступившие от смеха слёзы, предположила Лена.—Руководит на месте отдыхом трудящихся?
— Перестань, Ленка, я больше не могу, у меня уже…—Света внезапно замолчала, её вдруг словно ударило током. К лодке шагнул высокий мускулистый парень, и она узнала в нём Алексея. Он сгрёб в охапку обоих парнишек и понёс их к берегу. Воды у берега было ему по колено. Поставив их на спасительную землю, он, видимо, хотел пойти купаться, но его остановил босс в фетровой шляпе. Он подошёл к Алексею, похлопал по плечу и, вытащив из кармана плаща портсигар, достал оттуда две сигареты, протянул их ему.
— Не курю,—отвёл Алексей руку, но тот настойчиво совал ему сигареты. Два спасённых китайца тоже что-то щебетали, видимо, благодарили.

Алексей взял сигареты и, видно, раздумав купаться, пошёл к спортивной площадке.

Лена перестала смеяться и с тревогой посматривала на Свету. Она тоже узнала Алексея. Света была в шоке. Она давно приказала себе забыть его, и ей казалось, что она забыла. Нет! Никогда она его не забывала и не забудет! Сердце сжалось привычной болью, яркий солнечный день померк, её бил озноб.

Вечером они сидели у костра, разведённого неподалёку от палатки. Такие костры горели во

многих местах, и было ощущение чего-то нереального, кругом шумел таинственный лес, блестело под луной озеро, громко каркала ворона. С танцплощадки доносилась музыка.

Света грустно смотрела на пламя. Значит, он здесь… Интересно, с женой или один? Ей хотелось, чтобы он оказался здесь один. Она не собиралась его разыскивать среди отдыхающих, более того, она не хотела, чтобы и он её увидел, но… пусть бы он был здесь один.

И вдруг она увидела его прямо перед собой.

— Привет, девчонки,— как ни в чём не бывало поздоровался он.

Ребята вопросительно смотрели на Свету. «Познакомьтесь,— сказала она,— это Алексей».

Он тут же уселся у костра, и скоро всем стало казаться, что они знают его тысячу лет. Алексей явно всем понравился. Он привычно хохмил, рассказывал всякие байки из своей военной биографии, компания хохотала, только Света всё так же молча смотрела на искры, роем взлетающие к верхушкам сосен.

— Пойдёмте танцевать,— предложил кто-то.

Танцверанда — настил из толстых досок — была построена прямо среди сосен. Кое-где светили тусклые лампочки, обстановка была очень романтичная.

Алексей пригласил Свету на танец, и они поднялись на помост.

Светлана старалась унять дрожь, охватившую её при прикосновении знакомых рук, но никак не могла справиться с собой. Он чуть покрепче прижал её к себе, она попыталась отстраниться, но он не отпустил. Они молчали. Прямо над центром танцплощадки висела огромная луна, в её призрачном свете всё казалось ещё более призрачным. «Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты, и я знаю, что я тебе нравлюсь, как когда-то мне нравился ты…» — грустно пела певица. По лицу Светы катились слёзы, и она только надеялась, что он их не заметит. Но он заметил.

Он ещё крепче прижал её к себе и вдруг поцеловал её в волосы. «Как хорошо пахнут твои волосы,— прошептал он,— я помню их запах, я вообще всё помню… А ты?» Она резко вывернулась из его рук и пошла к палаткам. Мелькнула среди деревьев Лена, танцевавшая с кем-то, Жени и Миши не было видно. Алексей догнал её, повернул к себе и стал целовать губы, глаза, мокрые от слёз щёки. «Света, Света!» — послышались голоса, но Света не стала отвечать. «Давай уйдём отсюда»,— сказал Алексей, и она послушно пошла за ним.

…Палатка была старая, дырявая и никем не занятая. Сквозь дыры в брезенте видны были звёзды, за тонкой стенкой ходили люди, их голоса были совсем рядом, и было чуть-чуть страшно: а вдруг она всё-таки занята и вернутся хозяева. Время от времени с сосен на палатку мягко падали шишки и с шорохом скатывались на землю…

«Света, Света, ты где? Света!» — послышались совсем рядом голоса. Светлана совсем забыла, что её могут искать, что Женя… А что Женя? Зачем Женя, когда рядом любимый, единственный…

— Светка, я люблю тебя.

— И я тебя…

— Я всегда тебя любил!

— А как же, Лёша, как же?..

— Молчи, ничего нет. Ничего, понимаешь? И не было.

Мы с тобой. Сейчас. Здесь…

— Лёша, я люблю тебя… Лёша… Мы больше не расстанемся?

— Никогда, Светка… ну что ты плачешь, ведь мы вместе…

— У меня нет никого, кроме тебя…

— И у меня…

Под утро голоса, зовущие её, замолчали. Над лагерем стояла тишина, лишь изредка доносился тихий всплеск набежавшей волны да нестройно шумели сосны.

— Давай возьмём лодку и с утра уплывём на косу.— Алексей вопросительно смотрел на неё.— Знаешь, там такой песок, отборный, чистый… Позагораем, а вечером вернёмся, а?

Света была согласна на всё, лишь бы быть рядом с ним. Она пошла к своей палатке. Было ещё рано, лагерь спал, кругом ни души. У входа в палатку на земле сидел Женя.

Он поднял на неё измученные глаза, и она подумала, что он всё знает или догадывается.

— Ты где была, Света, я всю ночь тебя искал…— Голос у него прервался, и он замолчал.

— Женя, не надо меня искать… Я… я ухожу…

— Куда, Света?

— Это совершенно неважно, просто я… просто я не люблю тебя, Женя. Прости меня.

Из палатки показалась Лена, она, видимо, всё слышала.

— Светка, ты с ума сошла! Опомнись, ты ведь знаешь, что это за человек! Он тебя предал! Он негодяй!

— Это мой любимый человек, Лена! — Она взяла сумку с вещами и пошла к берегу, не оглядываясь.

— А ты дура! — крикнула ей вслед подруга.

6.

Залив отделялся от озера песчаной косой. Где-то далеко справа была ещё одна коса, но её не было видно, так как залив был довольно большой: три километра в ширину и пять в длину. Между этими песчаными косами была так называемая прорва, куда в своё время и хлынула байкальская вода.

Они приплыли на ближнюю косу, когда солнце было уже довольно высоко. Вытащив лодку на песок, выбрали самое сухое место и улеглись на

разостланные полотенца. На небе ни облачка. С моря дул свежий ветерок, охлаждая разгорячённые тела. Коса тянулась километра на полтора, и ни одной души не было видно. Они почувствовали себя на необитаемом острове.

Где-то далеко, у берега, они различали меленькие точки купающихся, изредка моторные лодки бороздили волны залива, но на косу так никто и не приплыл. Они были счастливы. Света была счастлива! Это солнце, этот золотой песок, это синее море—и Алёшка, её Алёшка! Она теперь никому его не отдаст!

Солнце стояло уже почти в зените. Стало совсем жарко. Они бегали купаться, благо, вода в заливе была очень тёплой, не то что по ту сторону косы—в Байкале. Там температура даже летом не больше восьми градусов.

Захотелось есть. Но еды никакой у них не было. Порывшись в сумочке, Светлана нашла несколько кусочков шоколада и две жевательные резинки. Подкрепившись, почувствовали себя веселей.

Алексей предложил пройти по косе до самой прорвы. Взявшись за руки, они пошли по горячему песку. Ноги увязали почти по щиколотку.

Неожиданно они увидели лодку и рыбака, сидевшего в ней.

—Ну и как клёв?—спросил Алексей.

Рыбак недружелюбно посмотрел на них, буркнул что-то себе под нос—рыбаки не любят, когда их спрашивают, как клюёт, это потом они с превеликим удовольствием, безбожно привирая, рассказывают, как на крючок попалась в-о-о-о-т такая рыбина!

—А вы не продадите нам рыбки?—не обращая внимания на неприветливость рыбака, спросила Света.

Тот молча полез рукой в ведро, вытащил четыре рыбёшки и протянул их Светлане. На её вопрос, сколько стоит, он лишь презрительно махнул рукой.

Так и не дойдя до прорвы, они вернулись на своё место. У Алексея оказалась зажигалка, и они стали думать, как бы пожарить этих рыбёшек. Они насобирали сухих веток, выброшенных волнами на берег, разожгли костёр. Они никогда не видели, как местные рыбаки жарят рыбу на «рожнах»—оструганных палочках,—но, видимо, какой-то древний инстинкт предков подсказал Алексею, что надо делать. Они насадили свой «улов» на эти палочки и воткнули их вокруг костра. Вкуснее этого Света в жизни своей ничего не ела…

Раздевшись донага, они с разбегу бросались в воду, барахтались в ней, целовались и вновь выходили на своё горячее золотое ложе, и не было этому счастью конца.

Время двигалось к вечеру. На совершенно чистом голубом небе появилось большое тёмное облако. Откуда оно взялось, было непонятно. Облако, подгоняемое ветром, скоро полностью закрыло солнце, только из-за его почти чёрных краёв в разные стороны расходились лучи—как на детском рисунке.

Со стороны залива подул весьма ощутимый ветерок.

Затарахтел мотор лодки, это их знакомый рыбак направлялся к берегу. Поравнявшись с ними, он заглушил мотор и прокричал, что им надо уезжать отсюда. «Почему?»—«А вон туда посмотрите,—он указал рукой на чёрное облако,—это нехорошее облако, буря будет». «Из такого маленького облачка? Ведь кругом ни одной тучки нет?»—удивился Алексей. «Ну как хотите».—Мотор взревел, и лодка умчалась вперёд.

Между тем ветер становился всё сильнее, пошёл дождь. Стало прохладно. На них уже не было сухой нитки. Надо было возвращаться.

Встречный ветер не давал грести, казалось, лодка стоит на одном месте. Ветер уже ревел, как раненый медведь, волны захлёстывали лодку. Алексей отчаянно боролся с ветром и волнами. Света вычерпывала руками воду. Наступила ночь, и сквозь плотную пелену дождя не видно было ни одного огонька долгожданного берега.

Их сносило назад, к прорве. А там… там была смерть! Света тихо плакала. «Ну что ты, Светлячок? Не бойся, скоро берег»—«Какой берег, Лёша, ведь нас несёт в обратную сторону!»—«Это тебе кажется». Чтобы подбодрить её, он громко запел:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные…

Неожиданно их лодку что-то дёрнуло—раз, другой, и она остановилась. Вглядевшись, они увидели, что их держит какой-то похожий на лохматое чудовище предмет. Наконец они поняли, что это огромное дерево, вырванное с корнем,—за него-то они и зацепились. Выбравшись на песок, они долго молча лежали под пронизывающим ветром и проливным дождём. У Светы зуб на зуб не попадал, всю её сотрясало крупной дрожью.

Они вспомнили, что днём видели на косе старую перевёрнутую лодку, и наугад побрели к ней. Лодку они нашли довольно быстро. Они забрались под неё—там было относительно сухо и даже тепло. Ветер изо всех сил старался перевернуть их утлое пристанище, дождь всю ночь стучал по «крыше»… Они согревали друг друга теплом своих тел, жаром сердец и наконец уснули, тесно обнявшись, как Квазимодо и Эсмеральда…

Светлана всё-таки простудилась и целую неделю пролежала с высокой температурой. Никто к ней не приходил. Забежала, было, Лена, ругалась, рассказывала, как страдает Женя, но Свете не было дела ни до Жени, ни до Лены. Это всё в прошлом.

Алексей тоже не приходил, и она страшно переживала за него. У неё не было сил подняться, позвонить ему. Наверное, он тоже болен, бедненький.

Света вышла из поликлиники и решила прогуляться по набережной. Набережная была самой красивой улицей в городе, не считая «Аллеи Любви». Кроме того, ей хотелось пройти мимо дома Алексея, в надежде увидеть его. А если не увидит — не беда, вечером она ему позвонит. Может, он уже тоже выздоровел.

И вдруг она увидела его. Он шёл, держа за ручку девочку лет шести, а его под руку держала женщина, похоже, на последнем месяце беременности. Девчушка что-то щебетала, весело подпрыгивая и повисая у него на руке, и громко смеялась, и... он тоже смеялся... и все они казались такими счастливыми!

Увидев Светлану, он на мгновение словно споткнулся, но, не взглянув на неё, прошёл мимо, как будто её и не было. «Папа, папочка, — щебетала девчушка, — а у нас в садике праздник был...», — как сквозь вату, доносился до неё голос девочки.

7.

— Папа! — послышался звонкий голосок. Малышка, которую она приняла за его внучку, подбежала и, строго посмотрев на «тётю Свету», сказала:

— Папочка, я хочу домой.

— Иди к маме, я сейчас приду. — Он легонько подтолкнул ребёнка.

— Я скоро... — И глядя на удивлённое лицо Светланы, с усмешкой сказал: — Да-да, это мои жена и дочка. Ты удивлена?

«Мне всё равно», — хотела сказать Светлана Георгиевна, но ничего не сказала.

Он медлил уходить, она видела, что он хочет что-то сказать, но, видно, не решается. Сев снова рядом с ней, он спросил:

— Помнишь Байкал и нашу лодку?

— Нет, не помню, — как можно равнодушнее произнесла она.

— А я помню. «Два счастливых дня было у меня...»

— Три.

— Что — три?

— В песне — три счастливых дня...

— А-а, да-да...

Он ещё мгновение посидел на скамейке, потом поднялся и, ничего не сказав, пошёл к машине.

От реки по аллее шли, взявшись за руки, высокий светловолосый парень и девушка в красном платье. В руках у девушки был букет ромашек. Они ели мороженое, откусывая его по очереди, дурачились и смеялись.

Они прошли мимо Светланы Георгиевны, и вдруг девушка, повернувшись, подбежала к ней, положила ей на колени ромашки и побежала догонять своего парня.

Светлана Георгиевна смотрела им вслед. Ей хотелось крикнуть им: «Ребята, берегите свою любовь!» Но она не крикнула. Она почему-то знала, что они — сберегут.

Д*и*Н пародия

Евгений Минин

Не позволяй любви несчастной!

Непозволительное

А возраст мой такой опасный —
Не пожелаешь и врагу! —
Я в сорок лет себе несчастной
Любви позволить не могу.
Елена Исаева

Я не могу любви позволить
Себе несчастной в сорок лет
Себя мужчиною неволить —
Потом храни в шкафу скелет.

А я по молодости сдуру,
Свой юный возраст погубя
Влюбилась вдруг в литературу,
Чем обнесчастила себя.

Кинолюбовь

Мне сорок уже, а не двадцать,
Но радует очень одно:
Я не разучилась влюбляться,
Сходив в воскресенье в кино!
Елена Исаева

Постигла я только под сорок,
Что все мужики — как бревно.
А тот, кто и люб мне, и дорог,
Находится только в кино.

Не думайте, что это странно,
Что близости нет у меня,
И знайте, что киноэкрана
Одна на двоих простыня.

Ирина Манаева

Одиноким предоставляется кот

Бирин-Бирин

Мастер маскировки Бирин-Бирин занял удобную позицию и наблюдал. В стеклянную тюрьму его поместили недавно. Ещё неделю назад он любовался природой родного Мадагаскара, теперь же вынужден был жить под ультрафиолетовыми лампами холодной России.

Пару дней Бирин-Бирин приходил в себя. Потом понемногу освоился. Большой лысый зверь с длинными хватательными конечностями, похожий на гориллу без волос, приносил мух, сверчков и бананы. Бирин-Бирин не очень доверял самцу гориллы, но голод брал своё. Дождавшись, пока самец отойдёт на безопасное расстояние, Бирин-Бирин неторопливо подбирался к еде и отправлял её к себе в рот при помощи длинного языка.

Тюрьма была осмотрена тщательно, ничего не скрылось от подвижных глаз Бирин-Бирина. Стало скучно, поэтому мастер маскировки занял удобную позицию и наблюдал. Осознание того, что он не одинок, немного взбодрило Бирин-Бирина. За стеклом был мир, состоящий из клеток и террариумов, в которых томились собратья по несчастью.

Бирин-Бирин повернулся на звук и увидел самца и ещё двух лысых зверей. Маленького и большого. Маленький зверь был красного цвета. «Ядовитый»,— подумал Бирин-Бирин. Звери общались непонятными звуками, а потом начали приближаться к клеткам. Бирин-Бирин сильнее прижался к ветке и замаскировался.

Самец запустил лапы к пушистым маленьким зверькам с длинными ушами и достал одного из них. Бирин-Бирин не понимал, что именно говорят друг другу гориллы, но речь явно шла об ушастом. Маленькая горилла протянула лапы и взяла пушистого себе. Потом самец закрыл клетку и все трое ушли в соседний зал. Больше ушастого Бирин-Бирин никогда не видел.

Напротив Бирин-Бирина было море, но тоже стеклянное. Море было разделено на квадраты, и в каждом плавали разноцветные рыбы. Маленькие и большие, красивые и страшные, круглые и плоские. Бирин-Бирин скосил глаз вниз. Внизу были клетки с пушистыми. Там сидели длинноухие, длиннохвостые и длиннозубые и грызли морковку.

Слева были беспокойные крикуны с крыльями. Они постоянно переговаривались, пели, кричали, свистели. Бирин-Бирина они раздражали. Самая большая ярко-красная птица расхаживала по полу и рассматривала всё и всех. Ей позволялось покидать свою клетку. Попугай Ара неторопливо гулял по полу, разрешая лысым зверям угощать себя фруктами. Потом залезал на искусственное дерево и наблюдал оттуда. Попугай знал язык лысых, а тем это явно нравилось.

И тут Бирин-Бирин увидел Её. Прекрасную красавицу в белоснежной шубке. Её длинный розовый хвост чудесно гармонировал с красными глазками, а зубки были просто восхитительны. Сердце Бирин-Бирина дрогнуло. Красавица кушала, и её усики подрагивали в такт пережёвыванию.

Бирин-Бирин подполз ближе к стеклу и так провёл весь день.

Лысые звери заходили ещё пару раз, забрав с собой черепаху, пару рыбок и волнистого попугая.

Самец погасил солнце, и наступила ночь. Сумерки накрыли клеточный город. В тюрьму Бирин-Бирина постучали. Это был попугай Ара. Он наклонил влево голову и откровенно пялился.

С попугаем Бирин-Бирин подружился очень быстро. Гриня был отличной птицей. Он приходил к тюрьме Бирин-Бирина каждую ночь и рассказывал про всех жителей в округе.

Так Бирин-Бирин узнал названия всех обитателей. Узнал, что красавицу зовут Дуся, и она крыса. Но не по натуре, а по природе. Что у рыб очень короткая память, всего десять секунд. Что самец гориллы на самом деле — Человек. Самое умное животное на земле. Одного не знал Гриня: куда и зачем уносят животных.

Бирин-Бирин каждый день любовался своей принцессой. Чувств своих не показывал. А Дуся даже не подозревала о его страсти. Она ела, спала и чистила свою шубку.

Но любовь на расстоянии продолжалась недолго. Однажды пришёл самец и нагло схватил Бирин-Бирина в лапы, показывая его какой-то самке. Бирин-Бирин пытался укусить нахала, но у него ничего не вышло. Самец повертел Бирин-Бирина, а потом вернул его в стеклянную тюрьму.

Когда Бирин-Бирин забрался на свою ветку, с которой вёл наблюдение, его охватила паника.

Дуси не было в клетке. Даже больше! Самой клетки не было!

Его любимая в опасности! Он подобрался ближе к стеклу и попытался привлечь внимание попугая. Но Гриня был слишком занят. Один из Человеков чесал ему грудь. А вечером попугая, к его удивлению, закрыли в клетку и унесли.

Настала ночь. Бирин-Бирин не находил себе места от страха. Любовь гнала его на поиски любимой. И Бирин-Бирин решился на побег. На радость Бирин-Бирина Человек забыл закрыть тюрьму.

Бирин-Бирин осторожно слез на пол. Он начал своё расследование. До последнего он надеялся, что Дуся бежала. Подобравшись к месту, где стояла клетка, он обнаружил только разбросанные семечки и овёс. Похищение было быстрым. Да-да, в том, что это именно похищение, сомневаться не приходилось. Его прекрасную Дусю украли.

Бирин-Бирин внимательно осмотрел место преступления. Но ничего примечательного не обнаружил. Грини рядом не было, поэтому Бирин-Бирин решил опросить свидетелей. От кроликов он так ничего и не добился. Дегу спали мёртвым сном. Рыбы вообще как воды в рот набрали. Ахатины спрятались в ракушки. Хомяки весь день были в тренажёрном зале, поэтому не видели ничего. Только канарейка подтвердила догадку Бирин-Бирина. Дусю и других крыс унёс Человек. А это значило только одно: они не вернутся никогда.

Но любовь Бирин-Бирина была сильна, а в сердце теплилась надежда. И Бирин-Бирин пополз по следу Человека. Ему то и дело попадались зёрна-улики. Значит, Бирин-Бирин шёл верно. Он полз очень медленно, раскачиваясь взад-вперёд, словно пробуя пол под лапами и боясь провалиться.

Когда знакомое помещение осталось позади, перед Бирин-Бирином открылась ещё одна подобная комната. Только здесь уже не было ни клеток, ни моря. Свет уличных фонарей давал возможность всё рассмотреть. Но Бирин-Бирин не увидел Дуси. Не услышал милого сердцу писка.

Он забрался на стол, чтобы осмотреть всё повыше, и пополз по столешнице. Внезапно Бирин-Бирин наткнулся на что-то. Лапы нащупали бумагу. Когда Бирин-Бирин скосил глаза вниз, он увидел непонятные чёрные значки и картинки. Бирин-Бирин внимательно посмотрел на одну из картинок. Это была зелёная змея. Рядом была другая картинка. Змея ела. Бирин-Бирин замер в страхе. В его голове всё сложилось.

В полумраке послышалось шуршание. Мастер маскировки Бирин-Бирин максимально замаскировался и замер в ожидании опасности. Но ничего не произошло. И тут снова послышалось шуршание.

Бирин-Бирин повернулся на звук и увидел ужасное. Упитанный зелёный полоз смотрел на Бирин-Бирина, не мигая, а рядом со змеем лежала маленькая мышка в белой шубке. Полоз отвлёкся на свою жертву, подполз к ней и разинул пасть. Бирин-Бирин застыл в ужасе, наблюдая, как тельце скрывается в отвратительном зелёном шнурке. Сознание Бирин-Бирина помутилось, и он отключился.

Очнулся Бирин-Бирин в своей тюрьме. Теперь он знал, куда уносят животных. Он ненавидел Человека всем своим маленьким сердцем. Что же это за законы такие, что Человек может распоряжаться всеми ими? Захотел — накормил, захотел — схватил, захотел — скормил змее. На родном Мадагаскаре были совсем другие правила. Были другие законы — законы природы. И Человек явно их нарушал.

Размышления Бирин-Бирина были вероломно прерваны. К нему снова подошёл самец. Но он был не один. Рядом с ним была самка, которую он видел до этого. Лапы снова схватили Бирин-Бирина, и он очутился в тёмном душном месте.

Когда коробку открыли, Бирин-Бирин попытался замаскироваться. Он ждал встречи со змеем. Он знал, что ему не выбраться живым из этой схватки. Но мечтал отомстить за смерть возлюбленной, причинив побольше вреда убийце.

Бирин-Бирина вытащили. На этот раз лапы были нежные и ласковые. Бирин-Бирину эти лапы даже понравились. Лапы осторожно поместили его в стеклянную тюрьму и закрыли её. Бирин-Бирин повернулся, но змея нигде не было. Он проверил глазами террариум. Он здесь был один.

Тюрьма была другая. Просторная светлая, с большим деревом. Здесь даже стоял небольшой фонтанчик. Бирин-Бирин забрался на одну из веток и осмотрелся. Комната была другая. Вместо клеток и моря стояли непонятные вещи.

Вдруг послышался тонкий знакомый писк. И Бирин-Бирин увидел Её. Прекрасную красавицу в белой шубке. Дуся тоже заметила Бирин-Бирина. Их глаза встретились, и любовь пронзила сердце Дуси.

Одиноким предоставляется кот

Лестница была крутая и уходила прямо в небо, скрывалась в пушистом облаке, рождая собой вопрос «Что же там»?

Аркадий задрал голову так, что в шее хрустнуло, и уставился вверх. Рай? Кто его знает, какой он этот рай, в кино всякое показывают. Аркадий испытал неприятное чувство под ложечкой. Он что умер?

— Ты как раз вовремя, — услышал он голос рядом.

Аркадий вернул голову в нормальное положение, но никого не увидел. Боковым зрением уловил движение внизу. Это был кот, такой серый довольно большой кот в коричневом пиджаке. Аркадий недоверчиво уставился на животное, на лице удивление «Что за»?

— Она ждёт тебя, ну же! — подтолкнул кот Аркадия под колено мягкой лапой.

Аркадий хотел было спросить, что здесь происходит, но кот показал на лестницу и пропал. Вот был только что — и нет его.

Была не была, решил Аркадий, и двинулся вверх. Он карабкался и карабкался, а конца не было видно. Движения были медленными, словно он пробирался через паутину, которая тормозила его. Каждый тягучий шаг начинал раздражать, но добраться нужно, чтобы понять, кто такая Она.

Раздался телефонный звонок, сначала тихий, потом всё громче и громче. Аркадий достал из кармана аппарат — мама. Он нажал кнопку и прислонил трубку к уху. Телефон продолжал звонить. И подсознание Аркадия вынесло его в сознание. Аркадий открыл глаза и уставился на белый потолок. Телефон продолжал наигрывать надоевшую мелодию и не хотел замолкать. Часы на стене показывали жуткую рань. Аркадий протянул руку к трубке и поднёс к уху.

— Сыночка, я тебя не разбудила?

— Конечно, нет, я всегда встаю в субботу в шесть утра, это прекрасное время, мама, для того, чтобы не выспаться и зевать весь день.

— А нечего по ночам засиживаться за этой ужасной электронной коробкой, какой отвратительный человек её придумал?! Лучше бы ты не в своём интернете ползал, а невестку маме привёл. А то у всех уже внуки, а я как ворона белая. К тёте Зине каждый выходной привозят малыша, а у Таисии Павловны целых пятеро, или взять, к примеру, Тамару Михайловну.

— Я попал на лекцию прямо с утра?! Мама! Хватит, я давно не ребёнок, мне уже 32.

— Вот то-то и оно, что 32, а…

— Мама, алло, пшшшшшшшшшшш, что-то со связью, алло…

Аркадий отключил телефон и потянулся в кровати. Начало дня многообещающее. Спать уже нет смысла, лучше лечь вечером пораньше. Аркадий побрёл в ванную, освежился под душем и сварил вкусный кофе.

Разместившись на балконе за столиком, он с удовольствием отпил из чашки и вдохнул полной грудью летний воздух, ещё свежий с утра. Дороги были пусты, лишь одинокие машины скользили по улице, спеша по делам. Аркадий вытянулся в кресле и прикрыл глаза.

— Валерьянка есть?

— Есть, — машинально ответил Аркадий.

— Где?

— В навесном ящике на кухне, второй справа.

«Зачем валерьянка»? — задумался Аркадий и резко открыл глаза. Он огляделся по сторонам. Бывало, он разговаривал сам с собой, но это уже выходило за рамки. С ума он сходить не собирался, но что это был за голос? Аркадий вскочил с места и примчался на кухню. На столешнице стоял кот, нагло царапая когтями полированную дверцу. Большой серый кот, правда, без коричневого пиджака.

— Чего застыл? Помоги! — сказал он и уселся, сверля Аркадия салатовыми глазами.

Аркадий хохотнул, но тут же убрал улыбку с лица и потрогал лоб.

— Что-то мне дурно, — сказал он и присел на стул. Замотал головой, пытаясь прогнать сон. Он бывал в таком сне во сне, когда просыпаешься, думаешь, что не спишь, а на самом деле ещё спишь. Вот так запутанно, но всё же. Аркадий ущипнул себя довольно больно. Он очень даже не спал. Кот продолжал сидеть на гарнитуре и подёргивать хвостом.

— Эй, мужик, валерьянки дай, говорю, хватит головой мотылять.

— Это всё от одиночества, — запричитал Аркадий, — засыпаю один, просыпаюсь один, живу один, вот теперь и говорящие коты мерещиться начали. — Аркадий осмотрел животное.

Вчера около подъезда сидел этот кот в жалобной позе, и у Аркадия в душе родилось непреодолимое желание взять домой усатого без определённого места жительства. Неясно, какие силы заставили его поступить настолько опрометчиво, что это серое чудовище скользнуло в дом и затаилось под диваном, наевшись и напившись вдоволь.

— Вообще-то я там колбасу режу, — начал приходить в себя хозяин квартиры, поражаясь наглости гостя, усадившего на чистый стол то, что должно сидеть как минимум на диване. — Так что кыш.

— Прохор!

— Чего?!

— Прохор я, если что. И кышать на меня тут не надо, я благородных кровей.

Кот спрыгнул со столешницы и расположился на стуле напротив Аркадия, выражая своё недовольство подёргиванием хвоста. Повисла небольшая пауза. Кот ждал действий, Аркадий открыл телефон и вбил в строку браузера «Признаки, что вы сошли с ума».

— Эй, как там тебя, угости меня напитком и валяй делать дальше, что делаешь, я, вообще-то, тороплюсь.

Аркадий отложил телефон и достал из шкафчика настойку валерианы. Он накапал пару капель в колпачок и поставил перед котом. Тот с жадностью втянул ноздрями аромат и закатил глаза от удовольствия. Ещё пара вдохов — и потом розовый язык поглотил драгоценную влагу.

Аркадий брезгливо бросил колпачок в мусорное ведро и обмотал флакон пищевой плёнкой. Усевшись за стол, он забарабанил по столу пальцами.

— Шаланды, полные кефали, — заорал кот.

— Тише, соседей разбудишь!

— У меня песня на душе, я кот искусства, между прочим, глас творчества не заткнуть!

И тут кот спрыгнул со стула и бросился в комнату, заскочил на стол, сбросив лапой всё, что там было, перемахнул на комод, свалив на пол статуэтки и пульт от телевизора, перебрался на шкаф и, чихнув от пыли, скатился серым паутинным клубком на чистые простыни. Кот замер. Аркадий тоже, смотря с ужасом на содеянное за какую-то минуту. Кот метался по кровати, взбивая одеяло и простынь, потом скользнул на пол и начал тереться мордой о ковёр какое-то время, а затем застыл перед аквариумом, наблюдая за рыбками.

Аркадий расставил всё по местам, убрал постель и сел за компьютер. Пробежка бы не помешала, но оставлять дома одно буйное животное было не очень благоразумно. Спустя несколько часов кот уснул и Аркадий отправился по делам, пробыв на улице весь день.

Когда он вернулся, кот лениво потянулся и зевнул, растянувшись на диване кверху пузом. Услышав, что Аркадий сел ужинать, кот вальяжно зашёл на кухню.

— Чем потчевать будешь?

— Есть суп и блинчики.

Кот скривил морду и снова зевнул.

— Давай форель, горбушу или на худой конец треску.

— Из рыбы только шпроты.

Кот горестно вздохнул, всем своим видом показывая, что огорчён Аркадием как хозяином полностью.

— Тащи свои шпроты, есть хочется. На голодный желудок плохо думается, а мне ещё и дело сделать надо.

— Какое дело?

— Потом узнаешь.

Кот поддевал когтем рыбку и ел прямо с лапы. Аркадий даже удивился, ничего себе, какой культурный. Наевшись, кот долго умывался, пока Аркадий стирал со стола и мыл посуду. Дождавшись, когда хозяин уйдёт в комнату, кот опрокинул мусорное ведро и схватил колпачок. Под диваном он вылизывал его, пытаясь повторить утренний эффект, но лекарства уже не было. Придётся работать на трезвую голову. Прохор тихонько выбрался из укрытия и запрыгнул на компьютерный стол, за которым сидел Аркадий, рассматривая на сайте знакомств фотографии разномастных девиц.

— Вот эта ничего,—отметил кот рыженькую.

— Да ей 18! Нет, спасибо, мне с ней не в куклы играть.

— Ой, посмотрите, какой деловой, ещё и хорошими девушками разбрасывается. А который час вообще?

— На свиданье собрался?—рассмеялся Аркадий.

— Я уж не ты,—съехидничал кот,—у меня поклонниц много. Так что со временем?

— Почти десять.

— Пора.

— Что пора?

— Мне на улицу надо, открой-ка дверь.

— Зачем?

— Или ты её откроешь, или я тебе на деле покажу зачем, вот прямо на ковре!

Аркадий был неглуп, встал сразу и пошёл открывать входную дверь.

Кот, присмотревший заранее золотой браслет Аркадия на столе, схватил его в зубы и бросился вон из квартиры. Аркадий громко выругался и помчался следом, перепрыгивая через две ступеньки и пытаясь криками остановить беглеца. На неудачу пострадавшего дверь в подъезд была открыта, и кот выскочил на улицу с высоко поднятым хвостом. Вечерние сумерки накрыли город, но уличные фонари светили довольно сносно, чтобы можно было рассмотреть серую тень, скользнувшую в соседний дворик. Аркадий, всё ещё надеясь на благополучный исход, продолжил погоню.

Вывернув из-за угла, он замедлил ход, осматриваясь, и заметил на одной из освещённых лавочек девушку, сидевшую к нему спиной. Похитителя видно не было, Аркадий вздохнул. Как найти серого кота в летних сумерках? И тут он увидел тот самый хвост, мелькнувший из-за девушки, а потом блеснули глаза. Он!

Аркадий подошёл к незнакомке, разглядывающей браслет. Девушка вздрогнула от неожиданности и сжала ладошку. Она была молода, но не юна, как студентка, а набравшая силу красивая и привлекательная особа. Длинные русые волосы, светло-серые глаза и чуть припухлые губы делали её прекрасной.

— Вы извините меня, пожалуйста, но вот этот кот стащил у меня то, что теперь принёс вам.

Девушка недоверчиво уставилась на Аркадия и засунула руку в карман.

— И что, по-вашему, он мне принёс?

— То, что лежит у вас в кармане!

— Там много чего.

— Браслет. Этот негодяй, которого я приютил вчера, решил обокрасть меня. Правда, я не понимаю, зачем коту браслет.

— А какой он?

— Кто? Кот?

— Да кота я вижу,—рассмеялась девушка, погладив животное по голове.—Браслет!

— Да обычный, золотой, вот как эта цепочка,— Аркадий вытащил из-под футболки цепочку и показал.

Девушка достала похищенную вещицу и протянула хозяину.

— Точно ваш, я просто засомневалась сначала. Берите—владейте.

Аркадий взял из хрупких рук цепочку и почувствовал, что его словно током пронзило.

Кот спрыгнул со скамейки и больно укусил Аркадия за ногу, тот вскрикнул от неожиданности.
— Это тебе за негодяя, негодяй,— объяснил кот, а потом укусил ещё раз.— А это за то, что валерьянку зажимал. Хоть и не рыженькая, но тоже ничего.— Он потёрся о ногу мужчины и медленно пошёл, подняв высоко хвост.
— Да, кстати, это Она,— услышал Аркадий негромкие слова кота, скрывшегося за углом.

Жулики

Случай этот произошёл со мною в детстве, было мне тогда лет десять. В нашем небольшом городке, больше походившем на обычное село, почти все друг друга знали. Да что говорить, народу не так много: одна часть — родственники, другая — знакомые.

На соседней улице жил дед Валтей; выпить любил, как водится, да на лавочке с мужиками посидеть на солнышке летом погреться. Обычный был дед, каких много, но вот была у него голубятня. Бывало шугнёт он птиц, выпустит их да как присвистнет и в ладоши бьёт, чтоб скорее ввысь взмыли. Кружат они в небе в своём голубином танце, рыжие, серые, пегие, да каких только нет! Особенно приглянулись мне такие белоснежные со штанишками, будто балерины какие вышагивают, курлыкают. Очень уж мне хотелось таких голубок себе.

Однажды идём с другом Ромкой по улице, а на лавочке дед Валтей разморился и сидит. А за пазухой у него шевелится что-то. Мы тихонько поближе подкрались, слышим — курлы-курлы. Да никак голубь! Мы ещё ближе — тут дед и проснулся. Щурит на нас осоловелый глаз и скрипит:
— Чего надо?
— Ничего,— пожал плечами Ромка и уж было собрался уходить, но я его остановила.
— Погоди,— шепчу,— давай у него голубя попросим.

Ромка на меня уставился как на редкого зверя какого.
— Чего попросим?— зашептал он в ответ.— Сбрендила что ли? Он не даст!

Я Ромке кивнула, смотри, мол, как надо со старшими разговаривать.
— Дед Валтей,— заканючила я,— дай нам голубя, а,— ныла я дальше,— пожа-а-а-луйста.

Дед недоверчиво уставился на меня, подивившись моей наглости.
— Чего ж не дать,— пожал он плечами,— дам.

Я бросила на Ромку взгляд победителя и, гордо подойдя к деду, протянула руки.
— Давайте!

А дед как засмеётся кашляющим смехом, головой из стороны в сторону покачал, голубку глубже за пазуху сунул — и в карман. Бумагу достал — за махоркой полез. Сыплет на заготовку тихонечко так, аккуратно, чтобы не рассыпать, распределяет по всей длине, а потом к губам. Облизал край, папиросу свернул и опять пристально на меня смотрит и улыбается.
— Просто так не дам,— говорит дед и прикуривает, затягивается сладко и снова кашляет.
— Но вы же сказали,— начала было я, но дед перебил.
— Сказал, что дам,— закивал он в ответ и снова затянулся,— но не говорил, что за просто так!
— А денег нет,— теперь пришла удивиться моя очередь.
— А можно и без них,— торговался дед.

Я попыталась сообразить десятилетними мозгами, чего хочет от меня дед.
— У мамки водка есть?— прервал он мои размышления.

Я удивлённо уставилась на него, пытаясь понять, шутит он или говорит правду. Про водку я слышала, взрослые мужики часто её пили, а мать держала крепкий напиток, поскольку мужчины в доме не было, а руки нужны были для хозяйства. То крышу подбить, то крыльцо починить, то трубы поменять, а бартер везде один.
— Ну есть,— тяну я,— а что?
— Тащи,— тушит он свою папиросу жёлтым никотиновым ногтем.— А я тебе голубя дам,— и руку за пазуху себе запускает. Выудил белую красавицу и под нос мне суёт.
— Смотри какая!— хвастается.— Твоя будет, жить у тебя будет, курлыкать,— поглаживает он птицу и нахваливает,— а как выпустишь летать — залюбуются все, а она покружит, да и в руки к тебе.

Я открыла от удивления глаза.
— Учёная?!
— А как же!— подтвердил дед.— Сам учил!

Я на Ромку обернулась, глазами спрашиваю, будем меняться? А он засопел и плечами пожимает, а потом и вовсе рукой махнул, видно решил, что не надо.
— Хорошо,— кивнула я деду,— будет вам всё. Я сейчас,— и, схватив Ромку за руку, потащила его домой.
— Тебя же мамка заругает,— пытался нравоучительствовать Ромка,— чего ты ей скажешь?
— А ничего,— пожала я плечами,— не буду я ничего брать. Ромка вздохнул с облегчением.
— Но голубка мне нужна, поэтому действуем так!

Ромка рылся в сарае в поисках пустой бутылки, а я тем временем готовила адский напиток по своему рецепту. От взрослых слышала, что водка — невкусный и горький напиток, поэтому решила, что без соли, перца и уксуса никак не обойтись.
— Вот нашёл!— поднял Ромка свой трофей над головой.

Бутылка оказалась как нельзя кстати из тёмного стекла, чтобы нельзя было увидеть чудо-раствор, который наполнил её. Когда всё было готово, мы

закупорили бутылку подвернувшейся пробкой и отправились на обмен. Сердце сильно колотилось: как-никак жульничество!

Дед сидел всё там же и ждал. Завидев нас он заулыбался, видно, что не очень-то надеялся на положительный результат. Похлопал по скамейке рядом с собой, приглашая присесть.

— Ну,— протянул он многозначительно, глядя на нас.

Я кивнула Ромке, мол, давай — меняй. Он подошёл к деду и вытащил из-за спины драгоценную ношу.

— Вот,— показал он деду. Тот было протянул руку за бутылкой, но Ромка отскочил от него.

— Сначала голубка,— встряла я, а потом То!

— Ишь, мелюзга,— прокряхтел дед Валтей и задумался.— Ладно, держи,— он вынул голубку и грубо сунул её мне в руки.— Давай теперь,— махнул он Ромке и снова протянул нетерпеливо руку. Ромка быстро сунул в костистые руки деда бутыль и отбежал от греха подальше.

— Без обмана? — прищурил он глаз, глядя на меня. Я кивнула.

— А у вас? — спросила я в ответ.

— Обижаешь,— покачал дед головой,— самая лучшая! Полетает — и в руки вернётся.

Я подошла к Ромке, стоящему за углом.

— Он нас не убьёт? — боязливо поинтересовался Ромка.

— Мы же дети! — резонно возразила я.

Послышался отборный мат деда Валтея. Он костерил нас на чём свет стоит.

— Вот шпана, мать вашу за ногу, ей-богу, убью молокососов,— он ещё долго кряхтел и ругался.

— Открыл,— вздохнул Ромка.

— Отпил,— подтвердила я.— Ну и ладно, зато у нас голубка есть. Я разрешила Ромке погладить птицу, а потом мы назвали её Принцессой и выпустили. Голубка взмыла вверх и стала кружить прямо над нами.

— Смотри, смотри,— толкала я Ромку,— как красиво парит. Сейчас кружок сделает — и домой,— потирала я руки от удовольствия, желая поскорее, чтобы голубка оказалась в них. Голубка действительно сделала ещё несколько кругов и полетела домой. К себе домой: в голубятню деда Валтея. Мы выглянули из-за угла.

— Ну что, черти,— окликнул нас дед,— обманули старика на четыре кулака,— он снова выругался и запустил в нас злополучной бутылкой.

— А вы какой нечестный,— крикнула я из-за угла, боясь высунуться дальше,— знали же, что голубка назад полетит к вам, а врали.

— Конечно, знал! — подтвердил дед.— Иначе бы и не отдал! Какую птицу соплякам! — сокрушался он.— Сгубили бы и всё. А я толк в голубях знаю.— Он опёрся на руки и, кряхтя, начал подниматься.

— Нелюди вы,— ещё раз обиженно сказал он, собираясь уходить,— нехорошие дети. Дедушку обманули! — и дед побрёл к себе.

— Подумаешь,— пожала я плечами,— ну и ладно, я, когда вырасту, сама себе голубку куплю без всяких там жульнических обменов.

Зося

Зося была очень красивая, потому что некрасивых бабочек не бывает. Своего отражения она не видела никогда, но была уверена, что крылья разукрашены всеми цветами радуги.

Поутру она любила перелетать с цветка на цветок, пить вкусный нектар и греться на солнышке.

Однажды она запустила свой хоботок в один из ярких бутонов, как вдруг услышала шелест травы. Зося оторвалась от завтрака и взлетела вверх, чтобы получше рассмотреть округу. Она увидела двух огромных существ, которые шли в её направлении. У них совсем не было крыльев. Как это было некрасиво!

Существа очень заинтересовали Зосю, и она поспешила к ним навстречу. Зосе очень хотелось, чтобы существа посмотрели на её разноцветные крылья и восхитились её красотой. Подлетев к существу поменьше, она села прямо на него и застыла в ожидании похвалы.

— Бабушка, комар! — завопило существо.

«Где комар?» — успело пронестись в голове у Зоси, и мир померк.

P. S. Порою мы не те, кем хотим быть.

Екатерина Блынская

Немного о Светлом

Девять часов Полина провела в дороге. Спина болела, глаза устали от нескончаемого, однообразного, степного, серого мартовского пейзажа. Бабка на заднем сиденье съёжилась и клевала носом. Она казалось, иногда засыпала, но неожиданно начинала раскачиваться, вперёд — назад, подвывать и голосить. В туалет она «прогуливалась», кому-то показывала фиги, путалась в юбке и своими непредсказуемыми действиями вымотала Полину. Бабка отказывалась присаживаться, плакала, думала, что кто-то обидит её.

— Да садись ты, наконец,чёрт возьми! — кричала Полина, сгибая бабку пополам на пронизывающем мартовском ветру. — Я же тебя не расстреливать вывела!

Бабка мгновенно приседала и что-то бубнила под нос. Однажды, она бросилась собирать камушки вдоль обочины и жилистая Полина, высокая и довольно сильная, едва затянула её обратно в «Волгу» и заблокировала двери, чтоб бабка не вышла на ходу.

— Nach Hause, ich will nach Hause. Die Kinder weinen. (Домой, домой, там дети плачут) — повторяла Евдокия Карповна.

— Нет у тебя никаких детей. Не плачут они, — успокаивала её Полина.

С безумием в бабке проснулся и весь ужас прошлого, бережно таимый от домашних на протяжении всей её жизни. Она могла тихонько плакать по ночам, а когда к ней подходила мать Полины, Марина Семёновна, жутко вытаращив глаза, беспомощно отмахивалась руками, видимо, вспоминала лагерь, куда её угнали в войну.

Ещё десять лет после войны бабка с дедом, который и освобождал её из лагеря, прожили в Германии. Дед служил, он был офицером, а вернуться, чтобы пустить жену, как военнопленную, по этапу, не мог. Поэтому факт того, что она была в лагере, был никому не известен в семье. Только, когда слабоумие уже начало раскачивать её мозг, Евдокия Карповна наговорила историй на целый сериал.

Гудели по дороге фуры, свистело истошно из всех щелей отцовой машины, но бабку нужно было отвезти. На её родине, в селе Светлом, есть интернат для душевнобольных, там её уже ждут, там ей будет лучше, чем на голой клеёнке московской дурки. Даже лучше, чем дома у Полины, где больная мать, потеснившись, спит на полу, за шкафом. Зато эта старая грымза, всю жизнь Полину недолюбливающая, живёт себе спокойно и каждый день гадит на пол.

Старшая бабкина дочь, Зинка, год назад сдала её в дурдом в городе Чебоксары, где они жили. Через два месяца, узнав, куда пропала старуха, Полинина мать поехала и забрала этот свихнувшийся живой скелет с мутными глазами, чтобы Евдокия Карповна доживала свои дни дома, в Москве, с родными. Совсем недавно, казалось, она была пышной бабушкой, с «химией» на голове, с искусно выщипанными и подрисованными бровями… Почти нормальной. Ничего, что иногда варила суп из кукурузных палочек и постоянно старалась убежать в окно.

Оба сына Евдокии Карповны ни разу не пришли посмотреть не неё. И даже вчера не простились. Один сослался на занятость, дугой сказал, что не может видеть мать в таком состоянии. Нет, что вы! Хочет запомнить её такой, какая она была когда-то. А то, что она гадит на пол, ест как поросёнок и ходит голой — это, видите ли, ранит его до глубины души.

Полина понимала, что упрёки тут ни к чему. Она младшая внучка, бабка всегда восхищалась другими, теми, которые теперь делят нехитрое наследство. Бабка обожала их… Теперь одна из старших внучек родила, окопалась в бабкиной квартире и живёт там со своим малышом… Вторая никогда ей яблока не принесла. А Полина уже несколько месяцев учит бабку читать, есть не мимо рта, вспоминать родных с фотографий. Она моет её, делает ей массаж, с жалостью наблюдая младенчески-нежную спину старухи с отставшей от костей кожей, убирает за ней горшок… Внезапно ещё мать заболела и не вылезает из больниц, а отец в своих бесконечных командировках. Полина стала нянькой, забросив учёбу и другие дела.

Эх… Сёстры с утра до ночи угорают по клубам, а Полина дрожит над бабкой, которая даже не помнит, как её зовут. Старуха не знает туалета, как пещерный человек, зато всплыл из молодости немецкий язык и все детские песни и стихи начала тридцатых, кажется, Полина знает уже наизусть.

— Конопель — конопелька ветвистая… Конопель — конопелька душистая. От конопельки дух: хватит на двух! — бубнит Евдокия Карповна с выражением, когда поест или хорошо выспится…

Как ей теперь мало надо для счастья!

Полинины отец и мать оба из Светлого. Только отцовы родители уже давно умерли.

В Светлом работает директором интерната одноклассник отца. Он сам предложил привезти бабушку. По крайней мере, там за ней будет хороший уход и она будет под надзором, всегда сыта и чиста, будет жить в одной комнате с хорошей девочкой Леной, бывшей детдомовкой, двадцати пяти лет от роду. К тому же наступит лето, в Светлое приедет Марина Семёновна, Полинина мама. Может, приедет Зиночка из Чебоксар… Нет, эти — только на похороны, со скорбными рожами.

Тем временем полосой пошёл ливень, и Полина сбавила скорость: сплошной мрак и орущие фуры, ударяющие машину в бока гулкими струями воды, затрудняли движение.

— Баб… Ты жива там? — спросила Полина, отбросив отросшую чёлку назад торопливой рукой. — Жива, или не очень?

Бабка, сложив белые руки на животе, смотрела вдаль и кончиками пальцев теребила носовой платок.

— Ну, едем, так и ладно. Вон люди стоят, платочками машут, — нежно говорила она. — А не деревья…

— То деревья.

— А не деревья.

— Ладно, сиди смотри, кто там машет тебе.

Полина держала в уме, что у неё накрылись ещё одни отношения. «Отношения»… Странное какое слово где-то даже пошлое. Несколько недель назад Полина вырвалась в ночной клуб. Познакомилась с классным парнем. У парня, видно, отчаянная жизнь и шрам над левой бровью. Очень хорош. Танцевали, пели в караоке, потом напились водки и стали целоваться где-то в уголке. Короче говоря, чудом он не забыл её телефон. Звонил раз пять, звал к себе, на пельмени. Чёрт, а ведь никак не получилось! То мать в больницу, то из больницы, то с бабкой сиди… То курсовые пиши. И пропал парень. А ведь могли бы, могли бы… чувствовала Полина, что он славный. Полина шмыгнула, обернулась посмотреть, что бабка заснула, опустив толстый нос вниз, а платочек в руке так и держит.

— Блин, как трогательно… — съязвила Полина самой себе и, вполне ощутив мартовский влажный холод, вжалась сиденье.

Когда они приехали в Светлое, уже село солнце, свежее, как будто только что умытое прохладной водой. Полина с досадой поняла, что придётся топить дом, а бабка, по ходу, ей в этом не помощник. Полина открыла тяжёлые деревянные ворота, заехала под навес и, порывшись в бардачке, нашла ключ.

В лёгкой ветровке было дико холодно, но, когда она взяла в руку ключ от промёрзшего за зиму дома, ей стало холодней вдвойне. Сейчас кстати были бы мужские руки, но сосед дед Матвей спит уже, только его мелкая собачонка «кавкает» со двора.

— Не кавкай, не кавкай, разбудишь мою гросмутер… — бубнила Полина, возясь с замком, закусив пересохшую губу.

Она открыла входную дверь дома, и волна спёртого воздуха, перемешанного бог знает с какими запахами выхоложенного, нежилого старого дома, обдала её.

— Ёжкин кот, — сказала Полина, равнодушно пнув дверь в сенцы и, заглянув в пристроенную кухонку, быстро оценила ситуацию. — Всё загажено, господи ты, боже мой…

В ванне,чугунной и ободранной, стоящей в кухонке, заплетённой паутиной по углам, лежала четвёрка мумифицированных мышей. Пахло соответственно, так как пару оттепелей они уже пережили.

В самом доме, разделённом печью на две комнаты, было адски холодно, но в передней Полина включила обогреватель и пошла перетаскивать спящую бабку в дальнюю «гостиную», как её тут называли: «зал». Истинно, не знали меры тутошние словоделы.

Бабка что-то промычала, навалилась на Полину и, волоча ноги, еле-еле пошла в холодный и негостеприимный дом, в котором когда-то родились все четверо её детей.

Все родственники уже давно кто где. Никого тут не осталось. Только вот отцов одноклассник, пару старых дядек — друзей, да несколько материных подруг. Выехали родители Полины, местные, по молодости в Москву к хорошей жизни. Бабка на старости лет сдуру бросила дом, уехала к старшей дочке. С тех пор приезжали Марина Семёновна с Павлом Витальевичем, родители Полины, в Светлое как на дачу: топили дом, сажали огород. Полина же любит здесь каждую былинку, каждый куст, каждый поворот реки. Всё детство прошло тут.

Бабку Полина заботливо положила на материну кровать и, закидав одеялами, немного отсыревшими, пошла топить печь.

Тепло от грубы, ещё довольно крепкой, самолично переложенной отцом, быстро разлилось по комнатам и попёрло из открытой духовки. Бабка даже откинула одеяла и уже храпела мирным голосом, раскидавшись на постели. Полина решила спать в другой комнате на диванчике, и хоть её подкашивала усталость, согревшись, она нашла в шкафу отцов тулуп и побежала до колодца за водой.

Улица бледнела в свете полной луны песчаной грунтовой дорогой, слева в чистую синеву неба, сплошь усыпанного крупинками звёзд, уходили

лесные деревья, справа спал ряд разноцветных домишек: на этой улице они стоят лицом к лесу… Полина вздохнула, порадовавшись своим мыслям, что завтра она сдаст бабку в интернат и помоется, а потом спокойно, тупо поест в одиночестве, пожарив себе, скажем, картошки. Выпьет кофе одна.

Пока она набирала воду, бабка проснулась и вышла со двора в одних носках.

Полина, с ведром наперевес, пересекла ей дорогу у калитки.

— Баба, ты куда собралась? — повысила голос Полина. — А ну, домой.

Бабка замотала маленькой головой, завозила руками по тощим бокам, обтянутым старым спортивным костюмом времён Олимпиады. Она вела себя абсолютно как полуторагодовалый ребёнок, которого завезли в незнакомое место, и была готова дать ревака, не понимая, где оказалась.

— А детишки-то как? Как без меня? Я пошла, а они там одни, надо кормить…

— Иди в дом, — приказала Полина и почти бросила досужее ведро, злясь на бабку, что она испортила её мечты.

Бабка, настойчиво перебирая ногами, дала тягу от ворот. Полина, не успев удивиться старческой прыти, схватила её за подмышку и вернула назад в сенцы, жёстко выговаривая свои соображения по поводу побега.

Бабка нехотя вернулась домой, но стала ходить по всему дому, нарезая круги.

Полина, подбрасывая поленья в печь, благо, припасённые отцом в углярке, краем глаза следила за тем, чтобы бабка не отперла дверь и не выскочила прочь.

— Чего ты бегаешь?

— Комара муха любила. Ох! — затянула бабка.

Комара муха любила,
И до пьяна напоила. Пьян!
Полетел комар в лесочек. Ох!
Полетел комар в лесочек,
Сел комарик на дубочек. Сидит!
Поднялась большая буря. Ох!
Поднялась большая буря,
И комарика содула. Лежит!
Он лежит и еле дышит. Ох!
Он лежит и еле дышит…

Полина покачала головой и продолжила топить печь, которая долго, очень долго не топилась и теперь, нагревшись и загудев, глотала сухие дрючки, как прожора. Бабка звенящим голоском читала свой любимый стишок из детства, который замучил Полину за многие месяцы:

— Ручкой, ножкой не колышет. Сдох!
Со святыми упокой.
Прилетели тут две мухи. Ох!
Прилетели тут две мухи,
И комарика под руки. Понесли!
Хоронили при дороге. Ох!
Хоронили при дороге,
Видны руки, видны ноги.
Весь на виду, весь на виду.

Бабка пела, приговаривала, шушукала себе под нос и медленно раздевалась, пока, ходя из комнаты в комнату, не осталась голышом. Полина топила печь, грела воду в ведре и поставила сковородку на грубу, чтобы поджарить купленные по дороге шпикачки. Каша уже варилась в кастрюльке на плите, и Полине пришлось менять местами сковородку и кастрюльку, чтобы приготовить ужин.

Бабка ходила туда-сюда, но вдруг её не стало слышно. Полина почуяла неладное на пятой минуте неявления бабки.

— Баб… ты чего там? — окрикнула она старуху, не отходя от печки, прикрываясь деревянной разделочной доской от стреляющих жиром шпикачек.

— Ничего… я, — ответила старуха ровным голосом.

Полина продолжила готовить, полагая, что бабка притихла не просто так.

— Ба-аб…

— Да я тут.

— Ну иди сюда.

— Не могу я.

— Чего там с тобой, что ты не можешь? Ручкой-ножкой не колышешь? Налить тебе винца?

— Ничего. Не надо.

— Ну иди, кушать иди.

Бабка, громко вздохнув, вышла.

Полина вскрикнула.

— Я обкакалась, — сказала бабка виновато и показала руки.

— Твою ж за ногу… ну что же ты делаешь-то со мною… Я же пятьсот километров отмантырила! — выругалась Полина.

Вести её в холодную ванну к дохлым мышам? Да? Наказать? Полина, отодвинув бабку, вошла в комнату, посмотрела на одежду без единого живого места, на кровать, заботливо измазанную безумными руками, и поняла, что ночь ей не спать.

Через час, когда бабка, с визгом и воплями, была вымыта полугорячей водой в промёрзшей ванне и укутана, кровать перестелена, а вещи выстираны в трёх вёдрах ледяной колодезной воды, Полина присела у печки, погреть красные дрожащие руки. Глаза её слипались. Шёл второй час ночи. А бабка напевала что-то, сидя в кресле, болтая сухой ногой и терзая уже давно остывшую шпикачку.

Она гладила её, лизала, перекладывала из руки в руку, откусывала по кусочку и улыбалась ртом, полным своих родных зубов, кое-где золотых и крепких.

— Ммм… вкусненько… — щурилась бабка, укутанная в два одеяла. — Я такого не ела никогда. Никогда не ела…

— Писать хочешь? — спросила Полина, зевнув.
— Я ем, ем.
— Ешь.
— Зинка, а дети как же?
— Я не Зинка. Я Полина, внучка твоя.
— Внучка? А чья ты? Пашенькина? Витечкина? Зиночкина?
— Мариночкина.
— О… а у Мариночки уже детки? Она что, замужем уже?
— Она уже глубоко замужем, баб…

Бабка вздохнула, надула капризные губки и хлопнула себя по коленкам, спрятанным в недрах одеяла.

— Сколько тебе денег не давай, а всё мало? Да ты тунеядка. Иван мне говорил, что она такая будет. Ох, видел дно.

Полина в ужасе оглянулась на бабку, которая в свете старой настольной лампы с колоколообразным латунным абажуром сидела как высушенный далай-лама.

— А кто такой Иван?
— Зиночка, твой же отец. Полковник, а что? — гордо спросила бабка. — Ты же его помнишь. Хотя, как ты помнишь… Он же меня бросил, бросил, чертяка кудрявый.

Полина отвернулась к печке, продолжая греть мелко трясущееся тело. Она давно подозревала, что черноглазые и черноволосые сестрицы не могут быть дедовыми внучками, как и сама тётка Зина дедовой дочкой. Ничего общего с отцом. Да и родилась она типа недоношенной… И дед её не любил. Всё связалось.

— Слышишь ты? — торжественно произнесла бабка, подняв указующий перст в потолок, обшитый досками. — Плачут. Спать не дают они мне.
— Это тебе твои нерождённые дети спать не дают, — злобно сказала Полина. — Рождённые уже давно выросли. И своих вырастили. И если бы ты ко всем нам была добра, тебя бы не бросили, как…
— Я описалась.
— Ну, баб!..

Полина уже не могла ругаться. Она хлопнула себя по щекам и стала разворачивать бабку из мокрых одеял.

Та довольно напевала.

— Дай мне мяса. Хочу мяса… мяса… — сказала вдруг она, и, пока Полина обернулась, бабка скакнула к двери и ринулась в темноту в одной ночнушке.

Она выглядела как маленькая шаловливая тифозная девчушка, особенно со спины, но Полина догнала, подхватила её поперёк туловища и понесла в дом, мыть.

— Куда ж ты бежишь-то, старушенция ты…
— Пусти! Пусти! Детки там! — заорала вдруг бабка не своим голосом и задрыгала лёгкими ногами.
— Да спят уже твои детки.

Полина сообразила, что бабку хорошо бы закрыть… но где? На улице март, холодновато ещё и в сенках, и на веранде, а никак не удержишь. В Москве проще, что ли, было. Тут вообще труба. Как до утра-то дотянуть?

Полина выбежала на веранду, пристроенную к пятистенку, где обычно жила летом. Тут всё было по её, по-девичьи. Стол и два стула, небольшая деревянная кровать, старинная и без ножек, вместо которых были прибиты пеньки. На стенах вырезки из журнала «Ровесник», плакаты «Арии» и «Короля и шута», всякие бусики на булавках, воткнутых в полосатые обои. Портреты Полины в детстве. Вот она в первом классе, с развязавшимся бантом, с фантастически недетским выражением лица.

На веранде стоял старый сервант с лекарствами. Тут было сейчас темно и холодно, но в широкий проём окон, идущих по всей стене, проникала молочная светлота ещё не зашедшей луны. Где-то вдали лаяли и выли собаки… Похохатывал филин в лесу. Полина зажгла свечку на столе, и веранда осветилась живым и тёплым светом.

— Где же тут-то было, хоть бы какой-нибудь валиум… реланиум… блин… найти…

Полина порылась в коробке из-под обуви, где не оказалось ничего, кроме анальгина, мукалтина и старой ваты с бинтами, потрошёнными мышами, подняла голову. На серванте мирно сидели кукла и три мягких серых разнокалиберных медведя.

Кукла Настя, последняя из кукол, сохранившаяся у Полины с детских времён, немецкий пупс с волосами, в фиолетовых штанишках, белой рубашке и с погрызенными мышами пальчиками.

— Настя… моя… — нежно выдохнула Полина.

Тут же в голову ей пришла грандиозная мысль. Она схватила куклу, прижала к себе, потом потрясла от пыли и внесла в дом, где бабка грустно стояла с простынёй на покатых плечах возле печки и смотрела на себя в пудреницу.

— Какая я стала страшная… Какая же только страшная… — говорила она, проводя костлявыми пальцами в россыпи белых и чёрных пятен по своему обвисшему лицу.

С фотографий, развешанных в доме, смотрела другая Евдокия Карповна. Кое-где ещё девушка… молодая и невозможно лукавая, с хитрым прищуром, с безоблачной улыбкой. Где-то она сидела в вуалетке на ротанговом кресле, забросив ногу на ногу и подперев выступающую скулу изящной ручкой, затянутой в чёрную кружевную перчатку. На другой фотографии она в окружении своих детей и под охраной огромного деда-артиллериста в шинели подбоченилась, и можно разглядеть её складную и изящную фигуру в дорогом шёлковом платье с брюссельским шитьём и золотые часики, которые её любимая трёхлетняя Зиночка бросила потом в выварку с бельём.

Бабка представляла сейчас зрелище больное и горькое, насколько может представляться современному чувствительному человеку война, например, когда смотришь какой-нибудь эпизод из «Иванова детства», и тебе становится беспомощно больно, гневно и страшно, что это есть, и всё уже случилось, и ничего изменить нельзя, можно только пережить… Бабка была похожа на войну. Даже немного на атомную.

Полина победоносно сунула Настю в бабкины руки, и та, вздохнув с голосом, тут же заботливо сдёрнула с плеча простыню и замотала неуклюже и грубо куклу по самую маковку, прижала её к груди и тихо пошла в кровать

— Тссс… спит… присплю… чшшш… а-а, а-а… Schlaf, nett waschend, schlaf ein,—донеслось из комнаты.

Через десять минут бабка спала, сипло дыша, а кукла лежала у неё на груди и жутко плавала на волнах старушечьего дыхания.

Полину разбудил страшный стук в окно прямо над её головой. Она вскочила, заметив, что комната залита солнцем, лучи которого чуть ли не осязаемо тянутся пылевыми рукавами, полосуя всё пространство. Она окинула себя взглядом. Одета. Спала поперёк дивана, кажется, и без одеяла, с ногами на полу. Печь была ещё тёплая, но по полу уже сквозило. Полина метнулась к окну, увидав оранжевую советскую бейсболку с пластиковым козырьком, признала пастуха деда Пихтюка, который зашёл в палисадник, ждал, когда ответят на его стук, и что-то неаккуратно выковыривал прутиком из зубов.

Полина выбежала во двор, потом в калитку. Пастух, не обветшалый ещё старик-сосед с левого дома, держал за руку замёрзшую бабку. Босую, в шубе, которая висела в прихожей, в платке и с Настей в руке. Глаза бабки блуждали, она говорила на марсианском языке, что означало: она опять не в себе. Но главное, она не двигалась, а стояла как вкопанная, как столбик. Полина знала хорошо это притворство: отпусти хватку, и старуха дёрнет со всей силы.

— Евдокия Карповна чуть не дунула на реку,—засмеялся Пихтюк.

— Спасибо, дед, что словил,—поблагодарила Полина и приняла бабку из рук в руки.

— Нальёшь?—облизнулся Пихтюк, и уже сам собой, впереди всех ринулся в калитку.

— Ага. Пойдём,—вздохнула Полина.

Втроём они вошли в дом, Полина посмотрела на часы. Десять. Пора в интернат.

Пихтюк рассказывал новости про деревню, спрашивал, когда приедут мать с отцом, горевал про Ирак, который бомбят американские подонки, сетовал на плохой табак и вонючий самогон.

— Они, знаю, гонят его с какой-то химии…

— Дак, не пей.

— А хочется! И чтобы не помирать здоровым-то! Просто очень хочется!

Бабка молча качала Настю, всё ещё увёрнутую в простыню.

— Баб Дунь, надо ляльку перепеленать… слышь, орёт-разрывается?

— Да? Сильно?—ожила бабка, и лицо её, вытянутое, всё в коричневых пятнышках, с опущенными веками, вдруг помолодело от заботы.

— Как сирена! Небось, со вчерашнего дня немытая она у тебя!—и дед Пихтюк заржал, тряся выцветшим соломенным волосом.

Бабка пошла в другую комнату, что-то напевая под нос, Полина достала из запечья пол-литровую бутыль со спиртом, где оставалось ещё на стакан.

— От, удружила! Души моей царица!—крякнул дед и выпил залпом половину гранёного стакана.

— Пей… на здоровье,—сказала Полина серьёзно, пальцами разбирая свои длинные змеистые волосы, чтобы заплести их в косу.

Дед Пихтюк взял со стола кусок булки и, понемногу откусывая, всё двигал плечами.

— Знаешь… что расскажу… что… ну, в общем, это. Полина Пална… ты мне как дочь,—мялся он.

— Говори как есть. Меня не испугаешь.

Дед вдруг вытаращил глаза.

— Твой этот, Тёмка, что ходил к тебе… я его, короче, застукал.

Полина замерла.

— Как? Где? С кем?

— Тут!

— Как это?

— Он к тебе в дом в окно лазил. Я сам его видел. Сам. Он ещё так мне сказал: тщщ… и упорол в лес.

Полина принялась внимательно рассматривать пол под ногами, скача взглядом по красно-чёрным клеткам паласа.

— И что он хотел?

— Да я потом отпер дверь—всё на месте. Вроде.

— Да, всё на месте. Тогда… чего он хотел?

Дед передёрнулся.

— Да бес его знает, чего он хотел. Так палец… мне… тщщ… и пошёл…

Полина встала.

— Ну ладно, дед, нам ехать надо. Нас ждут.

— Надолго ты?

— На три дня, может, на четыре… как карты лягут.

— Приходь за дровами.

— Ладно. К вечеру, если только.

Полина погрузила бабку в машину, дав ей в руки Настю, уже перепелёнутую в цветастый, кое-где побитый молью платок. Села за руль, накрасив губы розовой помадой, чтобы как-то оживить бледность лица. До интерната было ехать всего три километра, а там её уже ждал дядя Гена, директор.

У железных ворот, сваренных из прутьев и окрашенных в коричневый цвет, всегда дежурили инвалиды, кто более-менее был в уме. Остальные сидели

по корпусам: симпатичным шестикомнатным финским домикам, где жили по двое в «палате». Бабка вышла из машины, озираясь, подрагивая, как будто её беспрерывно укалывали куда-то, подошла к ограде и вдруг, увидав инвалидов, заулыбалась.
— Это моя доченька! — похвалилась она Настей.

Горбатая старуха без зубов в длинной юбке с отвисшим карманом на животе, бритый сухой парень лет сорока с ходячей формой ДЦП и ещё один дурачок с вываленным языком прильнули к прутьям и стали гладить Настю.
— Хоорошая девочка... справненькая... — говорила горбатая.

Бабка ревностно отвернулась и кокетливо повела шеей.
— Мо-оя.

Полина, закрыв машину, взяла её под руку и вошла в калитку.

Дядя Гена сам вышел встретить их со старшей медсестрой. Он распахнул широченные руки и обнял Полину как родную.
— Полька! Ты ещё выросла! — и, обратившись к поджарой и истошно накрашенной медсестре, приятно чистой, в белом халатике, дал распоряжение:
— Бабу посмотри, потом помыть её и к Лене в комнату. Аминазин не колоть...
— А если?.. — удивилась медсестра, улыбнувшись ярко-красными губами. — Что?
— Ну... — неопределённо моргнул дядя Гена.

Полина обнимала дядю Гену под мышки.
— Дядь Ген... она не буйная, но убегает... Бывает такое. Ладно?
— Да что ты! Что ты! Как ты с ней! Как справлялась? Отец говорил, она совсем не в себе?

Полина вздохнула, смахнув слёзы жалости.
— Да нормально. Когда как. Мне бы отдохнуть. Пусть она тогда остаётся, я сейчас вещи принесу.
— Давай...

Бабка в это время, окружённая толпой из инвалидов, наслаждалась обществом себе подобных, подробно описывая свою новорождённую «дочь».

Полина прошла мимо, чтобы улизнуть незаметно, быстро передала вещи дяде Гене, который пообещал подъехать вечером, и тронулась с тяжёлым сердцем, оставив бабку в интернате...

Дом, натопленный, уже родной, вросший в землю до второго венца, гостеприимно поблёскивал окошками, ставни чуть поскрипывали, силясь оторвать голубо крашеные дощечки от проржавевших петелек, за которые держались гнутыми гвоздочками, помнившими ещё руки деда.

Полина ввалилась в дом, упала на кровать, где спала бабка, но мгновенно вскочила, обнаружив, что снова нужно менять постельное бельё... Она купила в дорогу пачку памперсов для бабы, но так как старуха их постоянно снимала, они не пригодились. Руки Полины уже походили на руки портомойки: шелушились и были покрыты красными цыпками.
— Вот какой может быть тут маникюр... — Разозлилась она, сдирая простыни с постели и вспоминая ухоженные руки старшей сестры. — Комара муха любила... и до смерти напоила...

И Полина, вспомнив, что завалила три зачёта и экзамен в прошлую сессию и что придётся всё это трудно и долго пересдавать, пошла за водой, вооружившись вёдрами.

Сегодняшний день радовал теплом, и по-летнему светило солнце, немногочисленные соседи вылезли в огороды и трогали землю, как она, можно ли сажать. По улице, шумя покрышками по камушкам, пролетели несколько машин, следующих в лес, на базу отдыха. Скоро откроется сезон охоты, и начнут стрелять... Скоро гусепролёт, и небеса покроются неправильными крестами усталых, утробно курлыкающих птиц.

Полина набрала воды, выгнала машину на улицу и, надев старую футболку и джинсы, принялась мыть машину. Возилась она довольно долго, за водой ходила раз пять, поэтому к вечеру руки её снова начали неметь и трястись.

С едой она не заморачивалась, сварив себе макарон и запив их кофе.

Если бы не то обстоятельство, что теперь она одна в доме, и ей немного жутко, потому что в дальней комнате когда-то на крюке от люльки повесился дед... Да и куклу стало жалко. Сколько ночей Настя слушала её сказки, сколько неумело сшитых вещичек было приготовлено для неё, а какие постельки стелились в старой тумбочке, завешенной «от комаров» куском тюля? А теперь её лапают дурачки, бабка носит её в тряпках и, наверное, пачкает. Убрав дом и затопив печь, Полина вышла за ворота с кружкой чая на скамейку ждать дядю Гену, обещавшего подъехать вечером.

Почти точно он и приехал на своём УАЗике песочного цвета, громыхающем всеми частями своего невесть как собранного железного тела.

Дядя Гена, говорящий раскатистым басом, держал в страхе всех местных. Он был главой «деревнеобразующего» предприятия и управлял интернатом уже много лет. Все, кто мог работать, работали там, и всем местным позволялось тихонько выпивать. А непьющим можно было дослужиться до прачечной или даже до столовой.

Громадный гость снова прижал Полину к своему боку, они вошли в дом, и дядя Гена сел посреди комнаты, вдруг оказавшейся маленькой.

Полина засуетилась, накрывая на стол, то и дело перепрыгивая через ноги дяди Гены в крепких яловых сапогах.
— Да не кружись, не кружись, Полька! — рокотал дядя Гена. — Я, в общем, тебе про бабу рассказать. Ты сядь. Ся-ядь!

И он насильно посадил, уронил Полину на хлипкий стульчик.
— Что? Убежала? — спросила она печально.

Дядя Гена закивал, как конь, полез в карман кожаной чёрной куртки и достал сигарету. Он был совершенно лыс и носил кепку, но никогда не снимал её. Сейчас он зажёг сигарету и перевернул кепку козырьком назад.
— Ты ушла, она огляделась — и дёру! Мои инвалиды бучу, ясное дело, подняли. Аж у ставка поймали её… Она с куклою там вроде как замешкалась… Резвая старуха, Евдокия Карповна ваша…
— Да. Резвая она не по годам.
— В общем, Тамара Игнатьевна, старшая медсестра, её пока в изоляторе закрыла. Она там разделась… ну, там тепло. Никого нет. Ты не волнуйся. Не волнуйся… — и дядя Гена, хлопнув по столу ладошкой, повысил голос. — Да не разводи сырость! Всё нормально будет! Она буйная просто. У меня нет буйных-то… Но это исправимо. Мои не бегают, вот что.
— Что, вы её колоть будете? — испугалась Полина. — У вас как буйных лечат?

Дядя Гена отвёл к окну маленькие чёрные глаза, почти невидные под нависшими веками.
— Поля… сначала её обследовать надо. Завтра она поедет в Вершково, там специализированный дом… Дом инвалидов. Потом вернётся.

Полина вскочила со стульчика.
— Но в Вершково… там же… там же тюрьма. Там, как в Москве: клеёнки и решётки.
— Она на два дня туда, клянусь тебе. На два. Потом мы её забираем. Я поспособствую, чтоб не дольше.
— Куклу не забирайте у неё. Она плакать будет.
— Нет… мы уже поняли. Ладно, Полина, — дядя Гена потупился, возя сигаретой по дну пустой спичечной коробки.
— Когда ты обратно? Отцу привезу сомятины, ты её в капусту заверни… а, да, у тебя капусты-то нету… Ну, Сонечка моя тогда тебе навертит, и будешь ехать через нас домой, зайди. Поняла?
— Ну дядь Ген!
— Я сказал, заедешь. Всё. А с бабой мы всё хорошо решим. Уже её и Лена ждёт, только ты с ней договорись там, чтоб она приглядывала.
— Я тогда дождусь бабу из Вершкова, заселю её и поеду. Ага?
— Да, лады, Полька!

И дядя Гена, снова приобняв Полину, шумно вышел со двора, тяжело поднимая ноги в сапогах.

Закрыв калитку, Полина села на тёплый, зашитый досками порожек, вытянула ноги и посмотрела, как хорошо уходит в даль огород, а в конце огорода яблоневый сад, и он скоро зацветёт, вот буквально через месяц-полтора… Потом она вспомнила, что на порожке сидеть нельзя, встала, перекрестилась и собралась немного отдохнуть.

Но отключиться не получилось и на десять минут, снова в калитку постучали. Полина пошла открывать, утомлённо удивившись, кто бы мог?

За калиткой стоял Артём. С Артёмом Полина встречалась, но по юности. Он жил теперь в райцентре, и у него была своя семья. Но иногда он приезжал в Светлое, к больной матери. С того времени как возник и прекратился короткий роман между Полиной и Артёмом, прошло пять лет. Он был старше на три года и теперь по-деревенски рано заматерел, и скулы его стали острее. Волосы кое-где уже тронула ранняя седина, едва проглядывающая сквозь выгоревшую пшеничную русь. Артём был джентльменом до мозга костей и, когда Полина бросила его по дурости, чуть не умер от досады. Но всегда, встречая её случайно, он бежал за цветами или конфетами и оставлял их на скамейке у дома. И сейчас Артём, переминаясь с ноги на ногу, еле живой, стоял, глядел на Полину косыми глазами и улыбался.

Полина заметила, что он поредел зубами и что морщины начали безжалостными бороздками перепахивать его красивое лицо, поперечными полосами освоившись на лбу и двумя продольными отпечатавшись на переносице.
— Охо, какие люди! — сказала Полина и коротко обняла Артёма, но тот навалился на неё и сжал её крепко в объятии.
— Девочка! Девочка! Гляжу, ставни открыты… Думал, дядька Пашка с тёткой Маринкой… А тут ты! — зашептал он неприлично-горячо.

Полина отпихнула его в грудь.
— Нажрался? Скотина ты.
— Я от радости, — вскинул брови Артём.
— Греби домой. Радостный мой. У тебя там орава голодная и жена холодная.

Артём зажал губы и вручил Полине шоколадку и сосновую ветку с шишками.
— Тогда возьми. И я пошёл. Ты не подумай. Я только пришёл матери твоей поклон передать и папе твоему. Всё.
— Всё? А на кой мне шишки?

Артём улыбнулся невесело.
— Это они для тебя расцвели.
— Это же не цветы. Это ты в дендрарий лазил? Тебя лесник солью в задницу не приголубил?
— Слухай… в дендрарии уже всё заросло к чёрту. Там всё попиляли уже. Начальники все пробковые деревья вывезли.
— Дурак, — выругалась Полина и сама вырвала ветку из длинных, цепких пальцев Артёма. — Такой большой, а не поумнел.

Артём замахал головой, поклонился, приложив руку к застёгнутой на все пуговки полосатой рубашке.
— Я пошёл. Всё. Не хочу больше мучиться сам и мучить тебя. Но знай! — и он поднял вверх палец. — Любил.

— Да... причём полный... любил,— сказала Полина

Артём снова сделал головой полукруг и поднял палец.

— Полинушка,— это вот... так вот... Я пошёл. Если чо, заходи...

— Вот ещё. Как сестра?

— Сестра? Что с неё будет... Икотная опять. Четвёртым. Говорят, вы бабу Карповну привезли?

— Да, я привезла. Она с катушек у нас совсем съехала. Тут ведь, понимаешь, Артём...— И Полина перешла на шёпот.— Осуждать может каждый. А ты пойди, походи за ней. Я на четвёртом курсе, мать уже в третьей больнице.

— А другие? Тёлки эти? Зинкины? Дядья? Братан?

— Артём... я б тебе сказала... Ох... Только не заводи меня,— требовательно заявила Полина.— Иди, куда йшол.

— А, ладно. Йшол, йшол, но не дошёл. Бывай, старушка,— и Артём завозил руками по бокам брюк, которые отчего-то были ему коротки, и можно было видеть косточки щиколоток, торчащие над истоптанными китайскими кроссовками.

— Бросай пить, а? Помрёшь.

Артём нашёл свою «Приму», качаясь, извлёк папиросу, постучал по пачке, дунул и вздохнул.

— Девочка... мне уже двадцать пять лет. А всё как вчера. Всё как было.

Резко похолодало на улице, но Полина была в тулупе. Она облокотилась на шелудивую штакетину палисадника, заросшего не срезанными по осени серо-бурыми, отцветшими в прошлом году шапками гортензии. Артём был так жалок...

— Одно по одному, каждый год. Иди ты уже,— сказала она раздражённо.— Замёрз.

— Да. Замёрз... Может, пустишь? Согреешь?

— Дурак.

— О, я дурак... я знаю это. Не был бы дурак, была бы ты со мною.— И Артём плюнул.

— Не смей,— спокойно сказала Полина, забежала во двор и с грохотом закрыла калитку на задвижку.

— Чтоб не ходил тут больше,— крикнула она с крылечка.— Герой-любовник.

Артём пошёл вихляя ногами, завёл какую-то душещипательную песню, и Полина, чтоб поскорее сбросить с себя неприятное ощущение от разговора, заперлась на веранде.

Только сейчас она захотела броситься на кровать и порыдать над тем, как обидела Артёма, ни за что... Только из-за своей спеси и юного тщеславия. Вспомнила, как Артём трогательно ухаживал за ней, как он был нежен и счастлив с ней, как он понимал её, как обнимал её, как катал её на лодке и водил за руку, обрывал клумбы и клялся, что никому не отдаст. Он обещал, что у них будет большой дом, дети, счастливая семья. Всё это у него есть. Дом, семья, дети. И водка. А водка появилась из-за Полины... Из-за неё, дуры. Он бился за Полину с каждым, кто косо смотрел на неё и подтрунивал над ним, что он «в Москву подженился».

Полина жалела Артёма, но не нынешнего, а прошлого, сильного и совершенно бесстрашного и в глубине души надеялась, что не сломала жизнь человеку. Что у него всё ещё наладится. Но Артём упорно не рос душой, да и разве это растущая величина? Может, она и не меняется вовсе.

Полина втащила радиатор на веранду, смахнула пыль с углов и зажгла свечку. Спать в доме она не будет— страшно. Да и теперь всё клокочет внутри. Перетряхнув влажную постель, она аккуратно набросила на кровать старое, ещё детское своё покрывало, закрыла потщательнее окошки шторками, чтобы никто не пялился в окна с улицы, и пошла на кухонку ставить чайник.

В душе её ворочались сомнения, как змеи в лесу перед Воздвиженьем: клубком, комом. Мысль о недосказанности и несвоевременности происходящего с ней кружилась в Полининой голове, и с этими тревогами, измучившись и переборов гнев и жалость, она вырубилась.

Проспав весь день, Полина вспомнила про виноград. Сходила в лес за жердями и долго рубила и ломала тонкие ольхи тупым, не точёным топором. Вспотев и изругавшись, вернулась, еле таща жерди, чтобы подпереть виноградные лозы, спустившиеся чуть ли не до самой земли. Когда они покроются листьями— будет поздно.

К вечеру дом выстыл, печь мёртво охладела. Нужно было снова топить, как на всю ночь. На душе кошки скребли. Она вынуждена пробыть здесь ещё два дня... А уже нет сил, нет совсем. Полина стала прибираться, пошла в углярку за последними дровами, собрала бабке вещи, какие получше, постельное бельё, одеяло, хлопочущее на ветру со вчерашнего дня... Подушечку, которую бабка сделала сама. Вдруг до Полины дошло, что Настя потеряна навсегда. И больше никогда она её не увидит. Она зашмыгала носом, посидела на крылечке, на расстеленном тулупе. День был тёплый, почти майский, поэтому Полина с удовольствием погрелась в закатных лучах, но после ей пришла в голову мысль.

Она собрала для Артёмовой матери корзинку: апельсины, булки, банку кофе, килограмм сахарного песку— роскошь для неё, давно лежащей пластом в холодном доме. Её новый супруг вовсе не заботился о ней, и бедная тётя Ида доходила на глазах. В молодости она была балериной, жила в Одессе, а её первый муж, родной отец Артёма,— капитаном на пароходе. От матери Артём унаследовал какую-то тонкую, нежную красоту, а от отца весёлый нрав и разговорчивость. Отец бросил их, когда Артёму ещё не исполнилось и десяти, а его сестре и вовсе было пять. Тогда же тётя Ида, ещё в советское время, нашла себе жениха по газетному

объявлению. Приехала сюда. Принесла в жертву себя и Артёма, который сразу же бросил школу и пошёл работать на конюшню. Отчим оказался настоящим деспотом. Сестра окончила три класса и попала под дурное влияние местных молодых шалавок. Вот и вся их жизнь. Вся их нездешняя, чужая красота здесь медленно и бесславно погибала. Приезжала как-то Идина мать, умоляла вернуться в Одессу, но Иде было стыдно и больно. Да к тому времени она уже родила Артёму брата, которого сейчас сдали в интернат, чтобы он не умер с голоду. Артём привозил еду из райцентра, работал в колхозе. Отчим не работал нигде. Он ходил по Светлому, от одной одинокой бабе к другой и пил. А когда являлся домой, хватал палку и бил всех, кто не успевал спрятаться. Когда Артём подрос и стал справляться с ним, отчим приутих, пока Артёма не забрали в армию.

Иду жадно уничтожал туберкулёз, но Полина не побоялась. В шкафу она нашла тёплый платок, шерстяной. Подержала его в руках, подумав, что у бабки его отнимут всё равно, а тётя Ида скоро умрёт, и, возможно, платок ещё успеет её согреть. В какой-то вечности, постоянности существования своей бабки Евдокии Карповны Полина была уверена. Она видела в ней ещё много жизни, несмотря на то, что старухе исполнилось восемьдесят.

Когда смерклось, Полина пришла к покосившемуся двухоконному дому, стоявшему на краю улицы, первым от леса. Улица была конечной, непроходной, здесь стояли всего четыре жилых дома, да и к Полине никто особенно не лез во двор, когда она приезжала одна, без матери. Друзья Полины выросли и разъехались, соседи, бабки и деды, почти не покидали своих дворов. Сейчас, вечером, тишина наполняла деревню и лес. Лишь одно окно Идиного дома светилось мутным светом через грязное стекло. Оно было завешено невесть чем, какой-то грязной тряпкой, сроду не мытой. Скорее всего, муж тёти Иды, коренастый и молодцеватый мужик с щегольски зачёсанными назад длинными волосами, сейчас был у своей новой зазнобы, поэтому в доме их было тихо, да и Артём был там, у матери. Был бы отчим в доме, слышался бы скандал.

Полина толкнула дверь, которую никогда не запирали, потому что со двора давно были вынесены даже алюминиевые тазы, и собаки тоже не было. Кормить собаку было нечем. Огород зарос клёнами и осинами без Артёма, который жил теперь в райцентре и наезжал редко. Как правило, он здесь пил.

Полина тихо вошла в кромешные скрипучие сенки, постучалась и, не дождавшись ответа, зашла в дом. Артём вышел ей навстречу в семейных трусах и грязно-белой майке, босой. В доме было не топлено, пахло какой-то кислятиной.

— Сына… кто там?— слабо отозвалась тётя Ида из каморки, загороженная от света шифоньером.

— Да… Это… Это…— растерялся Артём, жуя фильтр зажжённой сигареты.

Полина молча вручила ему корзинку и поманила к себе.

Тот, боязливо оглядываясь, подошёл вплотную.

— Скажи потом, что я приходила, но ещё скажи, что у меня грипп, и я боюсь заразить её… А ты выйди. Надо,— голос её был до предела снижен на шёпот.

И Полина, неслышно прикрыв дверь, спрыгнула с крыльца в ночной двор.

Минут через пять вышел Артём, в трусах, но с накинутой на худые плечи телогрейкой. Он зажёг новую папиросу.

Полина стояла внизу, под крыльцом.

— А ваш фашистюга где шарится?— спросила она, имея в виду отчима Артёма.

— Мудями всё звенит, неназвенится. Чего ты-то явилась? Ты зачем таскаешь тяжести? Видел я, как ты пёрла жердину из лесу.

Артём запулил бычок.

Полина открыла калитку и шагнула в темноту. Артём нагнал её.

— Постой,— крикнул Артём, ловя её за плечо,— остановись ты.

Артём крепко перехватил её за запястье, словно удерживая от чего-то. Полина вырвалась.

— Артём… посиди со мной. Посиди. Просто посиди, рядом. Не надо меня трогать.

Артём закашлял вдруг, долго и мучительно, он отошёл подальше и замахал рукой.

— Когда меня закопают… посидим рядом.

— Закопают? Почему?

— Иди, иди!— крикнул Артём.— Я тут теперь надолго. До конца. Как повезёт.

Полина пожала плечами и направилась к своему одинокому, тёмному дому, который стал ей невыносим. Сердце стучало в висках пульсом, сквозь тишину. Только ближние сосны жутко шумели верхами, и в шуме этом, вечном и грустном, было что-то потусветное.

Она кинула на заднее сиденье «Волги» три нагруженные вещами сумки для бабушки и поехала медленно и осторожно по шершавой песчаной дороге, не включая даже третью передачу.

В коттедже для инвалидов бабушке отвели комнату вместе с молодой девицей Леной Мушкиной, бывшей воспитанницей детдома. Некоторые ребята оставались жить в таких домах после восемнадцати по разным причинам. То ожидали жилья, то кого-то «на воле» не очень ждали, а кто-то не имел в себе сил расстаться с зависимой от государства жизнью. Тогда государство брало их на вечное поселение без права жить иначе.

Скуластая Мушкина с грязными чёрными волосами, в спортивном ярко-синем костюме с белыми лампасами и в китайских кроссовках на босу ногу, сидела на своей койке, потирая локоть. Она дралась с подругой за парня, и теперь, после того как подругу за буйность укололи аминазином и заперли в изоляторе, Лена торжествовала.

Полина затащилась в комнату, куда уже привели бабушку, и теперь та, одетая во всё чужое, бесцветное, вытравленное хлоркой, смирно сидела на кровати с голой Настей в руках.

У Насти уже не было одежды, щегольской немецкой курточки, белых панталончиков и мягких розовых носочков. Обыкновенная кукла с немигающими глазами, стриженная под «горшок», липкая, чумазая и несчастная. Бабка смотрела сквозь всех, и когда вошла Полина с клетчатыми баулами, не поднялась с кровати, заправленной жаккардовым вытертым покрывалом.

Полина заметила, что в комнате уютно: по обе стены — железные кровати, но достаточно удобные, стол, полки для всяких мелких вещиц и книг, две тумбочки и большой шкаф. Окошко одно, но без решётки и большое. Следом за Полиной, приседающей от тяжести сумок, ввалилась пара инвалидов, которых Мушкина попросила выйти на крепком матерном языке. Голос у неё был сильно грубый, хриплый. Прокуренный.

Полина дрогнула, взяла стул и, поставив его напротив бабки, села на него верхом. Вид бабки не радовал её. Старуха словно внезапно стала чужой, не её родной Евдокией Карповной, а обыкновенной дурочкой.

— Баб… будешь курочку?! Я принесла тебе курочку. И йогурт, — Полина оценивающе и беспокойно вглядывалась в лицо старухи, ища какие-либо сведения о двух днях, проведённых в «заключении».

Евдокия Карповна поводила по внучке глазами, мутно и медленно, пожала плечами, на которых едва держались разодранная рубашка и ситцевый халат.

— Поем, — смирно сказала она. — Зиночка…

Полина встала, раскрыла сумки и стала доставать оттуда вещи, ниже склонив голову.

— Ну вот, значит, всё хорошо… — выдохнула Полина.

— Да она упоротая. — сказала Мушкина. — Отойдёт. Знаешь, как от этих уколов башка трескается? Песец…

— Если будешь обижать её… я узнаю, — сказала Полина Лене.

— Не хрен мне больше делать, Поль, я же нормальная. Ты слышишь? Я нормальная, — разразилась хохотом Лена и показала гнилые, чёрные, уже сильно испорченные зубы. — Чего ты говоришь-то?

— Ладно! Тихо! — сказала Полина решительно и рукой остановила Лену. — Вот это сумка с моими вещами, модными и почти новыми. Это тебе. Будешь хорошо смотреть за бабушкой, привезу в следующий раз ещё.

Лена радостно завизжала, бросилась на Полину, слегка душа её в объятиях.

— Полинка! Ты красава! — и, скинув с себя дурдомовскую одежду, бросилась мерить.

Обе они были тощими, поэтому Мушкиной подошли все вещи. Она радостно скакала по комнатушке, вертелась перед маленьким квадратным зеркальцем, прибитым к старому шкафу с рассыпавшимися углами.

Бабка уже уселась за стол и ждала, когда Полина выложит вещи. Голова её вытянулась на тонкой шейке, как черепашья, и голубые глаза смотрели почти умно. Она явно немного пришла в себя, успокоилась то есть.

Полина достала жареную курицу в фольге и два сладких творожка. Бабка открыла рот с мелкими зубками и ждала, когда её покормят.

После кормления, когда бабка аккуратно облизывала ложечку, не выпуская из рук куклы, Полина переодела её в чистую кофту и юбку, а на ноги насунула длинные тёплые носки и тапочки.

— Не мёрзни тут, — горько сказала Полина. — Сама за собою старайся ухаживать и просись на горшок. Он под кроватью. Хорошо?

Бабка, как будто понимая, кивнула.

— Принеси мне, Зиночка, иконку, — сказала она еле слышно, тряся рукой перед лицом, словно боясь, что услышит Лена, крутящаяся перед куском зеркала.

Лена, показывая свои костлявые нещадно и уродливо татуированные руки с надписями типа «Лео, я тебя люблю!», «Титаник навсегда», «Мушкина и Кыся подруги навеки», уже красила губы ядовито-красной помадой.

— Зачем тебе иконка? Ты же неверующая? — спросила Полина удивлённо, склонившись к бабке.

— Детки плачут. Очень жалко их. Ohne Gott ekelhaft einem, — вздохнула бабка и потёрла глаза, но в них, глубоких своим непониманием, какое только и бывает у младенцев и стариков, не было слёз, будто бог вместе с разумом отнял их тоже.

Полина пообещала прийти завтра с иконкой и поспешила убраться. Ей было тошно тут.

Дядя Гена как раз уехал в райцентр, и Полина спокойно покинула интернат, хотя и не без хвоста из назойливо разглядывающих её санитарок и медичек.

Она собралась ехать наутро. Благо, теперь многие вопросы решены. В нервном возбуждении Полина принялась варить для бабки суп и потом, окончательно выдав все свои мысли вслух кастрюльке и сковородке, заперев калитку на гвоздь, чтобы не лезли соседи, села на расстеленный тулуп и стала лихорадочно читать «Тараса Бульбу».

Ей, однако, стало холодно на крылечке, Тараса было ещё жальче, чем себя, поэтому она ушла на веранду, но глянув на постель и на стол, набросила на себя старое клетчатое материно пальто из драпвелюра и почти побежала в лес.

Лес тихо шумел ветром, перебирающим хвои. Снег давно уже весь растаял, лес был чист и нелюдим абсолютно. По нему можно было ходить без дороги, как по парку, не заблудишься. Полина знала здесь всё. Каждый ложок, каждый холмик. Она бесцельно бродила по заросшим соснами заразам, выдыхаясь от их крутых подъёмов и почти вертикальных спусков, но мысли её настигали.

Заметив, что напирает темнота, она вышла через лес к реке, широкой, тяжёлой, медленной, ещё до конца не оттаявшей, но кое-где с ломаным льдом у края берегов.

— Да почему же это мне, именно мне так не везёт?— спросила Полина сама у себя, взяла сосновый сук метровой длины и, опираясь на него, побрела в сторону своей улицы, безошибочно сориентировавшись по просекам.

Она шла мимо двора Артёма, и он как раз сидел возле колонки, на своём любимом месте, и чинил сеть. Сумрак уже стал почти непрогляден, но Артём всё сидел, сам в сером, слился с серым и стал тенью среди теней. Полина подошла, оперлась на сук и громко вздохнула.

Артём поднял голову. Его светлые волосы топорщились на макушке. Он улыбнулся и снова загрустил.

— Тебе надо постричься,— сказала Полина.— Вы все тут как дурачки с этими стрижками «под скобку»

— Уже не надо,— ответил он, не глядя на неё.— Да и… ветер дует из дурдома.

— Но тебе лучше стриженым.

— Я и сам знаю, как мне лучшей. А ты что блуждаешь как шалашовка? В лесу одна?

Голос его был слаб, он немного охрип и, будто в его горле что-то перетряхивалось, как в сушёном гусином горлышке, когда в него засыпают горох, чтобы сделать погремушку.

— Я думала, меня никто не видел,— чистосердечно призналась Полина.— Но ты всегда меня там заметишь.

— Похоже, что так,— кивнул Артём и спрятал под лавочку ноги в рваных кроссовках.

— А я вот осталась. Пришлось,— выдохнула Полина.

— Послушай… иди домой… уже темно,— почти умоляюще попросил Артём.— Иди… хватит уже… издеваться-то?

Полине вдруг стало страшно, как от чего-то неизбежного.

— Ты чего так кашляешь, а?— спросила она, задрожав голосом.

Артём бросил сеть, встал с лавочки.

— Всё… Слышишь? Всё. Иди.

Артём сделал движение к Полине, но остановился.

— Обидно так помирать. Когда нигде не был, когда ничего не видел… Навоз, огород, жена… дурная… самогон и разная недоля.

Голос его звучал спокойно и невозмутимо, от этого Полина поёжилась. Она закинула сук в сторону леса и подышала на ледяные руки.

— Я пошла.

— Пойди. Я бы… я бы позвал тебя в гости, но там мать. Ей что-то плохо.

Полина вспомнила почему-то, как несколько лет назад умирала мать её подруги. А подруга, тоже местная, стояла с полной тарелкой клубники, возле двора и ела, ела, что-то рассказывала такое о том, что скоро всё изменится, она уедет в город, будет там жить по-новому. А вообще… есть оно новое? Зачем оно? У них всё так просто… Так страшно от этого…

Вдруг ей захотелось обнять Артёма, за правду, наверное… За только чистую правду, что когда-то была между ними. Но он, вытянув руку вперёд, остановил её.

— Нельзя,— сказал он хрипло.— Домой.

Полина хлюпнула носом и повиновалась.

Иконка вызвала в бабке бурю восторга. Она вертела маленький образок с приклеенным на керамическую плашку Николаем Угодником, разглядывала её, нюхала её, словно улавливая запах какой-то неизвестной человеку благодати, а потом попросила Лену прикрепить её в уголок. Лена, недовольно забурчав, полезла на стул.

— Ты чего такая грустная?— спросила Полина Лену, на которой лица не было.— Пили вчера?

— Тут попьёшь… ага,— ворчала Лена.

— Трахалась она,— сказала бабка без зазрения совести.

— Баба!— возопила Лена.

Полина сердито глянула на Лену.

— Сюда, что ли, водишь?

Лена, поставив иконку на угол шкафа, чтобы было видно с пола, шумно плюхнулась на свою железную кровать.

— А что мне, самой ходить? Они вообще-то не спрашивают… Заходят ночью и всех берут. И «слабых», и бабок тягают. И нас тоже. Жаловаться-то кому? Вон, приехал один охочий. Дурачок не дурачок… А охочий, гад.

Полине стало стыдно за бабку.

— Ты тогда… хоть… дай ей уснуть… А… если залетишь?

Мушкина откинулась назад, оперевшись спиной о стену. Волосы у неё висели сосульками, накрашенные чёрным карандашом глаза нехорошо блестели. Рукава Полининой кофты, с розами

и лютиками, были закачены над вытатуированными локтями. Кофта выглядела на Лене поруганной.
— Вчера Рыжову на аборт свезли. Она, ну, ты знаешь, она живёт с Шутовым? В старой школе у них комната.
— Но они же не дурачки.
— Наша старшая медсестра, чтоб её… тварь. Она всех режет. Шесть месяцев ребёнок. И ещё стерилизуют. Как кошку. Как нас всех тут.

Полина отвернулась к окну, на котором росли маленькие кактусы в пластиковых стаканчиках. Ленино хобби.
— Нравится садик? — спросила Лена. — Это мой детский садик. Из кактусят. Если будешь ехать в другой раз, привези мне кактус, ладно? Привези такой, чтобы зацветал он, хоть иногда. Есть такие, я читала.

Голос Мушкиной звучал мечтательно, но всё равно многолетнее курение его испортило.
— Я обещаю… привезу, — отозвалась Полина.
— Вот я сейчас вспомнила басню Крылова, — неожиданно сказала бабка, сидящая в кремовом чистом платке и жёлтом льняном платье из своего старого гардероба. Если бы не её лагерная худоба, Полина бы поклялась, что к ней вернулся разум. — Учила ещё в школе.
— Рассказывай, — улыбнулась Полина. — А я пока еду разложу.

Она достала банку с супом, четыре котлеты и два творожка.
— Ого… котлетки! — потёрла Лена руки. — А мы мяса-то и не видим… Прут всё эти сучки со столовки. Нам одни шкурки да кости. Котлеты — хлеб гольный. Непутячьи сотрудницы тут. Все проститутки.
— Я поговорю с Геннадием Петровичем. Я его попрошу обратить внимание на это. И на ваших озабоченных дурачков, — Полина поднесла палец ко рту. — Тсс.
— В глуши расцветший василёк вдруг захирел, завял почти до середины и, голову склоня на стебелёк, уныло ждал своей кончины…

Бабка прикрыла глаза, левой рукой прижав Настю к себе, правой она водила в воздухе, как будто гладила кошку. Полина прекрасно знала способность бабки вспоминать самые далёкие моменты из своей жизни, но такое она слышала впервые. Это, скорее всего, была басня Крылова «Василёк», и учила её бабка, наверное, ещё во втором классе. То есть лет семьдесят назад… с копейками. Бабка тем временем без запинки продолжала:
— Уж как ты прост, мой друг! Ему сказал, вблизи копаясь, жук! Неужли солнышку лишь только и заботы… чтобы смотреть, как ты растёшь, и вянешь ты, или цветёшь?

Полина замерла без движения на своём стуле. Мушкина тоже, сложила руки замком и, закинув ногу на ногу, показывая волосатые щиколотки из-под коротких брючек, молчала, серьёзная, и даже перестала жевать.
— Да только те цветы, они не то, что ты! — и бабка подняла руку, а голос её стал распевен, хоть и скрипуч. — Они такой цены и красоты… что само время их, жалея, косит.

Из Полининых глаз чуть не брызнули слёзы, и она спрятала их, надев тёмные очки, которые до того болтались у неё на вырезе футболки.
— Молчи и вянь! — рявкнула бабка, но снова запела. — Но солнышко взошло, рассыпало лучи… И бедный василёк, завянувший в ночи, небесным взором осветило.

Всеобщее молчание этой, со вчерашнего дня ставшей странной комнаты нарушили чьи-то визги и крики на улице.
— Вот долбаные придурки! — выругалась Лена и подсела к столу. — Бабка-то ещё при мозгах… Только гадит везде. Вчера вот убирала за ней.

Полина сняла очки, справившись со слезами и укоризненно пожурила бабку.
— Баб… ну горшок же есть.

Бабка, уже открывшая рот и ожидавшая еды, вдруг хитро заявила:
— Вам недаром плачу! Вот и ухаживайте!

Лена хлопнула себя по ляжкам.
— Да ёпрст! Что творится в нашем дурдоме!
— Ладно, ешь. Не обращай внимания, — сказала Полина и повязала бабке передник.
— И на обед пойдём, — сказала бабка, словно хвастаясь.
— Пойдём, пойдём… обязательно, — жуя, подтвердила Лена. — Я говно буду жрать, а этим сучкам свою порцию не отдам. Они и так на нас наживаются.
— Herkommen Soldaten, sie euch geben (вот придут солдаты, они вам устроят), — мечтательно сказала Евдокия Карповна, показав сухим пальцем на дверь, и перекрестилась.

Через несколько часов Полина, включив в машине радио, уже гнала в сторону Москвы. Нужно было досдать хвосты, оформить практику и забрать мать из больницы. На заднем сиденье, вместо бабки, лежала сумка с сомятиной, бережно завёрнутой в свежие капустные листы: гостинец от дяди Гены. Полина на полдороге остановилась на заправке выпить кофе и заправиться и, немного взбодрившись, вспомнила, как искала на веранде снотворное для бабки.

Однажды мать нашла в комнате Полины письма от Артёма. Она их якобы не читала, но было заметно, что они все переворошённые, перепутанные. У Полины они хранились в ящике, под кроватью, но прошлой зимой она решила увезти их в Светлое и там спрятать в своём личном серванте, куда мама не лазала. О том она болтнула Катьке, местной

знакомой, давно уже тоже живущей в Москве. Она сюда чаще ездит, видно, Артёму и донесла на сарафане.

Лежали письма как раз на коробке с лекарствами, завёрнутые в пакет и перемотанные скотчем. Конечно, в дом могли залезть… Украсть их и посмеяться… посмеяться, как на протяжении лет менялось Артёмово отношение к Полине от самой нежной любви до трёх-четырёх сухих, жёстких, как выстрелы, обвиняющих строк…

— Никогда сюда не вернусь… Не вернусь больше. Пусть сами ездят. Хоронят там, поминают, эх… Настя моя бедная…—и Полина беззвучно заплакала, стараясь вовремя вытирать слёзы, чтобы не терять дорогу, убегающую в противную мартовскую туманную морось.

ДиН юбилей

По страницам
№1 | 1993

Марина Кудимова

В преддверии

● ● ●

Лазарь умирает в лазарете.
За окном гражданская война.
В головах сидит на табурете
Нянечка—Великая княжна.
Всё никак не умирает Лазарь,
Всё не может заступить черты,
Никому военно не обязан
И ни с кем на свете не «на ты».
Он опять забыл принять лекарство
Для разлуки тела и души.
Первое воздушное мытарство
Застит Ангел, просит: Не греши!
— Лазарь, ляг!—
а он куда-то рвётся.
— Стихни, Лазарь!—
он рубаху рвёт.
И ему от века не живётся,
Как везде честной народ живёт,
Как везде живёт народ безгневный…
А и надо-то от гордеца,
Чтобы труп его четырёхдневный,
Встав из гроба, плат сорвал с лица.
А княжна с него бельё стирает,
Поит с ложки, остужает лоб…
Лазарь ну никак не умирает,
Точит жук его рассохлый гроб…

● ● ●

В преддверии алкает алкоголик,
Одеждой источая нашатырь,
Над ним парит одутловатый нолик
И записной летает нетопырь.
Над ним дежурный массовик-затейник
Читает ежедневный паримейник.
Шагреневая корчится судьбина,
Единоверец продаёт гараж,
И крепом покрывает конкубина
Саднеющий кулачный макияж.
И я готова жизнью поступиться,
Чтобы любой оплачивался труд—
За исключеньем разве ясновидца,—
И я за тех, кто плачет, если бьют.
Что до меня, я и тогда не плачу,
Когда в непроницаемой стене
Соседи смотрят телепередачу,
Какую не показывают мне,
И шествует с карательным отрядом
В сапожках семимильных почтальон…
У нас и василиск с мертвящим взглядом
Душевными очами ослеплён.
У нас и камень шепчет: Благодарствуй!
И розаном вспухает саксаул—
В единственном, пожалуй, государстве,
Где не народ устал, а караул.

Татьяна Скрундзь

Царствие белых лошадей

Последний герой

Снег валил третий день подряд, к понедельнику снегоуборочные машины едва справлялись с работой. Повсюду были навалены гигантские сугробы. Они загромождали тротуары и автомобильные стоянки, крепостями окружали узкие пешеходные тропки. А снег всё падал и падал.

Мы, студентки, радовались погоде. С однокурсницей встретились заранее, чтобы успеть обсудить важные для нас происшествия минувших выходных. Времени до лекций оставалось предостаточно. Было решено ехать в институт наземным маршрутом, заодно полюбоваться видами заснеженной Москвы. Маршрут пролегал по кривому радиусу от Третьего кольца до самого центра.

Понедельничная столица изнемогала в напряжении пробок, усугубившихся непогодой. Автомобили улитками пробирались друг за другом через вязкую снежную кашу. То тут, то там в трафик вклинивались наглые маршрутки. Наш троллейбус вклинился с второстепенной улицы на проспект и покатил вперёд, журча электричеством. В меру заполненный салон прогревался с увеличением скорости. Мы с подругой пристроились на двух одиночных сиденьях лицом друг к другу, болтали и поглядывали по сторонам.

Некоторое время троллейбус плыл посреди моря блестящих автомобильных крыш, словно корабль, величественно возвышаясь над ними. Но вскоре он совсем сбавил ход и поплёлся медленнее прочего трафика. Выделенная для пассажирского транспорта полоса сегодня почти вся оказалась занята: справа по ходу движения припаркованные у тротуаров автомобили носами утыкались в беспорядочно наваленные груды снега, задние бамперы далеко выпирали на проезжую часть. Водителю приходилось объезжать их, рискуя сорвать «рога» с проводов. Иногда это занимало довольно много времени. Преодолев очередное препятствие, троллейбус рвался вперёд, нагоняя график.

На одном из особенно опасных виражей вдруг что-то стукнуло, заскрипело, металлические соединения звонко щёлкнули, и железный транспорт стал, стремительно охлаждаясь и делаясь похожим на пустотелую поделку из старого металлического конструктора — такие были у всех советских детей. Пассажиры забеспокоились. Мы с подругой тоже замолкли и стали вглядываться наружу, пытаясь понять причину остановки.

В салоне кроме нас находились в основном пожилые мужчины, женщин было две или три. Московские пенсионеры да простой коренной люд — кто ещё пользуются наземным транспортом днём, в центре столицы? И ездят они обыкновенно на небольшие расстояния. Вечно торопящаяся молодёжь в путешествиях из одного конца столицы в другой предпочитает тёплое, быстрое, глухое метро. Мы же, проживая в пешей доступности от сразу трёх станций, считали троллейбус в Москве экзотикой.

В салоне на минуту прекратились разговоры, головы повернулись в сторону кабины водителя. Кто-то зашептался, а потом стали раздаваться отдельные громкие голоса:

— Ну что? Поедем или как?

— Долго стоять-то будем?

Отворилась передняя дверь-гармошка, затем с лязгом сдвинулась в сторону створка водительской кабины. Из кабины неловко выбралась коренастая черноволосая женщина в оранжевом жилете. Вышла на улицу. Было видно, что она сильно раздражена. Она обошла притихший троллейбус кругом и остановилась позади, у обвисшей верёвки штангоуловителя, похожей на дохлую змею. Потянула её, задирая голову ввысь. Потом вернулась в салон. Злобно взглянув на гомонящий народ, сказала:

— Вот что! Обе штанги оторвались и до проводов не дотянутся. Толкать надо.

Через секунду молчания кто-то из пассажиров наконец подал голос:

— Чего толкать?

— Чего-чего, троллейбус толкать. Под провода его нужно подвести, иначе никак.

— Ишь ты чего выдумала! — закричал вдруг другой пассажир. — Толкать! Ты водить научись сначала!

— Вы что не видите, как машины стоят? Как мне их объезжать?

Один из мужчин, лет пятидесяти, полный, с красным оспинным лицом, вдруг ткнул в сторону водительницы пальцем и через весь салон, словно обличая в преступлении, заявил:

— Да она нерусская!

И добавил ещё громче:
— Понаехали! И водить не умеют! Соображай давай, нерусская!

Женщина и вправду была явно тюркских кровей. На широких скулах её выступил грязноватый румянец. Из-под нависших век воинственно сверкнули чёрные глаза, но она промолчала и тут же скрылась в кабине. Мне показалось, она заплакала, стало неловко за грузного хама. Галдёж тем временем не прекращался. Подруга моя, как и я, молча наблюдала за мужиками, стоящими прямо над нами и гомонящими пуще других. Взглянув друг на друга, мы угадали общую растерянность.
— Да ладно, что нерусская,— донеслось из конца салона.— А мне вот к жене скорей надо. Она больна у меня. Слышь, водитель, поехать-то когда сможем?
— А я на работу опаздываю!

Женщина выглянула, оглядела всех с вызовом.
— Поехать не сможем,— заключила она.— Кто хочет — выходите в переднюю дверь.

И вновь скрылась.
— До метро тут километр! Эй, нам что, по сугробам идти?
— Ты давай, соображай,— повторил толстяк. Он возвысил голос почти до визга.— Трогайся уже как-нибудь!
— Ишь, чего захотела!— подержали его.— Кто виноват, тот пусть и толкает!
— Ездить не умеют, а мы — толкай.
— А парковаться разве так можно?
— Да ну их, запрудили весь город…

Из дальнего конца салона стала продвигаться к выходу пара средних лет. Выбравшись в уличный гул из гула споров, зашагали в сторону ближайшей станции подземки. За ними вышли ещё несколько человек. Мне было любопытно, чем всё закончится. Но время тянулось, а спор в салоне не утихал.
— Может быть, пойдём?— неуверенно спросила подруга.— Опоздаем же.

Шевеление усилилось, люди покидали троллейбус, будто подбитый эсминец. Я пожала плечами, готовая, было, согласиться. Но тут увидела на одном из дерматиновых диванчиков старика лет семидесяти в огромном треухе и женщину, его ровесницу, завёрнутую по самые брови в ажурный шерстяной платок. Они о чём-то увлечённо разговаривали, совсем не участвуя в общем споре и, казалось, не замечая общей суеты. Оба показались мне необычайно красивыми в своих старинных одеждах и с нежными улыбками, обращёнными друг у другу.
— Взгляни,— сказала я и кивнула на них.

В этот миг кто-то из выходящих случайно толкнул старика в плечо. Он поднял лицо, изрезанное морщинами и всё ещё улыбающееся от доброй беседы с подругой. Огляделся. Заметив, что троллейбус стоит не на остановке, а посреди дороги, спросил у толкнувшего:
— Что случилось?
— Рога сорвались, а эта, троллейбусница, или как её там…— стал нервозно объяснять один из мужиков.— Толкать, говорит, надо.

Старик миролюбиво кивнул и сказал не задумываясь:
— Ну надо так надо. Толкнём, коли надо.

Неторопливо, как это обычно делают старые больные люди, он поднялся со своего места. Собеседница проводила его взглядом. Вокруг глаз её образовались смешливые морщинки. Народ в троллейбусе вдруг затих, расступился, давая проход старику, который молча прошествовал к выходу, будто Кутузов за орденом к рукам Екатерины. При этом он, стараясь никого не толкнуть, и ступал осторожно. Видно было, что зрение у него совсем слабое. Потом он осторожно спустился по двум ступеням и уже очутился на улице, под снегопадом, когда один из мужчин, много моложе старика, последовал за ним.

Чуть погодя недавние спорщики один за другим стали выходить на улицу. Оспинный грубиян, что так сетовал на чужеземное происхождение водителя, растерянно покрутился туда-сюда, вздохнул и тоже вышел. В салоне остались только женщины и мы — студентки. Кто-то хихикнул. Подруга Кутузова спокойно глядела перед собой, в её лице читалась какая-то светлая мысль. Троллейбусница снова высунулась из кабины. Колкий взгляд её как будто потеплел.

Позади троллейбуса раздалось:
— Э-эх, ух-нем!

Машина качнулась раз, другой и вдруг покатилась по направлению к тротуару, туда, где заканчивался автомобильный парковочный карман, заваленный сугробом.
— Ура!— донеслось с улицы.

Троллейбус прокатился пять-семь метров и остановился. Водитель выскочила наружу (в снежной завесе замелькала яркая ткань рабочего жилета), парой ловких движений водворила токоприёмники на место. Машина ожила мгновенно, как и не умирала вовсе. Что-то в её утробе загудело, затрепетало, электрическая кровь потекла по жилам, забилось где-то невидимое железное сердце. От радиаторов под сиденьями в ноги полилось тепло. Троллейбусница вернулась, открыла оставшиеся две двойные гармошки дверей. Пахнуло свежим снегом, морозным воздухом. Мужчины заходили обратно раскрасневшиеся, возбуждённые. С улыбками они кивали друг другу и рассаживались. Одним из последних в среднюю дверь зашёл Кутузов. На треухе его образовался небольшой сугроб. Он снял большие холщёвые, на меху, варежки, потёр замёрзшие ладони, подсел к своей даме. Глаза его весело блестели.

Троллейбус тронулся. Мы доехали до следующей остановки и поспешили к станции метрополитена — лекции вот-вот должны были начаться. До самого нашего выхода старик со спутницей продолжали прерванную аварией беседу, а другие пассажиры — и женщины, и мужчины — молча думали каждый о своём. Но отчего-то мысли их были понятны, и все эти незнакомые люди казались — как будто — семьёй. Неведомая соборность свершилась только что на наших глазах, мы тоже чувствовали себя её участниками, и даже немного жаль было покидать троллейбус, вдруг сделавшийся похожим на Ноев ковчег.

На выходе мы столкнулись с новыми пассажирами, не ведающими о том, что только что произошло, чужими, лишёнными некой тайны. Они невесело смотрели в пустоту и не видели ничего вокруг. Всех их хотелось обнять и пожалеть.

Царствие белых лошадей

Взаимность рождается из пластики. Благоприятный контакт — дружеский, партнёрский, служебный или любовный — невозможен без неё. Первый принцип: держись верхом максимально комфортно, найди своё, удобное место в седле, тогда и лошади под тобой будет удобно и нетрудно идти.

Механизм взаимоотношений не может быть неподвижным, а динамика зависит от инструментов, которые применяешь. Без динамики отношения умирают. Но тяп-ляп тоже не сварганишь. Если инструменты подобраны неверно, механизм плохо настраиваем и отношения могут причинить вред. Второй принцип: сев на коня, повод не выпускай ни при каких обстоятельствах, потому что если ты не заставишь лошадь идти туда, куда нужно тебе, лошадь пойдёт (а то и поскачет) туда, куда нужно ей.

Всегда существует масса изменяющихся то и дело обстоятельств. Большая удача, когда хотя б один из участников процесса способен хоть немного удовлетворительно мыслить. Развитие событий зависит от того, кем это мыслящее существо является — женщина или мужчина, начальник или подчинённый, ребёнок или взрослый, старик или рыбка… Третий принцип: помни, что человек — разумный, но маленький и слабый, а лошадь — могучая, полутонная, безмозглая, хоть и добрая, скотина. Определить своё место и задачи важно как можно скорее, иначе отношения могут перевернуться с ног на голову и всадник окажется под копытами, а лошадь — перед необходимостью оказывать первую медицинскую помощь.

«Три принципа верховой езды»
(из записок наездника)

Видел я в серой мгле одну только голову лошади на белоснежной, дугой изогнувшейся шее, дикие, выпученные глаза её — фиолетовые, бездонные, со сверкающими галактиками в глубине зрачков. Смиренная вечность заглядывает в душу. Пытаюсь вглядеться в этот космос, вижу одновременно ужас и откровение. Беззвучно кричу. Просыпаюсь.

Не сразу понимаю, где я. Машина стоит на обочине, наполовину занесена снегом. Салон промёрз. Проворачиваю ключ зажигания и вспоминаю — бензин закончился. Я на забытом богом и людьми шоссе, в двадцати-тридцати километрах от съезда с магистрали. С тех пор как я последний раз проезжал по нему на отцовом «москвиче», минуло лет пятнадцать. Если это корыто разгонялось до ста километров в час, начинало подпрыгивать передней подвеской. И покрытие на дороге тогда было немногим лучше теперешнего.

Да, а большинство современных водил, наверное, и не подозревает о её существовании, выезд остался совсем неприметный. Никаких указателей. Редкие дальнобойщики из старпёров срезают иногда ей путь. Жертвуя подвеской и запасаясь парой канистр бензина. Потому что владельцы автозаправок давным-давно убрались отсюда в места поприбыльней. Автосервисов тоже, конечно, нет, по крайней мере, на двадцать километров назад. Впереди неизвестность, метель, снеговые заносы, похожие на гривы лошадей, мечутся по едва различимой в буране асфальтовой полосе. Мобильник разряжен. Остаток батареи сожрал звонок товарищу. Старый друг, он приехал бы хоть на другой конец страны, мой милый товарищ, махая крылом, он говорил мне давно — пора, брат, пора. Но я не слушал, я был фаталист. И Печорин тогда казался мне героем… Зона покрытия почти отсутствует, а может, из-за непогоды. В общем, дозвониться не удалось. Бесполезная трубка валяется где-то на заднем сиденье.

Перед тем как аккумулятор разрядился полностью, на бортовых часах было 6:30, но небо до сих пор темно. Оставались конфеты с коньяком — купил на заправочной станции ещё в городе, бросил назад, к прочим подаркам. Для своих, для чужих… Конфекты. Конфекты. А была ли девочка? Я съедал по одной конфете в четверть часа. Замёрзший шоколад трескался во рту, спиртная начинка жарко переливалась из гортани в желудок… В подарочной коробке, перетянутой красной лентой, было двадцать конфет. С 6:30 я съел последние три. Но сколько я проспал, сказать трудно. Немного. Сейчас должно быть около восьми утра.

Тулуп из багажника, из рабочих тряпок, я достал скоро после того, как заглох. Но и он переставал выручать. Руки в рукавах — правая в левом, левая в правом, муфтой, лицо можно греть собственным дыханием в воротнике. Воротник пахнет животной шерстью. Поэтому мне снятся лошади, уже

второй раз, как я отключаюсь. Чёртова, одолевает дрёма… В каком прошлом веке по этой дороге проезжала последняя машина?

Лошади и милая провинциальная цивилизация. Уютные деревянные подъезды, жёлтое электричество. Обжигающие чугунные батареи. Ева… С огромным животом, восьмой или последний месяц беременности… Истеричная, злая, лохматая какая-то, опухшая от слёз. Я её помню прекрасно, но сон это или явь, неразличимо теперь совсем.
— Ты! — кричит она. — Ты животное!
— Не хуже твоих лошадей…

Нет ничего хуже лошадей. В детстве я боялся их, мыслил их неуправляемыми и опасными. Она их обожала. Одно время у неё даже был собственный будёновец с романтичным именем Пепел, стоял в конюшне у Бобрыкина. Бобрыкин был знатным коневодом, настоящий лошадник в расцвете сил и умений. И он хорошо зарабатывал на аренде лошадей.

Последний раз я видел Еву через несколько месяцев после родов. Свидание — в кафе на одной из уютных улочек в старом центре. Утро воскресного дня, маленький городок спит. Я был уверен — придёт с коляской. Приготовил убедительный монолог… Она как-то неожиданно очутилась внутри, возникла вдруг из-за витрины окна с витиеватыми буквами ЕФОК-ЙАЧ и предстала передо мной, точно фея. На ней было лёгкое платье, совсем не по погоде. Такое платье, как раньше носили: лиф плотно облегает, а юбка широкая. Светло-зелёное платье, и на юбке огромные жёлтые цветы с чёрными тычинками, живыми червями извивающиеся в складках ткани. Эти червяки выглядели так неуместно и неприлично, как порнографический ролик на мерцающем экране телевизора в спальне новобрачных. Я загрустил и струхнул, кивнул не поднимаясь, сделал приглашающий жест на место перед собой, сам устроился поудобней, как адвокат перед арестованным.

Кофе принесли немедленно, но я тут же подумал, что напрасно сделал заказ, не дождавшись её. Она наклонилась к чашке, втянула кардамоновый пар ноздрями. Отодвинула чашку, взглянула на меня, я говорил, не помню о чём, но точно о чём-то далёком, ненужном, не знаю, ждала ли она чего-то определённого, а я всё искал обдуманную загодя речь на складах мозга, и всё не находил. Стало страшно, как мальцу, которого впервые вызвали к доске с невыученным уроком. Наконец собственное пустословие забило мне глотку, и она всё-таки повисла, эта неумолимая пауза…

И тут я взглянул за окно. И за окном я увидел серебристый «БМВ». Это была машина Бобрыкина, того самого, лошадника. Я перевёл взгляд на Еву. Её лицо не выражало ничего. Капучино остался нетронутым.

Она поднялась.
— До свидания, Юра, — сказала она.

И ушла, ровно процокав каблуками по плитке. Это было единственное, что она мне сказала. Я долго смотрел на след её туфель на плитке кафе и видел тычинки, осыпавшиеся с платья.

Потом послышался стук дождя по внешнему подоконнику. На стекле появились капли. То и дело запинаясь, поползли вниз, образовывая кривые дорожки, по которым следующие капли побежали уже уверенней… Входные двери хлопнули раз, другой, послышались голоса, людей вокруг сделалось сразу много. Я покинул кафе спустя час после Евы. Тычинки всё ещё лежали на истоптанном мокрыми подошвами полу.

Потом я уехал на край света, в большой северный город, сначала навестить своих стариков, да и застрял, благо, работа у меня такая, что не привязывает к месту. Днём рисовал рекламные плакаты, однотипные, как конвейер, по вечерам развлекался как мог — пялился на страницу книги, в экран монитора, иногда — в шумные пространства города. Я был сверхчеловек, я всё мог. Но как-то не хотелось. Сначала болит, а потом становится всё равно, и это самое прекрасное чувство на свете. Но прошёл месяц, потом другой, осень наступила дождливая, настырная. Потом промозглая зима. Снег то выпадал сразу обильно, то таял и превращался в коричневую жижу на дорогах. Приблизились новогодние праздники, все вокруг засуетились, забегали, словно жизнь идёт независимо от меня, и это ей всё равно, и однажды я понял — это было вовсе не то, чего я добивался.

А случилось это вот как: я увидал в магазине такие детские башмачки, кажется, они называются пинетки. Они были выставленные на праздничную распродажу, нарядные, жизнеутверждающие. И я сразу не обратил внимания. А когда уже подходил к своему дому… — остановись мгновенье, ты нормально! — остановился, помчался назад, потому что стоял поздний вечер и я опасался, что не успею до закрытия магазина, дверь в освобождение захлопнется перед самым носом. Такое меня охватило волнение. И я даже не рассуждал, как именно намеревался поступить, только чуял нутром, что вот сейчас готов к какому-то вообще действию, а завтра уже не буду. И я вернулся за этими кружевными ботиночками. И в тот же день отправился. Это было вчера.

И вот — на заднем сиденье наспех собранный саквояж, вот эти ботиночки в красивой упаковке, конфетная коробка. Пятьсот километров за ночь. Если бы не буран, я бы выбрался с этого злосчастного аппендикса прежде, чем топливо иссякло. Но мир ополчился. Что-то пошло не так. Чёрт! Мой сверхчеловек сломался, потому что очень, очень давно всё идёт не так.

Я не подозревал раньше, но вот смотрю на коробочку с пинетками, украшена лентами, вся такая нежная, вижу отчётливо — жизнь носит женское имя. Женщина, природа, дитя, лошадь, буря… дорога, жизнь, душа… Постоянство в векторе самовоспроизводства. Говорят, существуют дикие племена-монофизиты, но бог их женского рода. Боги ни за что не отвечают. Жизнь подчинена жизни. Больше ничему. Туринская кобыла не пошла даже под ударами бича. Для Ницше это зрелище стало невыносимым. Не потому ли, что когда жизнь насилуют, она замирает?

Дорогой Фридрих, ты убил не бога, а богиню, поэтому тебе было так больно глядеть на ту несчастную лошадь. И ты обнял её и плакал, Фридрих, и понял, что натворил. А потом сошёл с ума и исчез. Ибо «кто не со мной, тот против меня». Так говорит жизнь. И мы с тобой знаем, что иногда бывает слишком поздно, Фридрих. Иногда…

Когда же это началось?

Богиня жестока. Всепоглощающая жизнь пожирает меня. Тело становится прозрачным. Выдыхаю перед собой клуб пара. Поднимаю руку к глазам, но руки не вижу, всё сливается в бесконечной белой мгле, буран начинает пробираться в салон, в мозг, в самое сердце. Какое безрассудство! К примеру, человек из чужого, незнакомого тебе существа, делается частью собственного тела. Разве это игрушки? Вот прирастает к тебе дополнительный орган, чужеродный, третья нога или, скажем, лишний позвонок. Это страшно неудобно, неестественно. Потом ещё вместе с плотью развиваются и нервные окончания, начинаешь ощущать то, чего раньше не способен был ощутить, а потом — вжик — и отрезал. И тут оказывается — он был незаменим… Какая подлая игра.

Я ощутил бы радость открытия, когда был бы причастен. И, вероятно, не исчез бы никогда. Но я отрезан, как мёртвый гниющий орган, а там, прямо поверх свежей раны, вероятно, уже растёт новый. Свежий, полный сил. Конюх, произведённый в рыцари. Чёрт! Ведь я не уверен, быть может, он всего лишь возничий. Так ведь и возничий может быть коронован. Бывали такие случаи в истории.

Чтобы убедиться в том ли, в ином, мне осталось преодолеть тысячу километров. Для чего же мы все всегда норовим идти в обход, чего ищем? Милости или жертвы?

Ворон, ворон, принеси мне живой воды!

Иногда мы представляли себе старость и гадали, удастся ли умереть в один день. Как и большинство барышень, Ева относилась к этому легкомысленно и чересчур серьёзно одновременно. Берег озера, звёзды, романтичное стрекотанье цикад, кресло-качалка и, конечно, я — здоровый как бык фермер, приносящий ей ромашки после рабочего дня в поле. Нет, я был не против. Она была такая тоненькая, сама похожая на ромашку. Это потом уже она стала фурия. И если бы я был одним из её коней, наверняка бы учуял запах раздражения, недоверия. Звери умеют обонять чувства. Интересно, каков был мой запах? Её лошади вечно боялись меня… А Бобрыкин, плут! Когда она пришла к нему, когда успела? Едва родив. Все его подопечные, как сам вижу, наблюдали за ними из своих стойл. Чёрт бы побрал этих лошадей! Они всегда знали больше, чем я.

На последнее свидание Ева выглядела совсем чужой, постаралась на славу… Молоко в тугой груди. Волосы отросли и собраны в конский хвост. Махнула и ушла. Оставила мне только «До свидания, Юра», как псалом, не дающий покоя, как скрип седла. Пора, пора, порадуемся… Пока, пока, покачивая… И даже имени её не сказала. Девочка, которая питается женским молоком, читает обо мне безсловные псалмы — уа-уа-уа. Девочка есть, а меня — не будет, потому что я растворяюсь в ледяной воронке, в центре которой — за лобовым стеклом — воет Люцифер. В аду так холодно, детка!

Но вот белая лошадь скачет через поле ко мне навстречу. Необъятное небо хлещет её по бокам, упругим, округлым, она беременна, она несётся в боли схваток куда-то в степь. Сухие удары копыт о мёрзлую землю. Громкое ржание, как гудок паровоза, когда ты куришь в тамбуре двигающегося состава. Неожиданно…

Неожиданно я подскакиваю, больно стукаюсь макушкой о потолок. Бледный зимний рассвет. Огромная «Скания» проплывает мимо в клубах снежной пыли, похожая на корабль в океане в туман. Дёргаю ручку двери, не заметил спросонья, что замки защёлкнуты. Выскакиваю наружу. «Скания» только вильнула пустым прицепом. Куда прёшь, ору, не видишь, человек погибает! Не видит. Если прошёл один, может ли пройти второй? Два снаряда в одну воронку не падают. Ждать, как Робинзон на берегу острова, выглядывать на горизонте шхуну.

Возвращаюсь в салон, прячусь от ветра. Где дорога — не разобрать, сумеречная туманность, блёклое солнце немного левее лобового стекла, значит, впереди юго-восток. Там, наверное, уже через месяц-другой зацветут яблоневые сады. Там Ева играет со своим Адамом под роскошными дубами. Если не с нами, ты против нас.

Ветер воет, точно пёс по покойнику.

День вступает в свои права, теснит мрак. Гривы метели видны отчётливей. Страстность и порыв, стремительность, неуправляемая, вольная злоба. Или это мне только так кажется? «Скании» вон метель нипочём. Бобрыкин — как та «скания». А лошади свободны как ветер, им не быть укрощёнными, разве что ласковой рукой. Странно, что теперь я думаю о лошадях так много, даже во сне они не прекращают донимать меня. Начинаю

понимать Евину любовь к их бесхитростной мощи. Женщина и лошадь очень похожи.
— Жизнь в движении — это не просто так сказано. Но это не всё. Человеческая жизнь не должна происходить в одиночестве, иначе она или не человеческая, или не жизнь.
— С конём лучше? — я старался её поддеть.
— Был бы конь разумен. А так, да, почти одно и то же.
— А в чём разница?

Она отвечала:
— Плодитесь и умножайтесь… Но мы можем, да и должны, наверное, исполнять эту заповедь только с людьми…
— Ну ещё бы. Не с животными же… размножаться…
— …с людьми, да. А не с животными в человечьем обличье. Не говори так. Размножение… Умножение любви, понимаешь? Это совсем другое. Это — разумное. Человеческое. Даже дети — всего лишь намёк на…

На что, милая, на что? Но ты и сам себе — ответ на все вопросы, Печорин.

Фиолетовые глаза лошади смотрят с вселенской печалью, призывно и насквозь. Сквозь меня то есть. Распадаюсь? На атомы? Или на кванты? Что скажешь, Фридрих, из чего состоит сверхчеловек? Я поднимаю руки на уровень глаз. Так и есть. Они совершенно прозрачны. Провожу пальцами, почти невидимыми, по коже на руле, по ручке двери, но ладонь проваливаются в пустоту. Машина тоже стирается из бытия, вместе со мной. Вот уже нет и боковых дверей… Мы с ней — очарованные странники, я и мой верный железный конь. Мы стираем память и стираемся из памяти других людей по собственному произволению, так говорил Заратустра. Была ли Груня? Да была ли девочка-то?.. Риторика. Главное — успей покаяться — ибо приблизилось царствие лошади.

Наконец поднимаюсь в полный рост, пошатываясь, ноги затекли. Крыша железного коня растворилась полностью. От моих рук тоже ничего не осталось, и ещё вот на самом темечке, похоже, начала образовываться пустота, лёгкость какая-то, чудесная, точно облако обволокло голову до самого лба, и виски тоже, и уши согрелись. Так, будто новокаином искололи всю верхушку черепа. Обнаруживаю, что ветер уже не мешает, просачивается сквозь грудную клетку, и мне почти не холодно, колыхаюсь, стоя, лист среди травы. И Люциферовый вой стих. Вообще странно тихо вокруг — белая святая пустыня. Царствие белых лошадей.

Я растерян, раздавлен открытием свершенного бытия. Окрылён восторгом грядущей неизвестности, я на развилке из трёх дорог: вправо пойдёшь, коня потеряешь, влево пойдёшь — себя не найдёшь, а в конце самой прямой и страшной, узкой, полной тёрна и чудищ, дороги, если верить сказкам, — молодильные яблоки. Они поворачивают назад время. Поэтому нельзя затягивать.

Там, впереди, по всей видимой широте и высоте, клубами завихряются конские гривы. Грациозные призраки становятся ближе. Смогу ли я оседлать одного из них?

Изяслав Винтерман

День сотвори, сотвори ночь!

• • •

На лепестках ресниц заблестит роса.
Капли ночного солнца, вспыхнув, погаснут.
Слышала голос?—Это была гроза…
И ощущала губы?—Это опасно…
Был ли это туман, взявший в кольцо тела,—
как он стелился здесь, чтоб вознести внезапно
впадины переулков и купола тепла,
силу желаний… всё, что случится завтра.

• • •

То на ресницах свет, то на ступенях.
И разливается… и—через край.
Я в этом солнце, и в мыле, и в пенах…
Не стоит печали ни ад и ни рай.

Здесь солнца как снега, по грудь или выше,
в каком-то недавнем забытом вчера.
А я лишь Пьеро с полной пригоршней вишен:
испачкался весь, хоть не съел ни черта.

Я образ печальный, мне солнце некстати
и свет не к лицу, но течёт по лицу,
по мрамору неба, по линии ската,
по морю, когда я над ним полечу.

• • •

Я женщину у бога попросил—
согреть себя и спереди и сзади,
утихомирить боль, добавить сил—
по глупости своей… Но смысла ради—

и свет внутри включат и яркий снег—
снаружи. И слова перед рожденьем
на чистый лист улягутся след в след
всех четырёх, рассчитанным движеньем,

бесшумных лап. Как эмбрион, в комок
свернувшись, как волчок блестя глазами,
лежу один, и кто бы мне помог
остановить вращение… Я замер,

слегка заснул и—полон рот стекла,
росой холодной склеены ресницы.
…А ты легко бы это пресекла,
я попрошу ещё тебе присниться.

• • •

В Европе снег, но влажно и тепло.
Власть не меняет сути слёз и жалоб.
Но радуйся—по-прежнему неплохо
жить, но коротко, на жалость.

И даже осень, странная на вид,
от моря до тайги—сто раз иная:
то мучает отсутствием любви,
а то с избытком дарит, как родная.

То каплями сдавая образец
(дал голубь ей неверную наводку),
то—из ведра как, празднуя конец
мучений, перейдя с воды на водку.

И всё ж неплохо. Средне?!—Пусть и так!
Мы выживем, не будет место пусто.
…С последним богом отсырел контакт,
но мы его удержим, не отпустим.

• • •

Неба невесомая рука
щупает мои слова и мысли,
чувства наизнанку… Все мы вышли
не из ночи—из черновика.

На века наложены пласты,
точно бинт, сплошных несочетаний.
Первый ясный день без очертаний—
снятся только белые листы.

Нет вначале слова, нет в конце.
И не вспомню, даже зная слово.
Время обнажает, и условно—
голым сплю, но с тенью на лице.

• • •

Мы таем друг на друге! На огонь—
огонь, а утром выпадет два снега.
Но ты—не ты ещё, и я—не он.
Мы только приближаемся, как небо,
не приближаясь, но—взлетай, лети!
Мы трижды далеко, бессчётно близко.
Любовь ещё не знает: ты ли ты
и я ли я—но как же небо низко.

● ● ●

Каждый себе река, никуда не хочет впадать.
Мимо рек, развёрнутых вспять,
мимо Каспия, чтоб воспрять,
и дальше — не угадать…

Наберётся тысяча рек —
быстрых и медленных — в никуда —
в небо и в землю, через которые ехал грек,
но простыл без следа…

Да будь ты хоть Амазонкой с тысячью островов.
Да будь ты Нилом — съевшим зубы о берега.
Когда прибывает вода — ты к ней не готов.
Когда отступает — ты сам себе не река.

● ● ●

Пока ты пишешь, мир идёт ко дну.
Не забывай о месте и о мере
весёлых строк (не нужных никому)
в неповторимой авторской манере.

Пиши, пиши, зло не из этих уст,
но свет — из этих глаз и кровь из… носа.
Пусть выбор твой — нет выбора у чувств.
И жизнь родит, и время плодоносит.

Не замещай собою нас, живых.
Мы не за это все тебя любили —
а просто так… Свет в каплях дождевых —
хрустален, но полно песка и пыли.

И меры нет!.. И ты готов — ко дну,
слова спасая и словами — веру.
Вот-вот я прослежусь, комок сглотну
и твоему последую примеру.

● ● ●

В четвёртой жизни мы пересеклись.
Я радостно воскликну: «Наконец-то!»
День затяжной и ночи ржавый клипс,
но утро возвращает всё на место.
И кажется опять: что жить легко
и силы есть любить и не сдаваться.
Но только бы нас к краю не влекло,
но всюду край, и трудно не сорваться…
И возвращаясь с тёмной стороны —
в какой бы жизни кто из нас ни о́жил, —
мы из песка любви сотворены,
и бог его рассыпал и умножил…

…Какую бы энергию ни взял —
боль самую большую без просвета.
И захватил бы оперу, вокзал,
гидрометцентр, площадь горсовета —
любовь спасёт! — откачивая тьму
из лёгких и тяжёлых снов прощенья…
И возвратишься только потому,
что выбрала тебя для возвращенья.

● ● ●

Достаю забытые слова.
Вынимаю соль из патронташа.
«Алыча» — шепни, пропой — «айва»,
а потом беги на встречу нашу.

Если скажешь ты во сне «изюм» —
искажишься страшною гримасой
от оскомин. Боже, образумь
взрослых в их сырковой детской массе.

Я останусь для тебя дитём,
и детиной, и дитятей глупой,
говорящим сквозь слова о том,
что душа свыкается с разлукой.

И не вспомнишь, как меня зовут…
Сам на имя не ведусь — не свыкнусь.
Время тут прощаться… Время тут —
безымянно — на него откликнусь.

● ● ●

Осколки осени повсюду,
цветного льда скользящий бзик.
Как монпансье от злой простуды,
кладу пять штучек под язык.

Холодный запах, едкий холод
щекочет ноздри, ест глаза.
И городок дождём проколот,
аптеки атакует за —

прозренье в капсулах и в мазях.
…За ересь меньшую он жёг.
И пепел в водяных алмазах —
от вечной жизни порошок.

● ● ●

Невозможного
шорох.
Капли
сухого дождя,
несуществующих
слов,
меня
самого.

Осколки —
разбитый
ёлочный шар —
на вате бессонницы —
блёстки
ангела,
домика,
красных сосулек.

Елена Безрукова

Жизнь дошла до конца коридора

• • •

Мы расстаёмся сегодня, а солнце горит.
Мы умираем сегодня, а кто нам поверит?
Вкопан в песок неуклюжий шезлонговый гриб,
Вышит сандалиями детский маленький берег.

Видишь, в воде головёнки почти не видны,
Точно горох, закатившийся в узкие щели.
Мне не знакомо горючее чувство вины,
И потому я просить не умею прощенья.

То, что полжизни меня по дорогам вело,
Было ли это любовью, иль мне показалось?
Как показалось в дороге с чужбины крыло
Самого жёлтого, лучшего в мире вокзала…

Здесь, в кулундинском безвременье, соль и песок
Меряя ступнями, я провороню, конечно,
Как затаённое слово стреляет в висок—
И вытекает в открытую ранку надежда…

• • •

Спи, потому что
я не прихожу наяву.
Нашатырём и будильником
не отвлекайся.
В сумерках лошадь бредёт
сквозь большую траву,
Белая, как лекарство.

Спи безмятежно, тогда мы её не спугнём.
Из темноты залети—мотыльковая участь.
Видишь ли, белая лошадь не видима днём.
Это иная сущность.

Это сбежавшая от разорений и войн
Выжившая и простившая многократно
Чья-то душа беспризорная—
выкралась вон

И не нашлась обратно.
Вот и является в сон
по траве большой
Девочке, чёрной, точно воронья стая.
Вот она повод берёт –и второй душой
белою
прорастает…

• • •

Жизнь дошла до конца коридора,
Постояла и тронулась вспять,
Удаляя окно, за которым
Струи дождика в воздухе спят,

Пропуская больничные стены,
Пост ночной с задремавшей сестрой,
Что от грома взовьётся мгновенно:
«Тётя Маша, окошко закрой!»

И пока от нагретой подушки
Шла она, жизнь качнула назад,—
И девчонка, ночная зверушка
За неё пялит в бурю глаза.

Меж палатами, как после взрыва,
Человечье мелькает быльё.—
Это время нас крутит игриво,
Как в стиральной машинке бельё.

И в проёме меж третьей палатой
И лифтом станет мне десять лет,
И бессмысленный дождик проклятый
Прополощет мне жизнь на просвет.

И пока я живу, понарошку
Ускользая к рождению вспять,
Тётя Маша, закрой же окошко!
Всё равно,
всё равно умирать…

• • •

Ну какая разница, где ты живёшь?
Ну, живи всегда у меня внутри.
И плещись во мне, как ноябрьский дождь,
И кружись там на раз-два-три.

Будут гости к нам. Будут свечи жечь.
Будет музыка по ладоням течь!
Будет сказка ёлочная пестра,
Точно искорки от костра!

А когда я устану, то прислонюсь
К детской песне, узнанной наизусть.
Этот шум в висках—будто шторм в окне.
Это дождь твой идёт во мне…

● ● ●

Простой реки переговор,
Её пробор в долине кроткой.
На полосе береговой
Спит перевёрнутая лодка.—
Как будто бабочку ладонь
Накрыла и остановилась,
Она побудет над тобой,
Укрыв от вылета в огонь,
Она побудет над тобой,
Как чья-то милость.

Но всё равно найдётся щель
Меж старых досок, между ними,
Но всё равно найдётся цель,
Которая тебя поднимет
И лодку тихую швырнёт,
И воздух взмахами прошьёт
И полетит над этой речкой
В бессмысленный и жаркий путь,
Где лишь одно меня калечит,
Что мне тебя обратно нечем
Вернуть…

О, дай мне, Господи, забыть,
На берегу спалить останки.
Я не могу всё время пить
Из этой речки, этой ранки.
Покинуть память с ночевой
И не дожить бы до рассвета…
Пусть я не помню ничего.
Но лодка эта, лодка эта…

● ● ●

Покуда я возле обморока,
Побудь со мной, говори.
Сваляй мне постель из облака
С жаворонком внутри.

Я маленькая, я сильная,
Я вброд не боюсь идти.
Но голосом ты неси меня.
Но шёпотом мне свети.

Я плачу смешно и жалобно
И всё не обрушусь в сон.
Но жаворонок, но жаворонок
Перепевает стон.

● ● ●

Трудно примириться со смертью другого человека.
Особенно когда он ещё жив.
Ходит, говорит, даже улыбается,
и когда он поворачивает голову вполоборота к солнцу,
улыбка застывает на его лице, приравнивая его к вечности.
Так улыбался он и при жизни.
Наивно и дерзко, пьяняще и остро, словно прожигая собою всё.
А потом он умер.
Не позвонил и умер.
Не пришёл и умер.
Сердце его не билось тебе навстречу—
а значит, он умер и больше уже не придёт.
Это не он говорит с незнакомцем на улице.
Это не он спускается по чёрной лестнице.
Это не он хочет жить, иметь детей, любить женщин.
Он умер,
осталось только привыкнуть, привыкнуть к нему.

● ● ●

Как разломленный сахар, октябрь на зубах скрипит.
В ненаглядном прицеле безумная бьётся цель.
И в неприбранной тьме, обжигающей, будто спирт,
Опадают мечты.—А спасибо скажи,
что цел!

Нет, пощады не будет, и пулю не пронесёт.
Ты зажми её сердцем, чтоб крови не дать пропасть.
…Ну а всё-таки, знаешь?—Любовь, несмотря на всё…
Остальное—всего лишь её небольшая часть.

● ● ●

…А когда всё утихло—с экранов, трибун, площадей ли,
А когда всё смирилось в надменных церквах и дворцах,
В нашу лодку вода потекла через зоркие щели,
А раз так—то простимся в сердцах.

Посмотри, как по миру бежит первобытное тленье,
Как табун, разбивающий сон за один перегон.
Нас держало в живых непонятное сопротивленье,
А теперь больше нет берегов.

А теперь—невесомость, в которой прохладно и сыро,
Нагоняет волну, отбивая невидимый счёт…
Но теперь, прежде чем затевать сотворение мира,
Потанцуем ещё?..

Мария Теплякова
Латынь моя латунная

● ● ●

Покуда служба не сослужена,
Ты без обеда и без ужина
Ложись на голую скамью.
Я колокольню узнаю,
Мою, которая заслужена,
Где вместе с птицами пою.

Апрельский снег, тяжёлый, дырчатый.
Молчат сердито сувенирщики,
Лошадка хмурая молчит.
А ты, побелкой перемазана,
Давай, верёвки перевязывай,
В колокола вдевай лучи!

Скажи мне, Суздаль, что за надоба?
И без меня бы эта палуба
Качала б ветром воронье…
Ты только здесь любви научишься.
А после, старая халтурщица,
Увидишь морюшко своё.

Покуда рыба недоужена,
Не сглажено, не отутюжено—
Ты не крылата, не вольна.
Ходи, горбата и больна,
Покуда сердце не натружено,
Покуда дань не отдана.

● ● ●

Господи, я трава.
Господи, я—жива.
Я в тишине серебряной
Дремлющие слова.
Я из твоих рук
Перетекла в звук,
В землю скользнув семенем
Слышать Святой Дух.
Будешь со мной сам—
Вырастет холм—в храм
(Только не покидай меня)
Лестницей к небесам.
Смерти внизу—лес,
Жизни вверху—лес.
Страшно, светло, правильно—
Господи. Ты. Здесь.

Реанимация

Доктор, снимите маску, кончено, бездыханно.
Дерево лезет в окна—хочет меня баюкать—
Это анестезия, телу легко и странно,
Память вернётся вряд ли, вряд ли—глаза и руки.

Будет пустое тело, белое—как пространство
Чистой бумаги, ночи—истинно Петербургской.
Кошка посмотрит косо: что ты за чудо, здравствуй!
Здравствуй, Агнешка, хочешь—поговорим об искусстве.

Это искусство жизни перекроило мысли,
Правды не стало вовсе, ложь утопилась в Мойке,
Принцы да на конях по пути зависли
Кто в интернете, кто просто у барной стойки.

Что же так больно пить раскалённый воздух,
Словно последний вздох сотрясает рёбра…
Больше не нужно спирта, любви, наркоза—
Бог не обязан быть бесконечно добрым.

Даже следов не видно, вода и ветер.
Смерть никого не режет—врачует раны.
Что-нибудь помнишь?—Колокола и дети,
Суздаль на побережье тихого океана.

● ● ●

Летает снег под фонарём,
Мы все когда-нибудь умрём
И встретимся поверх.
Поверх утоптанных дорог,
Обычной речи и тревог,
В эфире без помех.

Душа, насвистывая блюз,
Смеётся—больше не боюсь,
Свободна от желаний!
И ну звонить в колокола,
Чтоб утром в белых облаках
Проснулись горожане!

Под утро снег устал и лёг.
Твой путь пока ещё далёк,
Всему тебя учить.
Рука тепла и тяжела,
Но чаша древняя цела:
В ней музыка звучит.

Свете тихий

Я не шла по дороге—брела по траве,
Голубиную книгу несла в рукаве,
За плечами—колёсную лиру
И стихи у себя в голове.

Среднерусской равнины стелилась тоска.
Как овечки твои—разбрелись облака,
Мне бы с ними в небесное стадо,
Только эта судьба велика.

Мне судьбу свою в тёмной реке полоскать,
На морозном ветру—выпевать, замолкать,
И в грязи, как кривую пьянчужку,
Под забором за шкирку таскать…

Сколько раз я летела с горы под откос,
Так, что в небе моём стало звёздно от слёз,
Даже имя своё забывала…
Только слово звучало—всерьёз.

Только слово горело и грело в груди,
Только слово просило: вставай и иди.
Я встаю, я иду уже, Боже.
Я не знаю, что там впереди.

Свете тихий, скажи, помоги мне понять:
Неужели одежды—важнее огня,
Неужели ты душу отринешь,
Неужели не примешь меня…

● ● ●

Я растаял. Я рухнул, как мартовский снег.
Всходит солнце сегодня от имени тех,
Кто весной превратился в ручей.
Я беззвучно кричал, я не мог убежать,
Эту жизнь так хотелось в руках удержать…
Мои волосы стали травой.
Уходи, но свою оборону держи.
Вот, возьми мои хлебные карточки, жизнь,
Я—туман над Невой.
О, глазастое небо твоё, Ленинград!
Никуда не ушли, в карауле стоят
Все деревья твои.

● ● ●

Куршская коса—узкая ладонь,
Леса полоса посреди воды.
Листья в серебре, проходи, не тронь,
В воздухе висит дождевая пыль.
Серенький кабан просит бутерброд,
Неприметный ёж воздух пожевал…
Горя никогда не произойдёт,
Этот мост до звёзд Боже приподнял.
Катится звезда, море меж стволов,
Сосны нам тепло ночью отдают…
Это про тебя, это про любовь.
Происходит жизнь, здесь, сегодня, тут.

● ● ●

Ангелы обнимают, едва касаясь—
Чтобы не испугать и не потревожить,
Глупых, нелепых—ангелы обнимают,
Смотрят на нас из облака осторожно.

Ангелы пролетают над головами.
Вот нам почти не больно, да и не страшно—
вечер такой сентябрьский, целовальный,
словно бы взялись за руки души наши,

Вот мы уже не сироты, а любимцы,
В райском саду у Бога на именинах…
Мимо столиц, мимо глухих провинций—
Ангелы: неусыпно, незаменимо.

Так среди улицы—что же с тобой случилось!—
вдруг остановишься, словно глухонемая…
это любовь, это небо к тебе спустилось.
Любит Господь. И ангелы обнимают.

● ● ●

Колокола звонят в Узбекистане
(Я никого сегодня не обижу)
Колокола поют над Кёнигсбергом
(Всё станет проще, солнечнее, ближе)

Колокола московских переулков
(Серебряных позвякиванье денег)
Колокола Великого Ростова
(До Суздаля разносится гуденье)

Колокола твои мастеровые
(Творяй, звони, уже тебя заждались)
Колокола небесной колокольни
(Она звучит над всеми городами)

● ● ●

Что там видно с колокольни?
Видно лодки на реке.
По Кремлёвке ходят кони
И туристы налегке.

Видно облако такое,
Виден лес в его тени…
Ты достала бы рукою,
Только руку протяни.

Что там видно с колокольни?
Дождь, а выше—Бог с тобой!—
Виден город на ладони,
Соколиный, голубой.

Что там видно с колокольни?
Только небо без краёв,
Тихий свет, и ветер вольный…
И любовь.

● ● ●

Шёл сильный дождь, и в храме овцы блеяли—
Толклись у входа, не решась войти.
Там ветер пел, и две голубки белые
Смотрели вниз из синей высоты.
Полынь дрожала, горестная, чистая,
А храм темнел, разрушенный совсем.
Но ветер пел. И в этом свете призрачном
Казалось мне, что это Вифлеем.
Два пастуха, мы только на мгновение
Пришли сюда и встали на краю,
Из темноты—на свет, на зов, на пение…
Услышали, как ангелы поют.
Так облако сбивается с дыхания,
Так дерево сбивается с пути…
Но вдруг—звезда. Свечение, сияние…
Иди за ней, куда ж ещё идти.

● ● ●

В Суздале нет паровозных гудков,
Нет черепичных крыш.
В Суздале ветер из облаков,
Снег и такая тишь.
Вот колокольня, где дремлет звук.
Вот расцвела заря.
Жаль, что отсюда не видно рук
Здешнего звонаря.
Хочешь, взойдём и посмотрим вниз
С утренней высоты—
Дерево сонное. Птичий свист.
Лошади и коты.
Рядом со Спасом шумит прибой—
Ялики, ботники…
Рыбы летают над головой,
Смотрят из-под руки.
Столько *москвы* мельтешит в окне:
Праздники, вот беда.
Суздаль внутри и Суздаль вовне—
Разные города.

● ● ●

Латынь моя латунная,
Лимонная строка!
Бежит дорожка лунная,
Протянута рука
От Пушкина к Овидию
Натянута невидимая
Тонкая струна:
Сквозь обмороки сна,
Сквозь заросли полыни,
По всей небесной сини
Через заборы слов
Как ток—бежит любовь!

● ● ●

Расчищает время культурный слой:
Появляется аналой,
Глас четвёртый, постной триоди том,
Шестопсалмие, камертон.

Появляется Суздаль, кареты, псы,
Туристический хоровод,
Стрелки, буквы, детали—видать, часы,
Археолог их разберёт.

Расчищает пыль, рассыпаясь в прах,
Видит девочку в башмачках—
На запястье тонком поёт привет
Серебряный мой браслет.

Улыбнётся, рядом найдёт кольцо,
Дорисует твоё лицо.

Глебовское осенью

На крыше храма выросла берёза.
Она стоит, волнуясь, улыбаясь,
Вся солнцем зацелована в макушку
На маленьком квадратике земли.
Кирпич почти осыпался, и стены
Стоят на честном слове, помнят Пасху,
Когда звонарь взлетал на колокольню,
А прихожане крестным ходом шли.

Берёза улыбается вороне,
Как девочка, как юная царевна,
Бесхитростно стоит на тонкой ножке…
Ворона, как монахиня, строга.
Она Псалтирь читает, забывая,
Всё кашляет и начинает снова…
А дождь пустые стены намывает,
Боится не успеть до Четверга.

Поля уже пустуют, спит картошка
В подвалах, между бочками и сеном.
Картошка видит сны о воскресенье,
Там будет праздник, будет выходной…
Там поплывёт повсюду пряный запах,
А на морозе будет пар клубиться,
И, может быть, приедут даже дети
С детьми—сюда, из города, домой.

Поля уже пустуют. Только ветер
Никак не успокоится и дует,
Но всякое дыханье хвалит Бога.
Но всякая погода хороша…
Смотри, совсем берёза облетела,
Стоит почти на воздухе, в потёмках…
Но держится ещё, как память сердца,
Как в теле удивлённая душа.

Николай Вдовин

Путь пилигримов

Ткань реальности

Всё вернётся «на круги своя», даже выйдя из графика,
каждый вновь попадает в какую-нибудь колею.
Ткань реальности хрупкая, как шоколадная вафелька,
кропотливо трудясь, укрепляет структуру свою.

А в полуденный чай добавляют настойку шиповника,
и застывшие волны планеты не видят того,
как течёт по артериям нефть и уходят в чиновники
музыкальные дети цветов не спеша, делово.

Вид бесценных бумаг нас пленяет, но мы улыбаемся
осторожно, поскольку и так в этой плотной среде
мы под тяжестью тел и желаний всю жизнь напрягаемся
и всё думаем, и не умеем ходить по воде.

А ведь как бы хотелось коснуться далёкого берега
и на простенькой флейте сыграть тихий, светлый мотив,
навсегда позабыв про открытую кем-то Америку,
в окруженьи крылатых существ излучать позитив.

Ради этого мы отрекаемся от телевиденья,
уезжаем в деревни, где ближе сырая земля,
ходим в длинных одеждах как странники сказочной Индии,
а идём то ли в ученики, то ли в учителя.

И про святость и карму, про новые вероучения
говорим, говорим, говорим как на странном суде.
Только вот для того, чтобы справиться с этим течением
не в конце, а сперва надо просто пойти по воде.

Я так много узнал, а теперь не пойму: с этим знанием
что поделать, когда ежедневно приходится мне
в данном теле—толковом, но склонном к мечтам и страданиям
как-то жить в той огромной, холодной и бедной стране,

где чайковская сельская осень опавшими листьями
устилает дырявые ленты гравиек, а там,
где добра наживают и делятся скорбными мыслями,
процветает торговля, а с ней эрмитажи реклам,

и знакомый по книгам с есениными и сократами,
а на собственном опыте с участью лишних людей,
я учусь торговать, а вернее—на жизнь зарабатывать,
и как все продавцы не умею ходить по воде.

Путь пилигримов

Мне ли петь под гитару о том, как забыв о часах
и покинув торговые улицы Третьего Рима,
нелюдимы и солнцем палимы, с молитвой в сердцах
по проезжей дороге куда-то шли три пилигрима.

А куда они шли, как сказать… Ведь бывает подчас:
вроде знаешь дорогу, шагаешь там, рвёшь незабудки,
а приходишь туда, куда вовсе не шёл,—вот те раз!..
Только наших друзей ни в какую не брали попутки.

Может, зря они перед дорогой садились за стол?
А быть может, меняя мячи на прохладные камни,
подсознание каждого брата играло в футбол
и цеплялось за то, что хотело потрогать руками?

А заморская, добрая обувь натёрла мозоль
на ноге, не привычной к босому пути пилигрима.
Небо смотрит в глаза, а земля отдаёт свою соль,
и дороги приводят из Рима к Иерусалиму.

Я не знаю, откуда придёт ко мне новый ответ,—
так я видел как будто во сне как в просторной палате
что из чистого времени жил ни одну тыщу лет
Властелин Электричества в плюшевом белом халате.

Впрочем «жил»—это будет неправильно, он просто был:
рисовал ли реальность, иль жарил на солнце лепёшки,
и, являясь причиной и следствием множества сил,
управлял их течением, можно сказать, понарошку,—

если где-то искрили поля, незаметно туда
словно по проводам устремлялись его электроны,
и вода там текла, но всё чаще рвала невода,
и нечаянно видел, кто чувствовал эти законы,

что история лечит народы, но это не в счёт,
если в сумке твоей лишь тетрадка, пропахшая дымом.
Электричество тоже сквозь наше столетье течёт
и течёт по дороге из Рима к Иерусалиму.

…Я не видел видений, не пил откровений струю
и крылатых коней не кормил я листвой винограда.
Всё как будто чего-то рифмую, о чём-то пою,
и никак не пойму: для чего и кому это надо?..

Кстати, как там друзья-пилигримы сегодня? Затем
поглядим в их пространство недолго, хотя бы минутку:
когда импортный лапоть они износили совсем,
их усталых, но радостных вдруг подобрала попутка.

Они дружно уснули в кабине, не зная о том,
что в обличье водителя, плавно вращая баранку
и мурлыча под нос популярный в народе псалом,
Властелин Электричества им забинтовывал ранки:

«Ничего, что вам снятся мультфильмы о феях лесных,
а они так похожи на тех, на когда-то любимых…
Ничего, что порой позабудутся вещие сны,—
все дороги приводят из Рима к Иерусалиму».

Сергей Паршуткин

Ручей Лающей собаки

(Суурэн Ытэрэр)

Пролог

Течение реки подхватило резиновую надувную лодку и, немного покрутив её на вьюне водоворота, понесло в наступающую темноту.

Моргающий огонёк горящего барака, его дробное, оранжево вихляющееся отражение в чёрных водах реки тянули на себя взгляд Сергея, усиливая черноту ночи и сужая окружающее пространство до размеров точки.

Уносимый незримым потоком в темноту ночи, он долго смотрел в сторону старого посёлка, всё ещё не веря, что наступил конец всему этому кошмару и что он жив-здоров, что впереди ещё много дел и лет, пусть трудных, но уже не опасных, не отдающих грязью и мертвечиной, и что жить он будет долго и, если сильно постарается в ближайшем будущем, счастливо.

Откинувшись на холодный, тугой баллон борта лодки, Сергей перевёл взгляд на горы, окружающие долину реки. Их строгие, почти альпийские профили, еле видные на фоне сгущающегося фиолета ночного неба, за прошедший день покрылись свежевыпавшим, первым в этом году снегом, как будто поседели.

Поседели, увидев со своей высоты все те события, которые разворачивались в этой тихой, по-домашнему уютной долине, где нет ни болот, ни буреломов, а вокруг чистая, светлая тайга и бежит весёлая, прозрачная до последнего камушка река.

Красивейшее место…

1.

Машина остановилась на развилке.

— Всё, парень, дальше ты пешком. Может, передумаешь? Почти сто километров тебе идти. Хоть и по дороге, но заброшено всё там. И два брода впереди: дождь пойдёт — не перейдёшь речки. Одному в тайге, сам понимаешь. Мало ли что…— водитель говорил это, облокотившись о крыло автомобиля, встревоженно глядя на пассажира. Он только сейчас понял, что его попутчик, этот смешливый мужчина, которого он подхватил в посёлке Эльдикан, всю дорогу развлекавший его анекдотами и байками из жизни геологов и туристов, вовсе не шутил, говоря о том, что ему надо на заброшенный прииск. Мол, там прошло его детство и юность, и он давно мечтал побывать на родном пепелище: вспомнить, поклониться, помянуть…

— Мало ли что, мало ли что… Николай! Не дети ведь давным-давно! Да и местный я. Что со мной может статься?..— попутчик говорил это, нагнувшись над рюкзаком и не спеша развязывая его горловину.— А может… Может, по рюмахе намахнём на дорожку-то, а?— спросил он, поднимая голову.

— Ты для себя побереги водку-то. Месяц, наверное, ходить тут будешь? А впрочем, гаишников тут нет. Можно и намахнуть…— Николай довольно улыбнулся.

— Славно! А вот и она, родимая!— попутчик потряс в воздухе фляжкой, которую быстро извлёк из черноты распахнутой горловины рюкзака как фокусник.

Расстелив на капоте машины замызганное, когда-то белое вафельное полотенце, водитель положил на него кусок заветренного, всего в хлебных крошках желтоватого сала, обломанную краюху хлеба и пару луковиц. Достав нож, нарезал сало и хлеб большими кусками, а луковицы очистил и положил целыми. Затем, собрав хлебные крошки и шелуху от луковиц в ладонь, высыпал их на обочину дороги.

— Лесным всяким человечкам, может, кто и найдёт. Мышки всякие…— отряхнул ладони и, взяв протянутую ему фляжку, вопросительно посмотрел на попутчика.— На дорожку, значит? Ну, давай, удачи тебе, Сергей!— сказал и, запрокинув голову, сделал два больших глотка.

Сергей, так звали попутчика, с любопытством смотрел на водителя, после того как тот, аккуратно поставив фляжку на капот и не закусывая, закурил сигарету, которую, не торопясь, достал из помятой пачки.

— Николай! Это же чистый спирт! Однако, силён…— Сергей удовлетворённо кивнул головой и потянулся к фляжке.

По-первому разговор как-то не клеился. То ли сказывалась дорога — без малого двести километров оттряслись по ней, то ли спирт ещё не начал свою работу.

Немного погодя они ещё раз приложились к фляжке. Лица у обоих порозовели, глаза заискрились. Вот и воротники курток уже расстегнули—тепло от алкоголя просилось наружу.

— Ты там, Сергей, вообще-то, долго планируешь?—очищая сало от желтизны, спросил Николай.

— Планирую что?—пытавшийся разжевать кусок сала, Сергей прищурил глаза.

— Ну, на прииске быть? Это тебе туда пяток дней топать, а там… Там-то сколько планируешь? И обратно ещё пять, ну, с устатку набросим ещё пару дней,—семь. Это я к чему? Могу и встретить здесь, если хочешь. Всё равно груз ждать в посёлке, а я сюда приеду, подождать могу—вон там рыбалка хорошая. А заночую в палатке, мы тут с мужиками бывало…—Николай хмыкнул и кивнул в сторону кустов, за которыми булькала маленькая, метров в десять шириной, речка.

— Ну ты точно всё рассчитал! Туда-сюда я так и планировал. А там… Дней пять побуду. Ну неделю, может быть…—немного подумав, ответил Сергей.

— Вот как! Целую неделю?! Да что же там делать-то будешь?! Ничего ведь не осталось, ни-че-го!—водитель удивлённо распахнул глаза.—Не вру! Один барак старый-престарый стоит, на бугре. Там ещё контора геологоразведки была, крыша больно приметная—синей краской её умники геологические покрасили. Издали было видно. Кстати, там можешь жить, правда, окон нет, пол весь разобрали, но уголок сухой найти можно. Там кельдымов всяких—тьма…—уже по-деловому советовал Николай.

«Кельдымами» он назвал маленькие, зачастую, тёмные комнатушки, которыми изобиловали разного рода бараки, построенные специально под всевозможные конторы прииска.

— А народ часто там бывает? Ну, охотники там, рыбаки? Старатели туда заходили? Мне говорили, что они все старые посёлки своими гидромониторами смывают «в ноль»—золото важнее, а дома сначала сжигают или разбирают. Правда?—спросил Сергей.

— Народ… Туда? Хе!—Николай прищурился и внимательно посмотрел на Сергея.—У кого машины есть… Таких у нас мало осталось. Да и едут они в другие места—рыбы и зверя везде много, а пешком на прииск… Пешком туда—себе дороже.

— Что значит «дороже»? Тяжело или долго?

— Плохо там. И туда плохо—дорога узкая, тайгой всё заросло, особенно после перевала, а уж там… Там совсем никуда не годится.—Николай вздохнул и закурил.

— Не понял. Что там плохо? Посёлок-то нормально стоял, болот нет, тайга чистая, река рядом, горы вокруг. Красивейшее место…—недоумение Сергея было явным и неподдельным.

— Да всё там плохо! Домов нет—развалины одни и кучи мусора с шифером вместо них, заросло всё тайгой и травой, ямы всякие кругом, шурфы брошенные—не ровён час, шею сломаешь. Пропастина, а не место! Вертепы! А уж когда там геолог пропал…—Николай сплюнул и потянулся к фляжке.

— Та-а-а-к…—протянул Сергей.—Ничего себе! А подробнее можно?

— Да я и сам толком ничего не знаю. Говорили, что ушёл туда, на прииск, зачем-то. То ли золото искать пошёл, то ли что ещё… А может, так же, как тебя… тьфу-тьфу, на родину потянуло взглянуть. Сам-то он из посёлка был. Зародний его фамилия, ещё главным геологом там был. Может, помнишь?..—Николай говорил это как-то странно—скороговоркой, избегая взгляда собеседника.

Сергей сразу же вспомнил того, о ком сейчас шла речь. Рудольф Владимирович Зародний. Высокий, немного сутулый, приятной наружности, седой мужчина. Они, семья Зародних, жили в соседнем с ними коттедже, а сам глава работал геологом в управлении прииска. Сергей прекрасно помнил всю эту семью, а с его, Зароднего, дочкой Ириной, учился в школе. Она была на год младше его, прекрасно пела, да и вообще, была очень недурна собой. Он даже приударил за ней в десятом классе, но получил полную отставку…

— Стоп, стоп! Так ведь уехали они из посёлка! Раньше нашей семьи уехали, когда всё разваливаться стало! Ничего не понимаю! Он-то как опять здесь оказался?—Сергей закурил, возбуждённо вышагивая около машины.

— Э-э! Ничего-то ты не знаешь! Когда плохо всё стало, когда стали нас закрывать эти суки ельцинские, многие вернулись с материка. Сильно в этих местах золотодобыча самопальная, артельная, полыхнула. Мужики толковые, те, кто кумекал в этом деле, стали собирать всех, кто не сдох от водки, в кучки. Начали оформляться кое-как в артели, участки брать для добычи. А кто поумнее—те позвали сюда зубров, типа Зароднего. У того в голове все планы и всякие карты маркшейдерские кишмя кишели. Денег-то ему хорошо положили в артели, вот он и приехал. Один был, семья осталась то ли в Пензе, то ли в Томске…—Николай вопросительно посмотрел на Сергея и, увидев его кивок, опять потянулся к фляжке.

— В Омске. Я говорю, что в Омске семья его живёт.—Сергей поправил рассказчика.

— Ага, в Омске значит. Ну, так вот, артель стояла в Солнечном, там и контора их была, и склады, и технику они там ремонтировали. Но мыли золото в районе прииска—зимой заползали по зимнику, старые дома разбирали и бараки на участках строили, вскрышу пород делали. А Зародний главным геологом у них был—точно показывал, куда и где, чем и как. Да так точно, что первыми они стали по добыче золота, и слухи о Зароднем-то и поползли. Мол, классный спец есть в артели,

фартовый дядька. Молодого якута-геолога из Якутска ему прислали для обучения, но тому он ничего не показал, ничего не раскрыл — говорил, что глупый пацан был. Расфуфыренный, но глупый. Сопляк современный уехал, как приехал… Якутские начальники после этого на геолога сильно обиделись. Говорил тот, что все карты и схемы у него в голове, что сам лично всегда ходил и ходить будет, и разведку, говорил, тоже сам проводить намерен. И что старых карт у него сроду не было. Может, и не врал… — Николай курил и, говоря это, внимательно рассматривал ногти на пальцах, что держали сигарету.

— А как пропал-то? Искали? И давно это было? — Сергей был само внимание, слушал не перебивая, хотя вопросов в голове крутилось множество.

— Давно… Почти четыре месяца, как исчез. Ну, в аккурат май был, как сейчас помню. Его мой напарник Димон вон до той скалы довёз. Выпили они ещё… — рассказчик как-то встрепенулся и ошалело посмотрел на Сергея. — Вот, э-э-э, как сейчас мы с тобой…

— Ладно, ладно! Не каркай… — Сергею почему-то было трудно произнести эти слова ровным голосом…

— Ага, ну, он и пошёл, геолог-то. Ещё машина вот досюда не доехала, а он уже за поворотом скрылся — быстро так пошёл… Не вру! Он рукой Димону помахал перед скалой. Вот так помахал… — Николай резко дёрнул рукой вверх, показывая этот жест прощания.

— Ну, ну… — торопил рассказчика Сергей.

— Что «ну»? Его не сразу хватились — он и раньше на месяц один спокойно уходил, на разведки всякие там, пробно мыл, потом те участки его артель арендовала, или карты рисовал, чёрт его поймёт. Дорисовался… А потом Димона затаскали менты, когда геолог-то пропал. Шесть раз допрашивали, что да как, было ли оружие у геолога, как ехали, что говорили, как прощались… Еле отбился наш Димон — шили мокруху, по всему… А геолога там искали и вертушка там летала — глухо. Месяц, как прекратили. С тех пор Димон никого и никуда не подвозит. «Ссыть» ещё раз влететь вот так, по-дурному. Да, а у тебя ствол-то хоть есть? — Николай в упор, не мигая, смотрел на Сергея.

— Да, помпа двенадцатого калибра, четырёхзарядная. Картечь и пули почти бетонобойные — Дуплекс. А что?.. — Сергею не понравился этот вопрос.

— А что не видать-то? Вроде и мешок у тебя небольшой, смотрю.

— Короткий ствол, да и пополам разобранный. А что? — снова переспросил Сергей.

— И славно! Я, грешным делом, подумал, что у тебя нет ничего. Нечего там делать без ствола-то. И посматривай там, головой крути на все триста шестьдесят градусов и уши разуй… — Николай вплотную приблизился к Сергею и напряжённо говорил ему это почти в лицо, обдавая острым запахом перегара, лука и табака.

— Где это «там»? — Сергею уже совсем не нравился тон водителя.

— Где… — Николай помолчал и, как-то разом обмякнув, добавил: — Где, где… В тайге.

А потом, что-то пробормотав, он решительно повернулся к Сергею и сказал странную фразу, после которой разговор он посчитал законченным и начал прощаться.

— Сергей! Ведь карта у тебя есть? Не, не доставай! — Николай махнул рукой. — Место это, где Зароднего искали, на карте есть — чуть выше ручья Баатыло, километров пять будет. Дорога ещё там поворачивать начнёт петлёй такой. Ручей-то крошечный, но распадок его глубокий, как ущелье. Справа впадает в реку — как раз тебе по ходу. Это Суурэн-Ытэрэр. На русский переводится это… Э-э-э… сейчас-сейчас… Во! Ручей Лающей собаки. Точно: лающей. Лает там кто-то, говорят. И что характерно: зимой не лает, а летом слышно. Эвены говорили про какие-то камни большие, но что — не припомню. Реально, не вру! Но, сдаётся мне, что Зародний там не пропал. Он оттуда не вернулся…

Дальнейшие расспросы были бесполезны.

II.

Шёл пятый день его пути к старому прииску.

Перед расставанием, которое немного затянулось благодаря спирту, Сергей, к его величайшей досаде, не сумел привести в чувство Николая. Чрезмерное возлияние свалило водителя. Затащив его в кабину, Сергей подложил под спину и бок бесчувственного тела засаленную куртку, которую нашёл под сиденьем авто, а затем написал записку, которую укрепил на лобовом стекле, прижав солнцезащитным козырьком. В этой записке он указал время своего прихода на развилку и повторил просьбу о встрече.

А затем с нелёгким сердцем, ругая себя за то, что позволил Николаю напиться, двинулся в путь.

Уже пройдя метров триста, Сергей поравнялся со скалой и оглянулся.

Оглянулся и вздрогнул от неожиданности.

У машины виднелась фигурка человека. Это был Николай. Он стоял и молча смотрел вслед ему, Сергею.

Фигурка резко выкинула руку вверх, как бы в прощальном приветствии. Хлопнула дверь, взревел мотор, и машина, резко взяв с места, исчезла за поворотом. Ещё некоторое время было слышно неравномерное, на подъёмах и спусках невидимой отсюда трассы, моторное жужжание, но вскоре и оно растворилось в звуках тайги.

Сняв рюкзак, Сергей подтащил его к скале, достал вещи и принялся переодеваться.

Его походная одежда многое могла рассказать о хозяине. Внешняя потрёпанность широкой куртки-анорака и штанов, похожих на галифе, была кажущейся. Материал, из которого эту одежду сшили, имел огромный запас прочности и поэтому при долгой эксплуатации терял только внешний лоск, но не толщину или крепость швов. Всё в ней было продумано до мелочей. Никаких тебе накладных карманов и красотулек типа погон; полное отсутствие снаружи замков и пуговиц — упрятаны под специальные накладки. Даже брюки, казалось бы, что можно здесь ещё такого придумать, имели специальные резинки на штанинах выше колен, не позволяющие им, этим штанинам, сползать вниз при ходьбе. Цвет одежды был серо-зелёный, и Сергей, облачившись в это потёртое великолепие, исчез, как растворился на фоне скалы, около которой временно расположился.

Закончив с переодеванием, взглянул на небо, оценивая перспективы появления дождя. Серые тучи закрыли весь горизонт, но воды в себе, которая была бы сейчас некстати, не несли. По поводу сохранности вещей и иных предметов, которые находились в рюкзаке, он не переживал. Дело в том, что в рюкзак был вставлен вкладыш. Герметичный и очень лёгкий, он давал стопроцентную гарантию защиты от воды всего, что было в нём размещено. В любой ситуации. А при попадании в воду целиком, на этом рюкзаке можно было даже плыть, как на накачанной камере от автомобиля, не дай Бог, конечно. Но такой способ переправы Сергей уже применял в прошлом году. Некомфортно было, и даже очень напряжённо, но надёжно и с крепкой гарантией.

Следующим этапом подготовки к движению была сборка оружия. Это Сергей сделал быстро, почти не глядя на предмет сборки. Первое движение быстрое — ствол в ствольной коробке, второе ещё быстрее — закреплён стопор, третье, как пальцы забегали — патрон за патроном, патрон за патроном в магазин.

Собирая ствол, поймал себя на мысли, что всё время, пока находится здесь, он оглядывается по сторонам…

Наконец всё было приведено в готовность: одет, оружие закреплено сбоку рюкзака, рюкзак стоит около ног. Достав карту, Сергей ещё раз, сам не зная почему, просмотрел предстоящий маршрут. Его взгляд, уколовшись о чёрную точку развилки трассы, заспешил по коричневой линии старой дороги, изредка перепрыгивая через синие жилки ручьёв, которые её пересекали, останавливаясь только перед красно-коричневым нагромождением горизонталей, обозначавшим спуски или подъёмы, и иногда подползая, как бы осматриваясь, к треугольникам, изображениями которых маркировались вершины гор, стоящие вдоль дороги.

Лишь в одном месте, почти у самого прииска, неутомимый в своём движении, взгляд остановился как вкопанный. Его прыть не смогла преодолеть коричневую темноту обозначения некоего узкого пространства в рельефе — распадка с высокими, почти вертикальными стенами. Синяя жилка ручья вырывалась из этой темноты прерывистым пунктиром пересыхающего потока. Суурэн-Ытэрэр.

И сразу же явственно, как только что произнесённое, Сергей услышал: «На русский переводится это… Э-э-э… сейчас-сейчас… Во! Ручей Лающей собаки, но, сдаётся мне, что Завгородний там не пропал. Он оттуда не вернулся…»

Вздохнув, он упаковал карту, ещё раз осмотрел снаряжение и, натужно подняв рюкзак на плечи, принялся подгонять его подвеску. Наконец, затянув всё, что полагалось затянуть, и ослабив всё, что было необходимо ослабить, Сергей постоял, выравнивая дыхание. Затем, попрыгав несколько раз на месте и покачавшись из стороны в сторону, он начал движение к синей параболе первого перевала, который виднелся километрах в пяти. За этим перевалом начинались разноцветные, чёрно-жёлтые горы хребта Селлях.

Дорога приветствовала его первые шаги хрустом гальки под ногами и шелестом раскачиваемого ветерком тальника, зелёной стеной стоящего вдоль обочины.

Сергей почти всю дорогу, благо путь был несложный, обдумывал странное поведение водителя, пытаясь привести различные аргументы и строя догадки, но ни к чему конкретному так и не пришёл.

А дорога, если так можно назвать то направление, по которому двигался путник, баловала. Промытые многочисленными ручьями ямы и канавы, которыми изобиловало серое, измождённое, давно не знавшее скальпеля дорожных ремонтных машин тело старой дороги, легко обходились. Ни о каких завалах упавших деревьев и речи не было — тоненькие стволы придорожного тальника не могли создать ничего подобного, а редкие лиственницы, что упали, подмытые потоками воды или времени, переступались сходу.

Просматривался путь далеко вперёд, что позволяло идущему чётко планировать темп и характер своего движения. Если впереди был подъём в гору, а это, как правило, были так называемые «тягуны» — длинные, равномерные повышения высоты склонов гор, то движение немного замедлялось, если спуски — темп оставался прежним.

Роль единственного минуса, который сводил на нет всю ту лёгкость, с которой Сергей каждое утро начинал свой путь, играло солнце. Его мягкий, слегка розоватый из-за прозрачных туманов свет, осторожно будивший путника утром, к обеду становился ожесточённо-злым демоном. Лучи солнца,

ласкавшие в дуэте с прохладным ветерком лицо утром, помогая бодрости занять место уходящего сна, к обеду резали, нет, полосовали это лицо острой бритвой. А к ночи снова, сменив буйство характера на кротость, становились ласковыми, обманывая.

По сути, ночей-то как таковых и не было. Было два-три часа ослепительной темноты, которая разом, безо всякого там красочного перехода, называемого рассветом, становилась светло-розовой мглой. Солнце выпрыгивало из-за сопок стремительно, будто желая посмотреть, а всё ли у него, Сергея, в порядке. Следующим, кто присоединялся к пляске его лучей, был лёгкий ветерок… Ну а дальше всё шло по известному уже сценарию.

Одиночество путешествия не тяготило Сергея. Скорее, наоборот, в его душе поселилась тихая и неосознанная радость от того, что впереди было ещё много дней, на протяжении которых общения с себе подобными у него не будет.

— Даже если очень, фьють-фьють, сильно захочу! — он буквально пропел эту фразу, давая выход, переполнившему его душу восторгу.

Осознанное одиночество было подкреплено полным отсутствием какой-либо живности на всём участке пути, который он успел пройти, а это совсем не мало — почти девяносто километров дремучих гор и тайги по старой-престарой, двадцать лет как брошенной дороге, нет, скорее тропе. Лишь однажды, где-то далеко внизу, у ручья посыпались камни. Но это мог быть самопроизвольный сход грунта, который часто бывает у подмытых берегов ручьёв и рек.

Впрочем, живность всё же была — комарики. Мелкие, рыжие комарики. Эти странные существа появлялись вблизи водоёмов любого происхождения: ручьёв, речек, луж или болотных бочажков. Почему он окрестил их странными?

Дело в том, что комариная братия других мест, в которых ему приходилось бывать до этого — в Саянах ли, в Забайкалье, в Амурской области или ещё чёрт знает где, — вела себя предсказуемо, можно даже сказать, по-джентельменски: долго кружила вокруг жертвы, пела ей всяческие песенки и только потом, солидно усевшись на кожу, начинала своё гнусное дело — жалила. Эта же рыжая сволочная мелочь, ничем подобным себя не утруждала. Появившись около путника, она сразу же атаковала. Молча, как ночные убийцы-ниндзя. Молниеносно и все сразу…

Он столкнулся с проблемой «ниндзя» в первый же день своего путешествия, когда решил остановиться на ночёвку в низине, там, где дорогу пересекал ручеёк.

Ночью сна не было — была битва с ночными гостями. И, едва дождавшись розовой утренней мглы, Сергей, весь опухший от комариных укусов и втёртого в себя репеллента, позорно покинул поле боя, бросив на нём пустой тюбик из-под антикомариной мази.

С той ночи он стал останавливаться на ночлег только на высоких местах дороги, отдалённых от всяческих там низин и благодатных, манящих к себе уютом ночлега полянок. Воду для приготовления ужина и завтрака он предварительно набирал в пластиковую бутылку.

Итак, дело продвигалось — шёл пятый день, и как он надеялся, последний день пути к старому прииску.

Впереди его ждала вторая, самая широкая и полноводная река, из тех двух, о которых предупреждал Николай. Но Сергей, увидев вдали многочисленные серые поля кос и отмелей речки, не волновался. Опасения водителя по поводу сложностей переправ не подтвердились. Первая река была хоть и полноводной, но глубину её потока, к счастью путника, украли многочисленные рукава русла, на которых этот поток дробился мельчая.

Сергей перешёл эту первую водную преграду, даже не набрав воды в ботинки — перескакивая с камня на камень, а потом, поднимая тучи брызг, в два прыжка проскочив мелководье.

И теперь стоя на берегу второй реки, он придирчивым взглядом оценивал предстоящий водный путь.

«М-да… Ну здесь халява, чтобы не замочившись, по-сухому перейти, не пролезет. По колено перейти бы получилось… Итак, смотрим-запоминаем. По первому перекату наискосок вверх по течению, вон до той коряги на островке. Остров длинный — по нему иду… По нему иду вниз по течению до синего камня, а оттуда… — рассуждения по нитке перехода Сергей повторил несколько раз, запоминая путь. — Ну вроде бы всё… Не совсем понятно, правда, что там за скалы за поворотом. И что это за звук такой… Шух-шух-шух… Но скалы… До них далеко, однако потом посмотрю, что за шум…» — расстегнув поясной ремень рюкзака и ослабив его лямки, он вошёл в воду.

Вошёл, забыв вырубить шест для страховки при переправе…

III.

Его сбило с ног уже на выходе из потока — у самого берега.

Как-то разом, не успев ничего понять, он оказался под водой.

Раскрытые глаза фиксировали разноцветное мелькание дна — его пронесло над мелководьем с огромной скоростью, и теперь, несмотря на все свои лихорадочные попытки, он уже не мог достать дна.

В этом месте река, сбросив с себя паутину рукавов, собралась с силами и одним руслом устремилась в сторону огромных скал, на которые наваливалась всем потоком, образуя огромный,

в два метра, водяной горб. Навалившись, вода замирала, а затем с утробным урчанием ныряла под гигантский, высотой в несколько метров залом из деревьев, который гудел от такого напора, хлопая длинными, измочаленными бешеным натиском воды, стволами деревьев по стремнине.

Вынырнув из потока, Сергей увидел, что его несёт в сторону скал…

Рюкзак снять… быстро! Ещё быстрее! Всё—теперь на него! Оглядеться! Ёп!!! Сергей увидел залом. Так, метров семьдесят. Это нормально! Перед скалами не успеть—за них должно нести уже левым берегом. К левому!!! За лямку, за лямку взять! Толчок! Ещё…—борьба началась серьёзная, потому что впереди…

Впереди была смерть.

Сергей толкал рюкзак впереди себя, затем, подныривая под него, рвал его массу на себя и снова подныривал, для толчка.

Толчок, под него, рывок! Сергей успокоился. Его дыхание, сбитое испугом неожиданного падения, «встало в позицию» активного противодействия смертельной опасности. Борьба с потоком была пловцу привычной, ведь опыта в таком тяжёлом труде он имел достаточно. За его спиной были сплавы почти по сорока рекам, и далеко не все эти сплавы были победными…

Со стороны его движение в потоке казалось смешным барахтаньем, но эффективность этого «барахтанья» была очевидной—пловец медленно, но верно уходил из-под пристального взгляда смерти…

Серый хаос залома, весь покрытый прилипшими к нему лоскутами мха и пожухлыми пучками травы, постепенно отодвигался влево, но отодвинувшись и не желая признать своё поражение, продолжал тянуться серыми, костлявыми и кривыми руками стволов к пловцу, грозя зацепить его одежду пальцами острых сучков.

Поэтому борьба продолжалась. Самым главным для Сергея было выйти из потока. Выйти, зацепившись за улово—там его должно было развернуть и остановить.

Рассчитав момент, когда поток поднимет его на гребень волны, Сергей рванулся вперёд и, развернувшись на спину, резко разбросал ноги, продолжая подгребать одной рукой, так как вторая намертво держала рюкзак. Ещё несколько мгновений он неистово, как взбесившаяся мельница, молотил свободной рукой по воде, широко растопырив пальцы, прорываясь через затихающие струи к улову.

Ещё несколько взмахов—и он вырвется!

—Ну, ну, давай же! Ещё немного, родная-я-я! Дава-а-а-й! А-а-а!!!—он уже кричал, гребя рукой и выгибаясь дугой, высунувшись из воды почти по пояс.

Синяя глубина улова мягкой лапой захватила его ноги…

И сразу же куда-то ушли силы. Сергей подтянулся к рюкзаку, уткнулся головой в его капроновую мокроту и так отдыхал несколько минут, неподвижно зависнув над синей бездной улова, как поплавок.

Тем временем река делала своё, теперь уже не такое страшное дело: медленно затащив плывущего в середину улова, она, как бы давая ему отдохнуть, подержала там немного, а затем начала выталкивать на мелководье длинного—косой через всю реку, переката. Вскоре Сергей почувствовал под ногами мягкость дна.

Ещё несколько шагов, и вот он—невысокий, галечный берег!

Бросив рюкзак на камнях переката, Сергей, шатаясь, вышел из воды и плюхнулся на тёплые, прогретые солнцем, камни берега.

—А вода… какая… раскалённая… Кипяток… прямо! Очень… хочется пить…—Сергей вслух, в несколько выдохов, проговорил это, безучастно наблюдая, как волны лениво шевелят лежащий на мелководье рюкзак и легонько пошлёпывают мокрые камни берега.

Он ушёл от залома в самый последний момент, успев оттолкнуть рюкзак и увернуться от удара неистово долбящей по потоку длинной жердины.

«Вот эта сволота и долбила из-за поворота. Шух-шух-шух… С-с-сука, чуть не убила ведь, мля…»,—Сергей, по-прежнему сидя, остужал разгорячённое лицо пригоршнями ледяной воды, совершенно не чувствуя холода. Думать о своей судьбе, попадись он жердине под удар, а тем более под залом, ему не хотелось. Обошлось, и слава Богу!

Стресс уходил, уступая место холоду, и на Сергея навалилась лихорадка—трясло так, что, как говорится, зуб на зуб не попадал.

—Это, брат, «отходняки» пошли…—он уже знал, по какому сценарию будут развиваться дальнейшие события.

Мокрая одежда не грела—прилипла мокрой плёнкой, забирая остатки тепла из уставшего тела. Каждое движение давалось с трудом, и было настоящим мучением. Сергею хотелось свернуться комочком и замереть, чтобы хоть на минуту избавиться от шершавых прикосновений холода.

Но двигаться было крайне необходимо! И не просто двигаться—бежать. Бежать, невзирая на холод мокрой одежды и тяжесть рюкзака, напитанного водой. Только в беге можно быстро согреться, уменьшая шансы оказаться простуженным после такой купели.

—Сейчас мы немного побегаем, а потом костерок соорудим. Спиртика хлопнем, дымком подышим…—с этими словами Сергей, как ему казалось, побежал по галечной косе к небольшому завалу из старого плавника, расположенному неподалёку от того места, куда он вышел на берег.

На самом же деле удачливый пловец не бежал, и даже не шёл—сутуло, на несгибающихся от холода ногах ковылял к выбранному завалу.

Но движение и тяжесть рюкзака постепенно делали своё дело, и, метров, этак, через сто, исчезла сутулость в его осанке, на лице появился румянец, а в руках и ногах начало покалывать—восстанавливалось кровообращение.

Времени, чтобы собирать какие-то прутики и палочки для розжига костра, у него не было, да и желания тоже. Поэтому он ещё непослушными от холода пальцами, с трудом развязав рюкзак, открыл герметичную упаковку, достав портативную газовую горелку и баллон с газом. Щёлкнул пьезозапал, и в его руках зашумело красно-оранжевое пламя. Отрегулировав расход газа, он подошёл к завалу и направил острый и длинный язычок огненной струи под его нижние брёвна, в кучу сухого, как порох, древесного мусора.

Потянуло дымком…

IV.

Раздевания-переодевания и сушка одежды в пряном дыму костра заняли совсем немного времени. Дольше собирался, как говорится.

И уже через два часа, отдохнувший, плотно перекусивший и облачённый в просохшую одежду, Сергей бодро шагал в сторону перевала, с которого, как он надеялся, а карта это не отрицала, будет видна вся долина, в глубине которой располагался заброшенный прииск—цель его путешествия. На перевале он планировал провести последнюю ночёвку, а утром выйти к прииску и, обустроившись там, пройтись с экскурсией по остаткам этого некогда жилого, бывшего ему родным места.

— Не терпится-то как… Большой уже дядечка, а сердце-то, сердце, почему так волнуется? Ностальгия, наверное, навалилась…—рассуждал Сергей.—Это сколько же я там не был? Почитай, лет сорок? На кладбище, наверное, уже никого и не найду—тайга всё разрушила. Но пойду, всё равно пойду. Валеру надо найти, Степана, Гаврилыча… А к Деду… К нему отдельно, и не на один день—много надо там сделать.

Вспомнив про Деда, он нахмурился. Вот тут дел предстояло сделать много. Нет, точнее будет сказать так: не «много» и даже не «очень много», а огромное количество дел.

— Начну с мелочёвки всякой: могилку поправлю, оградку какую-никакую сварганю, но надо досок или штакетника поискать на развалинах и перенести потом на Уэмлях, туда, где Дед лежит…—он начал перечислять, что предстояло сделать там, за перевалом.

Высокогорье брало своё: дорога, до этого узкая, вся в буграх и колдобинах, постепенно становилась шире и ровнее, с её обочин уходила, расступаясь и редея, тайга. И чем выше поднимался путник, тем ниже становились лиственницы, уступая место низкорослому кедровому стланику. Казалось, что освобождаются не только склоны гор, но и само небо: синие горизонты далёкого пространства, до этого робко выглядывающие из-за частокола хилых вершинок деревьев, с уходом их становились шире, напитывались воздухом и светом.

Светлело и на душе Сергея. Лёгкий путь всегда мудрёнее тяжёлого. Отошли и спрятались мысли о неудаче на переправе, о предстоящих заботах.

Темп его движения постепенно нарастал, так как подъём уже заметно выполаживался, и идти становилось всё легче и легче.

Дорога, обрамлённая по обочине жёлтым рисунком мха, покрытая мягким блёкло-коричневым ковром из осыпавшейся хвои кедрового стланика и скорлупы, вышелушенных кедровками шишек, ещё немного пропетляла среди островков низкорослых кустов и взбежала на пригорок. Взору Сергея открылся широкий просвет, из светлой глубины которого лёгкими порывами дул свежий, напоённый запахом смолы, ветер.

Перевал!

Дело шло к вечеру, и надо было присматривать место для предстоящего ночлега.

Обычно Сергей останавливался, как говорится, с небольшим запасом по времени, чтобы успеть не только организовать лагерь и поужинать, но и немного посидеть у костерка, записать основные события в дневник, обдумать предстоящее…

Но дорога, такая чистая, как специально вымытая, звала его вниз, туда, где в оранжевых лучах закатного солнца просматривались как расплывчатая сетка тёмные штрихи и линии—останки того, что когда-то называлось «улицы» прииска.

Соблазн был слишком велик, и Сергей, немного поколебавшись, начал спускаться в долину.

Уклон дороги на спуске сильно увеличился, и ему приходилось внимательно смотреть под ноги, лишь изредка поднимая голову, чтобы оценить перспективу дальнейшего своего движения.

По мере того как он спускался, тайга начала подкрадываться к дороге: сначала появились одинокие деревья, потом они стали собираться в редкие, худосочные группки—колки, за которыми уже просматривалась тёмная стена серьёзной чащи. Но сеточка улиц была ещё видна, что позволяло Сергею правильно оценить расстояние, которое ему предстояло пройти до наступления темноты.

И вот в один из таких моментов он увидел, что в середине этой сетки вспыхнул и тут же погас огонёк…

Нет, это был не огонёк, а скорее блик—блик солнечных лучей, их отражение в чём-то.

Сергей остановился как вкопанный.

«Ерунда какая-то… Да не может там никого быть! Ни-ко-го!—недоумённо размышлял Сергей.—А, понятно! Какая-нибудь стеклянная банка

на старом заборе осталась, или стекла кусок в раме бликуют. Я иду, угол падения лучей меняется — вот и блик. А когда стою — нечего и ждать».

Вдали снова оранжево пыхнуло.

Сергей мгновенно вспотел, судорожно сглотнул и напряжённо уставился в ту часть сетки, откуда только что прилетел блик. В его голове завертелась фраза, которую говорил один из известных персонажей с экрана: «Вечер перестаёт быть томным». Судя по всему…

Судя по всему, кто-то, находясь среди развалин прииска, рассматривал склон, по которому только что шёл Сергей, в бинокль…

Продолжать движение как-то сразу расхотелось. Немного потоптавшись на месте — собирая скачущие мысли в вялую кучку, Сергей двинулся в сторону маленькой полянки, которая уютно расположилась перед тёмной стеной тайги и выглядела почти по-домашнему. Здесь он нарушил свой принцип обходить такие места из-за наличия на них комаров, так как быстро темнело и пора было позаботиться о ночлеге.

Обойдя полянку по периметру, он усмотрел в темноте чащи подступающей тайги блеск маленького бочажка с водой. Удовлетворённо хмыкнув, сбросил рюкзак, отточенными движениями раскрыл его — как пасть распахнулась, и закопошился над этим открытым зевом.

Мановением рук, будто фокусник чудил на эстраде, на полянку лёг тёмно-зелёный лоскут тента, прошелестев содержимым, компанию ему составил газовый баллон, следом звякнула большая, почти на литр, металлическая кружка.

Звук лёгкого удара кружки о баллон с газом показался Сергею артиллерийским выстрелом. Прошипев плохое ругательство, он продолжал разбирать рюкзак, изредка посматривая в сторону уходящей вниз дороги, как будто ожидая увидеть там кого-то. Из головы не выходили оранжевые блики, увиденные им в долине. Мысли об их происхождении тревожили Сергея всё больше и больше, мешая привычной работе по устройству бивуака, не давая расслабиться перед заслуженным отдыхом.

— Давай, старик, рассуждать. Совершенно очевидно, что в посёлке кто-то есть. Кто — я не знаю. Охотники ли, рыбаки ли — одному Богу известно. Всё ничего бы, но тот факт, что находящийся там рассматривает в бинокль дорогу, настораживает. Зачем рассматривает? Скучно стало? Или ждёт кого-то? Или не ждёт? Вот это самое неприятное, если не ждёт… А меня он, интересно, заметил? — Сергей проговорил это вслух и нахмурился.

В его планы не входили встречи с людьми вообще, а уж тем более встречи с людьми, чего-то или кого-то стерегущимися.

«Беглые зеки? Это вряд ли — до ближайшей зоны километров восемьсот; да и зачем им бежать в сторону моря — сдохнуть по дороге? Им проще в сторону Якутска тянуться. Нет, зеки точно отпадают. Помнится, правда, что эвены говорили о каких-то „свободно шатающихся“ по тайге людишках. Мол, пакостят эти суки прилично, лабазы с продуктами и имуществом „бомбят“, избы, что на оленьих перегонах стоят, грабят. Что вообще в тайге делают — чёрт его знает. Так надоели, что на них даже самострелы ставят. Даже предупреждали об одной такой избе на реке Сунтар, что была тогда как раз по нашему движению. И следы мы в том путешествии видели на косе. Чужак шёл, сапоги у него кирзовые, судя по отпечатку, — эвены такие не носят. Эти гулящие могут сюда с трассы Колыма забрести. Двести километров — ерундовое расстояние. Могут, гады… М-да, задача. А может, это незаконные старатели? Хищники? — продолжал рассуждать Сергей. — Ну с этими разговора не получится, я даже не знаю, будет ли он вообще… Соваться мне в посёлок в этом случае ни в коем нельзя. Видимо, прямо отсюда придётся уходить на Уэмлях, к Деду на могилку — зря что ли шёл?.. А оттуда на плоту к дороге. Ладно, пока оставим этот вариант приоритетным. Но вот ведь штука-то какая! Чтобы что-то сделать, надо посмотреть. Очень тихо и осторожно посмотреть.

Посмотреть на того, кто в посёлке…»

V.

Ночь не прошла — пролетела.

Сергей почти не сомкнул глаз, лёжа в спальном мешке под тентом. Он смотрел на слабые точки звёзд, которые робко заглядывали под полотно тента и думал. Мысли, сначала резвые и борзые, как скакуны, постепенно замедляли свой бег и вскоре беспорядочно разбрелись в разные стороны, как пасущиеся овечки по склонам гор.

Старатели, зеки… Хорошие люди, плохие люди… Рыбаки, охотники, геологи… Геологи… Геологи!

Сергей подскочил как ошпаренный!

— Ну конечно! Как же я сразу не прокачал этот вариант! — почти выкрикнул он. — Водитель ведь мне намекал: «…Но, сдаётся мне, что Завгородний там не пропал. Он оттуда не вернулся…» Чёртова кукла! Блин горелый! Как же я забыл о ручье-то?! Вот уж воистину: из всего множества причин совершения данного события наиболее вероятна самая простая… Принцип Уильяма из Оккама никто не отменял! — говоря это, Сергей замер, чувствуя, что нашёл верное объяснение происходящему. — Жив, значит, курилка! Ну, Рудольф Владимирович, ну, ты даёшь! Моешь золотишко втихаря, значит… Ух, ты!

Возбуждение, охватившее Сергея, требовало выхода, и он, быстро освободившись от тёплых объятий спального мешка, засуетился на полянке, собираясь в дорогу.

Прошедшей ночью ударил первый заморозок. Его холодное дыхание покрыло траву белой плёнкой изморози, которая шуршала под ногами,

погибая от прикосновений ботинок. Лиственницы, иголки которых разом поседели, стали стройнее — как вытянулись. Исчезла чернота чащи леса, далёкие горизонты приблизились, как прыгнули навстречу взору. Солнце ещё не грело, давая всей этой серебряной красоте последние минуты жизни, теплота его света едва ощущалась щекой.

Но вот из распадка потянул ветерок. Его прикосновения превращали изморозь на траве и деревьях в капельки воды. И совершенно неожиданно — без какого-либо перехода — вокруг вспыхнул мириады маленьких радуг. Сияние солнца заполнило всё пространство вокруг, многократно усиливаясь в капельках, распадаясь на радуги, разноцветно подмигивая, переливаясь и вспыхивая.

Сергей замер, любуясь этой невозможной красотой.

Очарованный, он совершенно забыл о том, что у него есть фотоаппарат. Спохватившись, он схватил камеру, досадуя на себя за забывчивость и думая, что не успеет отснять всё это великолепие. Но красота меркла постепенно, и он успел сделать несколько снимков, а потом, уже рассматривая изображения на дисплее, замурлыкал от удовольствия, насколько шикарные получились кадры. Удача, да и только!

Настроение Сергея улучшалось по мере того, как поднималось солнце. Из души уходили страхи и тревога, а их места занимали постоянные его спутники — расчётливость и здоровый цинизм.

— «На пути к посёлку ручей-то. Лающая собака, говоришь? Ну-ну… Вот там я всё и узнаю. Уж старые шурфы-то от новых отличит и дурак, как говорится! Ах, геолог, геолог! Что же так неаккуратно в бинокль-то лупишься, на солнце? Старый ты, Рудольф Владимирович, но „тёртость“ всю растерял где-то. Одиночество, однако, не на пользу пошло. И работаешь ты там — на ручье, а ночуешь, видать, в посёлке. Хоть ты и хищник, но тебя-то я не боюсь. Вот только подругу подготовлю к разговорам как аргумент, если что…», — говоря это, Сергей манипулировал с оружием.

Он быстро — пальцы порхали, как бабочки, — поменял патроны в ружьё. Чёрные блестящие цилиндрики с надписью «8,5 мм» — картечь, пощёлкивая, выскочили из магазина, а их место заняли такие же цилиндрики, только прозрачные, внутри которых виднелись металлические тела пуль. Это был разрывной, экспансивный Дуплекс — пули, при попадании которых в тело медведя, внутренности животного занимали места на окрестных кустах и ветвях…

Меняя огнеприпасы, Сергей поймал себя на мысли о том, что всё время, пока находится здесь, он прислушивается к той стороне, куда уходила дорога. Поймал и улыбнулся.

— Опытный ты, геолог мой дорогой, но зря всё это затеял, блин… Твоё это золото? Нет, не твоё. Что теперь делать-то будем, а? Серьёзно я к тебе иду, слышишь? Ты уж дорогу-то мне дай… — улыбка превратилась в оскал. Сам он как-то сгорбился, посерел, глаза превратились в узкие щёлочки и неприятно поблёскивали из-под нахмуренных бровей.

Причиной такого ожесточения было банальное чувство справедливости. Воспитан Сергей был в духе строителя коммунизма, не побоимся этого слова, и очень болезненно воспринимал малейшую несправедливость по отношению к любому объекту, будь то государство или тривиальный бомж. Каждый случай проявления подлости, фарисейства или иной гнусности превращал Сергея в зверя. И порой в буквальном смысле. Он чётко знал, что вор должен сидеть в тюрьме, а никак не в «Мерседесе», а хулиган или хам должны получать по наглой морде немедленно. С годами это чувство не притупилось, но ещё больше обострилось, и, не видя окрест положительных результатов по искоренению всяческой мерзости типа мздоимства или оголтелого хамства, оно начало трансформироваться в жесточайший цинизм, граничащий с человеконенавистничеством. Теперь у него вор должен был не сидеть в тюрьме, а лежать в могиле. И этим он оправдывал любые методы воздействия на нарушителей закона, вплоть до убийств из-за угла… Это чувство было сродни зоологической ненависти к шевелящейся биомассе преуспевающих или бандитствующих гадов и до обмороков пугало его родных.

Наконец после плотного завтрака, на протяжении которого Сергей, успокоившись, мурлыкал мелодию песенки «У моей девочки есть одна маленькая штучка», всё было готово к дальнейшему движению.

Присев на лежащий рюкзак, он ещё раз внимательно посмотрел на карту, сориентировал её направление по компасу, проверил направления на преобладающие вершины, запоминая их положение относительно места ночлега.

Удовлетворённый проделанной работой, Сергей убрал карты и закурил, глубоко затягиваясь. Было видно, что он смакует каждое своё движение как бы в предвкушении более приятных впечатлений или событий, которые эти впечатления принесут. По его лицу иногда пробегала тень улыбки, которая сменялась злым прищуром.

— Сейчас мы с тобой, Викторович, ещё отдохнём малость, ещё раз покурим — там вряд ли будет время, успокоимся. И двинем. — Сергей хлопнул ладонями по коленям и резко встал…

VI.

Дорога постепенно пошла на спуск. Теперь её серое и грязное тело, до этого прямое как струна, извивалось среди густых зарослей подобно змее. Повороты, выбирая высоту склона, следовали

один за другим, а ширина полотна всё уменьшалась и уменьшалась — тайга, как говорится, знала своё дело туго и душила эту ширину зелёными, пахучими руками кедрового стланика. В некоторых местах, где дорога изначально была узкой — в ширину одной машины, роскошные лапы стланика почти смыкались над ней, закрывая небо. Идти в таких местах было неприятно — как по трубе, которая не имеет ни начала, ни конца — только зелёные, колышущиеся стены со всех сторон и серая, засыпанная старой хвоей лента под ногами. Иногда Сергею приходилось нагибаться, чтобы пройти по этому коридору, даже рюкзак цеплялся за ветки, так было тесно.

Но вот впереди что-то наметилось — пока ещё не ясное, но отличное от того, что было до этого: дорога резко пошла на спуск, изменилась высота стланика — как вырос, по нему несколько раз пробежался лёгкий ветерок. Далеко внизу угадывалось какое-то пространство. Сергей остановился и прислушался.

Так… Шумит ручей, это ясно. Но почему так далеко внизу? Не понимаю… Он завертел головой в попытке сориентироваться. Ах, Боже мой! Каньон! Это ведь каньон ручья! Суурэн Ытэрэр! Ручей Лающей собаки! Ну наконец-то!

Сергей скинул рюкзак и, взяв в руки ружьё, осторожно двинулся на шум.

Шаг сквозь плотные заросли, ещё шаг…

То, что увидел Сергей, его поразило.

Склона горы не было — было нечто. И это нечто походило на след от удара ножа; огромного такого ножа, который был в руках пьяного или злого демона — так свирепо и страшно выглядел раскромсанный, круглый и аккуратный до этого бок горы.

Узкий, тёмный от своей глубины провал, завораживал и пугал взгляд Сергея. Даже дорога, будто от этого увиденного ужаса, шарахнулась вправо и начала бежать прочь — вниз к реке.

Спуститься вниз к ручью, прямо от того места, куда вышел Сергей, не представлялось никакой возможности, и он, вздохнув, вернулся к рюкзаку.

И уже поправляя лямки одетого куля, так туристы называют рюкзаки, он услышал, как далеко внизу стукнул камень.

Сергей мгновенно присел на колено, скинул свою ношу и, наклонив голову немного вперёд и вбок, прислушался. Внизу по-прежнему монотонно шумел ручей, сбоку и сзади, ловя толчки лёгкого ветерка, еле слышно шуршали ветки стланика…

Стук больше не повторялся.

Сергей перевёл затаённое дыхание и осторожно сменил позу — встал на четвереньки и ещё ниже наклонил голову — почти к самой земле припал. В таком положении слушать ему не мешал ветер, и звуки от колыхания стланика уходили выше.

«Камень сильно стукнул. На осыпь не похоже — чётко приложился. Либо зверь, либо человек. Но зверь не ходит по руслу, да ещё по каньону! Значит… Значит, там человек! — рассуждения чётко выстроились и уступили место слуху. Сергей продолжал прислушиваться. — Интересно, куда он идёт: вверх или вниз? И почему по руслу? Что там у него? Вот бы он шёл по дороге сейчас! Представляю встречу, блин… Эх, как неаккуратно, Викторович! Так, место моё приметное, оставляю куль здесь. Надо бы посмотреть. Посмотреть надо, однако…»

Проверив наличие запасных патронов в кармане куртки и поправив нож на поясе, он мягко и бесшумно вошёл в стену стланика. Вошёл, как растворился.

Такому движению по любым зарослям — бесшумному и незаметному — его учили многие. Вернее, он сам просил рассказать ему о приёмах движения у всех, кого он встречал на маршрутах. Его учителями были и эвены-оленеводы Охотского побережья, и охотники-староверы в Саянах, и сайроты-пастухи в Бурятии, и тувинцы-контрабандисты на границе с Монголией… И уроки были разные: от бесшумной ходьбы по горельнику до методов укрытия в непогоду или сокрытия туши убитого зверя или ещё чего похуже…

И не было для него знаний второстепенных или неактуальных — всё запоминал, как губка воду, знания впитывал. А учеником он был примерным, даже талантливым — многое привнёс в полученное от себя, почерпнул из литературы и общения с себе подобными.

Если смотреть на его движение в зарослях со стороны, то можно удивиться, видя, как смешно он шёл: уклоняясь изгибами тела от густоты веток, то замирая, цаплей подняв ногу, то начиная двигаться мелкими шажками, как фехтовальщик… Но самое странное в этом танце было то, что ни одно из описанных движений не было законченным, всё казалось каким-то незавершённым, неумелым, если хотите. И неприятным. Да, да, именно неприятным в этой своей бесшумности и какой-то неизбежности. Так, наверное, выглядит смерть, идущая к своей жертве…

Но вот и каньон.

Сергей опустился на землю и почти подполз к обрыву, оценив состояние края по противоположной стороне бездны на предмет обрушения.

«Нет, не сыпучий: базальт и глина. Ещё немного — и я на краю. Так, теперь очень осторожно! Ещё осторожнее… — Сергей ящерицей подтянулся к краю обрыва и осторожно высунул голову. — Влево вверх. Чисто. Теперь вправо вниз… Опа! Вот он!»

Краем глаза, только одно мгновение было, Сергей увидел, как далеко внизу, почти у самого поворота русла, под нависшей скалой мелькнула и тут же скрылась серая тень. Это был человек!

Неизвестный уходил вниз, к прииску.

Так, уже проще. Мы теперь знаем, что есть человек, и это хорошо. Пока один человек, и это

очень хорошо. Вода в ручье мутноватая, или мне кажется? Нет, определённо мутноватая! Золото моет! Или моют? Сейчас надо тут полежать пару часиков, послушать, посмотреть. Может, не один он здесь, или ещё что… Или кто ещё пойдёт сверху. Или этот вернётся, не ровён час… И за водичкой заодно понаблюдаем: если один моет — вода посветлеет быстро, а если в верхах кто остался и продолжает — не изменится цвет-то.

Сергей лёг поудобнее, уперев подбородок на сложенные руки, и приготовился ждать.

Что-что, а ждать он умел.

Самым главным в таком сложном деле, как ожидание, было умение отключить обыденные мысли, а особенно — чувства. Чувства оценки мгновенного состояния, то есть данного места в данное время, которые ежемоментно присутствуют в сознании. Сергей долго не мог понять, как это делают, например, чукчи. Сидят этаким болваном полдня, молчат полузакрыв глаза, и хоть бы что! А он, умный такой, всё знающий, очень современный человек — и не может! Но Сергей продолжал искать ключ к решению задачи. И всё оказалось очень просто: потому и не получается, что умный и всё знающий… И чтобы научиться долго ждать — надо научиться отрешаться от тревог, волнений и повседневных забот, «уходить в пещеры, к предкам», туда, где полностью отсутствуют тревоги, а чувства чисты и примитивны.

Это был трудный поиск, но когда Сергей, после множества неудачных попыток, понял, что делать с этим ворохом мыслей в голове и как себя вести,— у него, как говорится, «покатило». К нему пришло это умение — умение ждать.

Первым, кто это заметил, была его жена. Обычно, когда Сергей возил её по магазинам, бегать по отделам ей приходилось быстро, почти в спринтерском темпе, потому что водитель, то есть Сергей, всегда нервничал, ожидая её на улице, а потом часами ворчал, проклиная свою извозчицкую долю.

Но однажды после очередного покупательского забега она увидела, что муж даже не поменял позы, сидя в авто и ожидая её возвращения, как сказал бы раньше, битых два часа…

…Осторожное время еле плелось, но всегда и всему приходит конец. Солнце постепенно сменило гнев на милость — не так пекло, тени от лиственниц удлинились, в их жиденьких кронах обосновался ветерок: тоненько засвистел, теребя прутики веток, а от ручья потянуло прохладой — наступал вечер.

Сергей приоткрыл глаза и посмотрел на воду. Мутность потока исчезла, чётко прорисовалось дно ручья. Сон упорхнул, как вспугнутая птица. Удовлетворённо хмыкнув, он отполз от края каньона и перевернулся на спину. Полежал так немного, шевеля тазом, поджимая колени к груди и чувствуя, как по затёкшим кистям рук побежали покалывающие мурашки — не шутка проторчать без движения битых три часа.

Теперь самым главным для Сергея было найти место, откуда шёл неизвестный.

Карту смотреть не было никакой необходимости, так как он помнил, что и как на ней было изображено.

«Не мог он далеко подняться по руслу — оно заперто отвесной скалой, с которой ручей падает водопадом. Небольшой, правда, водопадик — метров двадцать, судя по горизонталям, но его облазить… э-э-э, себе дороже будет. Значит, полигон его там, прямо под водопадом или чуть ниже»,— размышляя, Сергей уже надевал рюкзак.

Но спускаться в каньон он решил не здесь, а чуть выше по ручью — метров пятьсот надо будет пройти до спуска. Чтобы осуществить этот план, ему пришлось изрядно потрудиться, ведь теперь дороги не было — стланик встал плотной стеной, а под ногами вместо дороги были сплошные камни, невидимые сквозь заросли и покрытые скользким мхом. Одно радовало — упасть в стланике было невозможно, так как его ветви, толстые и гибкие, пружинили и отбрасывали падающего в начальное положение.

Сергей двигался среди ветвей и камней так же тихо и осторожно, как и по дороге. И это заняло уйму времени — почти два часа движения сквозь зелёные объятия с постоянным риском переломать ноги в камнях.

Вот впереди появился холмик, вершинка которого была свободна от зарослей, и Сергей направился прямо к ней, надеясь просмотреть оттуда дальнейший свой путь и немного отдохнуть.

Между тем солнце всё ближе склонялось к верхней кромке тайги. Ветер начал свой вечерний вояж — вверх по каньону. Его дуновения зашевелили стланик, который запел свою вечернюю песню, где музыкой был шорох и шелест хвои, а текстом — поскрипывание ветвей.

Шаг за шагом приближали холмик, и Сергей всё явственнее видел, что прямо за его вершинкой вырастала серая, вертикально стоящая огромность скалы. Ещё усилие — и открылся вид на водопад. Вот это красота! Здесь каньон имел пологие стены, по которым можно было безопасно спуститься к водопаду. Почти безопасно…

Несколько движений, и он будет на месте!

Но Сергей не торопился. Вид водопада очаровал его. Он понял, что ошибся в своих оценках относительно высоты этого чуда. Ручей падал отвесно не водотоком, по жёлобу, а с отрывом от стены — настолько велика была его мощь, и уже потом, пролетев серебристой дугой по воздуху метров сорок, взрывался огромным фонтаном, ударяясь о красно-чёрные плиты подножья скалы. Всё подножье скалы было покрыто сверкающими потоками умирающей струи, которые пузырились

и вздувались, накатываясь друг на друга. Берега ручья ниже водопада были сплошь покрыты грязно-серой бородой пены, которая мелко-мелко тряслась от грохота и шипения потока. Сама щель, в которую падал поток, была наполнена водяной пылью и на всю свою ширину пронизана многоцветной радугой! Ну разве не сказка?

Очарованный увиденным, Сергей сделал несколько снимков водопада, впервые жалея, что ему не с кем поделиться полученными впечатлениями.

«Однако! Что это я? Уж не к людям ли потянуло? Старею...» — недовольно подумал он.

Собрав фотоаппарат в чехол, он наклонился к рюкзаку, чтобы положить аппарат внутрь, да так и застыл в этой позе.

До него долетел запах...

Вернее, это был ещё не сам запах, а некие обрывки его, отдельные фрагменты, если будет угодно. Но тот, кто хоть раз встречался с ним, этим запахом, в жизни, тот никогда его не забудет. Даже несколько молекул от него, проникая глубоко в мозг, оставляли там о себе память навечно. Миллионы запахов мира не могут сравниться с ним, эти королём королей.

И Сергей сразу же узнал его.

Это был запах мертвечины.

VII.

Первое что пришло Сергею в голову, была мысль о погибшем звере. Мало ли смертей в тайге — почитай, каждый день кто-то кого-то догоняет и съедает, затащив в укромные места. Таких мест он встречал великое множество: соболь ел куропаток — перья кругом, волк жрал кабаргу — обрывки шкуры, обглоданные кости и копыта, медведь питался кем-то — почти та же самая картина... Но такие места не смердели — чисто на них всё подъедалось. Другое дело, если кто-то крупный погиб не так давно, уже начал разлагаться, а зверушки всякие ещё не начали делать своё дело — то ли лежит пропастина на скалах, то ли в воде притоплена.

Сергей выпрямился и начал принюхиваться, пытаясь определить направление на запах. Сначала у него ничего не получалось — ветер перестал метаться и теперь дул в одном направлении — вверх по каньону.

Но вот он затих, и обоняние Сергея чётко уловило запах смерти. Теперь он медленно втягивал воздух, одновременно поворачивая голову, как локатор, — искал направление, откуда шёл дух.

И ему это удалось.

Запах поднимался из каньона, вернее, из той его части, которая расширялась и представляла собой большую поляну почти овальной формы. Как раз туда и собирался спуститься Сергей, считая, что эта поляна — идеальное место для мытья золота. Если и есть шурфы — там им самое место.

И он начал двигаться в этом направлении, не теряя из виду русло ручья — появление незнакомца не исключалось, несмотря на наступающий вечер.

Пройдя последнюю стланиковую стенку и спустившись по крутому, градусов под сорок, склону, Сергей вышел на галечный берег ручья. До водопада оставалось пройти длинный изгиб косы и повернуть за скалу — за ней гудело это чудо.

И сразу же в глаза Сергею бросились кучи камней, там и сям разбросанные по берегу.

Вот значит как! До песочка здесь добирались, получается. А инструмент? Найду инструмент — людей посчитаю... Двигаясь по косе, Сергей внимательно осматривал берег ручья и склоны каньона в поисках примет, которые указали бы на спрятанные орудия промывки.

Чуть в стороне от косы, там, где галечник уступал место чахлым побегам тальника, просматривалась небольшая, чистенькая полянка, поросшая невысокой травой. Уже проходя мимо этого места, Сергей обратил внимание на какой-то предмет, чернеющий на краю этой полянки — почти под обрывистым склоном каньона.

Повернув в сторону полянки, он продрался сквозь гибкое многорядье тальника и увидел, что чернеющим предметом, привлёкшим его внимание, была невысокая каменистая куча — обваловка то ли шурфа, то ли какой-то неряшливой копки. Оглянувшись по сторонам, Сергей сделал несколько шагов по направлению к этой куче и остановился, задохнувшись.

По его лицу ударил плотный, сладкий и липкий запах мёртвой плоти!

Он был настолько сильным, что Сергей, забыв про всё, ринулся обратно на косу.

Да там не зверь — человек лежит! Зверь по-другому пахнет... — от этого страшного открытия ему стало зябко, даже волосы на руках поднялись дыбом.

Что же делать?! Что теперь делать-то?! Смотреть надо, а не могу! Но смотреть-то надо... Страшное дело-то какое! Сергей лихорадочно сдёрнул рюкзак, открыл его и достал старенькую футболку. Подумав, разорвал её пополам и, свернув вдвое, сделал нечто, похожее на повязку для лица. Ему почему-то вспомнились кадры военной кинохроники, где люди в таких же повязках собирают куски тел в кучи...

И в тот момент, когда он намачивал эту повязку водой в ручье, то ли от холода воды, то ли от того, что пришло решение на действия, он успокоился. Все его страхи и растерянность ушли — как не было их. Сердце сбавило свой бег, пот высох. Он уже не частил дыханием, а почти не дышал — привыкал к тому, что предстояло...

Покопавшись немного в рюкзаке, он достал полиэтиленовые пакеты, которые предназначались для рыбалки — под рыбу, моток изоленты и пару

хлопчатобумажных перчаток. Надев хлопчатобумажные перчатки, а следом полиэтиленовые пакеты, обмотал запястья изолентой, чтобы эта защита не слетела, закрыл лицо промоченной повязкой…

И на полянку вышел уже совсем другой человек: готовый ко всему, жёсткий, холодный и бесконечно циничный.

Приблизившись к обваловке, он увидел, что в яме, а вернее, в бывшем шурфе нелепо торчат в разные стороны полуприсыпанные резиновые, раздутые шарами, сапоги.

— Всё, доигрались, суки…— ожесточённо пробубнил он в повязку.

Мертвец лежал на спине и был почти полностью засыпан землёй — только сапоги и виднелись.

— Это кто у нас тут такой умный?! Специально, гад, не захоронил — запахом медведя привлекать решил. Тот придёт и всё подчистую растащит, а что останется, то мышки разные доберут! И концы в воду. Хитрый, скот! Но почему в воду-то не сбросил? — Сергей начинал всерьёз воспринимать ушедшего отсюда незнакомца. А что этот незнакомец и есть убийца, у Сергея не было ни малейшего сомнения.

Осматривать труп у Сергея не было ни малейшего желания, и он уже хотел было закидать яму камнями — двинулся к ближайшей их куче, но передумал и остановился. Что-то его забеспокоило, какая-то деталь, пока ещё неосознанная, но уже проявившая себя в его подсознании.

Не понял… Что-то в могиле этой не так… Что там торчит, белое такое, сбоку? «…высокий, немного сутулый, приятной наружности, седой мужчина…» Волосы!!! Господи, седые волосы!!! — Сергей рванулся к месту прикопки мертвеца и, встав на одно колено над телом, начал ладонью смахивать землю с того места, где, по его прикидке, должна была находиться голова трупа. Именно оттуда торчало нечто, отдалённо напоминающее седые волосы, замазанные бурой, похожей на засохшую кровь, грязью.

Сначала он смахивал землю осторожно, бессознательно опасаясь причинить вред мертвецу, но по мере того как его нюх переставал справляться со зловонием, захват земли ладонью всё увеличивался и увеличивался, и вскоре Сергей уже работал этой ладонью, как лопатой, не обращая внимания на то, что давно порвался пакет и слетела изолента.

Углубление на том месте, где должно было быть лицо, росло, и наступил момент, которого Сергей подсознательно боялся — под тонким слоем земли стало угадываться что-то круглое и большое, как футбольный мяч…

Ещё несколько, теперь уже осторожных, движений ладонью и…

На Сергея смотрело лицо Рудольфа Владимировича Зароднего.

Страшное в своей раздутости, но узнаваемое, ещё узнаваемое лицо бывшего главного геолога прииска, отца Ирки, соседа по улице…

Геолога убили выстрелом в лоб, насколько Сергей разбирался в травмах и ранениях.

Сергей поднялся с колена, отряхивая землю с колена, и ещё раз посмотрел на труп.

— Извини, Рудольф Владимирович, но хоронить я тебя пока не буду. Мне сейчас тут надо ещё посмотреть, а потом в посёлок смотаться — дела там появились…— выдавил он из себя, чувствуя, как внутри начала звенеть какая-то струна.

С этими словами он пошёл дальше по ручью за скалу, твёрдо уверенный, что именно там находится место добычи золота.

Как он и ожидал, здесь промышлял золото один человек, судя по инструментам, которые были аккуратно сложены за большим камнем на косе: один лом, старательское кайло, совковая и штыковая лопаты, завёрнутый в кусок полиэтилена металлический, складной лоток для промывки песков, геологический молот, зубило и пара дырявых рукавиц-верхонок.

Об этом же говорили многочисленные следы его пребывания на косе: непосредственно следы ног — одни сапоги, размер примерно сорок третий и щербинка на правой подошве приметная, остатки пищи — выброшенные в ручей пустые консервные банки, вскрытые одним и тем же приёмом — в один проворот ножа, закинутые в кусты обглоданные рыбьи скелеты — все в одном месте, а место узкое, только одному и махнуть рукой, скуренные до фильтра сигареты — в два зуба прикус, кучки высохшего кала в одном и том же месте и на виду — не искал укромного места, значит, никого не стеснялся…

— И гадить, сучонок, ходил в одно и то же место. Аккуратный, значит.— Сергей был удовлетворён результатами осмотра и уже начал планировать дальнейшие свои действия.

Осмотрев ещё раз место промысла золота, Сергей поспешил к рюкзаку, который оставил около скорбной полянки.

— Как не крути, а идти в посёлок надо сейчас, в ночь. Благо, дорогу я знаю. Рюкзак и всё барахло оставлю здесь. Патроны, нож, зажигалка… Поесть бы, но не могу — запах убивает. И как здесь этот-то работал? Здесь же на жаре вообще каюк! Хотя от места промысла до трупа приличное расстояние, может, и не тянуло… Ладно, кусок сала, шоколад и сухари — по дороге поем. Кусок тряпки намочить в воде и положить в полиэтиленовый пакет — так попью, если что. Сигареты не беру — риск велик…— Сергей проговаривал свои действия, чтобы ничего не упустить.— Патроны поменять: первым поставить картечь, вторым — картечь, третьим и четвёртым — Дуплекс. Ага, в ствол тоже картечь загнать, и на предохранитель.

Итого пять убоев. Ещё пять патронов остаётся, их тоже с собой.

В голове у Сергея появился вопрос, не имеющий, казалось бы, никакого отношения к происходящему: интересно, сколько этот гад тут намыл? Да что это я?! А впрочем… Интересно, всё-таки. Откуда пришёл — не волнует, на чём пришёл — уже теплее, а вот как уходить собрался — вопрос вопросов. Не придут ли за ним?

Рассуждая и ставя вопросы, Сергей заканчивал приготовления к началу движения в посёлок. Рюкзак он поднял по склону вверх и среди густых зарослей стланика спрятал — самому бы найти; уходя со склона, замёл следы своего подъёма и спуска лохматой ветвью того же стланика — ни углубления не оставил, а ветвь разломал на небольшие куски и перекидал на залом, расположенный у противоположного берега ручья.

Свои следы на гальке тщательно заровнял ступнёй и ладонями, пятясь задом к тому месту, откуда появился на косе.

Закончив все эти манипуляции, постоял, критически осматривая место пребывания, хмыкнул и, повернувшись, быстро пошёл по руслу вниз, к посёлку.

VIII.

Чтобы обезопасить себя от случайностей, Сергей решил войти в посёлок, а вернее, проникнуть в него не со стороны дороги, а, миновав старое кладбище, со стороны реки — места там были глухими даже в его бытность.

Разрушенные улицы посёлка встретили Сергея гробовой тишиной. Ни огонька, ни дымка.

«А собственно, что я хотел здесь увидеть? Не об этом надо сейчас. Где он расположился? Где его искать?? — Сергей напряжённо всматривался в темноту, пытаясь поймать хотя бы намёк на присутствие живой души. — Однако ни черта у меня не получится, надо ждать рассвета. Шляться по развалинам в темноте нехорошо. На битый хлам наступлю — мама дорогая, как шумну! Хотя, постой! Что там шофёр-то говорил? А! Что-то типа: «…контора геологоразведки… крыша… Синяя краска на крыше…» И вот ещё: «…издали было видно… Там можешь жить… Там кельдымов всяких — тьма…». Скорее всего, этот там устроился, в конторе. Значит, и мне туда. А пока посидим, может, и дреманём…»

Сергей застегнул анорак под самое горло, глубоко надвинул флисовую шапочку, скрестил руки, засунув кисти в подмышки и, прислонившись к лиственнице спиной, замер в ожидании рассвета. Замер, как умер…

…Рассвет начинал день с замены красок на небе: исчезли блёстки звёзд, купол чернильной темноты таял, уходя в распадки и ущелья окружающих гор, уступая место бледной синеве, на фоне которой чётко обозначились острые маковки вершин; рельефным стали изображения склонов и гребней хребта — появилась прозрачность пространства.

Строгие, почти альпийские профили вершин покрылись свежевыпавшим, первым в этом году снегом — как поседели. Но холод ещё не успел спуститься в долину и окружающий мир встречал это утро как обычно — пением птиц, шелестом травы, выпавшей росой.

Сергей открыл глаза, вытянул затёкшие ноги, интенсивно шевеля ступнями — разогревался. Одновременно с этим он напрягал все мышцы на несколько секунд и расслаблялся, напрягал и расслаблялся… Теплота пробежала по всему телу — он почти согрелся.

Достав из кармана сало, посмотрел на него критически и вернул обратно в карман. Есть совершенно не хотелось, но сделать это было необходимо, и во рту начал таять солидный кусок шоколада. После такого завтрака захотелось пить, но о поисках воды нечего было и думать, и в ход пошёл пакет с намоченной тряпицей. Сергей с величайшим удовольствием высосал из неё прохладную влагу, а влажной тряпкой, как салфеткой, обтёр лицо, шею и руки, окончательно просыпаясь.

Пора выдвигаться, однако. Оружие у него, судя по отверстию во лбу геолога, пулей стреляет. Отверстие одно. Может, карабин, а может, и обычный ствол. Тут не понятно, какое отверстие — раздуло лицо и затянуло всё… А может, его кайлом двинули или молотком — от них тоже дыра будет… Сергей не знал, к какому приёму ему готовиться.

Махать железом начнут или стрелять?..

Продвигаясь от развалины к развалине, Сергей старался держаться тёмной стороны улицы, ближе к разрушенным стенам, не выходя на середину улицы, когда на его пути вставал кривой и сгнивший забор палисада у очередной развалины. В этом случае он огибал дома с тыла, подолгу замирая в гуще разросшейся крапивы и чертополоха — прислушивался. В конце концов такое движение — в тылу развалин, по остаткам дворов — он счёл наиболее безопасным и стал красться к цели именно так.

Целью его движения был барак, который виднелся в середине улицы.

Это строение было единственным не разрушенным сооружением на улице и выглядело вызывающе роскошно в этой своей нетронутости посреди окруживших его чёрных, дырявых пустыми глазницами оконных проёмов, развалин.

Фасад этого здания выходил на улицу семью окнами, одно из которых, ближнее к высокому крыльцу, было затянуто полиэтиленовой плёнкой.

«Обитает за плёнкой кто-то…» — Сергей прекратил движение, затаился за стеной ближайшей развалины и стал внимательно рассматривать барак через щель в стене.

Внешне, если не считать затянутого мутной плёнкой окна, барак выглядел совершенно нежилым. Пустой входной проём чернел глубиной невидимого пространства, на высокой площадке крыльца валялась, сорванная с петель дверь. Растительность вплотную подобралась к зданию, окружила крыльцо, залезла внутрь — из пустых оконных проёмов тут и там вытягивались на улицу поросли ивняка. Крытая железом крыша, когда-то покрашенная синей краской, теперь взъерошилась её лохмотьями, выставляя напоказ ржавь своих листов. На коньке барака, как залихватски нахлобученная шапка, висела, сваренная из труб, надпись «СЛАВА КПСС!». Слово «СЛАВА» наклонилось набок, а «КПСС!» и вовсе завалилось на конёк крыши и теперь еле угадывалось в ворохе синих лохмотьев двумя последними буквами и восклицательным знаком: «..СС!»

— Вот тебе и сы-сы… — прошипел Сергей. Его взгляд выхватил примятость травы напротив крыльца барака. Рядом стояла ржавая бочка и лежала кучка кирпичей, покрытых сажей.

Кострище. Жрать тут готовит, а в бочке, скорее всего, вода. А вот и тропинка видна — пожухла трава там, не примята — вытоптана уже. На речку ходит, а куда же ещё… Расшифровывать увиденное Сергею не составляло труда.

Между тем солнце поднималось всё выше и давал о себе знать зной от его лучей. Как назло, стих ветер.

Сергей чувствовал, как пот щекочет ему спину, стекая вялыми струйками между лопаток, щиплет ссадину на скуле и вот-вот начнёт попадать в глаза, скопившись на бровях. Он, не имея возможности пошевелиться — даже опасался это делать, жмурился, стараясь сбросить набегающие солёные капельки с бровей, и это ему, слава богу, удавалось.

Продолжались эти мучения, как показалось Сергею, бесконечно долго.

«А может быть, не здесь ночует этот? Может, в палатке под склоном обосновался, а я, глупый, мимо него в темноте прошёл?» — эта мысль была невыносимой. Сергей даже зажмурился от ужаса!

И тут он услышал кашель!

В то же мгновенье в тёмном дверном проёме барака появился человек.

Сергей впился взглядом в незнакомца, изучая: невысокий, немного сутулый, достаточно крепкого телосложения мужик. Одет в синюю грязную майку, небрежно заправленную в брюки камуфляжной расцветки. На ногах кирзовые сапоги (ага, те самые!). Судя по космам, подстригался давно, но держит волосы в аккурате — мытые и причёсаны, а намечающийся хвостик перехвачен какой-то светлой ленточкой. А вот бреется регулярно — щетина дней на пять потянет, не больше. Руки сильные, бицепсы так и перекатываются.

Немного постояв на крыльце, незнакомец неожиданно быстро сбежал к бочке, скинул майку и начал плескать на себя пригоршнями воду, ухая от удовольствия и шумно сморкаясь в руку.

Окончив водные процедуры, он вытерся майкой и повесил её на куст сушиться. Затем, порывшись в кармане брюк, достал пачку сигарет и закурил, выпустив дым тонкой струйкой вверх. Повертев головой по сторонам, выбирая место, он уселся прямо на ступеньки крыльца и так, сгорбившись, замер, поминутно шмыгая носом и сплёвывая прямо себе под ноги.

О чём он сейчас думал?

На улице стояла оглушительная тишина, не было слышно ни шелеста ветра, ни шума речного переката. Даже птицы перестали щёлкать и шебуршать в ветвях окружающих барак тополей. Сергей затаил дыхание, боясь моргнуть.

Неожиданно незнакомец резко поднял голову и прислушался, смотря прямо в его, Сергея, сторону.

Сергей мгновенно вспотел. Он почти физически чувствовал на себе внимательный взгляд незнакомца, и ему показалось, что всё кончено — его увидели…

Рука крепко сжала ружьё, Сергей затаил дыхание, ожидая развязки…

Так продолжалось несколько мгновений, которые Сергей будет помнить, даже умирая…

Но вот незнакомец крутнул головой, опустил голову и затянулся табачным дымом.

«Плохо, чёрт возьми! Почему настороже? Что встрепенулся-то так? Неужели, с-сука, видел меня в бинокль?!» — Сергей был раздосадован и озабочен. Если этот тип насторожён, значит, дело принимает совсем другой оборот и сюрприза не получится — будет, скорее всего, прямое столкновение.

Но пока все козыри были в руках Сергея, и надо было ждать.

Между тем незнакомец, выбросив окурок в сторону бочки, поднялся и ушёл в барак.

За полиэтиленовым окном что-то металлически звякнуло, послышался глухой стук — будто дверь закрыли, затем снова проскрипел кашель. Незнакомец появился на крыльце уже одетый. За спиной у него был небольшой вещевой мешок, а на плече висело двуствольное охотничье ружьё.

Спустившись с крыльца, он подошёл к бочке и, зачерпнув воду ладонью, омыл лицо. Похлопав себя по карманам, проверяя наличие каких-то необходимых ему вещей, сплюнул, постоял, что-то вспоминая, и зашагал по улице в сторону каньона.

Сергей провожал уходящего взглядом до тех пор, пока его фигура не исчезла за поворотом дороги.

Выждав в своём укрытии ещё несколько минут для верности, Сергей вышел из-за стены, быстро,

чуть согнувшись при этом, перебежал улицу и вошёл в барак.

Сумрачный и длинный коридор встретил его полумраком и прохладой.

Как он и ожидал, незнакомец обосновался в первом «кельдыме» от входа. Дверь в помещение была плотно закрыта и подпёрта разлохмаченным чурбаком для колки дров.

Отодвинув чурбак, Сергей пошёл в комнату.

Его взгляду открылось узкое и длинное помещение с закопчёнными стенами и грязным, очень грязным полом. Дневной свет, проникающий через полиэтиленовую плёнку на окне, был неярок и с трудом освещал скудное убранство этой комнаты. Узкая кровать с рваной, полуприкрытой засаленным, рваным матрацем панцирной сеткой. На проржавевшей спинке кровати висела куртка, а у ножек валялись обрезанные резиновые сапоги — чуни.

Ближе к окну, почти в изголовье кровати, стоял табурет, на котором виднелась банка, наполненная окурками, огарок свечи и коробок спичек.

В углу комнаты возвышалась грязная куча старых журналов «Юность», альманахов «Искатель» и пожелтевших газет, вся в ржавых потёках дождевой воды, регулярно проникающей в комнату через дыру в потолке. Макулатурой часто пользовались, это было видно по многочисленным светлым прогалам в серо-коричневой шкуре кучи.

— Для растопки брал. Не читать же… — Сергей продолжал внимательно осматривать комнату, ловя малейшие звуки за дверью. — Где он держит припасы? Почему в комнате ничего нет?

Осмотр комнаты был закончен, и Сергей направился к двери. Выйдя в коридор, он обратил внимание на то, что почти весь пол в нём, кроме площадки у порога комнаты, снят — одни половые лаги лежат на земле, а в комнате целёхонький, только грязный… В глаза бросилась разница в высоте порога комнаты и половых лаг коридора — почти метр!

Ба, да там пространство наметилось! Глянуть бы надо! Сергей вернулся в комнату и принялся изучать половицы.

И его наблюдательность была вознаграждена: в самом углу комнаты, частично заваленная кучей макулатуры, находилась какая-то крышка с гвоздём вместо ручки.

Отшвырнув ногой газеты, Сергей потянул за гвоздь. На его удивление, крышка поддалась легко, открывая большую нишу, сплошь заставленную ящиками, мешочками и коробками.

«Галеты! И шоколад! Консервы, крупа, сахар… Да сколько же здесь всего! Так, банка с сайрой… Не просрочена! Ещё банки, ещё… Крупа в коробке… Не просрочена! Все продукты свежак! А вот и аптечка! Ничего себе, состав! Аптека, а не аптечка! А это что? Ёп, лодка резиновая! Патроны? Двенадцатый калибр. Семь пачек. Спальный мешок! Ничего не понимаю… Утащить на себе всё это невозможно!» — Сергей возбуждённо перебирал эти, такие бесценные в этой глухомани, припасы.

Порыв ветра, под которым заскрипел сухими гнилушками палисад около барака, насторожил Сергея. Он составил все коробки на место и полез из ямы.

И в это мгновение его взгляд остановился на двух небольших коробках, скромно стоявших в углу ниши, которые он сразу не заметил, отодвинув на них коробку с галетами.

Сергей толкнул ногой ближнюю к нему коробку.

С таким же успехом он мог толкать ногой бетонный блок: коробка даже не пошевелилась!

Догадка сверкнула молнией: золото… Золото!

Вторая коробка — второй пинок. То же!

Наклонившись, Сергей открыл крышку…

IX.

В его жизни был эпизод, когда он, совсем ещё мальчишка, намыл целый спичечный коробок «тараканов» — небольших золотых плоских чешуек, похожих на этих насекомых. Восторгу, с каким он показывал своё сокровище соседскому пацану, не было конца. Они договорились, что утром, пока все ещё будут спать, пойдут на то место, где были добыты эти «тараканы» — на старые дражные отвалы за посёлком — и намоют ещё столько же.

Но пацан проговорился дома своей сестре, а та сдала эти планы, а заодно и золотодобытчиков своей маме.

Расправа была скорой. Пацану накостыляли по заднему месту за резвость, а Сергея как главаря и владельца богатства отец попросил принести золото в дом. И когда злосчастный коробок перекочевал из потной ладошки мальчишки на стол, отец молча взял золото и пошёл из дома во двор, кивком позвав Сергея за собой. Мальчишка понуро затрусил следом, гадая, какая участь его ждёт.

Но то что случилось дальше, было неожиданным и непонятным. Подойдя к туалету, отец открыл дверь и, подав коробок Сергею, сказал только одно: «Бросай в говно».

Сергей безропотно выполнил приказ, удивлённо глядя на отца. И видя его реакцию, отец снова скупо промолвил: «Золото и говно — одно и то же. А ещё и смерть. Запомни, сына!»

С тех пор Сергей видел золото только в кино да на картинках.

Протекала жизнь: отшумела юность, ей на смену пришла зрелость, из-за спины которой уже выглядывала старость, но этот урок он помнил стойко, как зазубренный. Денег ему хватало, всё у него было — работал честно, дружил с законом, жил без оглядки. И глядя, как рвутся к деньгам и богатствам всяческие рождённые на планете, он был спокоен и ироничен.

До той поры, пока вся эта приденежная братия не стала, как он говорил, «топырить пальцы». Окончательно из колеи его выбила приватизация, или, сказать вернее, её итоги.

Не сказать, что им овладело уныние, но стены его крепости стали давать трещины. Рушились идеалы, крошились, казавшиеся вчера вечными, стальные постаменты.

Время быстро учит даже плохому, а если ещё рядом толковые и всесильные учителя — тогда беда. Одни воруют из карманов, другие воруют большими зарплатами, третьи, самые опасные, не воруют, но даром раздают, самый ходовой на сегодня товар. Название этого товара «Равнодушие».

Шло время, сужался круг его общения. Уходили учителя, умирали друзья… Тоненькая прослойка интеллигентности и воспитанности превращалась в ниточку, истончаясь. И процесс этот было уже не остановить: напильники алчности и стяжательства, рашпили хамства и фарисейства, заточенные безжалостным инструментом государственной политики, делали своё дело.

Сергей креп в этом горниле, становясь почти своим в определённых кругах. Но не деньги сделали его вхожим в общество честно зарабатывающих или бандитствующих.

Его уважали за умение улаживать конфликты и абсолютное отсутствие жалости к ворам. Он был своего рода третейским судьёй…

— Господи! Да тут не меньше двух пудов! — от увиденного у Сергея перехватило дыхание.

Обе коробки были доверху забиты золотым песком, из которого, как щетина, торчали самородки всевозможной конфигурации. Мелькнула мысль, что песок какой-то странный — крупицами, но дальше мыслей не было — Сергея захлестнула волна необычайного подъёма, какого-то сверкающего восторга.

Он запустил пятерню в это великолепие, пытаясь почерпнуть песок, но пальцы, упираясь в золотую сказочность, не продвинулись и на сантиметр.

Ещё одна попытка окончилась тем, что Сергей сильно, до крови, укололся об острый край самородка и немного пришёл в себя. Вид крови на золоте вызвал у него неприятные ассоциации и вернул на грешную землю.

«Забрать и сдать. И как донести до трассы? А этого… А его, как его-то?..» — это были главные вопросы, холодок которых всё расставил по своим местам.

Сергей закрыл нишу, подвинул ногой на крышку старые газеты, вышел из комнаты, подперев дверь так же, как и было до проникновения.

Ещё раз осмотрев место своего пребывания, Сергей повернулся и поспешил на крыльцо.

И уже выходя на улицу, он лицом к лицу столкнулся с незнакомцем!

Оба не ожидали такого поворота и оцепенели…

Сергей до сего дня помнит, какие были глаза у незнакомца — разноцветные. Серый и зелёный. Это было так странно видеть…

Он сделал шаг назад, но запнулся о половую лагу и упал навзничь, сильно ударившись копчиком. Пытаясь вскочить, он неловко повернулся, почти откатываясь от места падения. И в ту же секунду грохнули два выстрела! Пули ударили в землю, подняв тучу пыли, которая облаком накрыла Сергея, запорошив глаза.

Сергей вскочил на ноги и побежал в конец коридора, лихорадочно пытаясь найти на ружьё предохранитель. Сзади слышался дикий мат и рычание.

— Убью, с-сука! На ленты, мать… порву! Падла-а-а!!! Убью-у-у! — орал незнакомец, суетливо перезаряжая ружьё.

В это время Сергей заскочил в дальнюю комнату, одновременно нащупав предохранитель своего ружья.

В конце коридора грохнул ещё один выстрел. Пуля ударила в деревянный косяк с такой силой, что старое дерево, слабое от времени, разлетелось в труху.

«Картечь первая! Сильно ударю… Узкий коридор! Пора!!!» — Сергей приготовился к стрельбе, прислушиваясь к движению в коридоре.

Топот!

Незнакомец, шумно дыша, бежал по коридору в его сторону.

Раздумывать было некогда — всё решали секунды.

Сергей бросился к проёму, упав в движении на одно колено и одновременно разворачиваясь вправо. По инерции его вынесло в коридор уже в боевом положении. А дальше…

Дальше было всё как в тумане и происходило очень медленно: тусклый свет дальнего проёма на латуни мушки, совмещение мушки и какого-то движения, толчок приклада в плечо…

И наступившая тишина…

А потом раздался крик!

Сергей никогда не думал, что человек может так кричать!

Всё окружающее стало очень чётким, даже резким, будто по всем предметам, по каждому их изгибу или детали прошлись острой бритвой, как оттачивая…

Крик не прекращался, а только усилился, иногда переходя в визг. И вдруг резко, безо всякого перехода, оборвался…

Передёрнув затвор — досылая патрон, Сергей осторожно двинулся в сторону места, откуда кричал незнакомец. Того не было видно, так как завалился он за половую лагу. Первое, что увидел Сергей, подойдя почти вплотную, было ружьё. Заряд картечи пришёлся на его приклад, расщепив

дерево в мочалку. Мочалка была красной от крови, и в ней застряли какие-то серые лохмотья…

Незнакомец лежал на спине, откинув правую руку, а левая… Левой руки, как таковой, не было. Вернее, рука была, но какая-то неправильная — как будто переломанная телескопическая удочка красного цвета пристроилась к туловищу.

Напряжение отпускало. Сергей, не зная, что теперь ему делать, тяжело опустился рядом с незнакомцем.

Вид красной удочки притягивал взгляд как магнит.

А ведь убил бы меня… Как пить дать, убил бы! — осмысление происходящего началось. А видишь, что картечь животворящая-то делает! Разом всё решила… Скот ты, гадина! Гадина, гадина…

Сергею захотелось плакать, затряслись губы…

«Отходняки» это, надо дышать глубоко! — Сергей поднялся и глубоко вздохнул.

И в этот момент его вырвало. Вырвало прямо на тело незнакомца. Желудок Сергея был пустой, и поэтому процедура очищения проходила крайне мучительно. Он корчился от рези в животе, кашлял и плевался желчью ещё минуты три.

Наконец, вытерев слёзы, взялся за незнакомца.

Надо попробовать перевязать этого дядю, пока он окончательно не истёк кровью — вон лужа какая набежала под задницу. И руку перетянуть надо. О! Аптечка же есть! — Сергей кинулся в комнату, к тайнику, где он видел аптечку.

Схватив сумку с медикаментами, Сергей вышел в коридор и увидел, что раненый очнулся и пытается дотянуться до его оружия, так неосторожно оставленное на лаге. Ему это почти удалось, но Сергей как-то не спеша, с видимым удовольствием подошёл к раненому и, тщательно прицелившись, ударил его ногой в висок. Голова мотнулась, раненый захрипел, вытянулся и затих.

Положив сумку на пол, Сергей потрогал пульсацию артерии на шее.

— Хоть бы сдох, скотина! А, есть пульс. Ладно, поговорить ведь ещё надо… — он стал перевязывать раненого.

Следующее, что сделал Сергей, была эвакуация раненого в комнату на кровать. Уложив его, Сергей распустил бинты, сложил их в несколько слоёв, сбегал к бочке — намочить, и связал ноги лежащего, как паутиной опутал. Правую руку он привязал в спинке кровати, а о левой руке не было нужды заботиться…

Потом, он зачем-то вышел на крыльцо, прислушиваясь и напряжённо всматриваясь в сторону каньона.

Но страхи отошли, и на Сергея навалился голод.

Обед был роскошным — последний раз так вкусно он ел в аэропорту Якутска, в кафе на втором этаже. Тут тебе и горбуша консервированная, и ветчина прессованная, и хлебцы горчичные…

Поедая вкусности, Сергей изредка бросал взгляды в сторону лежащего. И вдруг чуть не подавился, поймав яростный, страшный в своей ненависти взгляд очнувшегося врага. А что это был враг, он перестал сомневаться после попытки того завладеть его стволом.

— Что уставился, образина? Жрать будешь? Если будешь — покормлю, мне не тягость. Не стесняйся — еды у меня много. Гм! Да не смотри ты так страшно — пуганый я. Ты лучше скажи, зачем геолога-то убил, а? — говоря это, Сергей продолжал аппетитно истреблять ветчину.

Враг молчал. Тогда Сергей, вытирая на ходу рот обрывком старой газеты, подошёл к кровати и, присев в ногах лежащего, уставился на него, чувствуя, как начинает звенеть в ушах.

— Ладно, скот. Жрать ты не хочешь. Тогда мы поставим вопрос по-другому. А жить ты хочешь?.. — осклабился Сергей и достал нож.

Лежащий вздрогнул и внимательно посмотрел на Сергея. Бледность от потери крови на его лице сменилась синевой испуга. Глаза расширились, правая рука дёрнулась в попытке прикрыться

— Я сейчас тебе дам таблетки, а то «кони двинешь» ненароком. Как же я потом всё узнаю? Правильно я говорю? — Сергей открыл сумку и начал рыться в ней, выбирая необходимые лекарства.

— Это тебе антибиотик — рана у тебя ещё та. Это тебе анальгин — скоро больно будет. Это тебе корвалол, три таблетки сразу — седатив, просто надо. Жгут я тебе через час ослаблю. — Сергей выбирал таблетки и складывал их на матрац. Когда набралась приличная кучка и исчерпались его познания в медицине, он сходил за водой и всыпал всё выбранное в рот врага, дав запить.

Немного погодя, когда лекарства стали действовать, Сергей ещё раз, теперь уже более внимательно, осмотрел тайник. Как он и думал, среди прочего лежали документы на имя Зароднего и несколько маркшейдерских карт. Некоторые из них были очень старые — тридцать восьмого и сорок первого года съёмки. Они-то и привлекли внимание Сергея. Значки около условных изображений шурфов были просто потрясающими!

— Да здесь не клад — пещера Аладдина отдыхает! — восторженно шептал он, лихорадочно перебирая пожухлые листы кальки. — Богатство ужасающее! Да, милый мой, именно так! Но сдыхать за него… Эх, геолог, геолог…

X.

Ночь прошла спокойно. По крайней мере, для Сергея, так как раненый всю ночь стонал, сучил связанными ногами, что-то бормотал в полусне…

Утром Сергей сделал ему перевязку, присыпав раны растёртыми таблетками антибиотика, хмуро наблюдая, как вокруг этих дыр и кусков растёт, расползаясь, краснота.

Проглотив очередную порцию таблеток, раненый неожиданно заговорил.

— Слушай, мужик! Давай с тобой договоримся, а? Золото ты видел — бери себе половину. Погрузим всё на лодку, отвези меня к трассе, я там уйду, а тебя не сдам. С этим металлом ты на всю жизнь король! Я тебе и адреса на материке всех барыг серьёзных солью — обналичат за милую душу! — он рассказывал это быстро, почти не задумываясь. — Адреса у меня все здесь, вон куртка висит — там они, в подкладке. Что молчишь?! Весь металл бери — только отвези к трассе. Кончусь я тут…

Он ещё долго говорил, то наседая, то вдаваясь в рассуждения, то начиная канючить и давить на жалость, а потом уснул, уставший.

Днём, когда раненый проснулся, Сергей начал задавать ему вопросы. Он узнал, что пришельца зовут Эдик и ему сорок три года, что он пришёл на прииск с колымской трассы и что случайно наткнулся здесь на геолога, которого обманул. А потом убил на месте рабочей промывки золота, увидев, какие содержания этого металла были в песках ручья Лающей собаки. И как от поисковиков сам прятался, где труп сначала прятал…

Но главное было не это!

Убитый показал, где стояла на прииске обогатительная фабрика (а по сути — крошечный цех), которая доводила до кондиции золото, добытое на шахтах прииска. И работала эта фабрика почти двадцать лет без перерыва. А потом, в период развала, сгорела. Оборудование вывезли или бросили, а вот трубы и грязь всякую от передела руды, не тронули. А золота там!!!

— Вот оно что! Песок-то рудного золота! Поэтому он такой… крупицами остренькими! Не россыпь, а руда! Ах, я дурак старый! И как не догадался сразу?! — Сергей огорчённо вздохнул.

Рассказывать раненый закончил поздним вечером, пережив за этот период две засыпки лекарств. Помолчав, он попросил Сергея развязать ему ноги, мол, куда он с такой раной. Сергей, подумав несколько мгновений, выполнил его просьбу, с интересом наблюдая, что тот будет дальше делать.

Раненый, морщась и постанывая, начал сгибать и разгибать ноги, пытаясь таким образом восстановить в них кровообращение, но вскоре устал и затих, закрыв глаза. Сергей снова связал его ноги, но уже не так затягивая бинты — давал крови свободно циркулировать.

Между тем наступал вечер и пора было готовиться ко сну. Сергей зажёг свечку, расстелил на полу спальный мешок геолога, и подошёл к раненому.

— Давай, я тебе руку отвяжу, полежи так немного. Поесть тебе дам. Консервы вон любые есть. А на ночь снова привяжу — видел я тебя… — снисходительно проговорил он.

Раненый молча кивнул.

Сергей освободил его руку и, повернувшись к двери, собрался выйти за водой…

Удар по голове был такой силы, что из носа вылетела кровяная сопля, а в голове что-то вспыхнуло и разлетелось на куски. Сергея швырнуло вперёд, и он, ударившись лицом о стену, сполз на пол.

Но сознание его не покинуло, а подвели ноги — совсем не слушались, когда он пытался встать — разъезжались в разные стороны, как на льду.

Поднимаясь, он чётко фиксировал, что раненый сел на кровать и пытается чем-то в него бросить.

Вот он замахнулся, в руке блеснуло что-то большое… Сергей, отпрыгнув в угол, упал, отбив бок о прислонённое ружьё.

— Сто-ой! Убью! — ствол уже смотрел в сторону кидавшего.

Рука раненого начала движение вперёд, когда Сергей выстрелил…

От выстрела упала зажжённая свеча и погасла.

В комнате наступила темнота.

Сначала ничего не было слышно, но потом до Сергея стало доноситься какое-то бульканье и постукивание.

Остерегаясь продолжения нападения, он еле зажёг свечку — так тряслись руки, и увидел, что выстрел разнёс раненому грудную клетку — как яму вырыл, и теперь тот булькает кровяными пузырями из этой страшной ямы и сучит связанными ногами — отходит.

А кинул он полукилограммовую банку с тушёнкой. В голову целил…

Сергей вышел из комнаты на крыльцо, где и просидел всю ночь, размышляя о создавшейся ситуации и о своих дальнейших действиях во всём этом.

На рассвете его голова уже перестала что-либо воспринимать, но план действий был готов, и Сергей начал действовать, молясь всем святым за то, что вокруг нет ни души и что у него есть время, чтобы привести всё сотворённое пришлым и им, Сергеем, в «образ тайный», то есть спрятать, убрать, зачистить…

Первым делом надо было что-то делать с трупом пришельца. В памяти Сергея всплыли потешные и бесполезные, как он их тогда называл, советы и примеры тувинца о том, как сокрыть следы смертоубийства в горах или тайге.

— Собаками искать будут — под землёй найдут. После огня тоже найдут — не всё горит. Убери под воду. Нет, не понял ты! Под ручей убери! В дно спрячь… — тувинец говорил это ровно и спокойно, будто речь шла о покупке молока. — Не дай бог, как говорите вы, но всякое может быть. Как убрать? Э-э-э, Серый! Воду убери, яму вырой, одежду сними, живот проткни — раздует иначе, закопай камнями, воду обратно пусти. Всё водой вымоет. Что тебе сложно?

Самым сложным оказалось отвести воду из русла в сторону. Четыре часа Сергей трудился без

отдыха, таская камни для запруды и роя канаву для отвода воды. Место сокрытия он выбрал на самом краю русла ручья Лающей собаки, почти в его устье, благо, что конус выноса у ручья был очень широким — почти пятьдесят метров.

Сняв с трупа одежду, он решил сжечь её в костре здесь же, прямо на берегу, предварительно срезав все металлические пуговицы и заклёпки. Пряжку ремня постигла та же участь. Собрав всё срезанное, он прошёлся по берегу, выбрасывая эти штучки в воду по одной.

Протыкать кишечник у убитого он не решился. Один вид ямы в груди вызывал у него тошноту, и снова начинали трястись руки…

И вот, уже почти под вечер, дело было сделано. Ручей смыл размазанную Сергеем при копке, грязь, в свой общий поток, превратив место жутких работ в часть русла.

— Как и было. Ну, Суурдан-ол, ну и молодца! Что бы я без тебя сейчас… — на душу Сергея пришло успокоение. — Одной проблемой меньше…

Всю ночь Сергей перетаскивал содержимое тайного места через улицу в соседние развалины. В них он нашёл погреб, достаточно сухой и вполне приличный. Соорудив внутри погреба что-то типа полок — опасаясь подтопления, он разместил на них все припасы, закрыв всё сверху куском полиэтилена. Резиновую лодку, документы геолога и ящики с золотом он оставил в бараке.

Придя обратно в барак, он рухнул на кровать и проспал непробудным сном почти десять часов, а днём, наскоро перекусив, отправился к водопаду. В карманах его куртки лежали приготовленные перчатки, марлевая повязка на лицо и раствор нашатыря из аптечки.

Сергей шёл хоронить геолога…

…Вернулся он обратно уже утром, неся на плечах свой рюкзак, весь мокрый от росы, уставший до синевы. Есть совершенно не хотелось, но Сергей заставил себя вскипятить воду и выпить кружку обжигающе горячего кофе.

Ночью прошёл дождь, всё вокруг стало сырым, скользким. С реки и ручья поднимался туман, наползая на траурно-чёрные развалины посёлка серым одеялом, усиливая и без того печальную картину.

Сергей пил кофе на крыльце стоя, не найдя сухого места, куда можно было бы присесть.

И тут он вспомнил о куртке, которую можно было подстелить под его усталую задницу. Мысль о куртке замерла…

«…Адреса у меня все здесь, вон куртка висит — там они, в подкладке…» — слова мертвеца прозвучали так ясно, будто он сам стоял рядом с Сергеем.

Через мгновение его руки перебирали подкладку куртки, ища то, что было самым важным для убитого — адреса покупателей золота.

Есть! В руках Сергея оказался маленький, завёрнутый в презервативы, блокнотик.

Открыв его, он увидел десятки фамилий, адресов и номеров телефонов.

— Ладно, разберёмся на досуге. А сейчас пора уходить. До ночи управлюсь. — Сергей захлопнул блокнотик, взял рюкзак и пошёл в барак.

Он уже принял решение, что пойдёт по реке вниз на резиновой лодке. До трассы ему идти три дня. И это если не работать вёслами. Но работать вёслами ему сейчас было не с руки — надо было не спеша обдумать все дальнейшие свои действия, а главное, слова.

Впервые в жизни Сергей боялся встречи с людьми на выходе из тайги. Но и золото он выносил из тайги впервые…

Он прекрасно понимал, что к своему новому статусу ему нужно будет привыкнуть, сжиться с ним, дышать им…

Перед Сергеем вставали задачи, которые он не решал ни разу; открывались горизонты, за которые он раньше даже не помышлял заглянуть…

Упаковывая золото, он увидел, что капелька его крови, случайно оставленная им на самородке, уколовшем его, почернела, засохнув.

В посёлке умерло не два человека. Убито два, а умер один.

Страшный счёт для такого красивейшего места — трое мёртвых…

Эпилог

— Я нашла! Я нашла такой коттедж! Мечта! Элитный район, почти «Рублёвка» московская! Сорок километров от Красноярска всего-навсего! Охраняемый посёлок! Купим, а? — голос жены звенел в трубке.

— А тебе не много ли будет, душа моя? Квартира в центре, две квартиры в Питере, дача в Минусинске… И в машинах ты, гляжу, запуталась, не знаешь уже на какой ехать, иной раз просто смешно смотреть… — Сергей отвечал резко, почти рубил фразы. Сейчас он вёл автомобиль через центр города, находясь в плотном потоке движения, и был само внимание.

На том конце провода наступило молчание.

— Всё, сейчас начнётся… — Сергей вздохнул и начал перестраиваться в соседний ряд. — Господи, а тут опять дождь!

— Что ты там вздыхаешь? Ты приезжай сюда сам и посмотри! Там тебе такой кабинет есть! Второй этаж, стеклянная стена! Сказка, а не кабинет! Ты же хотел такой, скажи! И баня, и гараж, и беседки. Детям там будет хорошо отдыхать… — голос жены задрожал.

— Ну не надо опять плакать! Я понимаю, что денег море морское, но меня-то пожалей! Мне же там работать дворником и сантехником, так как чужих дядек я на порог не пускаю. Слушай, а может,

махнём в кругосветное, а? Плюнем на всё это, что вокруг, и махнём?— Сергей улыбался.

— Что ты! Это долго, а у тебя дела. Ты же обещал снова появиться на родине, и тебя там ждут. Так ведь?— жена, судя по интонациям, успокоилась.— Кстати, а когда ты собрался в посёлок-то?

— Когда собрался, когда собрался… Не знаю! Но надеюсь, что опять в конце августа— под заморозки, давно снега не видел. Думаю, что так будет…— Сергей отвечал рассеянно, отвлёкшись на происходящее снаружи его автомобиля.— Ладно, делай что хочешь. Кабинет— это интересно. Сейчас я подъеду. Целую.

Дождь усилился— почти перешёл в ливень. Дворники не справлялись с прозрачными струями, которые причудливо скользили по ветровому стеклу. Сигнальные огни идущих впереди машин дробно, оранжево вихлялись в этих струях, отражаясь в чёрной поверхности капота его автомобиля, тянули на себя его взгляд, усиливая темноту наступающей ночи.

В памяти всплыл, теперь уже невыносимо далёкий, моргающий огонёк горящего барака, его дробное, оранжевое отражение в чёрных водах реки, которые тянули на себя его взгляд, усиливая черноту ночи и сужая окружающее пространство до размеров точки…

Сергей вздохнул, переключил передачу и начал перестраиваться в потоке авто, направляя своё движение в сторону моста через Енисей. Скоро чёрная капля его автомобиля влилась в разноцветный поток и исчезла из виду.

ДиН ревю

Анна Гедымин

Нечаянная проза

Ridero, 2017.

Вторая муза

Я очень люблю свою прозу. Не в том смысле, что считаю гениальной и умиляюсь собственной неподражаемостью, нет! Люблю— как незаконное дитя, как нечто запретное, тайное, но, вопреки всему, свершившееся.

Тут, видимо, надо объясниться. Природа создала меня человеком, который думает стихами. Именно они звучат в голове по ночам, с ними я просыпаюсь, слоняюсь по улицам, с их помощью осмысливаю счастливые и трагические моменты жизни. Но стихи— это явный Божий дар. Они появляются ниоткуда, сваливаются на тебя внезапно и неотвратимо. Как дождь, как любовь. Они не требуют специальных усилий. То есть нет, они довольно многого требуют: чтобы их всегда ждали, были готовы к встрече, чтобы голова не оказалась занята суетливыми мыслями, а уши— назойливым шумом… Но это всё равно не труд и не какое-то специальное усилие. Это ожидание подарка. А сами стихи— и есть подарок, вымечтанный, вымоленный.

Проза— совсем другое. Во-первых, без неё вполне можно жить. Во-вторых, она вовсе не сваливается на тебя с неба. Проза— это уже труд. Но труд— упоительный и любимый.

Я долго не решалась к ней подступиться. Боялась. Как я найду единственно подходящее слово? Интонацию? Ритм? Каково мне будет без рифмы?

Помогла моя основная профессия— журналистика. Именно ей я обязана преодолением страха перед прозаическим текстом, пониманием, что и в нём есть свой звук, своя внутренняя гармония и напряжение.

Сначала из забавных воспоминаний о детстве как-то сама собой сложилась повесть «Я, Чижик, торжественно обещаю…». Это произошло, когда мне было уже почти 30. И потом сразу появился первый рассказ— «Свет погас». Причём писала я его во многом как стихи. Бесконечно повторяла текст про себя с самого начала— благодаря такому странному «методу» я помню все свои рассказы наизусть. <…>

К счастью, стихи не ревнуют меня к эпизодически появляющимся рассказам, не перестают сочиняться, иной раз даже одновременно с очередным прозаическим опусом. То есть смены жанров не произошло: стихи— это по-прежнему главное, дар Божий, а рассказы— это моменты счастливого и какого-то полузаконного труда. Когда есть время и возможность сесть за стол и записать то, что насочинялось во время прогулки по парку, а то и просто по пути в магазин. <…>

Я и сама иногда люблю перечитывать свои рассказы— в них много смешного, хотя нередко это смех сквозь слёзы.

АННА ГЕДЫМИН

Ольга Ефимова

Спаси нас, улыбка…

Евгений Степанов. Среда обитания. Книга иронических стихов и литературных пародий.—М.: Издательство Евгения Степанова, 2017.

Не перестаю удивляться: за что литераторы так не любят пародистов? Несладко приходится работникам этого жанра: потешаясь над исходником, придирчивый поэт осознаёт, что существует лишь «в связке» с оригиналом. По-моему, нужно радоваться: раз над текстом потешаются, значит, он а) прочитан и б) внимательно, что в наше время большая редкость. Вечное же существование «идущего вторым» в потенциале способно сделать из поэта-пародиста закоренелого пессимиста. К счастью, этого не происходит с автором сборника «Среда обитания».

Коллеги по перу обязаны испытывать гордость: не каждый день даёт обратную связь Евгений Степанов, издатель и главный редактор журнала «Дети Ра», член редколлегии и постоянный автор журнала «День и ночь». Его мозг ежедневно воспринимает тонны словесной руды, и уж коли чужое неуклюжее словотворчество вынудило сочинить ответную колкость—стало быть, человек сморозил явную нелепицу. Замалчивать некоторые «ляпы» известных (и не очень) стихотворцев—значит соучаствовать в преступлении против родной речи.

Впрочем, поэт не агрессивен. Эгоцентризм пишущей братии он высмеивает понимающе, доброжелательно:

С радостью и наслаждением
должен признать,
что я один из самых выдающихся
писателей нашего времени.
А вы не знаете, так и не спорьте.
Вы ведь всё равно меня не читали.

Однако насмешка насмешке рознь. Степанов незлобиво подтрунивает над раздутым самолюбием коллег-поэтов, но непримирим к безвкусной глупости отдельных индивидуумов. Когда на бумагу выплёскивается откровенная пошлость (язык не поворачивается назвать это стихами) «иных чиновников», добрая подначка сменяется горькой издёвкой:

Пусть птички певчие белькантят,
Коровы жирные мычат.
Пусть музыканты музыкантят.
Но пусть бездарности молчат.

Замечу также, что литературная пародия—это не «лёгкий» жанр, хотя он и создан для того, чтобы вызывать у читателя улыбку. Чтобы сочинить хотя бы одно хорошее «вторичное» четверостишие, необходим недюжинный багаж литературоведческих знаний, а в придачу—умение разбираться в людях. Невозможно обойтись без подготовительной работы. Как актёр вживается в роль, так пародисту требуется полное погружение в творчество избранного им «объекта». Чтобы обыграть кургузую строку высмеиваемого персонажа, требуется безошибочно увидеть: где говорит сам человек, а где—созданный им лирический герой. Также соблюсти правила хорошего тона: определить степень восприимчивости пародируемого автора (для этого желательно быть с ним хотя бы шапочно знакомым). Удачная пародия—это не выставление в неприглядном виде лингвистического казуса, но неожиданная, яркая подача того, что зашифровано в исходнике. Или гиперболизация изначального текста до таких размеров, что его нельзя воспринимать серьёзно:

Двуногие приятели
Смотались от меня.
Они, похоже, спятили—
Не пьют уже три дня.

Евгений Степанов, виртуозно владея литературными приёмами, создаёт тот особый смысл, крепко связывающий пародию с оригиналом, передаваемый только пародией—и никакими другими средствами. Текст пародии вступает как бы в диалог с пародируемым текстом: как приятно поговорить с интересным человеком!

Что касается представленных иронических стихов, то ирония—вещь ещё более сложная. От поэта требуется удержаться на грани тонкого контраста видимого и скрытого смысла высказывания, как, скажем, в стихотворении «Монолог одного моего знакомого»:

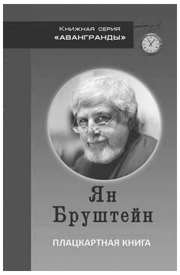
Хорошая, пригожая,
Ты всем другим пример.
Жаль, что не вышел рожей я,
Зато миллионер.

Посмеяться над собой способен только зрелый, самодостаточный человек, к себе относящийся строго, а к окружающим — снисходительно. Ирония Евгения Степанова существует не в статусе философской категории, это образ жизни:

Сколько истеричных стихоплётов!
Я и сам такой же стихоплёт.
Сколько энергичных идиотов!
Я и сам такой же идиот.

Современную общественно-политическую, нравственную и культурную обстановку иначе как «средой обитания» не назовёшь. Всё как в дикой природе: зазеваешься — сожрут. Ирония актуализирует отношения между мышлением и действительностью, стало быть — помогает выжить. «Спаси нас улыбка и смех» — говорит Евгений Степанов и доказывает своим творчеством бессмертные шекспировские слова: «Обличье глупца — вот мудрость мудреца».

Д*и*Н ревю



Ян Бруштейн

Плацкартная книга

М.: Издательство Евгения Степанова, 2017.

Пространство неспешного сада

Новая книга стихов Яна Бруштейна — продолжение истории его жизни, отражённой в прежних стихах. Стихи живут памятью, непреходящим чувством течения времени, ощущением нерасторжимой связи времён. Автор, словно его случайный попутчик в плацкартном вагоне, делится наболевшим, пережитым и доверителен в своих стихотворных рассказах о себе, о дорогих его сердцу людях, об окружающем его мире. Казалось бы, чего проще — веди рассказ неторопливо, загоняя его в размер и рифмуя, благо, тебе эта способность — владеть рифмой и метром — дарована природой. Ну и кому же такой пересказ будет интересен! Вполне разумно задаться вопросом: не проще ли рассказывать свою жизнь обыкновенной прозой?

Если бы Ян Бруштейн не был поэтом, он бы так и поступил. Только не задерживалось бы дыхание читателя, не сжималось бы от сочувственной, задевающей читательское сердце печали. А дыхание, действительно, перехватывает… <…>

В этом и суть поэтики Яна Бруштейна: будучи мастером сюжетного стиха, он развивает стихотворение в неожиданном направлении, обостряя линию этого движения быстрыми переходами от одной поэтической мысли к другой. Его стих не идёт по накатанной дорожке повествования, сюжет — это повод для философского размышления, для эмоционального поэтического отклика, для сочувствия своим героям, идущего от своего, глубоко личного, переживания.

Даниил Чкония

Валуны

До первого света, до мёртвой луны,
До самого снежного часа,
Искал и ворочал свои валуны —
Попробуй-ка тут не отчайся!
Учил нас когда-то палван[1] Мухаммад,
Солдатиков первого года:
«Ворочая камни, не требуй наград,
Старайся во славу народа!»
Веками лежат в придорожной пыли,
Под небом, взирающим строго,
И кто оторвёт их от этой земли? —
Вросли и уснули до срока.
Ворочаю ныне шершавый мой стих,
С ладоней сдирается кожа…
Слова мои, камни, нет веса у них,
Но как же немыслима ноша!

Холодная весна

Пахнет весной. Но учти:
Что-то сломалось в пространстве!
Снова шевелятся в ранцах
Маршальских жезлов стручки.
Снова железу невмочь,
Мучится жаждой вампирьей.
Нынче взъерошили перья
Птицы, несущие ночь.
Милая, крепче прижмись!
Как бы тебя ни укрыл я,
Что наши слабые крылья —
Слово, и вера, и мысль…
Утро как будто во сне.
Мир отражается в луже.
Снова молюсь неуклюже
Этой холодной весне.

1. Палван *(тюрк.)* — силач, богатырь.

Александр Евсюков

Хороший, плохой, злой?

Игорь Панин. Чужие. Статьи, колонки, рецензии, заметки.— М.: Издательство «Скименъ», 2017.—410 с.—Тираж 1000 экз.

В зонах отчуждения

Скажу сразу: в новой книге Игоря Панина нет отсылок ни к Серджо Леоне, ни к его знаменитым фильмам. Да и об инопланетных существах, в своё время явленных нам благодаря таланту Ридли Скотта, там упоминается вскользь, в качестве метафорического подтверждения основной темы и главной боли автора: России и положения русских в ней.

Как поэт Панин известен большинству людей, интересующихся современной русской поэзией, его стихи вызывают резонанс и у читателей, и у коллег по писательскому цеху, но, несмотря на масштаб дарования, значимыми премиями его книги до сих пор не отмечены. Парадокс? Только на первый и очень беглый взгляд.

Дело в том, что, в отличие от многих «успешных» сочинителей, Игорь Панин не теплохладен. Он горяч ко всему, что считает добром и, напротив, холоден к тому, что видится ему злом. И эти качества (особенно в идейно атомизированную постсоветскую эпоху) почти неизбежно должны были привести его в публицистику, чтобы, «двоясь по контуру», успеть максимально много в нескольких ипостасях. Однако чёткая позиция, подчас выраженная подчёркнуто резко, способствует не только известности, но и наживанию врагов: тех, кто не согласен, обижен или попросту завидует. Ответная реакция в таких случаях выражается не только в приступах публичной ярости, но и в том, чтобы замолчать неудобное мнение, а заодно и задвинуть подальше его выразителя.

Однако случается, что человек с неудобным мнением отказывается «задвигаться». И публицистический сборник «Чужие», судя по всему, призван не только собрать и «зафиксировать материалы на бумаге», но также продолжить эту жёсткую и бескомпромиссную «хардкорную» линию политических и литературно-эстетических высказываний.

В книге, предваряемой беседой с Максимом Жуковым «Хищник против чужих», несколько разделов. Так, в первом «Люблю отчизну я, но странною любовью» собраны острые статьи, ранее опубликованные преимущественно на «Свободной прессе» и посвящённые общественной жизни. Здесь и проблемы туризма в присоединённом Крыму («Крым наш, но не совсем»), и протест против добычи цветных металлов в Черноземье (открытое письмо президенту «Литература в защиту Хопра»), и «расчехление» двойственной политики Фейсбука («Уважайте себя»), и многое другое.

В разделах со второго по четвёртый автор отзывается преимущественно о различных формах окружающей литературной жизни. И уже по названиям этих разделов («Кунсткамера», «Литпроцесс: чудище обло, озорно, огромно…») очевидно, что восторга у автора нынешний литпроцесс точно не вызывает. «*Если заходит речь о современной русской литературе, то неизбежно всплывают какие-то дрязги, скандалы, разоблачения. Мы как-то отвыкли от того, что литература—это результат работы писателя. Для нас литература—это то, что вокруг неё*». Оглядываешься вокруг и с горечью понимаешь, что во многих случаях именно такая оценка справедлива. «*А хочется крови*,—продолжает автор.—*Почвы. Дикого мяса. Но нам предлагаются лишь полуфабрикаты, залежавшиеся на складе и выброшенные ушлыми приказчиками на прилавки*».

В меру сил он старается расчистить территорию от занявших неоправданно высокое положение «напёрсточников», чтобы освободить её для тех произведений, которые видятся ему настоящей «дикой» литературой и потому заявляет: «*Конструктивная критика возможна только там, где есть объект для неё*». Достаётся и единомышленникам, считающим правильную тему индульгенцией для отсутствия мастерства. «*Патриотическая лирика—сложнейший жанр, в котором нередко терпели фиаско и признанные мастера. А что уж говорить о графоманах, которые, даже испытывая сильное чувство, не в состоянии передать своё настроение читателю*».

Пятый раздел «Чужие», озаглавленный так же, как и вся книга, можно считать ключевым. По крайней мере, в плане политических убеждений автора. А заявляет он себя—о, ужас!—русским националистом. То есть сильно табуированная

с конца 80–90-х годов тема здесь предельно заострена. «*Вменяемый, образованный и уверенный в себе русский националист опасен. Предоставь ему слово — и он может смешать все карты в одной и той же тасующейся колоде околополитических фигур*».

Национализм — не самое привлекательное понятие, хотя бы потому, что немецкий нацизм, ставший величайшим бедствием XX века, взошёл (пусть и при серьёзной поддержке извне) именно на его дрожжах. Так за что же ратует националист Панин — за русский Рейх? За подчинение и завоевание всех инородцев? Нет, читая всё больше осознаёшь, что главная цель автора — привить русским людям утерянное уважение к самим себе как народу и не позволять в свой адрес ни хамства, ни тем более прямого насилия, откуда бы оно ни исходило. То самое качество, которое должен воспитать хороший отец в своих детях.

Кажется, что настоящему националисту положено утверждать превосходство своей нации и отвергать кровных чужаков с порога. Но нет, этот русский националист, оказывается, готов нарушить догматику собственной идеологии и допустить внешнее противоречие ради внутренней справедливости. «*Только чувствуя кровное родство со своей землёй, со своим народом, можно сотворить что-то стоящее. И тогда, будь ты даже инородец, но станешь «из перерусских русским», как Фонвизин*».

Однако к выразителям такого «национализма», который может быть полезен на определённом этапе становления самосознания, на выходе из зон отчуждения, напрашивается серьёзный вопрос. А что — дальше? Когда задачи кратко- и среднесрочные будут выполнены, страна заживет лучше, а русских перестанут вытеснять и ущемлять? Но ответа книга, увы, не даёт. Возможно, её идеологией он и не предусмотрен.

Неопавшие листья

Во второй половине книги представлены избранные записи Панина в Фейсбуке, расположенные хронологически с 2012 по 2016 год. Перенесение записей из той или иной соцсети на бумагу — занятие не редкое, но при этом очень рискованное. То, что было ситуативно уместно в ленте, набирало множество лайков и вызывало шквал комментариев, на бумаге зачастую съёживается и теряет для читателя всякий интерес.

Однако с большей частью наблюдений, публичных размышлений и онлайн-комментариев Игоря Панина такого не происходит по двум причинам. Первая — в текстах ощущается масштабность личности. Что-то подобное бывает, когда мы обращаемся к сводам писем классиков, и нас вдруг начинают волновать давно минувшие события и судьбы неизвестных нам раньше людей. Я даже думаю, что такая публикация — это ответственный тест для писателя: выдерживают ли твои заметки переход из сиюминутности в настоящее продолженное время?

Вторая причина жанровая: в этих заметках ощущается сходство с творчеством Василия Розанова, но с меньшим количеством внутренних противоречий. Автор не гонится за новшествами времени, а чувствует для себя естественной именно такую форму высказывания, которая нередко служит подспорьем, отправной точкой для будущих колонок и статей.

Изредка он включает в текст стихотворные экспромты, способные разрядить драматичную обстановку:

Как рыдания превозмочь?
Все печали вином глуши.
Ахеджакнулся в эту ночь
Макаревич моей души.

Это — эпитафия на смерть домашнего хомяка.

Временами автор пытается переспорить одни массовые заблуждения, солидаризируясь с заблуждениями противоположными: «*первая часть астафьевского романа повествует о резерве Красной армии, героически закидывавшей неприятеля своими трупами*». Тут хочется спросить: а как вообще возможно победить в современной войне, «закидав трупами» отлично вооружённого противника с достаточным количеством боеприпасов? Навскидку приведу конкретный пример: в день высадки союзников в Нормандии в июне 1944 оказавшийся на удачной позиции немецкий ефрейтор Генрих Северло прицельным огнём из станкового пулемёта и двух карабинов за несколько часов уничтожил свыше 2 тысяч (!) солдат противника. Захватить его позицию и прорваться союзникам в тот день так и не удалось.

К счастью, подобных фактических и логических заблуждений в текст вкрадывается немного.

В целом же сборник «Чужие», безусловно, полезно будет прочесть каждому думающему человеку; человеку, который бывает то хорошим, то плохим, то очень злым. Чтобы согласиться с одним, резко возразить на другое, крепко задуматься о третьем и в итоге получить дополнительный мощный толчок для самостоятельных выводов по самым важным и самым неудобным вопросам.

Ирина Шульгина

Жизнь — такая странная штука

Размышления о книге Елены Литинской «Экстрасенсорика любви. Повести и рассказы». Иерусалим: «Млечный путь», 2017.

Книга Елены Литинской «Экстрасенсорика любви» представляет собой сборник рассказов и небольших повестей, на первый взгляд не связанных между собой ни общими героями, ни сюжетными линиями, ни местом действия. Однако постепенно, следуя от одного повествования к другому, читатель обнаруживает, что все новеллы, все, такие разные, повороты судеб объединены единым стержнем, как главы одной книги.

Эта книга — о любви земной, о её непредсказуемости, о немеркнущей надежде на *встречу*, несмотря на все потери и разочарования. Сборник недаром назван по одноимённому рассказу «Экстрасенсорика любви»: для Нины, его героини, неожиданная влюблённость во врача-экстрасенса становится спасательным кругом, вырывает её из омута глубочайшего уныния, заставляет вновь возродиться к жизни. Любовь, как спасение, как освобождение из мрака одиночества и опустошённости, и есть сквозной, главный сюжет всей книги. Персонажи Литинской, будто шестым чувством, наделены особой сверхчувствительностью к любви, они настроены на неё, как камертон — на тончайшие колебания звука. Любовь веет, где хочет, она — истинное «дитя свободы», её не заманить в хитроумно расставленные ловушки («Мой милый доктор»), не поймать в сети, в том числе социальные («Что мне делать с тобой, Джейк?»). Любовь неподвластна ни доводам рассудка («Тревожное лето»), ни постылым обязательствам перед роднёй («Лала»), ни природным катаклизмам («Ураганный блюз»), ни даже смерти («Присутствие духа»). Она подчас оборачивается неожиданно найденным смыслом жизни («Целитель») или выплёскивается стихами, пусть неумелыми («Дашины стихи»). Так отточенная проза Литинской, словно волшебный кристалл, высвечивает нам неожиданные грани вечного, как мир, притяжения-противостояния Мужчины и Женщины.

Эта книга — о любви к жизни. Герои Елены Литинской преодолевают тяготы эмиграции, борются за место под солнцем в чужой стране, не жалея себя и свою прежнюю, оставленную за океаном жизнь («Опыты с дрожжами и не только»). Как стойкие оловянные солдатики, они бесстрашно противостоят превратностям судьбы, хулиганским нападениям, террористическим актам («Жених из Марокко»). Поборов страх и отчаяние, они вновь и вновь упорно карабкаются по лестнице жизни наверх, и кажется, что Некто непознаваемый, но всегда присутствующий, благоволит их смелости, упорству и стойкости. Для измученной женщины, потерявшей в преждевременных родах долгожданного ребёнка, Он оборачивается необычным ясноглазым прохожим на прогулке в парке («В руках Божьих»), для девушки, охваченной сомнениями, чудом избежавшей теракта, — слепящими, бьющими в иллюминатор самолёта лучами солнца («Жених из Марокко»), для тоскующей вдовы, решившей уйти из жизни, чтобы соединиться с умершим мужем, — пёстрой птичкой, весело чирикающей на подоконнике («Присутствие духа»).

Большинство рассказов-глав в этой книге имеют открытый конец. Автор как будто предлагает самому читателю включиться в повествование, на своё усмотрение продолжить сюжетную линию. Что ответит пластический хирург на неожиданное предложение по работе владелице клиники и бывшей жене? Пока что он в раздумьях стоит у окна, а за его плечами — тяжкая полоса неудач, потеря практики и любви, депрессия и психушка («Вниз по ведущей вверх лестнице»). Как поступит Рита со своим бойфрендом, бравым «полковником», на поверку оказавшимся брачным аферистом? Сдаст в полицию, выгонит из дома или посочувствует его жалкой, но трогательной исповеди? Пока что незадачливые любовники мирно отправляются на кухню пить кофе («Что мне делать с тобой, Джейк?»). Изменит ли судьбу Павла, запутавшегося в неустроенности эмигрантской жизни и семейных отношений, странная встреча со стариком-власовцем и схватка с грабителями в промозглую ветреную ночь? Пока что он вытирает кровь носовым платком и открывает ключом входную дверь, размышляя о своих женщинах — возлюбленной и жене («На мосту через Балт-Парквей»).

Этой неопределённостью концовок автор не только даёт простор фантазии читателя, но как будто хочет подчеркнуть: «Жизнь — такая странная

штука, которая всё время видоизменяется. Ничего постоянного в ней нет, кроме начального пункта рождения и конечного — смерти. А между этими двумя определяющими пунктами она плывёт зигзагообразной рекой, натыкаясь на цветущие острова, голые островки, подводные камни и пороги…» («Вниз по ведущей вверх лестнице»).

Эта книга — о любви к русскому языку. Язык Литинской точен, безошибочен, подчас нарочито скуп. Писательница мастерски владеет этим инструментом, не допуская лишнего описательства и украшательства. Это позволяет ей направлять действие каждого рассказа в стремительное русло, держать читателя в напряжении от первой до последней строчки, создавать необыкновенно живые, надолго запоминающиеся образы и яркие картины российской, американской и восточной жизни.

Общеизвестно, что нет «мужской» и «женской» литературы, есть только литература хорошая и плохая. Книга Елены Литинской, писательницы, живущей на стыке американской и русской культур — образец по-настоящему хорошей, полновесной, заставляющей думать литературы.

ДиН ревю

Елена Литинская

Экстрасенсорика любви

Иерусалим: «Млечный Путь», 2017.

Дорогой читатель, предлагаю тебе сборник повестей и рассказов, написанных мной в период с 2005 по 2017 год и опубликованных в российской и американской периодике. Для тех кто не знаком с моей прозой по журнальным изданиям. этот сборник явится её премьерой (надеюсь, занимательной и в какой-то мере поучительной). Название книги «Экстрасенсорика любви» может кого-то привлечь, кого-то смутить, а кого-то и оттолкнуть. Естественно, я надеюсь на первую реакцию, но, как говорится, на вкус и цвет… Название дано по одноимённому рассказу и возникло не случайно. Большинство рассказов и повестей сборника — любовные истории или истории, так или иначе причастные к любовной тематике.

Термин «экстрасенсорика» означает сверхчувствительность. Поэтому вкратце можно сказать, что книга — о сверхчувствительности любви и влюблённых. В основном герои и героини моих рассказов — русскоязычные эмигранты, проживающие в США. Они находятся в постоянном поиске своего места под солнцем новой страны, которую хотят искренне понять и полюбить, и в постоянной погоне за той единственной, взаимной, любовью, которая заворожит, поймёт, оценит и поможет адаптироваться в Новом Свете. Обострённость чувств, некая беспомощность и неприспособленность к новизне реалий порождает экстремальные ситуации, из которых следует достойно выбраться, чтобы выжить и продвигаться дальше вверх по социальной лестнице. Персонажам книги приходится в разной мере сталкиваться с такими драматическими деталями авантюрного романа, именуемого жизнью в незнакомой стране, как ограбление, обман, предательство, измена, автомобильная авария, брачный аферизм, лицемерие, разбой и даже теракт. Парадоксально, что сверхчувствительность любви обладает двояким свойством: с одной стороны, сила чувства завлекает, затягивает, как торнадо, в смертельно опасную воронку, с другой — помогает выбраться на безопасную поверхность.

Как автор предлагаемой книги, заверяю тебя, дорогой читатель, что я не стремлюсь расставлять точки над *i* и наклеивать на моих персонажей положительные или отрицательные ярлыки. Предоставляю тебе самому возможность пофилософствовать и разобраться, что делать и кто виноват. Некоторые рассказы и повести имеют открытую концовку, которая даёт ещё бо́льшую свободу фантазии относительно дальнейшей судьбы героев.

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ
Нью-Йорк, сентябрь 2017 г.

Елена Намаконова

Поиграем в людей!

Удивительный кит

На огромной глубине,
В темноте и тишине,
Там, где солнце
Не блестит,
Ходит Чудо-рыба-Кит.

Он питается, наверно,
Ароматной мыльной пеной,
Любит нежиться под душем,
Полотенцем кожу сушит.

Вы, конечно,
Улыбнётесь.
Вы, конечно,
Засмеётесь,
Скажете:
«Так не бывает!
В ванне кит
Не обитает!»

Да ведь он не настоящий!
Он пластмассовый, блестящий,
Плавает не в океане,
А со мною
В детской ванне!

Я так хочу котёнка!

Есть рыбки у Аркаши,
Есть кролик у Иринки.
А у Петровой Даши
Живут морские свинки.

А я весь год мечтала
Про белого котёнка!
Но мама обещала,
Что «купит» мне сестрёнку.

Нет, я не возражаю,
Сестрёнка—это чудо!
Я про неё мечтаю,
Я ей подружкой буду.

Так даже интересней—
Вот подрастёт сестрёнка,
Просить мы будем вместе:
«Купите!
Нам!!
Котёнка!!!»

Щекотка

Открою вам самый ужасный секрет:
Страшнее *щекотки* оружия нет!
И лазер, и бластер, и дальние пушки
В сравнении с нею—всего лишь игрушки!

Все самые смелые люди на свете
Боятся щекотки не меньше, чем дети.

И если ваш папа пока что храбрится,
Проверьте—он тоже щекотки *боится!*

Про яблоки

Однажды
Мне очень хотелось конфет.
Но папа и мама сказали: «Ну нет!»

И вспомнила мама, что в прошлую среду
Я грыз карамельки вместо обеда!

А папа сказал, что на целой планете
Ещё не рождались подобные дети:
Никто не сумеет за пару мгновений
Съесть две шоколадки
И десять печений!

Ещё мне сказали:
«Довольно конфет!
В конфетах ни капли полезного нет!
А если ты хочешь расти поскорее,
А если ты хочешь расти не болея,
Вот яблоки—лучшая пища детей!
В них много железа!
Ты станешь сильней!»

—Так где там железо?!
Сейчас я проверю!
И, может, тогда маме с папой поверю!

Всё яблоко я на кусочки порезал…
Неправда!
В нём нет совершенно железа!
Ни крошечной крошки!
Ни маленькой гайки!
Эх, мама и папа!
Вы просто… незнайки!

* * *

Старый ремень
Валялся без дела.
Валяться без дела
Ему надоело,
И вспомнил ремень
О далёких годах,
Когда красовался
На модных штанах,
Когда он сиял позолоченной пряжкой,
Когда он встречался с красоткой тельняшкой…
Как жаль, что теперь уж никто не готов
Найти для него подходящих штанов!
На дальнюю полку ремень положили
И, видно, давно про него позабыли.
Но тот, кто вчера бало́вался весь день,
Пусть помнит
Про старый пиратский ремень!

Ночная сказка

Когда засыпают все дети на свете,
Луна за окошком загадочно светит,
Когда засыпают все мамы и папы,
Котята уткнутся в мохнатые лапы,
Тогда
Оживают на полках игрушки:
Машины и куклы, мячи, погремушки.
И шепчут друг другу:
«Скорее, скорей!
Давайте, друзья,
Поиграем в людей!»

Они пылесос потихоньку включают,
Пекут пироги, наши книжки читают.
Но утром, когда просыпаются дети,
То вновь засыпают
Все куклы
На свете…

Евгений Минин

Потайная жизнь поэта

Песня о поперечном

памяти Бориса Корнилова

Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому звону гудка?
Мария Ватутина

Нас утро встречает, как надо,
И вот он—последний парад.
Кудрявая, что ж ты не рада?
Кудрявый, чего ж ты не рад?
Такая строка золотая,
Очищена вся от трухи,
И люди балдеют, читая
Кудрявые эти стихи!

Распинатое

Я столько украла чужих мужей!
Живи я встарь—меня б распяли бабы.
Мария Ватутина

Никто не верит, говорят—прикол,
Не верят в потайную жизнь вторую.
Меня, возможно, ищет Интерпол,
За то, что мужиков чужих ворую.
Чужой мужик—такая благодать,
Я не стесняюсь перед белым светом.
Как встарь меня не будут распинать,
Но распинаться хочется об этом.

Прекрасное далёко

Сочинения победителей конкурса «Супер-перо» (Красноярск, 2017)

Алёна Негриенко,

5 класс, Мариинская гимназия-интернат

Планета любви и понимания

Год 2037… Садимся в звездолёт. Летим на планету Венера. Планету Любви и Понимания. Это самый популярный экскурсионный маршрут. Почему? Да потому, что на Земле стало не хватать Любви и тепла… А венерианцы в этом плане,—щедрые!

Приземляемся. И сразу же к нам подбегает котопёс по кличке Мюмзик. Зоологи сей планеты вывели эту породу не случайно! Домашность кошачьих и преданность собачьих совместили в котопсе. Вышел особенный экземплярчик! Нежный, ласковый, верный и уууууумный! Погладив сие животное, Человек сразу преображается, заряжается позитивной и бесконечно положительной энергией! А воздух на Венере! *Оооо!* Такого не сыщете нигде более! Планета озеленена, даже птицы на этой планете все зелёного цвета! Птиц зовут «шайголиками»! От слова «лик». Оно главное! Шайголики на глазах всех присутствующих учат летать своих птенцов. Мудро, терпеливо! Этим самым подавая пример всем Родителям, как нужно воспитывать своих детей! А птенцов на Венере называют «пинтатониксами». Идём далее… Для удобства и осмотра большего количества объектов, нужно надеть летающие кроссовки! Круто, да? Надеваем! Кстати, они называются «роксботы». Летим?! Только правил не нарушаем, по стрелочкам! Они указаны на прогулочной дорожке! Будьте внимательны, не спешите в мыслях, наслаждайтесь, вдумывайтесь в прогулку! Иначе роксботы набирают сумасшедшую скорость! И неизбежно столкновение с кем-либо из отдыхающих! А их на Венере ой как много! Дорожка вся из красного песка! Здесь вообще всё ярко и красочно! Вдоль всей дорожки растут «шалины»,—это белые лилии со съедобной мятной и ванильной пыльцой! Захотели полакомиться, можно попробовать пыльцу. Сорвите шалин. И тут же на Ваших глазах вырастет новый цветок! Только рвите без корня! Иначе цветок не восстановится. Вообще на Венере такой закон: «Человек с добром приходит, получает много добра в ответ». А нарушите правила, заругаетесь, закричите, Вас больше никогда не пустят на эту планету! Вот мы долетели до древа по имени «липс». Так его назвали в честь Человека, который зародил жизнь на Венере. Листья липса голубые, с жёлтыми вкраплениями. Плоды—жёлтые, похожие на наши нектаринки. Сочные, слегка со смешинкой! Говорят, что плоды этого дерева не только поднимают настроение и улучшают здоровье, но и дарят вечную доброту и Любовь сердцу! А ещё тот, у кого хватит смелости отведать плоды Липса, будет всех понимать с одного взгляда и спешить на помощь и выручку! Попробуем?! Я непременно! А иначе, зачем летела на Венеру? А теперь отправляемся в долину пинтатониксов! Это целый город птенцов! Даже дух захватывает! Их таааaaк многооооо! И совсем скоро они вырастут в мудрых, дальновидных и заботливых! На Венере существует легенда, что все жители этой планеты переселились телами и душами в птиц! Здесь нет людей совсем! Поэтому мы видим, как мама-шайголик обнимает теплом своих деток! Как парняга-шайголик идёт в обнмку со своей возлюбленной… Да что мы! Вот шайголики дружно танцуют Танец Любви! Потрясающее впечатление! Зелёные птицы отражаются в свете планеты каким-то зелёным неоновым с позолотой светом! И возникает ощущение, что их лики волшебныеееее!

Оёёёй! Мои лернобиты (часы будущего) показывают, что нужно лететь к звездолёту! Пора возвращаться домой! Как много добра, Любви я взяла в своё сердце на Венере! А Вы? Тоже?! Непременно по прилёте поделимся с нашими землянами, да?!

Всё, я дома! Впечатлений море морское! Без чашечки кофе не усну! Расправляю кровать, смотрю в окно… Вижу далекоооо маленькую зелёную точку на небе! Это—Венера! Как же там хорошо! Может, не будем ждать, пока изобретут звездолёты, а сделаем нашу планету Земля планетой Любви и понимания?! А? Сможем? К 2037 году?! У нас ещё 20 лет для этого волшебного превращения! Попробуем? Ведь для этого у нас всё есть! А чего нет—изобретём! Набираю команду добряков, оптимистов и активистов! Жду откликов! Ваша Алёнка!

Алина Рустамова

МБОУ СШ №76

Мой день в 2037 году

Я думаю и надеюсь, что через двадцать лет нас ждёт прекрасное и интересное будущее, наполненное высокотехнологичными гаджетами, о которых сейчас можно только размышлять и мечтать, что фантазии с помощью наших учёных будут реалистичны спустя два десятилетия. Я считаю, что будущее за смелыми, трудолюбивыми и целеустремлёнными людьми, людьми науки и труда.

Звенит будильник: на часах шесть утра, пятое сентября две тысячи тридцать седьмого года. За окном сорок восьмого этажа пасмурно, и мне захотелось улучшить своё ещё не проснувшееся настроение, включив 5D пейзаж за окном нажатием кнопки пульта «Умный дом». Так… Сегодня я хочу солнце и шум моря. Раз! Вот и подъём веселее: «Дети, доброе утро! И собираемся». Они в школу, мы с мужем на работу. До школы пять минут ходьбы. Ведь живём мы в жилищном конгломерате. Это городок в мегаполисе. Ведь Красноярск—это мегаполис Сибири. В нашем городке сорок высоток, своя школа, детский садик, много детских игровых и спортивных площадок, много-много зелёных деревьев и чистота кругом. По нашему мини-городку ходят только электромобы, это похожие на машины средства передвижения, только работают на солнечных батареях и управляются голосом пассажира. Это очень экологично, ведь люди наконец-то поняли, что, уничтожая природу, губят своё будущее. И вообще у нас сейчас всё выстроено так, что почти нет отходов от жизнедеятельности человека. Всё пускается в круговорот, как в природе. У нас даже крыша—это не бесполезное захламлённое помещение в доме, а многоуровневая теплица. Все крыши многоэтажек—прозрачные и похожие на стеклянные купола сооружения, и у каждого жителя есть своя «грядка». Мы даже с соседями знакомы и знаем их по именам, потому что часто по выходным дням встречаемся на наших «крышах-грядках», делимся опытом и общаемся. А ведь мои родители, переехав в начале двухтысячных в новостройку только и здоровались с соседями по этажу, а кто выше или ниже живёт, и не видели, и уж тем более не знали их имена.

Быстро позавтракав приготовленным Глашей (так мы зовём нашего робота-работницу по дому) очень вкусным сибирком (полезное и новое блюдо), одевшись и проводив детей в школу, мы с мужем едем на работу. Вообще у нас все работают в центре городка. Там сосредоточены все офисные, научные, торговые и другие производственные помещения. Так интересно смотреть, как утром все люди, как по муравьиным тропам, слетаются в центр нашего города, чтобы начать свой новый трудовой день. Всё, что касается истории нашего города, мы сохраняем в нетронутом виде, в форме музеев. Просто вывели спальные районы из центра в зону зелёных конгломератов. Мы победили безработицу и бедность, все люди у нас здоровы, так как болезни почти все побеждены учёными. Одна больница на весь город!

Возвратившись с работы домой, мы много времени гуляем с детьми по нашему зелёному и такому уютному дому, общаемся с соседями, обо всех домашних делах я давно забыла, всё проверяет наша Глаша. Такая домашняя помощница есть в каждом доме. Это стало доступно всем так же, как телефон в начале двухтысячных годов. Тогда сотовые начинали появляться как дорогая экзотика, а двадцать лет спустя они уже лежали в кармане каждого россиянина.

Вот и наступает вечернее время. Укладывая детей спать, обязательно возьму в руки старую детскую книжку сказок. И пусть в жизни много электроники и «навороченной» техники, о которых в их годы я даже не мечтала, они по-прежнему любят мамин голос, читающий им произведения А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, Г. Х. Андерсена, Шарля Перро. Ведь вечная классика навсегда останется с человечеством, передаваясь из поколения наших прадедов нашим детям, несмотря ни на какую урбанизацию. Верю в это и надеюсь: будущее не подведёт!

Анастасия Кочкина

8 класс, школа №22

Когда «451 градус по Фаренгейту» становится реальностью

Представить мир через двадцать лет—это простая задача, если у тебя хорошее воображение. Вы пишете «Прекрасное далёко», а обязательно ли миру быть прекрасным? Никто не ответит на этот вопрос, ведь мы не можем видеть будущее. Но через двадцать лет может произойти что-то потрясающее, или же вообще ничего не изменится, или нас вообще не будет, такой вариант событий возможен.

Но я попытаюсь пофантазировать и описать свои мысли и идеи насчёт нашего будущего в 2037 году. Через двадцать лет люди должны придумать более полезные изобретения, нежели свитер на двух человек, аппарат для приготовления снежков, спиннер и т. д. Могу предположить, что мы будем летать на машинах, хотя, что уж машины, возможно, наши дома будут витать в облаках или вообще будут небесные города. В 2037 учёные

могут придумать и довести до совершенства идею с телепортами, и мы вообще забудем о транспорте, будем перемещаться с одного края Земли на другой, не нарушая все законы физики. Я думаю, что мы будем учиться по планшетам и ноутбукам, у нас не будет учебников, тетрадей, школьных принадлежностей, если техника продолжит развиваться в этом направлении, то могут придумать онлайн-школы, где можно будет учиться на дому, выбирать себе уроки. Сделают, может быть, трансляцию онлайн-уроков, где преподавателями будут кандидаты наук, учителя из университетов, а различные иностранные языки могут вести преподаватели из Англии, Германии, Франции, тогда мы бы знали их намного лучше. Ну и куда же без гаджетов? Наверное, через двадцать лет они вообще поработят наш мозг, а может быть, и мир.

Насчёт модных гаджетов можно размышлять долго, ведь столько ещё не открыто, неизвестно, столько технологий можно придумать за двадцать лет. Когда я начинаю воображать гаджеты в 2037 году — мне представляется, что у людей в голове будет своя встроенная голографическая система, как телефон. Этот встроенный телефон внутри нашей головы будет соединять голову с каким-то микроустройством — и всё, можешь не занимать больше руки, пользоваться голосовым вводом. Всё идёт к тому, что нам вообще ничего не надо будет делать, ведь мы переходим в мир высоких технологий. Но я даже не представляю, сколько такое устройство будет стоить, но если когда-нибудь это придумают, то нам вообще не понадобятся телефоны. Хотя двадцать лет — это слишком маленький срок для такого грандиозного изобретения. Но вы только представьте, как люди ходят по улице с голографическим экраном перед лицом. Да, такими темпами люди вообще перестанут обращать внимания на других людей вокруг себя, у нас и так проблемы с взаимопониманием и коммуникацией в обществе, а так люди вообще забудут, что на Земле существует ещё кто-то, кроме них.

О Красноярске много хорошего не скажешь, ведь каждый день мы дышим пылью, нас отравляют заводы, и никто не может с этим ничего сделать, будто так и должно быть, поэтому я считаю, что через двадцать лет мы будем ходить по улицам с большими баллонами за спиной, где будет храниться чистый воздух и подаваться через маску. Дома у нас будут стоять фильтры, очищающие воздух с улицы, а может, мы будем платить за чистый воздух — представьте, люди будут стоять в огромных очередях только для того, чтобы купить воздух, или нам будут привозить его, как привозят газ в баллонах для газовых плит или питьевую воду. Чего только не придумывают, лишь бы заработать на людях, может, я и утрирую, но всё же, кто знает, что будет через год с нашим городом, а через пять, десять лет? Может, города Красноярска как такового не будет вообще, а может, он станет «городом передовых технологий». Ведь никакие технологии не спасут людей от ядовитых газов, которые мы создаём сами. Получается, мы сами потихоньку уничтожаем свой город, а помогать ему не хотим. А ведь раньше наш город был весь в зелени, и что теперь осталось от этой зелени?

Где я вижу себя в 2037 году? Честно, я не знаю, но в мыслях всплывает маленький домик где-то на краю света, возле моря или океана, подальше от шумного мира.

Вот так мне представляется мир в 2037 году, возможно, я сильно преувеличиваю, но никто не запретит мне видеть так, как вижу я, каждый из нас представляет что-то своё, своё «прекрасное далёко» в далёком будущем.

Иван Стельмах

4 класс, школа № 42

Вперёд в будущее

Когда я думаю о том, что станет со мной через 20 лет, то я почему-то вижу себя футболистом. Вот я учу детей футболу. Вот я создаю свой футбольный клуб. И название у него есть — «Реадо». Фантазирую дальше. Я живу в большом многоэтажном доме с видеонаблюдением и охраной, у меня своя комната, гостиная, телевизор, аквариум, кухня с духовкой, шкафчики всякие…

А вот город Красноярск будет такой: вокруг здания в сто этажей, мимо «планируют» сверхбыстрые машины неизвестных мне марок, а самое главное — они без бензина.

И, конечно, город будет с чистой экологией: площадки зелёные, без мусора, новые горки для детей. А парки такие, словно ты побывал в дикой природе: деревья, птицы, пруды. А чтобы хулиганы не нарушали правил поведения в парке, везде стоят видеокамеры.

И наверное, через 20 лет люди не смогут представить жизни без гаджетов. Они станут более сложными и заполнят нашу жизнь. Но я бы хотел видеть в своём будущем совсем не это. Мне хочется, чтобы люди играли не только в планшеты и компьютеры, но и продолжали дружить, вместе гулять, ходить в парки, друг к другу в гости. Не забывали, что мы живём совсем рядом, нужно лишь дотянуться.

Вообще, в моём будущем все живут мирно и ценят живое общение, все здоровы и счастливы.

Очень интересно заглянуть вперёд, в свой 2037 год, что там? Но будущего никто не знает, о нём остаётся только фантазировать или выдумывать!

Вот такое оно, моё выдуманное будущее!!!

Арина Постникова

11 класс, школа №150

Мои мысли о будущем

Что нас ждёт в будущем? Над этим вопросом в большей или меньшей степени размышлял каждый человек. Глядя на бешеный темп наших дней, я думаю, что через двадцать лет наш мир будет совершенно другим. Хотелось бы верить, что все силы учёных будут направлены на поиски лекарств от неизлечимых болезней, на увеличение продолжительности жизни, на развитие космических исследований, а не на разработку ядерного оружия, военной техники… Также я надеюсь, что к 2037 году прекратятся любые военные действия и развитые государства начнут сотрудничать, оказывая помощь странам третьего мира. Хотя, к сожалению, это маловероятно, ведь люди продолжают воевать на протяжении тысячелетий, и вряд ли эта тенденция исчезнет через двадцать лет. Ведь мир, в котором нет войн и все люди живут в мире и согласии, утопичен.

По моему мнению, через двадцать лет люди ещё не смогут путешествовать во времени, но перемещаться с одного место в другое в десятки раз быстрее кажется мне реальным. Например, долететь из Красноярска в Москву можно было бы не за пять часов, а за пять минут и использовать для этого не самолёты, а специальные ракеты. В добавление я думаю, что люди смогут путешествовать в космос более свободно и эта возможность появится не только у богатейших людей планеты. Возможно, что к 2037 году нога человека наконец-то ступит на Марс и другие планеты, а также будут открыты новые вселенные и галактики.

Я считаю, что робототехника будет активно развиваться и роботы станут неотъемлемыми помощниками в домашнем хозяйстве, медицине, строительстве. В школах на смену бумажным учебникам придут планшеты, а встретить меловые доски, на которых писали учителя моих родителей, будет практически невозможно. Гаджеты будут использовать все: от пожилых людей до совсем маленьких детей. С одной стороны, это было бы очень полезно и удобно, но с другой стороны, люди ещё более ограничат живое общение между собой и железные создания смогут заменить некоторым реальных друзей. Эта ситуация наглядно показана в фильме «Она» (2013) режиссёра Спайка Джонза, где главный герой влюбляется в операционную систему, которая заменяет ему его любимую девушку, с которой он недавно расстался.

В моём родном городе к 2037 году должно появиться метро, так как это будет необходимо для такого большого мегаполиса. Население, по моему мнению, увеличится минимум в два раза. После Универсиады, которая пройдёт в Красноярске в 2019 году, к нам будут приезжать туристы, поэтому появится больше развлечений, будут проходить различные интересные культурные мероприятия, а улицы города станут намного чище. Будет замечательно, если в нашем городе будет много деревьев, парков, где мы сможем спокойно гулять, отдаляясь от шума и суеты, дыша свежим воздухом.

Что касается меня, то через двадцать лет мне уже будет 37. Не думаю, что я буду покорять космос или править страной. Я очень надеюсь, что к этому времени буду заниматься тем делом, которое будет приносить искреннее удовольствие, в котором я смогу себя реализовать. Может быть, мой род деятельности будет связан с языками или литературой, а может быть, всё кардинально изменится и история или даже биология станет основной областью моих занятий. Самое главное, чтобы это дело вдохновляло. Ещё у меня, наверное, уже будет своя собственная семья, с которой мы будем много путешествовать, познавая мир все вместе.

Весь наш мир — удивителен. Каждый день происходят какие-то события, которые могут изменить жизнь как одного человека, так и целой страны. Поэтому трудно предугадать, что будет завтра, не то, что через двадцать лет. Но хотелось бы верить, что «прекрасное далёко», всё-таки, не будет к нам жестоко.

Диана Зенченко

8 класс, «Школа самоопределения»

Прекрасное — далёко

Сейчас 2017 год. Наверное, каждый задумывался о том, что произойдёт через день, год, пять, десять или даже двадцать лет. Я представила, что будет в 2037 году.

В принципе, что может произойти? Смена власти, кризис, война, дефолт, революция. Думаю, из перечисленного возможна смена власти и кризис, так как никто ничего не захочет менять, а может, просто и не будет стремиться к лучшей жизни.

Прекрасным будущее я не вижу, потому что на данный момент идут войны за границами нашей страны (никому неизвестно, чем всё это кончится), климат очень сильно меняется (об этом давно нам твердят учёные), происходят катаклизмы, в Красноярске большие экологические проблемы. Возможно, в нашем городе после прихода нового мэра жизнь «изменится в лучшую сторону».

А что значит «в лучшую сторону»? Можно ответить: «Посмотрите, сколько людей, у которых не хватает финансов на банальное: еду, вещи,

платежи за коммунальные услуги. Люди не живут, а выживают». Я наблюдаю за жизнью знакомых мне людей: они постоянно в суете — как бы вовремя заплатить за кредит (который берёшь для того, чтобы одеть ребёнка в школу), прокормить семью, раздать всем долги… Я поняла и ясно могу сказать — это и правда выживание.

Мне знакома семья, для которой будущее — это ничто по сравнению с сегодняшним или завтрашним днём. Они живут и радуются каждому маленькому событию, каждой купленной, подаренной вещичке. Они живут бедно, но привыкли к этому быту. Всё из-за очень низкой зарплаты. Этой семье мы помогаем чем можем, но большую заботу могло бы проявить государство.

В моей семье, как правило, не задумываются, что будет через двадцать лет. Скорее всего, в Красноярске появятся летающие машины, потому что асфальт невозможно уже будет ремонтировать. Больше в голову мне ничего не приходит, всё остальное останется прежним: власть будет править, а те, кто внизу социальной лестницы, — выживать.

Дина Салахова

9 класс, школа №84

Моё прекрасное будущее

Давайте мысленно перенесёмся в 2037 год. Интересно, осуществила ли я свои мечты, преодолела ли трудности, добилась ли желаемого результата, хорошо ли сдала экзамены, вышла замуж, устроилась на работу? Наверное, да. Потому что я очень усердный, трудолюбивый человек, лично мне так кажется.

Я часто задумываюсь о том, что ждёт меня после окончания школы. Уже совсем скоро придётся сделать выбор, от которого будет зависеть моя жизнь. Сначала нужно будет выбрать вуз, в который я буду поступать, а потом место работы, которой посвящу всю жизнь.

Мне очень интересно заглянуть в будущее и увидеть, осуществятся ли мои мечты и пожелания через несколько десятков лет. Конечно, сегодня у меня есть приблизительное видение того, кем я хочу стать, как хочу жить. Но получится ли у меня всего этого достичь, покажет только время.

Каждый человек мечтает найти своё призвание. Мне бы хотелось найти профессию, которая бы приносила не только хороший заработок, но и наслаждение. Я пока точно не определилась, кем я хочу стать в будущем: врачом, психологом или даже визажистом. Но я знаю точно, что хочу заниматься любимым делом, ходить на работу с удовольствием. Я не хочу, чтобы в будущем у меня было ощущение, будто занимаюсь не своим делом, поэтому к выбору профессии отнесусь максимально ответственно.

Что касается моей жизни вне работы, то тут мне бы хотелось ориентироваться на своих родителей. Они создали крепкую семью, уже долгие годы их сопровождают любовь, взаимопонимание и уважение. Они научились уступать друг другу и многому научили своих детей. Мне бы хотелось тоже создать крепкую семью, стать хорошим человеком и сделать что-то важное для страны, для нашего будущего.

Мне кажется, что на нашем поколении лежит большая ответственность — развивать страну, вспомнить ценности и идеалы, которые, к сожалению, начали забывать в современном обществе. Главное — начать с себя. Я всегда стремлюсь помогать тем, кто нуждается в помощи, уважать людей, которые меня окружают.

В будущем я вижу свой город, где не будет нищеты и безработицы, которые распространены у нас сейчас. Люди начнут получать достойную заработную плату, и им тогда не придётся покидать свой родной город. У нас начнут развиваться крупные предприятия.

Я очень надеюсь, что все мои мечты и пожелания в будущем исполнятся.

Артемий Савинов

8 класс, МБОУ СШ №24

Второй дом

Сегодня мы познаём для себя что-то новое, постепенно открывая дверь в будущее. Трудно даже представить, что двадцать лет назад люди и не подразумевали, что в скором времени столкнутся с такими вещами, как смартфон, скайп, ютуб, интернет-магазины, сигвеи и так далее. Всё это подводит к мысли о том, что через 20 лет, в 2037 году, нас действительно удивят многие, на тот момент современные вещи. Я же затрону тему космонавтики. Она перейдёт действительно на новый уровень, человек достигнет красной планеты — Марса. Одна голландская космическая компания надеется высадить на поверхность Марса четырёх астронавтов уже в 2023 году! В 2016 году туда был доставлен спутник связи и вспомогательная миссия. В следующем 2018 году на Марс будет доставлен большой вездеход, а в 2021 году и вовсе будет доставлено уже всё необходимое оборудование для проживания астронавтов. Благодаря этому на новый уровень поднимется и телевидение, так как руководство проекта Марс Один собирается запустить масштабное реалити-шоу, подобного которому мир ещё не видел, — а-ля межпланетный «Большой брат» или «Дом-2». Но

не всё так просто, как кажется. Человечеству на данный момент ещё не известны такие технологии, чтобы вернуть кого-либо с планеты, находящейся дальше нашего спутника — Луны. Поэтому люди, собирающиеся посетить Марс, летят туда в один конец. Астронавтам придётся навсегда попрощаться с нашей Землёй и достигнуть новой, ныне для них незнакомой планеты — Марса. Придётся им там, мягко говоря, нелегко. На их плечах будет лежать огромная ответственность: они будут сами выращивать растения, сами оказывать друг другу медицинскую помощь, и за всё они будут отвечать сами, ведь кроме них, на этой планете не будет никого другого. Уже сейчас эксперты отбирают участников для данной миссии по многим критериям. Будущие астронавты должны быть очень спортивные и выносливые, должны иметь хорошее здоровье, без всяких отклонений и так далее. Не менее важный фактор — это общение. Люди всю свою оставшуюся жизнь проведут вместе. Поэтому астронавты будут в очень хороших отношениях друг с другом. Все те, кто собирается полететь на Марс, будут проходить специальное обучение в течение нескольких лет. Именно там они познают, что их ожидает на красной планете. Астронавты займутся изучением планеты, её поверхности, недр и многого другого. Так же их ждёт немало интересных опытов, связанных со сравнением условий на Земле и на Марсе. Но у многих возникает вопрос, как же там жить, если дышать-то нечем? Один из возможных вариантов сделать условия «выживаемости» на Марсе изначально благоприятными — это предварительная постройка роботизированного атомного завода, который произведёт запас кислорода для прибывающих астронавтов. И также, когда все эти операции и миссии будут осуществлены в полной мере, жителям Марса придётся задуматься и о потомстве, но это уже вопрос времени, условий и предоставленных возможностей. Таким образом, человечество уже совсем скоро откроет для себя абсолютно новое — заселение человеком Марса. Будем верить, что мы в паре шагов от действительно потрясающего будущего.

ДиН авторы

стр. 40

Аверков Михаил Сергеевич

Красноярск, 1983 г. р.

Выпускник исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева (специальности «Учитель истории» и «Педагог-психолог»). В 2000 году стал членом «Клуба конструктивной журналистики» Галины Федяевой и активным участником основных проектов этого детско-взросло-молодёжного объединения. Один из организаторов, а позднее директор молодёжной общественной организации «Сибирский дом» (официально зарегистрирована в 2003 году). В разное время работал в институте фундаментальной подготовки Сибирского федерального университета, молодёжном центре «Зеркало» Центрального района, Краевом центре молодёжных инициатив «Форум», Краевом центре развития профессионального образования, Красноярском техникуме промышленного сервиса. В настоящее время, помимо «Сибирского дома», работает в Институте повышения квалификации работников образования и Центре детского творчества Кировского района г. Красноярска. Аспирант кафедры социально-массовых коммуникаций гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета по специальности «Социальная философия». Автор двух книг и многочисленных публикаций в сети Интернет.

стр. 3

Аференко Виктор Александрович

Железногорск, 1935 г. р.

Родился в селе Атаманово Сухобузимского района Красноярского края. В 1956-м окончил физико-математический факультет Красноярского педагогического института. Работал первым секретарём Даурского РК ВЛКСМ, директором сельской и городских школ, преподавал физику. Стихи пишет со школьной скамьи, печататься начал в 50-е годы. Очерки, статьи и стихи публиковались в различных районных и краевых газетах, альманахе «Енисей», коллективных сборниках «Потомки Ермака», «Енисейский меридиан» (1967), «Антология поэзии закрытых городов» (1999), «На Прижиме» (2009), «Антология поэзии закрытых городов Росатома» (2011) и др. Автор многих краеведческих книг и поэтических сборников. Краевед и публицист, поэт, заслуженный учитель Российской Федерации, член Союза журналистов России, заслуженный педагог Красноярского края, почётный гражданин Сухобузимского района. Неоднократный победитель различных педагогических и творческих конкурсов.

стр. 151
Безрукова Елена Евгеньевна
Барнаул, 1976 г. р.

Закончила юридический факультет Алтайского государственного университета в 1998 году и психологический факультет Томского государственного университета в 2005 году. Работает по специальности на государственной службе. Публиковалась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Сибирские огни», «Роман-журнал. XXI век», «День и ночь» и др. Член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат муниципальной Пушкинской премии (Барнаул).

стр. 35
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени. Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 130
Блынская Екатерина Николаевна
Москва, 1979 г. р.

Поэт, прозаик, литературный критик. Закончила ГИТИС, Высший экономико-гуманитарный институт (юридический факультет, гражданское право). Работала в газете «Время и жизнь» города Осинники (Кемеровская область). Студентка ВЛК (Литературный институт имени А. М. Горького, семинар С. С. Арутюнова). Лауреат международного литературно-музыкального конкурса «Фермата». Автор трёх поэтических сборников (2000, 2001, 2012). Член Союза писателей Кузбасса, Союза писателей XXI века.

стр. 156
Вдовин Николай Геннадьевич
Качулька, Красноярского края, 1971 г. р.

Поэт, драматург. Родился в городе Темиртау (Казахстан). Несколько лет жил в Санкт-Петербурге, где учился в кораблестроительном институте. С 1994 года живёт на юге Красноярского края, в селе Качулька Каратузского района. Автор одного поэтического сборника. Публиковался в небольших газетах, журнале Homo legens (Москва), «День и ночь» (Красноярск). Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2012 года.

стр. 149
Винтерман Изяслав
Иерусалим, Израиль, 1961 г. р.

Израильский русский поэт. Родился в Киеве. С 1992 года живёт в Иерусалиме. Член Союза писателей Израиля. Автор публикаций и книг стихов и эссе. Лауреат премии «Скарбница» Союза писателей Украины за книгу стихов «Время ожидаемого» (1989), премии имени Ури-Цви Гринберга за лучшее поэтическое произведение (2004, 2005).

стр. 105
Газизова Лилия
Казань, 1972 г. р.

Русский поэт, переводчик, эссеист, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, член Союза российских писателей, член Международной федерации журналистов. Ответственный секретарь международного журнала «Интерпоэзия» (Нью-Йорк). Родилась в Казани. Окончила Казанский медицинский институт (1990) и Литературный институт имени А. М. Горького (1996). Шесть лет проработала детским врачом. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Юность», «Дети Ра», «День и ночь», «Даугава», «Дружба», «Простор», «Татарстан», «Идель», «Казань» и др. Автор четырёх стихотворных книг. Лауреат нескольких литературных премий.

стр. 67
Герасимова Дарья Сергеевна
Москва, 1973 г. р.

Родилась в Москве, училась в детской художественной школе Краснопресненского района, затем — в мастерской В. В. Киреева. Окончила Московский государственный университет печати, спустя несколько лет защитила диссертацию как искусствовед по теме «авторские детские книги». Иллюстрирует детские книги с 17 лет; оформила сборники турецких, вьетнамских, индонезийских, европейских и китайских сказок, романы Чарльза Уильямса. Лауреат премии «Алые паруса» за сборник стихов «Крокодиловая роща».

стр. 107
Денисенко Иван
Санкт-Петербург

Член Союза журналистов России (с 2002). Союза российских писателей (с 2006). Лауреат ряда профессиональных и творческих конкурсов — региональных, всероссийских и международных. Автор пяти поэтических сборников и повести «Город в кратере», изданной на грант Министерства культуры РФ.

стр. 85
Ермолов Анатолий Петрович
Москва, 1973 г. р.

Родился в посёлке Федотово Вологодской области. Окончил Финансовую академию при Правительстве РФ. Выпускник Высших литературных курсов Литературного института им. А. М. Горького.

стр. 91
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья». Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института — 2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

стр. 179
Ефимова Ольга
Москва

Поэт, прозаик, литературный критик. Родилась в Москве. Окончила экономический факультет Московского городского педагогического университета (специальность «Менеджмент в сфере образования»). С 2014 года посещает поэтический семинар С. С. Арутюнова в Литературном институте имени А. М. Горького. Ранее занималась в литературной студии «Жизальмо» под руководством Т. М. Котеневой-Громан. Участвовала в фестивале литературных студий Москвы в музее В. В. Маяковского (2014). Публиковалась в альманахах «Пегас», «Золотое сечение», журналах «Дети Ра», «Цветные строчки», «Зинзивер», «Зарубежные записки», в газетах «Литературные известия», «Поэтоград». Живёт в Москве. Член Союза писателей XXI века.

стр. 108
Киляков Василий Васильевич
Электросталь, 1960 г. р.

Родился в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе в городе Электросталь, служил в армии. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия» и др. Лауреат литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии «Традиция». Член Союза писателей России.

стр. 85
Колесник (Соломонова) Любовь
Тверь, 1977 г. р.

Родилась в Москве. Печатается с 1991 года. Публиковалась в журналах «Русская провинция», «Арион», «Волга», «Смена», «Наш современник», «Сибирские огни», «Дон», «Дальний Восток», «КВИР», альманахах «Тверь», «Пролог», газетах «Российский писатель», «МК» и др. Автор книг: «Яблоко небес» (Тверь: «Русская провинция», 1998), «27» (Тверь: «Русская провинция», 2007), «Витязь. Содружество Невозможных» (М.: «Центрполиграф», 2016, в соавторстве с Н. Нестеровой), «Радио Мордор», («Буки-веди», 2016). Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Участник литературного форума в Липках. Лауреат премии журнала «Русская провинция» (1998), премии губернатора Тверской области (2007). Финалист конкурса «Ночь Поэзии», 2016. Лонг-листер конкурса «Заблудившийся трамвай», 2016. Шорт-листер конкурса «45-й калибр», 2016. Лонг-листер Четвёртого конкурса короткого рассказа «Сестра таланта», 2016. Лауреат главной премии памяти Владимира Смолдырева (конкурс «Посадская лира», Сергиев Посад). Шорт-листер XIV открытого Международного литературного Волошинского конкурса в номинациях «Поэтическая карта России», «Киностихотворение». Конкурс «Бог сохраняет всё; особенно — слова…» — Специальный приз от ЛИТО им. В. Домрина. Фестиваль исторической поэзии «Словенское поле» (Псков) — номинация «Профи», 2-е место.

стр. 113
Кузнецова Зинаида Никифоровна
Зеленогорск, Красноярский край

Родилась в Воронежской области в большой крестьянской семье. В Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) приехала в 1966 году. Работала электромонтёром связи на Красноярской ГРЭС-2, в течение 37 лет была секретарём высших руководителей города. Литературным творчеством занимается с 25 лет. Автор нескольких поэтических сборников и сборников рассказов, многочисленных публикаций в газетах, журналах «День и ночь», «Енисей», «Светлица», «Совершенно открыто», «Молодая гвардия», «Новый Енисейский литератор»;

в коллективных сборниках «Поэзия на Енисее», «Поэтессы Енисея», «Антология поэзии закрытых городов» и мн. др. Руководитель литературного объединения «Родники» г. Зеленогорска, составитель и редактор коллективных и авторских сборников городских поэтов. Член Союза российских писателей, член правления Красноярской писательской организации.

стр. 107

Курская Дана
Москва, 1986 г. р.

Автор книги стихов «Ничего личного» (издательство «Новое время», 2016). Член Союза писателей Москвы. Организатор Российского ежегодного фестиваля современной поэзии MyFest. Основатель и главный редактор издательства «Стеклограф». Лауреат российских поэтических конкурсов молодёжи. Публикации в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Волга», «Юность», «Дети Ра», «Москва», «Кольцо А», «Бизнес и культура», «Автограф», а также газетах «Литературная газета», «Литературная Россия» и др., на интернет-порталах «45 параллель», «Полутона», «Сетевая словесность», «Этажи», «Интерлит» и др.

стр. 58

Левитес Ирина Даниэлевна
Южно-Сахалинск, 1955 г. р.

Родилась в Киеве. В 1970 году с родителями переехала в Сахалинскую область. Выпускница биолого-химического факультета Уссурийского педагогического института. Около 33 лет преподавала сестринское дело, микробиологию и медицинскую генетику в Сахалинском базовом медицинском колледже. Десять лет совмещала работу преподавателя с работой корректора в издательстве Сахалинского государственного университета. С 2011 года работает в издательстве Института развития образования Сахалинской области. Редактор журнала «Сахалинское образование — XXI век». Автор 13 книг прозы. Публиковалась в литературных журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Дальний Восток» (Хабаровск), литературно-художественном сборнике «Сахалин», сборнике «Современная проза Сахалина». Дипломант книжных выставок «Печатный двор» (Владивосток, 2006–2007). Лауреат премии губернатора Сахалинской области в сфере культуры и искусства (2010); финалист российской литературной премии имени Белкина (2010).

стр. 75

Максимычева Софья
Ярославль, 1964 г. р.

Поэт. С детства увлекалась искусством и литературой. Работала в госучреждениях, бухгалтером, звукооператором на радио и долгое время вела свой бизнес. Стихи писать стала несколько лет назад с нуля. Есть страницы в литературной сети.

стр. 124

Манаева Ирина Александровна
Красноярск, 1986 г. р.

Родилась в городе Острогожске Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический университет по специальности «Учитель русского языка и литературы». С 2011 года живёт в Красноярске. В 2014 году заняла второе место во Втором Международном литературном конкурсе «Лохматый друг» в номинации «Рассказы о животных»; в 2015-м — третье место во Всероссийском литературном конкурсе юмористических рассказов «Святая простота». В том же году стала лауреатом Международного литературного «Гайдаровского конкурса-2015» в номинации «Проза взрослых авторов».

стр. 85

Марк Алина
Санкт-Петербург, 1973 г. р.

Поэт. Закончила Кубанский государственный университет. Участник и дипломант нескольких литературных конкурсов.

стр. 79, 123, 186

Минин Евгений Аронович
Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 22

Молчанов Виталий Митрофанович
Оренбург, 1967 г. р.

Родился в Баку. Выпускник Московской академии нефти и газа. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, член Союза писателей XXI века и Координационного совета Ассоциации писателей Урала. Лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции — 2010», лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелец», победитель IV Международного поэтического конкурса имени С. И. Петрова, дипломант V Международного конкурса памяти Владимира Добина («Русское

литературное эхо», Израиль), победитель литературного конкурса интернет-журнала «Лексикон» (Чикаго) в 2010 году, победитель литературного конкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези—2009» (Украина), обладатель звания «Стильное перо—2009» по результатам литературного конкурса фестиваля «Русский стиль—2009» (ФРГ). Публиковался в еженедельнике «Обзор» («Континент», Чикаго), в журналах «Русское литературное эхо» (Израиль), «Дети Ра», «Зинзивер», «День и ночь», «Живой звук» (Москва), «Окна» (ФРГ), в альманахах «ЛитЭра» (Москва), «Гостиный двор» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), в газетах «Зарубежные задворки» (ФРГ), «Южный Урал», «На Юго-Восточных рубежах (Челябинск), «Литературная гостиная» (Тверь), «Молодой Дальневосточник» (Владивосток), в сборнике «Обретённый голос», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др.

стр. 89

Мошников Олег Эдуардович

Петрозаводск, 1964 г. р.

Родился в Петрозаводске. В 1988 году окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в органах МВД. В 1996 году окончил Ивановское пожарно-техническое училище. Заместитель начальника отдела пропаганды Главного управления МЧС России по Республике Карелия, подполковник внутренней службы. Автор трёх книг стихов и трёх книг прозы. Публиковался в журналах «Север», «Урал», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Юность», «Наш современник», «ОБЖ», «Огни Кузбасса», еженедельнике «Литературная Россия». Член Союза писателей России.

стр. 185

Намаконова Елена Владимировна

Южно-Сахалинск, 1972 г. р.

Поэт, педагог. Родилась в г. Макаров Сахалинской области. Выпускница Южно-Сахалинского педагогического университета по специальности «учитель начальных классов», приобретя дополнительную специальность «детский психолог». Работалапсихологом в школе и детском саду, а затем—сценаристом в рекламном агентстве. Неоднократно участвовала в писательских съездах и форумах, среди которых Форум молодых писателей в подмосковных Липках, съезд в городке писателей в Переделкино и другие. Публиковалась в журнале «День и ночь», литературно-художественном сборнике «Сахалин», сборниках «Творчество молодых», «На берегах высоких». В 2005 и 2008 году Сахалинским книжным издательством изданы две книги детских стихов «Морковная ракета» и «Море в коридоре». За книгу «Морковная ракета» Елена Владимировна награждена дипломом девятой Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2005», (лучшее краеведческое издание в номинации «Детская литература»). К настоящему времени изданы также книги рассказов и сказок для детей.

стр. 80

Новожилов Михаил Анатольевич

Москва, 1952 г. р.

Родился в посёлке Транспортный Тенькинского района Магаданской области. С 1954 года живёт в Москве. Работал лаборантом, чертёжником, рабочим лесхоза, сторожем, вахтёром, сортировщиком Союзпечати. В 1975 году приобрёл профессию реставратора антикварных книг, чем и занимался всю жизнь, трудясь в различных московских библиотеках. Стихи писать начал в 1969 году, учась в последнем классе школы. К 1980-м годам относятся первые опыты стихотворных переводов с эстонского, английского, польского и немецкого; впоследствии к этим языкам присоединилась латынь. В 1986 году поступил на заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького, которое закончил экстерном в 1991 году и затем поступил в аспирантуру. В последней учился с перерывом до 2004 года. Написал кандидатскую диссертацию по творчеству немецкого поэта эпохи барокко Фридриха фон Логау, работа над которой заняла семь лет. В 2008 году защитил диссертацию в ИМЛИ, получил учёную степень кандидата филологических наук. В 2004 году вступил в Московское городское отделение Союза писателей России (МГО СП РФ). В настоящее время подготавливает полное научное издание поэзии Фридриха фон Логау в своём переводе и с комментариями. Переработанная и дополненная версия авторской кандидатской диссертации «Поэзия Фридриха фон Логау в контексте немецкой эпиграмматики XVII столетия» опубликована в 2016 году на сайте электронных документов Библиотеки имени Иоганна Кристиана Зенкенберга Университета имени Гёте во Франкфурте-на-Майне (ФРГ). Стихи автора ранее не публиковались.

стр. 158

Паршуткин Сергей Викторович

Зеленогорск, Красноярский край, 1957 г. р.

Родился в посёлке Бриндакит Якутской АССР. Окончил физический факультет Иркутского государственного университета (специальность «Космофизика»). Работал старшим лаборантом в Лаборатории динамики космической плазмы СО АН СССР, инженером-исследователем в системе Министерства химической промышленности СССР. С 1983 года—ведущий инженер-физик на ЭХЗ (Зеленогорск). Занимается спортивным туризмом 35 лет. Имеет звание кандидата в мастера спорта по спортивному туризму. Рассказы публиковались в журналах «Вольный ветер» и «Вертикальный мир».

стр. 93 **Переяслов Николай Владимирович**
Москва, 1954 г. р.

Секретарь правления Союза писателей России. Работал шахтёром в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской области, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы. Делегат I Российского литературного собрания и встречи писателей с Президентом России Путиным. Участник I Международной поэтической конференции в Каире и I Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме. Руководитель ряда творческих семинаров, совещаний и мастер-классов для молодых авторов. Автор порядка 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов, а также огромного количества публикаций в изданиях различных стран. Лауреат литературных премий имени Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад — милость для миров». Награждён Почётной грамотой Министерства культуры России, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалью святого князя Даниила Московского, Мусы Джалиля и другими наградами. Живёт в Москве.

стр. 35 **Петрова Татьяна Юрьевна**
Пос. Буланаш, Свердловская область, 1957 г. р.

Русская певица, заслуженная артистка России, член совета Всемирного русского народного собора Русской Православной Церкви, академик Международной славянской академии. Окончила Училище имени Ипполитова-Иванова и Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, там же — аспирантуру. Одновременно с учёбой в училище работала в Ансамбле народной музыки под управлением Дмитрия Покровского. «Уже сама природа наделила Татьяну Петрову двумя замечательными дарами — русской красотой и поющим самоцветным голосом. Самой природой ей был заповедан репертуар — русская песня и романс от древности до наших дней», — говорит Валентин Распутин. Широк творческий диапазон певицы — от русской классики (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Цветаева, Клюев, Есенин) до мастеров поэзии нашего времени (Фатьянов, Рубцов, Юрий Кузнецов). В её репертуаре также народные обрядовые и лирические песни («Лучинушка», «Вот мчится тройка», «По диким степям Забайкалья», «А брат сестру обидел в пиру», «Ухарь-купец» и др.). Общепризнанной вершиной исполнительского мастерства и гражданского долга певицы стал знаменитый марш «Прощание славянки» (1912, композитор В. Агапкин). Татьяна Петрова — инициатор и участница благотворительного цикла «Монастырские вечера», лауреат премии Андрея Первозванного и фестиваля «Ангельский глас России». Традицией стали проводимые ею ежегодные творческие отчёты-праздники «Татьянин день». Она записала 4 грампластинки и 9 компакт-дисков. Из них в 2005–2006 годах — диски «Тебе», «Стёжки-дорожки», «Как странно…». Снялась в одной из главных ролей в художественном фильме «Всё впереди», поставленного режиссёром Николаем Бурляевым по одноимённому произведению Василия Белова.

обл. **Резинкина Вероника Валерьевна**
Красноярск, 1978 г. р.

Доцент Красноярского государственного института искусств. Родилась в городе Анжеро-Судженске, Кемеровской области. Выпускница Кемеровского художественного училища (Живописно-педагогическое отделение) и Красноярского государственного художественного института (кафедра графики). Лауреат и дипломант нескольких конкурсов молодых художников. Участница региональных, зарубежных и международных выставок. Произведения находятся в частных коллекциях в России и за рубежом.

стр. 49 **Саввиных (Наумова) Марина Олеговна**
Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), в еженедельнике «Обзор» (Чикаго), в коллективных сборниках и антологиях. Автор десяти книг стихов, прозы, художественной публицистики. Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза российских писателей, Международного Союза писателей Иерусалима, Международного ПЕН-клуба, Гильдии межэтнической журналистики. Член Президиума Международного Союза писателей XXI века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени. Главный редактор литературного журнала «День и ночь».

стр. 54 **Сафонова Анна Алексеевна**
Южно-Сахалинск, 1979 г. р.

Прозаик, поэт, литературный критик. Родилась в посёлке Новоалександровск Сахалинской области. Закончила гимназию имени А. С. Пушкина в

Южно-Сахалинске, славянское отделение института филологии Сахалинского государственного университета. В 1997 году стала одной из первых участниц областного литературного объединения «Лира». Главный редактор издательства Института развития образования Сахалинской области. Публиковалась в журналах «Знамя», «День и ночь», «Юность», коллективных сборниках «Остров», «Сахалин», «Брусника с кока-колой», «Современная роза Сахалина», в других изданиях. Автор пяти поэтических сборников и книги рассказов «Прекрасные нечестивцы». Член Союза писателей России с 2003 года. Член редколлегии журнала «День и Ночь», стипендиат Сахалинского фонда культуры, участница II, III, IV форумов молодых писателей России. Лауреат премии губернатора Сахалинской области в сфере культуры и искусства (2011). Лауреат премии Сахалинского фонда культуры (2014).

стр. 85
Свищёв Михаил Георгиевич
Москва, 1969 г. р.

Поэт, журналист. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 2000 году Главный редактор издательского дома «ПЛАС». Печатается как поэт с 1996 года Автор двух книг стихов «Последний экземпляр» (М., 2009) и «Одно из трёх» (М., 2013).

стр. 78
Семенчик Владимир Владимирович
Южно-Сахалинск, 1962 г. р.

Поэт, прозаик, журналист. Родился в городе Казатин, Украина. Детские и юношеские годы прошли в Белоруссии. Среднюю школу окончил в 1979 году. В 1984 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, после чего уехал в Россию, на остров Сахалин. Работал корреспондентом газеты «Советский Сахалин», редактором художественной литературы Сахалинского областного книжного издательства, директором ТОО «Литературно-издательское объединение „ЛИК“», главным редактором сахалинской областной газеты «Регион», главным редактором сахалинской областной газеты «Наши острова», тихоокеанского информационного агентства «Острова». В настоящее время — директор ОАУ «Издательский дом „Губернские ведомости“» в городе Южно-Сахалинске. Член Союза писателей России и международного «Пен-клуба», автор нескольких поэтических сборников, книг рассказов. Публикации в литературно-художественном сборнике «Сахалин», журналах «Юность», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «День и ночь», в сербском литературном журнале «Свеске» и в других изданиях. Лауреат премии Сахалинского фонда культуры. Лауреат премии журнала «Дальний Восток», Сахалинского фонда культуры за сборник рассказов. Обладатель звания «Золотое перо Сахалина-2006», «Чеховской премии-2007», премии губернатора Сахалинской области за литературный перевод книги стихов южнокорейского поэта Ли Чон Хи «Еду в Пушкин навстречу Новому году».

стр. 187
Синяя тетрадь
Красноярск

Негриенко Алёна, Рустамова Алина, Кочкина Анастасия, Стельмах Иван, Постникова Арина, Зенченко Диана, Салахова Дина, Савинов Артемий — ученики общеобразовательных учебных заведений г. Красноярска.

стр. 143
Скрундзь Татьяна Павловна
Липецк, 1982 г. р.

Окончила Липецкий технический университет и Литературный институт имени А. М. Горького. Работала фотографом, дизайнером, водителем такси, журналистом. Публиковалась в журналах «Урал», «Октябрь», «Новая Юность» и др.

стр. 76
Тарасов Николай Антонинович
Южно-Сахалинск, 1947 г. р.

Родился в Одессе. Срочную военную службу проходил на Сахалине в 1966–1968 годах. После демобилизации уехал в Ташкент, но спустя 2 года, в 1970-м приехал вновь на Сахалин. Выпускник Южно-Сахалинского государственного педагогического института. С 1981 года член Союза писателей СССР. Ответственный секретарь Сахалинского регионального отделения Союза писателей России. Публиковался в различных журналах, коллективных сборниках: «Сахалин», «Бухта Лазурная», «Каменный пояс», в альманахах «Поэзия» и других изданиях. Автор стихов к песням в нескольких художественных фильмах, снятых на киностудиях имени М. Горького и «Мосфильм». Автор девяти поэтических книг и трёх книг прозы. Член правления Союза писателей России. Руководитель областного литературного объединения «Лира». Лауреат Сахалинского фонда культуры, премии губернатора Сахалинской области. За вклад в культуру награждён медалью Пушкина.

стр. 153
Теплякова Мария
Суздаль, 1982 г. р.

Поэт, писатель, звонарь, музыкант. Член Союза писателей России и Союза художников народного искусства. Родилась в Калининграде. Окончила философское отделение исторического факультета Калининградского государственного университета. Автор трёх поэтических сборников: «Стихи» (2001), «Небо начинается в душе» (Калининград: «Гравитон», 2002), «Словарь зимы» (Рига, 2011) и книги коротких рассказов «Письма звонаря» (Москва, 2016). Публиковалась в журналах и альманахах: «Балтика» (Калининград), «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), «Мера всех вещей»

(Санкт-Петербург), «Город поэтов» (Суздаль), «Владимирские посиделки» (Владимир), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Borussia» (Ольштын, Польша), «Письмена» (Рига), «Планета Поэтов» (Рига), «Настоящее время «(Рига), «Журнал Поэтов» (Москва). Лауреат международного фестиваля авторской песни «Балтийская Ухана», международного конкурса «Золотая строфа» (Москва). С 2009 года живёт в Суздале. Работает певчей и звонарём в храме Успения Божьей Матери на Княжьем дворе. Выпускница Московской школы звонарей Ильи Дроздихина, ученица легендарного мастера колокольных звонов Валерия Гаранина. В октябре 2015 года стала героиней программы «Письма из провинции» (Санкт-Петербург, канал «Культура», режиссёр И. Полухинских) и передачи «Средь бела дня» (Радио России, Владимир). Стихи переводились на английский и польский языки. На стихи Марии Тепляковой пишут песни Елена Фролова, Эльмира Галеева, Евгения Логвинова.

стр. 68
Томилко Яков Анатольевич
Южно-Сахалинск, 1978 г. р.

После окончания в 1997 году Южно-Сахалинского лесотехнического техникума был призван в армию. Военную службу проходил на Сахалине, в 2000 году в звании прапорщика был уволен в запас. В период военной службы заочно обучался в Дальневосточном государственном университете путей сообщения по специальности «Экономист-менеджер». В 2015 году в том же учебном заведении прошёл переподготовку по направлению «Юриспруденция». С 2000 года — сотрудник правоохранительных органов, в настоящее время — подполковник полиции. Неоднократно проходил службу в особых условиях, имеет ведомственные и правительственные награды. Писательством занимается с 2014 года. Работает в разных жанрах: фантастика, альтернативная история, детектив, мистика, военная проза. С 2015-го является участником областного литературного объединения «Лира». Лауреат литературного конкурса, посвящённого 70-летию образования Сахалинской области, в номинации «Проза». Публиковался в литературно-художественном сборнике «Сахалин».

стр. 86
Третьяков Анатолий Иванович
Красноярск, 1939 г. р.

Родился в городе Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКе и Литературном институте имени А. М. Горького. Автор двенадцати сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и других городов России. Член Союза писателей России с 1979 года. Лауреат Пушкинской премии Красноярского края 1999 года. Автор слов официального гимна Красноярска. Действительный член Академии российской литературы с 2009 года. Автор текста оратории композитора Олега Проститова «Суриков — сын земли красноярской».

стр. 63
Шевич Елена
Южно-Сахалинск, 1964 г. р.

Родилась в Иркутске. После окончания в 1986 году энергетического факультета Иркутского политехнического института приехала по распределению на Сахалин. Работала в Южных электрических сетях (Корсаков), тресте «Сахалинстройматериалы» (Южно-Сахалинск), Корсаковской БОР, ЗАО «Пиленга». Стихи начала писать ещё в младших классах школы, в годы учёбы в институте — прозу. Публиковалась в литературно-художественном сборнике «Сахалин», сборнике «Современная проза Сахалина», в журналах «Дальний Восток», «Литературный меридиан», «Сахалинское образование — XXI век», в детском юмористическом журнале «Весёлые картинки». Автор шести книг. Член Союза писателей России.

стр. 183
Шульгина Ирина
Москва, 1951 г. р.

Родилась в Москве в семье литераторов Михаила Фридмана и Нины Шульгиной. Закончила геологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, работала на золоторудных месторождениях Магаданского края. В настоящее время работает в московском издательском доме «СК ПРЕСС» в редакции инфлайт-изданий. В разное время её рассказы были опубликованы в литературных журналах: «Кольцо А», «Наша улица», «Меценат и мир», «Гостиная», в русско-еврейском альманахе «Параллели».

стр. 24
Юдина Ирина Константиновна
Санкт-Петербург, 1940 г. р.

Родилась в Красноярске. Отец, Юдин Константин Алексеевич, — внук красноярского просветителя и библиофила Геннадия Васильевича Юдина, мать, Людмила Гавриловна Потылицына, — дочь Гаврила Ивановича Потылицына, коллежского асессора, начальника телефонной сети Томска. Жила и училась в Ленинграде, работала в Доме пионеров и школьников, занималась прикладным искусством. Награждена грамотами и благодарственными письмами за участие в выставках. Публикуемый материал посвящён истории Красноярского краеведческого музея, с семьёй старейшего руководителя которого, А. Я. Тугаринова, автор была близко знакома с детских лет.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. О. Наумова

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Иса Айтукаев
Андрей Бардаков
Ольга Ермакова
Валентина Ерофеева-Тверская
Ольга Карлова
Татьяна Савельева
Михаил Тарковский

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Дарья Романова

СЕКРЕТАРЬ

Юлия Вятчина

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Николай Алешков
Набережные Челны

Сергей Арутюнов
Москва

Александр Астраханцев
Красноярск

Юрий Беликов
Пермь

Светлана Василенко
Москва

Вера Зубарева
Филадельфия, США

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Валентин Курбатов
Псков

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим, Израиль

Виталий Молчанов
Оренбург

Миясат Муслимова
Махачкала

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Евгений Степанов
Москва

Вероника Шелленберг
Омск

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

16+

В оформлении обложки использованы картины Вероники Резинкиной.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в «Сибирском» филиале
банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске
БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются
по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3
т. +7 923 571 4936

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 12.02.2018
Дата выхода в свет: 28.02.2018
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Тишина. Лист 1

Тишина. Лист 2

Вероника Резинкина

Дымы. Мороз

Дымы. Розовое утро

Вероника Резинкина

На обложке:
Красноярск. Караульная гора (фрагмент)